

ISSN 2618-849X

ИСТОРИЯ, АРХЕОЛОГИЯ И ЭТНОГРАФИЯ КАВКАЗА

*History, Archeology and
Ethnography of the Caucasus*

Т. 20
№ 4. 2024

**Издание
Института
истории, археологии
и этнографии
Дагестанского
федерального
исследовательского
центра РАН**

ФГБУН ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ
ДАГЕСТАНСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО ЦЕНТРА
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

ИСТОРИЯ, АРХЕОЛОГИЯ И ЭТНОГРАФИЯ КАВКАЗА

HISTORY, ARCHEOLOGY AND ETHNOGRAPHY
OF THE CAUCASUS

Т. 20

№ 4. 2024

Махачкала, 2024

ИСТОРИЯ, АРХЕОЛОГИЯ И ЭТНОГРАФИЯ КAVKAZA

Учредитель: ФГБУН Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН
Издается по решению Ученого совета Института истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН с 2005 г.
(ранее Вестник Института истории, археологии и этнографии. Свид. о рег. ПИ № ФС77-49956).
Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций (РОСКОМНАДЗОР).
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-72534 от 28 марта 2018 г.
Периодичность: 4 выпуска в год.

Главный редактор

Амирханов Хизри Амирханович, Институт археологии РАН, Россия

Первый заместитель главного редактора

Далгат Эльмира Муртузалиевна,

Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН, Россия

Заместитель главного редактора

Мусаева Майсарат Камилловна,

Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН, Россия

Редакционный совет

Аликберов Аликбер Калабекович, Институт востоковедения РАН, Россия
Булатов Башир Булатович, Дагестанский государственный университет, Россия
Деревянко Анатолий Пантелеевич, Институт археологии и этнографии Сибирского отделения РАН, Россия
Каймаразов Гани Шихвалевич, Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН, Россия
Кемпер Михаэль, Университет Амстердама, Нидерланды
Мацузато Кимитака, Токийский университет, Япония
Мусебли Наджаф Алескер оглу, Институт археологии и этнографии Национальной академии наук Азербайджана, Азербайджан
Мустафаев Шаин Меджид оглы, Институт востоковедения им. академика З.М. Буниятова Национальной академии наук Азербайджана, Азербайджан
Наумкин Виталий Вячеславович, Институт востоковедения РАН, Россия
Рейнольдс Майкл, Принстонский университет, США

Редакционная коллегия

Абдулмажидов Рамазан Султанович, Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН, Россия
Абдулвахабова Бирлант Борз-Алиевна, Чеченский государственный университет, Россия
Alizadeh Karim S, Государственный Университет Гранд-Велли, Мичиган, США
Аникеева Татьяна Александровна, Институт востоковедения РАН, Россия
Анчабадзе Юрий Дмитриевич, Институт этнологии и антропологии РАН, Россия
Аракелова Виктория Александровна, Российско-Армянский (Славянский) Университет, Армения
Бабаджанов Бахтияр Миращович, Институт востоковедения им. Абу Райхана Беруни Академии Наук Республики Узбекистан, Узбекистан
Барамидзе Цира Ревазовна, Институт кавказоведения Тбилисского государственного университета, Грузия
Бобровников Владимир Олегович, Институт востоковедения РАН; Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» в Санкт-Петербурге, Россия
Бустанов Альфريد Кашафович, Амстердамский университет, Нидерланды
Гаджиев Муртазали Серажутдинович, Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН, Россия
Гванцеладзе Теймураз Ионович, Сухумский государственный университет, Грузия
Гелашвили Нана Георгиевна, Тбилисский государственный университет им. И. Джавахишвили
Ёвкочев Шухрат Акмалевич, Ташкентский государственный институт востоковедения, Узбекистан
Зилвинская Эмма Давидовна, Институт этнологии и антропологии РАН им. Н.Н. Миклухо-Маклая, Россия
Казанский Михаил Михайлович, French National Centre for Scientific Research, Франция
Капустина Екатерина Леонидовна, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Россия
Квициани Джони Джокиевич, Тбилисский государственный университет, Грузия
Кудаева Светлана Григорьевна, Майкопский государственный технологический университет, Россия
Магомедханов Магомедхан Магомедович, Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН, Россия
Максимчик Андрей Николаевич, Белорусский государственный университет, Белоруссия
Малашев Владимир Юрьевич, Институт археологии РАН, Россия
Марзоев Ислам-бек Темурканович, Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований имени В.И. Абаева Владикавказского научного центра РАН, Россия
Мастыкова Анна Владимировна, Институт археологии РАН, Россия
Муминово Аширбек Курбанович, Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, Казахстан
Obrusanszky Borbala, Karoli Gaspar University, Венгрия
Осмаев Аббас Догиевич, Комплексный научно-исследовательский институт им. Х.И. Ибрагимова РАН, Россия
Reinhold Sabine, Deutsches Archäologisches Institut, Германия
Rodrigue Barry H, Международный Университет Симбиоза, Индия
Сулейманова Севда Алиевна, Институт востоковедения им. академика З.М. Буниятова Национальной академии наук Азербайджана, Азербайджан
Табатабаи Сейед Хусейн, Восточноевропейский департамент Организации культурных и исламских связей Исламской Республики Иран, Иран
Таймазов Артур Исрапилович, Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН, Россия
Текуева Мадина Анатольевна, Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, Россия
Тетуев Алим Инзрелович, Институт гуманитарных исследований Кабардино-Балкарского научного центра РАН, Россия
Шихалиев Шамиль Шихалиевич, Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН, Россия
Эрлих Владимир Роальдович, Государственный музей Востока, Россия
Ярлыкапов Ахмет Аминович, Московский государственный институт международных отношений Министерства иностранных дел РФ, Россия

Исполнительный директор

Мусаев Махач Абдулаевич

Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН, Россия

Ответственный секретарь

Капланова Лейла Шамильевна

Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН, Россия

Переводчик

Сефербеков Магомедхабиб Русланович

Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН, Россия

На обложке изображен элемент народного орнамента Дагестана
Ответственность за высказывания, точность цитат, фактов, названий и имен несут авторы
Мнение редакции может не всегда совпадать с точкой зрения авторов
При использовании материалов журнала ссылка обязательна

© Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, 2024
© Все авторы, Т. 20. №4. 2024

Адрес редакции: 367030, Махачкала, ул. М. Ярагского, 75
Тел.: 89285845554, E-mail: caucasushistory@yandex.ru

HISTORY, ARCHEOLOGY AND ETHNOGRAPHY OF THE CAUCASUS

Founder: Daghestan Federal Research Centre of RAS Issued by decision of the Academic Council of the Institute of History, Archeology and Ethnography of DSC RAS since 2005 (formerly as Bulletin of the Institute of History, Archeology and Ethnography. Reg. cert. PI № FS77-49956)
The journal is registered with the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (ROSKOMNADZOR)
Registration certificate PI № FS77-72534 of March 28, 2018
Periodicity: 4 issues per year

Editor-in-Chief

Khizri A. Amirkhanov The Institute of Archeology of RAS

Vice Editor-in-Chief

Elmira M. Dalgat Institute of History, Archeology and Ethnography of the Daghestan Federal Research Centre of RAS

Deputy Editor-in-Chief

Maysarat K. Musaeva Institute of History, Archeology and Ethnography of the Daghestan Federal Research Centre of RAS

Editorial council

Alikber K. Alikberov, Institute of Oriental Studies of RAS, Russian Federation
Bashir B. Bulatov, Daghestan State University, Russian Federation
Anatoliy P. Derevyanko, The Institute of archaeology and ethnography of the Siberian Branch of the RAS, Russian Federation
Gani S. Kaymarazov, Institute of History, Archeology and Ethnography of the Daghestan Federal Research Centre of RAS
Michael Kemper, University of Amsterdam, Netherlands, Netherlands
Kimitaka Matsuzato, University of Tokyo, Graduate Schools for Law and Politics, Japan
Nadzha A. Museibli, Azerbaijan National Academy of Science, Institute of Archaeology and Ethnography, Azerbaijan
Shain M. Mustafaeu, Z. Bunyatov Institute of Oriental Studies Azerbaijan National Academy of Science, Azerbaijan
Vitaliy V. Naumkin, Institute of Oriental Studies of RAS, Russian Federation
Michael A. Reynolds, The Princeton University, United States

Editorial board

Ramazan S. Abdulmashidov, Institute of History, Archeology and Ethnography of the Daghestan Federal Research Centre of RAS, Russian Federation
Birlant B. Abdulvakhobova, Chechen State University, Russian Federation
Karim S. Alizadeh, Grand Valley State University, Michigan, United States
Tat'yana A. Anikeeva, Institute of Oriental studies, Russian Federation
Yuriy D. Anchabadze, The N.N. Miklouho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology of the RAS, Russian Federation
Viktoriya A. Arakelova, Russian – Armenian University, Armenia
Bakhtiyar M. Babadjanov, The Institute of Eastern studies of Academy of Science of the Republic of Uzbekistan, Uzbekistan
Tsira R. Baramidze, Institute of Caucasiology at Ivane Javakhishvili Tbilisi State University, Georgia
Vladimir O. Bobrovnikov, The Institute of Eastern studies of RAS, Higher School of Economics, National Research University Saint Peterburg, Russian Federation
Alfrid K. Bustanov, University of Amsterdam, Netherland
Murtazali S. Gadzhiev, Institute of History, Archeology and Ethnography of the Daghestan Federal Research Centre of RAS, Russian Federation
Teimuraz I. Gvantseladze, Sukhumi State University, Georgia
Nana G. Gelashvili, Ivane Javakhishvili Tbilisi State University, Georgia
Shuhrat A. Yovqochev, Tashkent State Institute of Oriental Studies, Uzbekistan
Emma D. Zilivinskaya, N.N. Miklukho-Maklai Institute of Ethnology and Anthropology of the RAS, Russian Federation
Michel M. Kazanski, French National Centre for Scientific Research, France
Ekaterina L. Kapustina, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography of RAS, Russian Federation
Jony J. Kvitsiany, Institute of Caucasiology at Ivane Javakhishvili Tbilisi State University, Georgia
Svetlana G. Kudaeva, Maikop State Technological University, Russian Federation
Magomedkhan M. Magomedkhanov, Institute of History, Archeology and Ethnography of the Daghestan Federal Research Centre of RAS, Russian Federation
Andrey N. Maksimchik, Belarusian state University, Belarus
Vladimir Y. Malashev, The Institute of Archeology Russian Academy of Science, Russian Federation
Islam-bek T. Marzoev, V.I. Abaev North Osetian Institute of Humanitarian and Social Research of the Vladikavkaz Scientific Center of the RAS, Russian Federation
Anna V. Mastykova, The Institute of Archeology RAS, Russian Federation
Ashirbek K. Muminov, L.N. Gumilyov Eurasian National University, Kazakhstan
Borbala Obrusanszky, Karoli Gaspar University, Hungary
Abbaz D. Osmayev, The H.I. Ibrahimov Complex Scientific Research Institute of RAS, Russian Federation
Reinhold Sabine, Deutsches Archäologisches Institut, Germany
Rodrigue Barry H, Symbiosis International University, India
Sevda A. Suleymanova, Bunyatov Z. Institute of Oriental Studies of the Azerbaijan National Academy of Science, Azerbaijan
Seyed Hussein Tabatabayi, Eastern European Department Of the organization of cultural and Islamic relations of the Islamic Republic of Iran
Artur I. Taymazov, Institute of History, Archeology and Ethnography of the Daghestan Federal Research Centre of RAS, Russian Federation
Madina A. Tekueva, H.M. Berbekov the Kabardino-Balkaria State University, Russian Federation
Alim I. Tetuev, Institute of Humanitarian Studies of the Kabardino-Balkar Scientific Center of the RAS, Russian Federation
Shamil' S. Shikhaliev, Institute of History, Archeology and Ethnography of the Daghestan Federal Research Centre of RAS, Russian Federation
Vladimir R. Erlikh, State Museum of Oriental Art, Russian Federation
Akhmet A. Yarlykapov, MGIMO University, Russian Federation

Managing Director

Makhach A. Musaev
Institute of History, Archeology and Ethnography of the Daghestan Federal Research Centre of RAS, Russian Federation

Responsible Secretary

Leyla S. Kaplanova
Institute of History, Archeology and Ethnography of the Daghestan Federal Research Centre of RAS, Russian Federation

Translator

Magomedkhabib R. Seferbekov
The Institute of History, Archeology and Ethnography of the Daghestan Scientific Centre of Russian Academy of Sciences, Russian Federation

The cover image depicts an element from Daghestan's folk art tradition
Responsibility for statements, accuracy of citations, titles and names rests with the authors

The opinion of publishing authors may not always coincide with the opinion of the editorial staff
If using materials from this journal, an electronic link is required

© Daghestan Federal Research Centre of RAS, 2024
© All authors, V. 20. № 4, 2024

Address of the editorial office: 367030, Makhachkala, M. Yarakskogo St., 75
Tel.: 89285845554, E-mail: caucasushistory@yandex.ru

В этом номере:

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ

ИСТОРИЯ

- Дружинина И.А.,
Илюшина М.Ю.,
Кабардов И.Б.* ЗНАТЬ И ВЛАСТЬ В КАБАРДЕ XV СТОЛЕТИЯ ПО СВЕДЕНИЯМ РУКОПИСИ «ДРАГОЦЕННЫЕ ОЖЕРЕЛЬЯ В ДОСТОИНСТВАХ ГОСУДАРСТВА АЛ-АШРАФА АЛ-ГАУРИ» 772
- Юрдакал О.* КОНТАКТЫ КУПЦОВ МОСКОВСКОЙ КОМПАНИИ С ОСМАНСКИМИ ВЛАСТЯМИ В ЗАПАДНОМ ПРИКАСПИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVI ВЕКА 783
- Пичхалиев Ш.Ш.* МОДЕЛИ ЛИЧНОСТИ МУСУЛЬМАНИНА В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ СУФИЗМА В ДАГЕСТАНЕ (XVII-XIX ВВ.) 791
- Магарамов Ш.А.,
Сефербеков М.Р.* СЕВЕРОКАВКАЗСКИЙ И ДРУГИЕ ФРОНТИРЫ РОССИИ: ИСТОРИКО-СРАВНИТЕЛЬНЫЕ ПАРАЛЛЕЛИ 803
- Далгат Э.М.,
Наврұзов А.Р.* ЧАСТНАЯ ЖИЗНЬ В ДАГЕСТАНСКОМ АУЛЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX В. ГЛАЗАМИ СОВРЕМЕННИКОВ (ВОПРОСЫ АДАПТАЦИИ И ТРАНСФОРМАЦИИ) 812

АРХЕОЛОГИЯ

- Таймазов А.И.* СТОЯНКИ В РУСЛАХ ДРЕВНИХ РЕК В РАННЕМ ПАЛЕОЛИТЕ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОГО КАВКАЗА 823
- Городецкая С.П.,
Долбунова Е.В.,
Ларценова А.В.,
Мазуркевич А.Н.,
Успенская О.И.* ГЕОМЕТРИЧЕСКИЕ МИКРОЛИТЫ ПОСЕЛЕНИЯ РАКУШЕЧНЫЙ ЯР ИЗ СЛОЕВ НЕОЛИТА/НЕО-ЭНЕОЛИТА 840
- Требелева Г.В.,
Клемешова М.Е.,
Скакова И.В.,
Джопуа А.И.* ПЛИНФА ИЗ ХРАМА В ГИЕНОСЕ (ГЮЭНОСЕ): РЕЗУЛЬТАТЫ ТЕСТОВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ С ПОМОЩЬЮ МЕТОДА А.А. БОБРИНСКОГО И РЕНТГЕНОФАЗОВОГО АНАЛИЗА 856
- Маммаев М.М.,
Нурмагомедов А.М.* КАМЕННЫЕ РЕЛЬЕФЫ – ДЕТАЛИ АРХИТЕКТУРНОГО ДЕКОРА XIV–XIX ВВ. С АРАБСКИМИ НАДПИСЯМИ И РАСТИТЕЛЬНОМ ОРНАМЕНТОМ, ВЫЯВЛЕННЫЕ В 2022 Г. В СЕЛ. КУБАЧИ 871

ЭТНОГРАФИЯ

- Симонян Л.Д.,
Жамкочян А.,
Оганнисян К.О.* МИФЫ МОНАСТЫРЯ ДЖАРА-ХЕКИМ СВ. ТИРАМЕР 886
- Сефербеков М.Р.* «ХОЛМ ВЛАСТИ»: К ИНТЕРПРЕТАЦИИ ОДНОГО САКРАЛЬНОГО ЛОКУСА ДАРГИНЦЕВ ФЕДЕРАЦИИ АКУША-ДАРГО 899
- Рамазанова З.Б.* РЫБОЛОВСТВО КАК ПРОМЫСЛ В СИСТЕМЕ ЖИЗНЕОБЕСПЕЧЕНИЯ НАРОДОВ ДАГЕСТАНА В XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА 908
- Магомедов А.Д.* АКАДЕМИК Д.Н. АНУЧИН И ЕГО «ОТЧЕТ О ПОЕЗДКЕ В ДАГЕСТАН ЛЕТОМ 1882 ГОДА» 918
- Атаев Б.М.,
Ибрагимова М.О.,
Магомедханов М.М.* ПЕРСПЕКТИВЫ СОХРАНЕНИЯ ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ И ЯЗЫКА В ПОЛИМЕНТАЛЬНОЙ СРЕДЕ (НА ПРИМЕРЕ ТРАНСГРАНИЧНЫХ ДАГЕСТАНСКИХ ЯЗЫКОВ) 925
- Сефербеков Р.И.* ИЗ МИФОЛОГИИ РУССКИХ ДАГЕСТАНА: ДОМОВОЙ 934

Contents:

MATERIALS AND RESEARCHES

HISTORY

<i>I.A. Druzhinina, M.Yu. Iliushina, I.B. Kabardov</i>	NOBILITY AND POWER IN 15TH-CENTURY KABARDA ACCORDING TO THE SOURCE "PRECIOUS NECKLACES CONCERNING MERITS OF THE STATE OF AL-ASHRAF AL-GHAWRI"	772
<i>O. Yurdakal</i>	THE ANGLO-OTTOMAN TRADE IN THE WESTERN CASPIAN REGION IN THE 16TH CENTURY	783
<i>Sh.Sh. Shikhaliev</i>	SUFI MODELS OF AN IDEAL MUSLIM IN DAGESTAN (17TH - 19TH CENTURIES)	791
<i>S.A. Magaramov, M.R. Seferbekov</i>	NORTH-CAUCASUS AND OTHER FRONTIERS OF RUSSIA: HISTORICAL AND COMPARATIVE ANALYSIS	803
<i>E.M. Dalgat, A.R. Navruzov</i>	PRIVATE LIFE IN THE DAGESTAN AUL IN THE SECOND HALF OF THE XIX – BEGINNING OF THE XX CENTURIES. THROUGH THE EYES OF CONTEMPORARIES.	812

ARCHEOLOGY

<i>Taymazov A.I.</i>	PALEOCHANNEL SITES OF THE EARLY PALEOLITHIC IN THE NORTHEAST CAUCASUS.	823
<i>S.P. Gorodetskaya, E.V. Dolbunova, A.V. Larionova, A.N. Mazurkevich, O.Uspenskaya</i>	NEOLITHIC/NEO-ENEOLITHIC GEOMETRIC MICROLITHS OF RAKUSHECHNY YAR	840
<i>G.V. Trebeleva, M.Y. Klemeshova, I.V. Skakova, A.I. Jopua</i>	PLINTH FROM THE TEMPLE IN HYENOS: THE RESULTS OF TEST STUDIES USING THE METHOD OF A.A. BOBRINSKY AND X-RAY PHASE ANALYSIS	856
<i>M.M. Mammaev A.M. Nurmagomedov</i>	STONE RELIEFS WITH ARABIC INSCRIPTIONS AND VEGETAL MOTIFS OF THE 14TH–19TH CENTURIES DISCOVERED IN KUBACHI	871

ETHNOGRAPHY

<i>L.D. Simonyan, A.Zhamkochyan, K.H. Hovhannisyan</i>	THE MYTHS ON JARAH-HEKIM ST. TIRAMER MONASTERY	886
<i>M.R. Seferbekov</i>	"THE HILL OF POWER": A STUDY OF A SACRED LOCUS OF THE AKUSHA-DARGO DARGINS	899
<i>Z.B. Ramazanova</i>	EVOLUTION OF FISHING INDUSTRY IN DAGESTAN IN THE 19TH AND EARLY 20TH CENTURY	908
<i>A.Dz. Magomedov</i>	ACADEMICIAN D.N. ANUCHIN AND HIS «REPORT ON A TRIP TO DAGESTAN IN THE SUMMER OF 1882»	918
<i>B.M. Ataev, M.O. Ibragimova, M.M. Magomedkhanov</i>	PRESERVING ETHNIC IDENTITY AND LANGUAGE IN A MULTICULTURAL ENVIRONMENT: THE CASE OF TRANSBORDER DAGESTANI LANGUAGES	925
<i>R.I. Seferbekov</i>	DOMOVOY IN THE MYTHOLOGICAL BELIEFS OF DAGESTANI RUSSIANS	934

ИСТОРИЯ

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH204772-782>

Исследовательская статья

Дружинина Инга Александровна,
к.и.н., старший научный сотрудник
Институт востоковедения РАН, Москва, Россия
Inga_druzh@mail.ru

Илюшина Милана Юрьевна
д.и.н., ведущий научный сотрудник
Институт востоковедения РАН, Москва, Россия
aspirant_vf@mail.ru

Кабардов Инал Бесланович
лаборант-исследователь
Институт востоковедения РАН, Москва, Россия
inal-kabart@mail.ru

ЗНАТЬ И ВЛАСТЬ В КАБАРДЕ XV СТОЛЕТИЯ ПО СВЕДЕНИЯМ РУКОПИСИ «ДРАГОЦЕННЫЕ ОЖЕРЕЛЬЯ В ДОСТОИНСТВАХ ГОСУДАРСТВА АЛ-АШРАФА АЛ-ГАУРИ»

Аннотация. В работе представлен анализ уникальных сведений, касающихся истории народов Северного Кавказа XV – начала XVI столетия, прежде всего адыгов и абазин, содержащихся в не опубликованном и ранее не используемом отечественными кавказоведами источнике из коллекции Süleymaniye Yazma Eser Kütüphanesi (Стамбул) – втором томе под названием *al-'Uqud al-jawharyya fi al-mahasin al-dawla al-Ashrafiyya al-Ghawiyya* (Драгоценные ожерелья в достоинствах государства ал-Ашрафа ал-Гаури) анонимной рукописи, посвященной восхвалению мамлюкского султана из династии Бурджи (1382–1517) – ал-Ашрафа Кансуха ал-Гаури (1501–1516). Текст источника предоставляет информацию о территориально-политическом устройстве Черкесии – о «странах» или «землях» черкесов – Кармуке, Кабаке, Кабарде и их социальном устройстве, о происхождении и междоусобицах черкесских князей и их внешнеполитических контактах, об этнокультурной и конфессиональной ситуации на Северо-Западном Кавказе и в Центральном Предкавказье в XV в. Рукопись свидетельствует о сложении Кабарды под собственным названием, отраженным на арабском языке – قبادا [Qabarda], уже, как минимум, к началу 40-х годов XV в. Сведения рукописи сопоставляются с информацией арабских и итальянских источников XV в., а также русских грамот Посольского приказа XVI–XVII вв., при сравнительном рассмотрении которых применен метод ретроспективного анализа. На сегодняшний день анонимный труд «Драгоценные ожерелья в достоинствах государства ал-Ашрафа ал-Гаури» является единственным источником, столь полно раскрывающим вопросы образования этого черкесского княжества, генеалогии первых поколений кабардинских князей, социальной структуры (главным образом, аристократии) и организации власти в Кабарде XV века. Анализу последнего блока вопросов и посвящена настоящая работа.

Ключевые слова: Кабарда; черкесы; мамлюки; Северный Кавказ; Средние века; письменные источники; источниковедение

Для цитирования: Дружинина И.А., Илюшина М.Ю., Кабардов И.Б. Знать и власть в Кабарде XV столетия по сведениям рукописи «Драгоценные ожерелья в достоинствах государства ал-Ашрафа ал-Гаури» // История, археология и этнография Кавказа. 2024. Т. 20. № 4. С. 772-782. doi.org/10.32653/CH204772-782

© Дружинина И.А., Илюшина М.Ю., Кабардов И.Б., 2024
© Сефербеков М.Р., перевод, 2024
© Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, 2024

HISTORY

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH204772-782>

Research paper

Inga A. Druzhinina
Cand. Sci. (History), Senior Researcher
Institute of Oriental Studies of RAS, Moscow, Russia
Inga_druzh@mail.ru

Milana Yu. Iliushina
Doct. Sci. (History), Leading Researcher
Institute of Oriental Studies of RAS, Moscow, Russia
aspirant_vf@mail.ru

Inal B. Kabardov
research assistant
Institute of Oriental Studies of RAS, Moscow, Russia
inal-kabart@mail.ru

NOBILITY AND POWER IN 15TH-CENTURY KABARDA ACCORDING TO THE SOURCE “PRECIOUS NECKLACES CONCERNING MERITS OF THE STATE OF AL-ASHRAF AL-GHAWRI”

Abstract. The unpublished and previously unexplored by domestic caucasiologists source from the collection of Suleymaniye Yazma Eser Kutüphanesi (Istanbul) – the second volume entitled “*al-Uqūd al-Jawhariyya fī al-Mahāsin al-Dawla al-Ashrafiyya al-Ghawriyya*” (“Precious Necklaces Concerning the Merits of the State of al-Ashraf al-Ghawri”) reveals unique information regarding the history of North Caucasian peoples, particularly the Adyghe and Abazins, during the late 15th and early 16th centuries. This volume is part of an anonymous manuscript dedicated to the praise of the Mamluk sultan from the Burji dynasty (1382-1517), al-Ashraf Qansuh al-Ghawri (r. 1501-1516). The text of the source provides information on the territorial and political structure of Circassia, including the “countries” or “lands” of the Circassians – Karmuk, Kabak, and Kabarda – and their social structure. Moreover, it covers the origin and civil strife of the Circassian princes, their foreign policy contacts, and the ethnocultural and confessional situation in the North-West Caucasus and Central Ciscaucasia in the 15th century. The manuscript testifies to the formation of Kabarda under its own name, reflected in Arabic as قبادرة [Qabarda], at least by the beginning of the 1440s. The manuscript’s data is compared with information from 15th-century Arabic and Italian sources, as well as 16th and 17th-century Russian charters from the Ambassadorial Office, using retrospective analysis. To date, the anonymous work “Precious Necklaces Concerning Merits of the State of Al-Ashraf Al-Ghawri” is the only source that provides such comprehensive information on the formation of this Circassian principality, the genealogy of the first generations of Kabardian princes, the social structure – primarily the nobility – and the organization of power in Kabarda in the 15th century. This work focuses on the analysis of these topics.

Keywords: Kabarda; Circassians; Mamluks; North Caucasus; Middle Ages; written sources, source studies

For citation: I.A. Druzhinina, M.Yu. Iliushina, I.B. Kabardov. Nobility and Power in 15th-Century Kabarda According to the Source “Precious Necklaces Concerning Merits of the State of al-Ashraf al-Ghawri”. History, Archeology and Ethnography of the Caucasus. 2024. Vol. 20. N. 4 P. 772-782. doi.org/10.32653/CH204772-782

© I.A. Druzhinina, M.Yu. Iliushina, I.B. Kabardov, 2024
© Seferbekov M.R., translation, 2024
© Daghestan Federal Research Centre of RAS, 2024

В коллекции Süleymaniye Yazma Eser Kütüphanesi (Стамбул) находится двухтомная анонимная рукопись, маркированная Ayasofya (AS) 3312 и 3313. Название источника, указанное во введении первого тома как *al-'Uqud al-jawhariyya fi al-nawadir al-Ghawriyya* (Драгоценные ожерелья в занимательных рассказах об ал-Гаури) и в несколько иной форме во втором томе как *al-'Uqud al-jawhariyya fi al-mahasin al-dawla al-Ashrafiyya al-Ghawriyya* (Драгоценные ожерелья в достоинствах государства ал-Ашрафа ал-Гаури), раскрывает содержание и основное назначение рукописи – восхваление мамлюкского султана из династии Бурджи (1382–1517) – ал-Ашрафа Кансуха ал-Гаури (1501–1516).

Рукопись создана на арабском языке, при этом содержит несколько небольших фрагментов турецкого текста. Согласно колофону, первый том был закончен в середине сафара 921/ март–апрель 1515 г., второй том – в середине раби I 921/ апрель–май 1515 г. Подробная кодикологическая характеристика источника приведена в монографии Кристиана Маудера [1, р. 187–214].

До сих пор данная рукопись рассматривалась только как ценный источник о придворной жизни при черкесских султанах [2, р. 312–313; 1, р. 194–214]. Между тем, второй том этого анонимного труда содержит уникальные сведения по истории народов Северного Кавказа XV – XVI вв., ранее не известные отечественным кавказоведам¹, в частности, информацию о территориально-политическом устройстве Черкесии – о «странах» или «землях» черкесов – Кармуке, Кабаке, Кабарде и их социальном устройстве, о происхождении и междоусобицах черкесских князей и их внешнеполитических контактах, об этнокультурной и конфессиональной ситуации на Северо-Западном Кавказе и в Центральном Предкавказье в XV в.

Но прежде всего, рукопись AS 3313 является выдающимся, ключевым источником по истории Кабарды XV – начала XVI в. Ее текст свидетельствует о сложении этой черкесской «земли» под собственным названием, отраженным на арабском языке – قردا [Qabarda] уже, как минимум, к началу 40-х годов XV в.² В источнике описываются междоусобицы черкесской знати, приведшие к возникновению Кабарды, расписана родословная первых кабардинских князей, а также содержится богатейший материал для изучения социальной структуры (главным образом, аристократии) и организации власти в Кабарде XV в. Анализ последнего блока вопросов и посвящена настоящая работа.

AS 3313 позволяет выделить три уровня привилегированного сословия Кабарды XV в.

Кабардинский термин для обозначения высшей знати – *пшы*, отразившийся в имени *мурзы* (сына правителя) XVI в. Пшеапшоко (букв.: *князь сына князя*), сына Кайтуко (в оригинале: *Шопшук, Шепшюк, Шепшук*), упомянутого в документах 1563–1567 гг. русского Посольского приказа [3, с. 11–13, 17; 4, с. 109], в рукописи AS 3313 не встречается.

По отношению к правителям Кабарды, представителям высшего нобилитета этой «страны», в AS 3313 употреблен титул *султан*. Султанами названы *Кирлыш* (قرلش) и его брат *Мин Булад* (مين بولاد) [F. 55 v] (*Кирклыш* и *Минбулат*, по русским родословным книгам кабардинских князей и мурз, составленным в XVII в., принадлежавшим А.М. Пушкину и А.И. Лобанову-Ростовскому [3, с. 383–384]. Власть, с которой не справился брат Мин Булада Джан Худ (*Янхонт* или *Янхот* русских родословных книг XVII в. [3, с. 383–385], названа словом «султанат». В отношении сыновей Джан Худа в значении «взял власть» употреблен глагол تسلطن: «Затем принял власть его брат Джан Худ (جان خود) силой войска татар (تتر). Но не справился он с властью (султанатом). И стали после него султанами сыновья Кирлыша – Кабан (قبان) и Йалбирди (يلبردي), два сына Кирлыша» [F. 55 r]. Также глагол تسلطن употреблен в отношении сына Килак-Султана [F. 56 r] (*Клехстана* русских родословных книг XVII в.) [3, с. 384, 387].

Таким образом, положение правителей, находившихся у власти в Кабарде как минимум с 40-х годов XV в. в AS 3313 соотнесено со статусом султанов черкесских мамлюков, что отражает восприятие Кабарды, по крайней мере, в Каире, как сформировавшегося государственного образования. Следует заметить, что в отношении правителей Кармука – Куртибая (كرتباى) и его сыновей – Тактамыш (طقطمش) и Ишбая (Ашаба – عشا) титул *султан* в AS 3313 не используется. Интересно, что и другие арабские авторы (Ибн Тагриберди, ас-Сахави) правителя Кармука середины XV в. Куртбая, по всей видимости, того

1. Авторами настоящей статьи выполнены и подготовлены к изданию перевод и комментарии к «северокавказскому блоку» текста источника.

2. В AS 3313 указано, что будущий султан Кансух ал-Гаури родился в 1444 г. в Кабарде.

же самого Куртибая из AS 3313, называют *эмиром Страны черкесов* [5, vol. 1, p. 170; 6, vol. 2, p. 182]. Ал-Малати пишет, что Куртбай прибыл из *Страны черкесов*, был из числа знати, и ему принадлежала власть в некоторых областях этой страны [7, vol. 5, p. 296]. Также из сообщения венецианца Иосафата Барбаро мы знаем, что Куртибай (у итальянского автора – Кертибей) был *правителем* Кремуха (Кармука) [8, с. 128, 153].

Возможно, более высокий статус кабардинских правителей подчеркнут в AS 3313, потому что из Кабарды происходил сам султан ал-Ашраф Кансух ал-Гаури. В этом же ключе могут рассматриваться упоминания особого положения кабардинцев среди черкесов и в других местах текста [F. 52 r; F. 63 r].

Но это же обстоятельство может объясняться и тем, что власть в Кабарде была организована по отличающимся от западночеркесских традиций принципам – не на основе родоплеменных отношений, регулируемых обычным правом, известным в более позднее время как «*Адыгехабзэ*», а как каркасная структура возникшего на новой территории княжества, потребовавшая оформления «*Уэркхазэ*» – особого нормативного кодекса, строго регламентирующего отношения внутри правящего сословия – основного бенефициара политической системы под названием Кабарда. Одним из таких ключевых различий политических систем у западных и восточных черкесов был порядок престолонаследия (см. ниже).

В более поздней русской традиции, в документах Посольского приказа XVI–XVII вв., представителей высшего слоя кабардинского общества именуют *князьями*. При этом в дополнениях к Никоновской летописи под 1558 г. упоминают Темрюка Идарова (Айдарова), будущего тестя царя Ивана IV, как «*большово князя из Кабарды*» [3, с. 7].

Все кабардинские князья состояли между собой в родстве и вели свое происхождение от общего предка, что подтверждают и русские генеалогии кабардинских правителей, составленные в XVII в. [3, с. 383–387], и родословная, приведенная в AS 3313. Также более поздние европейские источники (Якоб Рейннегс, XVIII в. и др.) фиксируют, что титул князя передавался исключительно по праву крови [9, с. 157].

Тем ценнее сообщение рукописи об одном из правителей, чье появление на вершине власти в Кабарде XV в. может рассматриваться скорее как исключение. AS 3313 отмечает, что по решению *совета старейшин*, в котором, к слову, по статусу и по хронологии должен был принимать участие отец Кансуха ал-Гаури, кабардинским князем стал Мин Булад, который занимал «*униженное положение в государстве*» [F. 54 r]. Такой статус в кабардинском обществе имели *тумэ* – внебрачные или незаконнорожденные дети князей, появившиеся на свет от союзов с представителями не княжеского рода. В русских источниках XVII в. они известны как дети князей от «меньшиц», т.е. от женщин не княжеского происхождения, и от «служиц» – от рабынь [4, с. 109]. *Тумэ* не могли претендовать на княжеское достоинство и не признавались равными чистокровным [9, с. 159].

Согласно AS 3313, князья занимались войной, в том числе междоусобными конфликтами, набегами³, охотой⁴. Впрочем, о самом правлении князей информации почти нет – в двух случаях упомянуты точные сроки княжений: Кирлыш управлял Кабардой семь лет, его брат Мин Булат – шестнадцать лет и шестнадцать дней.

Гораздо больше информации о деятельности претендентов на верховную власть в Кабарде или о князьях, эту власть утративших. Все они в своей борьбе за статус верховного князя отправлялись к иноземным правителям за военной помощью. Так *Килак-Султан* искал покровительства против своего политического соперника *Китука* у султана Ак-Коюнлу Якуба (1478–1490) и Ширваншаха Фарруха Йасара I (1441–1500). Сразу трое претендентов на место верховного князя – *Джан Худ*, *Бур*, *Китук* – уезжали в Большую Орду и возвращались в Кабарду «*с войском татар*». В этом случае напрашивается историческая параллель середины XVI в. – с посольством в 1552 и 1555 гг. западночеркесских («*жаженьских черкасов*»), а затем, в 1557 г., и кабардинских князей ко двору Ивана IV с просьбой о военной помощи (западным черкесам – против османского султана и крымского хана, кабардинцам – против шамхала) в обмен на военную службу: «*.. чтоб их государь пожаловал, велел им себе служить*

3. Рукопись приводит живые сцены одного из набегов: «*Войско было занято грабежом, а Мин Булад остался один и пошел в тень под дерево*» (F. 55 v).

4. Так, источник сообщает, что во время охоты был убит *Кирлыш*. Масштабы этой охоты демонстрируют сведения рукописи о том, что вместе с *Кирлышем* были убиты «*семьдесят человек из числа знати в его владениях и тех, кто составлял опору его государства*» (F. 54 r).

и в холопстве их учинил, а на Шавкал бы им государь пожаловал, астороханьским воеводам велел помощь учинити» [3, с. 5].

Следующей социальной стратой, упомянутой в AS 3313, являются представители знати, которые в источнике названы *эмирами*. В переводе с арабского «эмир» – «князь». Применительно к ним в AS 3313 используется формула: «те, кто составляют опору государства в стране Кабарда и знать ее». Стоит принимать во внимание, что слова «опора государства» в арабском языке в мамлюкский период использовались обычно в отношении всех, кто играл ключевую роль в управлении государством. Как представляется, речь в AS 3313 идет о второй страте высшего кабардинского нобилитета – *лакьуэ-лъэц*, или *тлякотлешах* русской историографической традиции. Данное определение состоит из корней *лакьуэ*, что переводится как *род* (дословно сыновья одного мужчины лы+кьуэ) и *лъэц* – сильный. Эта социальная страта, как и *князья-пшы*, носила закрытый кастовый характер и в ее ряды можно было попасть лишь по праву крови. Вероятно, приставка *лъэц* – к слову *род* указывает на изначально не кровное объединение, а побратимство нескольких родов в рамках одной сословно-родовой структуры. Такую традицию соприсяжных братств у одного из адыгских субэтносов – шапсугов описывал Султан Хан-Гирей, называя их *кланами* или *союзами* [10, с. 166], по сути – мужскими союзами [см.: 11, с. 71].

Отдельно следует отметить, что исследователи социально-политической истории адыгов XVI–XIX вв. [4, с. 110; 9, с. 185; 12, с. 261], наряду с *тлякотлешами*, ко второй страте кабардинского нобилитета причисляют и *дыжьыныгьуэ* (в значении: «серебро, покрытое позолотой», буквально: «серебро желтое» [13, с. 59]. В конце XVII–XIX вв. эта социальная группа пополнялась за счет княжеских детей от неравных браков – *тумэ* и представителей знатных фамилий соседних народов, поступавших на службу к кабардинским князьям [14, с. 114].

Число родов *тлякотлешей* было крайне ограничено, в Кабарде к ним причислялись только известные в русских источниках с XVI в. Анзоровы, Куденетовы и Тамбиевы [4, с. 110; 9, с. 185–186]. Политический вес этой социальной группы хорошо иллюстрирует характеристика, данная в 1589 г. терским воеводой А.И. Хворостининым Хотову Анзорову: «Хотов в Кабарде именован человек; все кабардинские князи и мурзы и уздени слушают его во всем и на княжонье на большое у них без него посадить никою нельзя» [3, с. 57].

AS 3313 на столетие ранее русских источников упоминает *эмира*, который, по всей видимости, являлся основателем другого рода *тлякотлешей*. Так, в рукописи содержится информация о том, что *султан* Мин Булат «отправился к эмиру по имени Кудинет (قدينت) и принял ислам от него и женился на дочери этого эмира, которую звали Айкилди (ايكلدي)» [F. 55 v]. Исходя из общей хронологии, реконструируемой на основании сведений источника, эти события относятся ко второй половине 50-х годов XV в.

AS 3313 указывает, что к привилегированному социальному слою в Кабарде принадлежал и отец султана Кансуха ал-Гаури: «Знай, что происхождение благородного владыки [ал-Ашрафа Кансуха ал-Гаури] из Кабарды. А они – курайшиты черкесов. Отец его был из числа эмиров владык Черкеси (امراء ملوك الجركس), из племени ал-Баузирия⁵ (قبيلة البازيرية)» [F. 63 r].

Коротко остановимся на вопросе о том, почему в AS 3313 кабардинцы названы «*курайшитами черкесов*»⁶. Как представляется, это сравнение преследовало несколько целей. Во-первых, оно создавало вокруг обстоятельств рождения и раннего периода жизни султана нужный политический и религиозный ореол, на что обратили внимание исследователи, рассматривавшие произведения, содержащие биографии мамлюкских султанов, как средство политического языка мамлюкских правителей и как один из инструментов государственной идеологии [15; 16, р. 69–75; 17]. Можно говорить о сложившейся в XV столетии идеологической традиции, которая приписывала черкесским мамлюкам арабское происхождение, в том числе – связь с *курайшитами*. И если представленная ал-Айни в начале XV в. благородная генеалогия черкесских султанов, связывающая их общим предком с пророком Мухаммедом, должна была освятить их правление и сделать его законным [15, с. 70–71, 74], то сравнение черкесов с курайшитами в тексте AS 3313 – источнике начала XVI в. – было, по-видимому, нацелено на повышение авторитета мамлюкской элиты и конкретно султана ал-Гаури в арабском обществе на

5. Вероятно, под этим названием упоминаются известные по русским документам XVI в. «Баазыцкие черкасы» (КРО, 1957. С. 22).

6. Более подробно этот аспект рассматривается в работе: Дружинина И.А., Илюшина М.Ю. Новый источник по истории Кабарды XV в. // Вестник архивиста. 2025 (в печати).

фоне стремительно нараставших кризисных явлений как во внутренней политике, так и на внешнем контуре Султаната.

Во-вторых, AS 3313 содержит уникальные сведения о принятии кабардинской знатью ислама. Эти сведения резко контрастируют с данными, приводимыми итальянским автором второй половины XV в. Джорджио Интериано о распространении среди западных черкесов христианства, пусть даже на фоне свидетельств о довольно поверхностном отношении к христианской вере со стороны знати: «Знатные не входят в храм до шестидесятилетнего возраста, ибо, живя, как и все они, грабежом, считают это недопустимым, дабы не осквернить церкви, по прошествии же этого срока, или около того времени, они оставляют грабеж и тогда начинают посещать богослужение, которое в молодости слушают не иначе, как у дверей церкви и не слезая с коня» [18, с. 47]. С учетом этого, сравнение кабардинцев с *курайшитами* могло быть вызвано желанием автора (или самого ал-Гаури) подчеркнуть особое положение ислама в политической и идеологической культуре кабардинской аристократии. К слову, AS 3313 демонстрирует несколько путей проникновения ислама в Кабарду. Один из князей Мин Булад «через пять лет своего царствования ... отправился к эмиру по имени Кудинет (قدينت) и принял ислам от него» [F. 55 v]. Какие события или обстоятельства сопутствовали этому решению Мин Булада и где принял ислам сам эмир Кудинет, не известно, однако можно констатировать тот факт, что в середине XV в. представители знати обращались в ислам в самой Кабарде. Два других примера показывают, что, как и в поиске союзника в междоусобной борьбе, так и в вопросах веры представители кабардинской знати могли ориентироваться на ведущие военно-политические силы соседних регионов. Так, утративший власть князь Китук принял ислам в Большой Орде: «Отправился Китук к татарам, принял ислам от них и пришел с татарами» [F. 56 v], а его политический соперник – в Ширване: «Затем он [Килак-Султан] вернулся в Ширван и принял ислам от султана его» [F. 56 r]. Несомненно, на распространение среди черкесов ислама оказывал влияние и Мамлюкский султанат [19, с. 166–176], но для тех, кто решил покинуть родные земли и связать свою судьбу с Каиром, это влияние имело, скорее, характер отложенного эффекта, поскольку начинать карьеру мамлюка можно было только в статусе невольника, которого должен был выкупить у торговца султан или эмир, а это обстоятельство наталкивалось на запрет продажи единоверцев, даже при большой степени условности соблюдения этого запрета на практике [см. об этом: 20, р. 152–162].

В-третьих, сравнение с *курайшитами*, по-видимому, должно было подчеркнуть почетное положение, а, возможно, и древность рода кабардинских князей среди всех черкесских родов. Это было тем более важно, что образование Кабарды и вся ее дальнейшая история разворачивалась на новой территории, куда переселилась часть черкесов. И здесь особый интерес представляет связь кабардинских князей с древним родом Кармук, которую позволяет проследить рукопись AS 3313.

В источнике содержится информация еще об одной прослойке привилегированного сословия, самой многочисленной его части, составлявшей главную военную силу кабардинских князей и *тлякотлешей*, известной в русских источниках XVI–XVIII вв. как *уздени* [4, с. 110]. Кабардинский термин для этого социального слоя – *уорк* в AS 3313 не упоминается, что уже показатель само по себе, поскольку это название не имеет никакого прямого перевода в адыгском языке и может иметь арабское происхождение. Вероятным представляется, образование данного слова от арабского ورق [waraq] – «бумага, лист, документ». Исторический фон времен Мамлюкского султаната для появления такого названия социальной группы, чьи права, привилегии и статус зафиксированы в особом документе (= на бумаге), приводят источники [21, с. 186; 5, vol. 2, с. 538]. Так, Ибн Тагриберди описал, как один из взбунтовавшихся мамлюков аргументировал свое неповиновение султану ал-Ашрафу Иналу (1453–1461): «Мы – освобожденные рабы ал-Малика ал-Захира и обучались у него. Я не могу быть освобожденным рабом ал-Ашрафа Инала [только] по ورق [waraq]» [5, vol. 2, с. 538; 22, с. 98; 23, с. 235–239]. Из контекста становится очевидным семантическое содержание термина waraq, как некоего документа, свидетельствующего о принадлежности мамлюка конкретному эмиру или султану.

И в таком случае отсутствие слова *уорк* в AS 3313 может указывать на временной рубеж XV–XVI в. как на *post quem* сложения в социально-политическом пространстве Кабарды условий и/или социальной группы, приведших к укоренению иноземного, наиболее вероятно – арабского по происхождению, наименования для самой многочисленной прослойки знати, являющейся опорой и основанием политической системы Кабарды.

Уорки сопровождали князя-пшы в военных походах против внешних врагов, в междоусобных распрях, участвовали в наездах. За свою службу они получали известный по документам XVIII–XIX вв. как «уэртмын» – «уоркский дар», состоящий из оружия, лошади, крестьян и земли, при этом обладали правом на пользование землей только в период службы князю. Но важно подчеркнуть вслед за Е.Н. Кушевой, что в источниках XVI–XVII вв. нет сведений о наделении узденей участками земли [4, с. 114]. Как правило, с переходом на военную службу к другому князю «уэртмын» возвращался [9, с. 182–183; 12, с. 93].

AS 3313 упоминает один из таких инцидентов, когда часть знати Мин Булада приняла решение перейти к другому правителю – Ишбаю (Ашабе), однако изменила решение после победы Мин Булада: «И отступил Ишбай (Ашаба – عشبا), и было разбито войско Кармука. Затем приказал он [Мин Булад] призвать тех, кто отправился к Ишбаю (Ашаба – عشبا), и они не приняли его сторону» [F. 55 v]. Это право уорков переходить от одного пшы к другому, зафиксированное в адатах, по русским источникам прослеживается вглубь до XVI в. [4, с. 111–112]. Так, в 1589 г. один из узденей Шолоха Тапсарукова предупреждал князя: «Как де тебе государю не послужити..., и яз де от тебя отъеду к иному князю» [24, с. 137]. Таким образом, наш источник демонстрирует право эмиров или узденей переходить к другому правителю уже в XV в. Упомянутый в AS 3313 инцидент интересен еще и тем, что знать первоначально приняла решение перейти от кабардинского пшы к правителю другой «страны» или «земли» черкесов – Кармука.

Как пишет В.К. Гарданов, «даже такие крупные адыгские сюзерены, как князья, старались не обострять своих отношений с вассалами, особенно с первостепенными уорками, так как уход последних означал потерю населения целых аулов» [9, с. 185]. По свидетельству автора XIX в. К.Ф. Сталь, такое «перемещение дворян случается редко, и тляко-тляж, потерявший дворянина, не употребивший усилий, чтобы помириться с ним, пользуется дурным мнением и охлаждением к нему других дворянских фамилий его аула» [25, с. 150]. Нет повода сомневаться, что подобные проблемы были актуальны и для кабардинской знати XV в.

В данной связи возникает вопрос об отношении кабардинских, и шире – черкесских правителей, к добровольному отъезду подданных в Султанат. AS 3313 на примере султана ал-Гаури и его родных предоставляет интереснейшую информацию о переезде в Султанат целого поколения знатной семьи. Как свидетельствует источник, когда Кансуху исполнилось 12 лет, умерла его мать, а через три года умер и отец. У будущего султана было два брата и восемь сестер, Кансух был средним по старшинству сыном, но в Каир он отправился первым, в 1467 г., когда ему исполнилось 23 года. Затем за ним последовали и все остальные его братья и сестры. При этом старший брат мог уехать в Каир не ранее чем через 6 лет после Кансуха⁷, поскольку в Кабарде он оставил своих детей, в том числе сына – будущего султана Туманбая, который родился в 1473 г. Весьма показательно, что пожелавший перевезти свою семью в Каир старший брат Кансуха должен был получить «разрешение покойного султана [Каитбая], чтобы он отправился в Черкесию (جرکس) и доставил своих детей. [Султан] позволил ему это. Он пошел, взял детей своих и хотел вернуться в Египет, но умер – да смилостивится над ним Бог – в день, когда он должен был покинуть Черкесию (جرکس). Прибыл [в Египет] его сын, а он – [занимающий] благороднейший пост Туманбай (طوممان باي), главный давадар» [F. 64 v]. Вероятно, это переселение в Каир детей старшего брата Кансуха ал-Гаури происходило во время правления в Кабарде князя Бура, сына Мин Булада. Интересно, что в рукописи дважды подчеркнута, что было получено разрешение от мамлюкского султана Каитбая на переселение в Каир этих знатных кабардинцев, о разрешении со стороны кабардинского князя информации нет.

AS 3313 содержит сведения о таком традиционном институте власти у адыгов как совет старейшин (اکابر جرکس), известный в устной народной традиции как хаса, однако под этим названием в письменных источниках не зафиксированный. В AS 3313 указано, что совет старейшин состоял только из представителей знати: «А оставшиеся из числа тех, кто составлял опору государства в стране Кабарда и знать ее, держали совет». Эти данные источника имеют принципиальное значение для изучения

7. К этому времени Кансух аль-Гаури в Султанате был джандаром. Джандар – испрашивал у султана дозволения эмирам и чиновникам войти, вводил их в помещение для аудиенций, передавал вместе с давадаром и личным секретарем почту султану, помимо этого руководил службой исполнения наказаний. В первой половине XV в. наблюдается постепенное понижение статуса эмира джандара. На эту должность назначались даже воины, не имеющие звание эмира. Только при султানে Хушкадаме, в 868/1464 г. на эту должность снова получает назначение эмир. Звание эмира Кансух ал-Гаури получил только 1484 г.

природы *хасы*, ее структуры и функций, в частности для научных дискуссий [см.: 26, с. 8–17] о родоплеменной и феодальной *хасе*, а также о времени возникновения «третьей палаты» этого органа власти – «собрании старшин черного народа», известного по источникам второй половины XVIII в.

Описанные в рукописи AS 3313 функции *совета старейшин* включают принятие решений о передаче власти от одного князя другому, т.е. об избрании князя, в том числе в ситуации, когда претендент мог не обладать всеми правами на эту роль («А оставшиеся из числа тех, кто составлял опору государства в стране Кабарда и знать ее, держали совет о передаче власти брату Кирлыша, которого звали Мин Булад. В государстве своего брата он занимал униженное положение» [F. 54 r]; о разделении власти между двумя князьями («А затем сказали им старейшины черкесов (اکابر جرکس): «Половина Черкесии⁸ (جرکس) тебе, а другая половина – ему» [F. 56 v]; «Затем дело пришло к согласию, и решили так: «Половина Черкесии (جرکس) тебе, а другая половина – ему»» [F. 56 r]; и об участии в военных конфликтах («И он [Мин Булад] воспротивился [решению совета об избрании его главным князем] и отказался. Его спросили: «В чем причина твоего отказа»? Он ответил: битва с Ишбаем (Ашаба – عشبا). Ему сказали: за битву с Ишбаем (Ашаба – عشبا) мы ручаемся. И вступили они в противостояние. И отступил Ишбай (Ашаба – عشبا), и было разбито войско Кармука» [F. 54 r].

Излишним будет констатировать, что это самое раннее на сегодняшний день упоминание *совета старейшин* в Кабарде в письменных источниках. Отметим также, что в AS 3313 наименование *хаса* как таковое также не используется. К настоящему времени предложено несколько уязвимых версий об этимологии этого термина с адыгского и осетинского языков, а также о времени зарождения этого традиционного адыгского института власти, в том числе фэнтезийные – про связь *хасы* с хаттами. Между тем, это слово переводится с арабского языка как *особенный, специальный*, а также *избранные, знать* [27, с. 40–45]. В Султанате мамлюков, как и в других государствах мусульманского мира слово «хасса» имело очень широкое значение, как и современное слово «элита» – не только в сфере политики.

Особый интерес представляет информация источника о порядке престолонаследия в Кабарде. Согласно AS 3313, в Кабарде действовала лестничная система (сеньорат), при которой наследные права передавались по горизонтали – внутри одного поколения от старшего брата к младшему, затем по вертикали – между поколениями и снова – от старшего брата к младшему.

При такой форме наследования княжеское владение в Кабарде принадлежало всему правящему роду и, судя по русским источникам XVI в., представляло «не столько определенную территорию, сколько зависимое от князя и мурзы население – узденей и крестьян, а затем уже земли, на которых велось скотоводческое и земледельческое хозяйство» [4, с. 115].

При этом AS 3313 описывает несколько случаев, когда законный претендент должен был силой отстаивать свое право на власть. Так, последний в ряду поколения сыновей Инала и Табулды – Джан Худ привлек татар для утверждения на кабардинском престоле, хотя и это не помогло ему удержать власть: «Затем принял власть его брат Джан Худ (جان خود) силой войска татар (تتر). Но не справился он с [управлением] государством. И стали после него султанами сыновья Кирлыша – Кабан (قبان) и Йалбирди (يلبردي), два сына Кирлыша» [F. 55 r].

Второй пример описывает борьбу за власть между Мирзой, сыном Килак-Султана, и его дядей Тау-Султаном, о котором в источнике сказано: «И был у Китука брат среди татар» [F. 56 r]. Несмотря на решение *совета старейшин* разделить власть между ним и Мирзой («А затем сказали им старейшины черкесов (اکابر جرکس): «Половина Черкесии (جرکس) тебе, а другая половина – ему»), Тау-Султан убил Мирзу и «стал править всею страной черкесов⁹ (مملكة جرکس)» [F. 56 r].

Интересно, что в обоих случаях оспаривающие власть претенденты – и Джан Худ, и Тау-Султан – были связаны с татарами Большой Орды.

Обращает также внимание, что *совет старейшин* дважды делил Кабарду между двумя князьями. Возможно, пример двоевластия являет правление братьев Йалбирди и Кабана, сыновей Кирлыша. На то, что они, скорее всего, правили одновременно, указывает сообщение об их близкой по времени смерти: в противоборстве с сыном Мин Булата «Йалбирди был убит, а Кабан умер от тревоги» [F. 55 r].

8. Здесь и в следующем примере под Черкесией подразумевается Кабарда.

9. Здесь под «всей страной черкесов» подразумевается Кабарда.

Тем более важно подчеркнуть, что, по сведениям AS 3313 [F. 49 v], у западных черкесов (в Кармуке) действовал иной – прямой принцип наследования – от отца к сыну (майорат). Подчеркнем, что, согласно AS 3313, в ходе междоусобной борьбы именно от рода Кармук ответвляется род кабардинских князей. Вопрос о том, что послужило причиной изменения порядка престолонаследия в Кабарде, требует отдельного рассмотрения, здесь лишь отметим, что эти изменения происходят практически в то же время (с небольшим опозданием), что и смена порядка передачи власти от отца к сыну в Султанате черкесских мамлюков. Первый черкесский султан аз-Захир Баркук (1382–1389, 1390–1399) сломал устоявшийся порядок, при котором султанами в бахритском Египте становились представители одной семьи – дети и внуки султана Сайфуддина Калауна (1280–1290), добился смещения последнего Калаунида и сам занял трон. После неудачной попытки создания новой династии аз-Захиром Баркуком (его сын ан-Насир Фарадж (1399–1404; 1405–1412) был убит) дальнейшее политическое развитие Султаната черкесов привело к закреплению традиции выдвижения на престол нового правителя на основе как кровного родства, так и специфического «мамлюкского псевдородства» – принадлежности к той или иной фракции, члены которой с ранней юности воспитывались в «доме» одного хозяина. При этом значительная роль в решении вопроса о выборе нового султана принадлежала совету эмиров [28, с. 424].

Рассматривая вопрос о порядке престолонаследия в Кабарде, нельзя не обратить внимание и на другую особенность, которая находит параллели в политических традициях черкесских мамлюков. Рукопись AS 3313 содержит уникальные сведения о роли женщин в легитимации власти у черкесов. Так, после повествования о решении *совета старейшин* выбрать верховным князем *тумэ* Мин Булада следует информация: «*Взял он [Мин Булад] жену брата своего Кирльша и женился на ней*».

Второе упоминание матримониального брака относится к сообщению о женитьбе Килак-Султана на матери своего двоюродного брата Китука, с кем он враждовал много лет, а затем делил власть в Кабарде. При этом вскоре Килак-Султан избавился от своего соперника и «*овладел всею страной черкесов*» [F. 56 r].

Эти матримониальные браки упоминаются именно в контексте сообщений о переходе власти от одного правителя к другому, и, видимо, могут рассматриваться как инструмент легитимации полномочий нового правителя. В этой связи в ином свете предстает сообщение генуэзца Джорджио Интериано об одном из обычаев черкесской знати: «*У знатных нередко бывает, что родичи убивают одного вместе с большой частью братьев. И лишь только один из братьев умрет, другой на следующую ночь берет жену покойного, свою сноху, ибо позволяется у них иметь даже несколько жен, которые все считаются законными*» [18, с. 48]. Этот обычай прослеживается по источникам и в XVII в. [см.: 4, с. 126].

Параллели этой традиции отчетливо просматриваются в политической практике нединастийного престолонаследия Султаната Бурджи. В бурджитский период шестнадцать султанов получили власть в результате решения, принятого советом эмиров. Из этих шестнадцати султанов пятнадцать были связаны матримониальными узами с семьями и «домами» своих предшественников: они заключали браки с дочерьми, родственницами жен, бывшими наложницами или вдовами предыдущих султанов. В целом ряде случаев обстоятельства заключения таких браков подтверждают важное значение, которое придавалось матримониальным связям в мамлюкской среде [28, с. 424].

Нужно отметить, что отсылки к политической системе Султаната черкесских мамлюков при изучении социально-политических отношений в Кабарде и в целом – у северокавказских черкесов XV в., не случайны. Захват власти в Каире в 1382 г. черкесскими мамлюками и их правление в Султанате вплоть до поражения в 1517 г. от османов оказались мощным стимулом для развития политической культуры народов Северо-Западного Кавказа. Именно в годы правления в Каире династии Бурджи в истории северокавказских черкесов, прежде всего, адыгов и абазин, арабские и западноевропейские источники XV в. фиксируют наиболее активный период политогенеза, когда, вместо названий племен Северо-Западного Кавказа XIV в., начинают упоминать названия «*стран*», «*областей*» или «*земель*» черкесов – Кабак, Кармук (Кремух), Кабарда. Этот процесс так и не завершился сложением единого централизованного государства в рамках черкесской этнокультурной среды. Крушение Султаната резко снизило темп и изменило вектор политического развития у народов Северо-Западного Кавказа. В XVI–XVIII вв. русские, турецкие, европейские авторы вновь пишут о черкесских «*племенах*». Единственным исключением оказалось княжество Кабарда, не имевшее длительной эволюции из родоплеменного объединения, но возникшее в XV в. как *политическое* образование, откуда успели выйти сразу два мамлюкских султана.

Изучение влияния Мамлюкского султаната на социально-политическую историю и культуру народов Северного Кавказа еще только начинается. И одним из ключевых источников здесь, без сомнения, является рукопись «Драгоценные ожерелья в достоинствах государства ал-Ашрафа ал-Гаури».

Благодарность. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00869, <https://rscf.ru/project/23-18-00869/>

Acknowledgements. The study was supported by the grant of the Russian Science Foundation No. 23-18-00869, <https://rscf.ru/project/23-18-00869/>

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Mauder C. In the Sultan's Salon: Learning, Religion and Rulership at the Mamluk Court of Qāniṣawh al-Ghawrī (r. 1501-1516) // Series: Islamic history and civilization. Boston: Brill, 2021. Vol. 169/1. — 1302 p.
2. Eckmann J. The Mamluk-Kipchak Literature // Central Asiatic Journal. December, 1963. Vol. 8, No. 4. P. 304-319.
3. Кабардино-русские отношения в XVI – XVIII вв. Документы и материалы в 2-х томах. Том I: XVI–XVII вв. / Ред.: Т.Х. Кумыков, Е.Н. Кушева. М.: Издательство Академии наук СССР, 1957. — 479 с.
4. Кушева Е.Н. Народы Северного Кавказа и из связи с Россией (вторая половина XVI – 30-е годы XVII века). М.: Изд-во АН СССР, 1963. — 371 с.
5. Ibn Taghrī Birdī, Abū al-Maḥāsin Yūsuf. Extracts from Abū 'l-Maḥāsin ibn Taghrī Birdī's Chronicle Entitled Ḥawādith ad-Duhūr fi Madā 'l-Ayyām wash-Shuhūr. [Извлечения из хроники Ибн Тагри Бирди Абу ал-Махасин Йусуфа События веков на протяжении дней и месяцев]. Ed. by William Popper. 4 vols. Berkeley: University of California Press, 1930-1942.
6. Al-Sakhāwī, Shams al-Dīn Muḥammad. Kitāb al-Tibr al-Masbūk fi Dhayl al-Sulūk [Выплавленная золотая руда в дополнении к «Путям»]. Cairo: Dār al-Kutub wa-al-Wathā'iq al-Qawmiyah – Markaz Taḥqīq al-Turāth, 2002-2007. 2 vols.
7. al-Malati, 'Abd al-Basit ibn Khalīl ibn Shahīn. Nayl al-Amal fi Dhayl al-Duwal [Достижение ожидания относительно продолжения «Держав»]. Beirut and Sayda: al-Maktabah al-'Aṣriyah, 2002. — 9 vols.
8. Иосафат Барбаро. Путешествие в Тану / Барбаро и Контарини о России. К истории итало-русских связей в XV в. Вступительная ст., подготовка текста, перевод и комментарий Е.Ч. Скржинской. — Л.: Наука, 1971. — 275 с.
9. Гарданов В.К. Общественный строй адыгских народов (XVIII – первая половина XIX в.). М.: Наука, 1967. — 332 с.
10. Хан-Гирей. Бесльный Абатъ. Из сочинений под заглавием: Биография знаменитых черкесов и очерки черкесских нравов и преданий, покойнаго флигель-адъютанта Хан-Гирея. Часть I // Кавказ. Газета политическая и литературная. № 42. 18 октября, 1847. С. 166-168.
11. Карпов Ю.Ю. Джигит и волк. Мужские союзы в социокультурной традиции горцев Кавказа. СПб.: МАЭ РАН, 1996. — 309 с.
12. Налоева Е.Д. Кабарда в первой половине XVIII века: генезис адыгского феодального социума и проблемы социально-политической истории / сост. А. С. Мирзоев. Нальчик: ООО «Печатный двор», 2015. — 368 с.
13. Унарокова М.Ю. Лексика адыгейского златокузнечества // Культура и быт адыгов. Этнографические исследования. Вып. VII. Майкоп: Адыгейский НИИ ЭЯЛИ, 1988. С. 54-85.
14. Кушхабиев А.В., Наков Ф.Р. К проблеме перехода черкесских феодальных сословий на комплекс вооружения, сформировавшегося в крестьянской среде (конец XVII – начало XIX вв.) // Вестник АГУ. 2017. Вып. 4 (209). С. 111-118.

REFERENCES

1. Mauder C. In the Sultan's Salon: Learning, Religion and Rulership at the Mamluk Court of Qāniṣawh al-Ghawrī (r. 1501-1516). *Islamic history and civilization*. Boston: Brill, 2021. Vol. 169/1. — 1302 p.
2. Eckmann J. The Mamluk-Kipchak Literature. *Central Asiatic Journal*. December, 1963. Vol. 8, No. 4: 304-319.
3. Kумыков TKh, Kusheva EN. (eds). *Kabardino-Russian relations in the 16th-18th centuries. Documents and materials in 2 volumes. Volume I: 16th - 17th centuries*. Moscow: USSR Academy of Sciences, 1957. (In Russ)
4. Kusheva EN. *Peoples of the North Caucasus and their connections with Russia (second half of the 16th – 1630s)*. Moscow: USSR Academy of Sciences, 1963. (In Russ)
5. Ibn Taghrī Birdī, Abū al-Maḥāsin Yūsuf. *Extracts from Abū 'l-Maḥāsin ibn Taghrī Birdī's Chronicle Entitled Ḥawādith ad-Duhūr fi Madā 'l-Ayyām wash-Shuhūr*. Ed. by William Popper. 4 vols. Berkeley: University of California Press, 1930-1942.
6. Al-Sakhāwī, Shams al-Dīn Muḥammad. *Kitāb al-Tibr al-Masbūk fi Dhayl al-Sulūk*. Cairo: Dār al-Kutub wa-al-Wathā'iq al-Qawmiyah – Markaz Taḥqīq al-Turāth, 2002-2007. 2 vols.
7. al-Malati, 'Abd al-Basit ibn Khalīl ibn Shahīn. *Nayl al-Amal fi Dhayl al-Duwal*. Beirut and Sayda: al-Maktabah al-'Aṣriyah, 2002. — 9 vols.
8. Josaphat Barbaro. *Journey to Tana*. In: *Barbaro and Con-tarini about Russia. On the history of Italian-Russian relations in the 15th century*. Introductory article, text preparation, translation and commentary by E. Ch. Skrzhinskaya. Leningrad: Nauka, 1971. (In Russ)
9. Gardanov VK. *Social structure of the Adyghe peoples (XVIII – first half of the XIX century)*. Moscow: Nauka, 1967. (In Russ)
10. Khan-Girey. Innocent Abat. From the works entitled: *Biography of famous Circassians and essays on Circassian customs and legends, the late aide-de-camp of Khan-Girey*. Part I. *Caucasus. Political and literary newspaper*. October 18, 1847; 42: 166-168. (In Russ)
11. Karpov YuYu. *Dzhigit and wolf. Male unions in the socio-cultural tradition of the Caucasus highlanders*. Saint-Petersburg: MAE RAS, 1996. (In Russ)
12. Naloeva ED. *Kabarda in the first half of the 18th century: the genesis of the Adyghe feudal society and problems of socio-political history*. Comp. by A.S. Mirzoev. Nalchik: Pechatny Dvor, 2015. (In Russ)
13. Unarokova MYu. *Lexicon of Adyghe goldsmithery. Culture and life of the Adyghe. Ethnographic studies. Issue VII*. Maikop: Adyghe Research Institute of EYALI, 1988: 54-85. (In Russ)
14. Kushkhabiev AV., Nakov FR. On the Problem of the Transition of the Circassian Feudal Estates to the Weaponry Complex Formed in the Peasant Environment (Late 17th – Early 19th Centuries). *Vestnik of Astrakhan State University*. 2017; 4(209): 111-118. (In Russ)
15. Iliushina MYu. On the Genealogy of the Mamluks of Egypt Based on the Materials of the Manuscript "Nisab al-Jarakis" from

15. Илюшина М.Ю. О родословной мамлюков Египта по материалам рукописи «Нисаб ал-джаракаса» из коллекции восточного отдела научной библиотеки СПбГУ // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9: Филология. Востоковедение. Журналистика, 2008. Т. 2, № 1. С. 111–16.
16. Iliushina M. Circassian Mamluks' Origins as a Subject of Myth-Making (According to the Materials of Arabic Sources from 15th and 17th c.) // St. Petersburg Annual of Asian and African Studies. Würzburg: Ergon Verlag, 2015. Vol. 3. P. 67–77.
17. Mauder C. When the Angels Descended upon Circassia: The birth and early life of the Mamluk Sultan Qāniṣawh al-Ghawrī (r. 1501-1516) in biographical literature // Tenth Conference of the School of Mamluk Studies. Kuwait, 5th-7th March, 2024. Abstracts. Al-Kuwait: Dar al-Athar al-Islamiyyah, 2024. P. 37–38.
18. Джорджио Интериано. Быт и страна зихов, именуемых черкесами. Достопримечательное повествование // Адыги, балкарцы, карачаевцы в известиях европейских авторов / Отв. ред. В. К. Гарданов. Нальчик: Эльбрус, 1974. С. 43–52.
19. Кабардов И.Б. Ислам у средневековых адыгов: мамлюкский фактор // ByzantinoCaucasica. Вып. III. М.: ИВ РАН, 2023. С. 165–180.
20. Barker H. Egyptian and Italian Merchants in the Black Sea Slave Trade, 1260–1500. Submitted in partial fulfillment of the requirements for the degree of Doctor of Philosophy in the Graduate School of Arts and Sciences. Columbia University, 2014. – 471 p.
21. Аль-Макризи Абу-ль-Аббас, 1966. Книга Поучений и Назидания, [содержащихся] в описании кварталов и памятников [Каира] / Пер. Л.А. Семеновой. Текст воспроизведен по изданию: Салах-ад-Дин и мамлюки в Египте. М.: Наука. АБУ-ЛЬ-АББАС АЛЬ-МАКРИЗИ->КНИГА УВЕЩАНИЙ->ПУБЛИКАЦИЯ 1966 Г.->ТЕКСТ (vostlit.info) . Дата обращения 14.05.2024.
22. Levanoni A. The sultan's laqab – a sign of a new order in mamluk factionalism? // The Mamluks in Egyptian and Syrian politics and society / edited by Michael Winter and Amalia Levanoni. Leiden–Boston: E. J. Brill, 2004. P. 79–115.
23. Кабардов И.Б. Влияние Султаната мамлюков Бурджи на генезис политической элиты Кабарды: постановка научной проблемы // ByzantinoCaucasica. Вып. 2. / Отв. ред. В. Н. Чхайдзе. М.: ИВ РАН, 2022. С. 233–246.
24. Белокуров С.А. Сношения России с Кавказом. Выпуск 1-й. 1578-1613 гг. М.: Университетская тип., 1889. – 715 с.
25. Сталь К.Ф. Этнографический очерк черкесского народа // Кавказский сборник. Т. XXI. Тифлис, 1900. С. 59–175.
26. Кажаров В.Х. Адыгская хаса. Из истории сословно-представительных учреждений феодальной Черкесии. Нальчик: Институт черкесской истории и культуры, 1992. – 160 с.
27. Наумкин В.В. К вопросу о хасса и 'амма (традиционная концепция «элиты» и «массы» в мусульманстве) // Ислам в истории народов Востока. М.: Наука, 1981. С. 40–50.
28. Илюшина М.Ю. Политическая история Султаната мамлюков Бурджи (1382–1517): борьба за власть в условиях нединастичной системы престолонаследия. Дисс. докт. истор. наук. М., 2022. 656 с. Режим доступа: https://www.ivran.ru/sites/28/files/Dissertatsiia_Iliushina_M_Iu_.pdf Дата обращения: 14.05.2024.
- the Collection of the Oriental Department of the Scientific Library of St. Petersburg State University. *Vestnik of Saint-Petersburg University. Series 9: Philology. Oriental Studies. Journalism.* 2008; 2(1): 111-116. (In Russ)
16. Iliushina M. Circassian Mamluks' Origins as a Subject of Myth-Making (According to the Materials of Arabic Sources from 15th and 17th c.). *Saint-Petersburg Annual of Asian and African Studies.* Würzburg: Ergon Verlag, 2015; Vol. 3: 67-77.
17. Mauder C. When the Angels Descended upon Circassia: The birth and early life of the Mamluk Sultan Qāniṣawh al-Ghawrī (r. 1501-1516) in biographical literature. *Tenth Conference of the School of Mamluk Studies. Kuwait, 5th-7th March, 2024. Abstracts.* Al-Kuwait: Dar al-Athar al-Islamiyyah, 2024: 37-38.
18. Giorgio Interiano. The Life and Country of the Zikhs, Called Circassians. A Remarkable Narrative. In: Gardanov V.K. (ed.). *Adyghe, Balkars, Karachays in the News of European Authors.* Nalchik: Elbrus, 1974: 43-52. (In Russ)
19. Kabardov IB. Islam among the Medieval Adyghe: the Mamluk Factor. *ByzantinoCaucasica.* Issue III. Moscow: Institute of Oriental Studies of RAS, 2023: 165-180. (In Russ)
20. Barker H. *Egyptian and Italian Merchants in the Black Sea Slave Trade, 1260–1500.* Submitted in partial fulfillment of the requirements for the degree of Doctor of Philosophy in the Graduate School of Arts and Sciences. Columbia University, 2014.
21. Al-Maqrizi Abu-l-Abbas. *The Book of Teachings and Edification [contained] in the Description of the Quarters and Monuments [of Cairo].* Translated by L.A. Semenova. The text is reproduced from the publication: Salah ad-Din and the Mamluks in Egypt. Moscow: Nauka. (In Russ)
22. Levanoni A. The sultan's laqab – a sign of a new order in mamluk factionalism? In: Winter M., Levanoni A. (eds). *The Mamluks in Egyptian and Syrian politics and society.* Leiden–Boston: E. J. Brill, 2004: 79-115.
23. Kabardov IB. The Influence of the Burji Mamluk Sultanate on the Genesis of the Political Elite of Kabarda: Formulation of the Scientific Problem. *ByzantinoCaucasica.* Issue 2. Ed. V.N. Chkhaidze. Moscow: Institute of Oriental Studies of RAS. 2022: 233-246. (In Russ)
24. Belokurov SA. *Relations between Russia and the Caucasus. Issue 1.* 1578–1613. Moscow: University Press, 1889. (In Russ)
25. Stahl KF. Ethnographic Essay on the Circassian People. *Kavkazyi Sbornik.* Vol. XXI. Tiflis, 1900: 59-175. (In Russ)
26. Kazharov VKh. *Adyghe Khasa. From the history of class-representative institutions of feudal Circassia.* Nalchik: Institute of Circassian History and Culture, 1992. (In Russ)
27. Naumkin VV. On the issue of khassa and 'amma (the traditional concept of "elite" and "mass" in Islam). *Islam in the history of the peoples of the East.* Moscow: Nauka, 1981: 40-50. (In Russ)
28. Iliushina MYu. *Political history of the Mamluk Burji Sultanate (1382-1517): the struggle for power in the context of a non-dynastic system of succession to the throne.* Diss. of a Dr. Sci. of History. Moscow, 2022. 656 p. Available at: https://www.ivran.ru/sites/28/files/Dissertatsiia_Iliushina_M_Iu_.pdf Accessed on: 14.05.2024. (In Russ)

Поступила в редакцию 22.05.2024 г.
Принята в печать 19.06.2024 г.
Опубликована 15.12.2024 г.

Received 22.05.2024
Accepted 19.06.2024
Published 15.12.2024

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH204783-790>

Исследовательская статья

Юрдакал Осман
аспирант
Институт международных отношений
Казанский (Приволжский) Федеральный Университет, Казань, Россия
osmaanyurdakal@gmail.com

КОНТАКТЫ КУПЦОВ МОСКОВСКОЙ КОМПАНИИ С ОСМАНСКИМИ ВЛАСТЯМИ В ЗАПАДНОМ ПРИКАСПИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVI ВЕКА

Аннотация. В данной статье рассматривается взаимодействие османских властей с английскими купцами из Московской компании на Кавказе во второй половине XVI в. Этот период был важным этапом в развитии международной торговли и дипломатических контактов, когда Османская империя находилась на пике своей политической и экономической мощи, а Англия впервые начала активно участвовать в мировой политике и торговле. В 1553 г. султаном Сулейманом Кануни был вручен документ о торговых привилегиях английскому купцу и путешественнику Энтони Дженкинсону, что знаменовало начало официальных отношений между двумя государствами в сфере торговли. Особое значение в развитии этих отношений сыграли события 1579–1580 гг., когда английские купцы, связанные с Московской компанией, начали активно вести торговую деятельность в Западном Прикаспии. Здесь они взаимодействовали с османским пашой Османом Оздемироглу, который на тот момент играл ключевую роль в укреплении османского влияния на Кавказе. Примечательно, что вопреки распространённому мнению, зарождение этих контактов произошло не в Средиземноморье, а на Кавказе. Таким образом, Кавказ стал местом установления первых прямых коммерческих связей между османскими властями и английскими купцами. Впоследствии это взаимодействие послужило важным этапом в развитии официальных межгосударственных торговых отношений, что нашло своё продолжение в деятельности Левантийской компании, основанной 11 сентября 1581 г. В статье подчёркивается важность использования общеисторического и сравнительно-исторического анализа как основных методов исследования. Особое внимание уделяется работе с архивными источниками, хранящимися в Турции, многие из которых ранее оставались вне поля зрения исследователей. Впервые на русском языке публикуется текст османско-английского договора 1580 г., что вносит значительный вклад в научный оборот и углубляет понимание ранних этапов торгово-дипломатических отношений между Османской империей и Англией.

Ключевые слова: Османское государство; Осман-паша Оздемироглу; английские купцы; Кавказ; Московская компания; торговля

Для цитирования: Юрдакал О. Контакты купцов Московской компании с османскими властями в Западном Прикаспии во второй половине XVI века // История, археология и этнография Кавказа. 2024. Т. 20. № 4. С. 783-790. doi.org/10.32653/CH204783-790

© Юрдакал О., 2024
© Сефербеков М.Р., перевод, 2024
© Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, 2024

DOI: [https:// doi.org/10.32653/CH204783-790](https://doi.org/10.32653/CH204783-790)

Research paper

Yurdakal Osman,
Postgraduate
Institute of International Relations
Kazan Federal University, Kazan, Russia
osmaanyurdakal@gmail.com

THE ANGLO-OTTOMAN TRADE IN THE WESTERN CASPIAN REGION IN THE 16TH CENTURY

Abstract. This article analyzes the engagement between Ottoman authorities and English merchants from the Muscovy Company within the Caucasus during the latter half of the sixteenth century. This period constitutes a significant phase in the evolution of international commerce and diplomatic ties, coinciding with the peak of the Ottoman Empire's political and economic influence and the concomitant emergence of England as an active participant in global politics and trade. In 1553, Sultan Suleiman the Magnificent bestowed a capitulation of commercial privileges upon the English merchant and explorer Anthony Jenkinson, marking the inception of formal relations between the two states in the realm of trade. Of particular significance in the development of these relations were the occurrences of 1579–1580, during which English merchants affiliated with the Muscovy Company commenced vigorous commercial operations within the Western Caspian region. Here they interacted with the Ottoman Pasha Osman Özdemiroğlu, who at that time held a key role in consolidating Ottoman influence within the Caucasus. It is noteworthy that, contrary to prevailing assumptions, the genesis of these contacts did not transpire in the Mediterranean, but rather within the Caucasus. Consequently, the Caucasus emerged as the locus of the initial establishment of direct commercial linkages between Ottoman authorities and English merchants. Subsequently, this interaction served as a crucial phase in the evolution of official inter-state commercial relations, a trajectory that continued within the purview of the Levant Company, founded on September 11, 1581. The article underscores the significance of employing general historical and comparative historical analysis as the primary research methodologies. Particular emphasis is placed upon the utilization of archival sources preserved within Turkey, many of which previously remained beyond the purview of scholarly investigation. For the first time in Russian, the text of the Ottoman-English treaty of 1580 is published, constituting a substantial contribution to scholarly dissemination and facilitating a more profound comprehension of the incipient stages of trade and diplomatic ties between the Ottoman Empire and England.

Keywords: Ottoman state; Osman Pasha Özdemiroğlu; English merchants; Caucasus; Muscovy Company; trade

For citation: O. Yurdakal. The Anglo-Ottoman Trade in The Western Caspian Region in the 16th Century. History, Archeology and Ethnography of the Caucasus. 2024. Vol. 20. N. 4. P. 783-790. doi. org/10.32653/CH204783-790

© O. Yurdakal, 2024
© Seferbekov M.R., translation, 2024
© Daghestan Federal Research Centre of RAS, 2024

Введение

Деятельность Московской компании (староанглийское – Muscovy Company; с 1697 Русская компания, Russian Company) довольно хорошо освещена в историографии. Однако взаимодействие купцов этой компании с османскими властями в Прикаспии нельзя назвать вполне изученным. В проведенных исследованиях было сосредоточено внимание на деятельности английских торговцев в Центральной Азии, Дальнем Востоке и Иране [1; 2; 3]. В настоящее время исследований, посвященных Османской империи и вводящих в научный оборот османские источники, явно недостаточно. Данное исследование преимущественно нацелено на восполнение указанной лакуны.

Имеющиеся исследования в основном касаются торговых отношений между Османской империей и Англией в Средиземноморье, Ближнем Востоке и Анатолии (Малой Азии), что может отражать историческое и стратегическое значение этих территорий [4; 5; 6; 7; 8; 9]. Тем не менее, географическое положение и этническое и религиозное разнообразие Кавказского региона также способствовали частым торговым контактам на его территории Османской империи и Англии, однако эти отношения все еще не исследованы должным образом.

Среди причин, по которым торговые отношения на Кавказе менее изучены, можно назвать региональные и временные приоритеты исследователей, а также доступность архивных материалов и источников. Встречающаяся в региональных исторических исследованиях склонность сосредотачиваться на определенных исторических периодах или географических областях приводит к игнорированию некоторых тем. В частности, в научных работах Турции, Европы и Америки практически не уделяется внимание роли Кавказа в торговых отношениях между Османской империей и Англией.

С начала XVI в. Англия начала проявлять всё более растущие амбиции в международной политике и торговле. В период правления королевы Елизаветы I (1533–1603) были вновь сформированы английские коммерческие компании, наладившие контакты со многими партнерами в самых различных государствах, в том числе и с Османской империей. Английская королева и её окружение стремились выйти на восточные рынки. Однако противодействие Франции, Генуи и особенно Венеции в Средиземноморском регионе, а также господство Испании и Португалии в Атлантике и Индийском океане затрудняли для британцев доступ на восточные рынки. Некоторые английские купцы, проводившие торговые операции в первой половине XVI в. в Средиземноморье, были вынуждены заниматься этим под эгидой Франции или североитальянских республик, что естественно, снижало процент их прибыли. Эта ситуация толкала английских купцов на поиски иных путей развития торговых отношений со странами Востока.

Необходимо заметить, что первые торгово-экономические отношения между Англией и Османским государством не имели еще форму межгосударственных соглашений или переговоров и носили эпизодический характер. Они начались с коммерческой деятельности английского купца-искателя Энтони Дженкинсона¹ в Средиземноморье и на Ближнем Востоке. Во время пребывания султана Сулеймана Великолепного в Алеппо в 1553 г. Э. Дженкинсону удалось добиться некоторых коммерческих привилегий от султана (тур. *ticaret müsaadesi* – «торговое разрешение») [10, с. 6]. Важно отметить, что коммерческая привилегия, которая была дарована султаном Сулейманом Э. Дженкинсону была предоставлена ему исключительно как частному лицу [11, с. 109–110]. Вторая встреча английского купца с османами произойдет уже во дворце Сефевидов.

Получив «торговое разрешение», Дженкинсон немедленно направился в Лондон, не исключено, чтобы получить из этого максимально возможные политические дивиденды. В 1556 г. он был назначен главой Московской компании и в 1557 г. вернулся в Россию. В общей сложности он четыре раза посетил русское государство, им была составлена одна из первых подробных карт Московии. Тем не менее, забегая вперед, отметим, что Англия не смогла в должной мере воспользоваться личной коммерческой привилегией Дженкинсона. Английскому государству понадобилось ещё 25 лет для того, чтобы начать самостоятельно торговать в Средиземноморье.

1. Энтони Дженкинсон (англ. Anthony Jenkinson; 8 октября 1529–1610/1611) – английский дипломат, купец и путешественник, первый полномочный посол Англии в России.

Успевший к этому времени уже посетить немало стран, Энтони Дженкинсон отчетливо понимал перспективность персидского, индийского и китайского рынков. Ввиду этого, находясь в 1557 г. в Москве, он обратился к русскому царю за разрешением исследовать торговые возможности Каспийского моря [12, с. 38]. Энтони удалось добиться личной симпатии Ивана IV, благодаря чему он получил разрешение на продолжение поездки. Однако его первая торговая экспедиция в Персию оказалась неудачной. Сам Дженкинсон объяснял причину этого тем, что шах боялся османов и венецианцев [10, v. I, p. 133, 135].

Однако главная причина заключалась в том, что между Османской империей и Сефевидами в этот период возникла проблема судьбы шехзаде². Шехзаде Баязид, сын султана Сулеймана, при жизни своего отца воевал с братом Селимом за трон, но потерпел поражение и укрылся у Сефевидов [13, с. 109–110]. В результате сложных переговоров между Стамбулом и Казвином шах выторговал условие свободного прохода иранских товаров через территорию Османской империи взамен на шехзаде Баязида. Обретя более короткий путь на Запад, к Средиземноморью, шах Тахмасп был не особо заинтересован в торговле по далекому и тяжёлому пути через Волгу и Белое море.

Важно учитывать, что Э. Дженкинсон и англичане в целом очень плохо знали очертания Каспийского моря, географию, этнографию и экономический потенциал прилегающих к нему областей. Добившиеся больших успехов в их исследовании итальянцы (венецианцы и генуэзцы) столетиями скрывали свои картографические материалы от возможных конкурентов [14, с. 770]. Не имея никаких карт и точных сведений о местных течениях и отмелях, англичане XVI в. на Каспии мало чем отличались от первооткрывателей Нового Света.

Несмотря на неудачное начало, Э. Дженкинсон не терял надежды открыть закаспийский рынок для англичан и в 1562–1564 гг. вновь посетил сефевидскую Персию. В общей сложности в период между 1561–1580 годами англичане пять раз пересекали Каспийское море с севера на юг [15, с. 23; 16, с. 63]. В последнюю свою экспедицию английские купцы застали на Восточном Кавказе уже османские власти.

Итоги османско-сефевидской войны (1578–1590) позволили Османскому государству установить контроль над такими стратегически важными центрами, как Дербент, Шемаха и Баку [4, с. 59]. Эти города стояли на пересечении торговых путей.

Выйдя из Астрахани, купцы достигли побережья Ширвана. Как только они пришвартовались в Бильди, к ним подошла лодка с экипажем, состоявшим из двух турок и нескольких местных жителей [11, v. II, p. 452; 17, с. 269–270]. Между сторонами завязались вполне дружелюбные отношения. Факторы³ отправили английского купца Роберта Голдинга с тезиком к бею – коменданту города Баку, чтобы показать им товары, которые они привезли с собой, и рассказать о своем намерении найти безопасный торговый путь. Бей (здесь: комендант) города тепло их встретил.

На следующий день комендант приехал на берег, чтобы изучить доставленные на корабле товары. Купцы установили на берегу палатки, чтобы выставить свои товары на продажу. Факторы очень добродушно встретили правителя города, подошедшего к шатру, и вручили ему подарки. После переговоров правитель Баку заметил, что англичане стремятся к личной встрече с турецким наместником в Ширване Осман-пашой. На тот момент Осман-паша был наместником Османской империи на Кавказе, а впоследствии стал великим визирем. Отметим, что отец Осман-паши Оздемир-паша имел северокавказские корни.

Бакинский градоначальник обещал благополучно отправить их в г. Дербент, где в то время находился Осман-паша. Английские купцы взяли письмо от бея к паше и отправились в путь пешими вдоль моря под защитой предоставленного им военного эскорта. Солдаты Осман-паши встретили их, идущих по лесной дороге, обходным путем, потому что обычный путь был опасен [11, с. 453–454].

Паша принял английских купцов в замке Нарын-кала и подарил им ценных лошадей. Осман-паша покинул их, чтобы дать купцам отдохнуть и более подробно поговорить на следующий день. Утром купцы пришли к Паше и попросили его дать им разрешение на торговлю, с привилегией делать это безопасно в Ширване и во всех местностях, входящих в состав его владений. Осман-паша согласился, пообещав им защиту и обеспечение всем необходимым. После этого один из купцов, Томас Хэдсон, был отправлен в Баку, чтобы перевезти корабль в Дербент. Корабль вместе с османской гвардией вышел из Баку 11 июня 1580 г.

2. Шехзаде – титул сыновей султанов в Османской империи.

3. Фактор – 1. устар. доверенное лицо, поверенный в делах, беспрекословно исполняющее чьи-либо поручения; 2. юридический агент (посредник), которому поручается продать товар (в праве Великобритании).

Товары на корабле, прибывшие в Дербент, были выгружены в саду особняка Османа-паши. В конце переговоров купцы получили от паши 500 батманов шелка-сырца, несколькими днями позже они получили еще 500 батманов [11, с. 459; 5, с. 275]. Со своей стороны, Осман-паша выдвинул условие получения 4% налога от их коммерческой деятельности [18, с. 71].

Однако покинуть Дербент купцы не могли, так как идти в окрестные города было опасно из-за беспорядков, вызванных войной. Пока они находились в Дербенте, стало известно о кончине в конце августа лодчана их судна Артура Эдвардса, остававшегося в Астрахани. Спустя четыре месяца пребывания в Дербенте, купцы решили покинуть город 2 октября. В середине месяца они приобрели новый корабль (их судно потерпело крушение).

Неудачи не оставили англичан и на обратном пути. Когда их корабль застрял во льдах из-за замершего устья Волги, им пришлось покинуть судно с грузом. В последующие дни значительная часть грузов была доставлена в г. Астрахань на санях спасательной операцией. Английские торговцы провели здесь зиму и, наконец, смогли вернуться в г. Ярославль весной 1581 г.

Торговля, которую английские купцы не могли самостоятельно осуществлять на западных границах Османской империи (Средиземноморье), велась без посредников на восточной границе империи (Кавказ). Эти первые прямые коммерческие предприятия в будущем станут отправной точкой в развитии средиземноморской торговли двух государств.

Первый официальный контакт между османским и британским правительством состоялся 15 марта 1579 г. [10, с. 6]. Османский султан Мурат III отправил письмо королеве Елизавете, ответ королевы пришел султану в июне 1580 г. Эти официальные отношения между двумя государствами вместе с положительными прямыми коммерческими инициативами на Кавказе приведут к созданию 11 сентября 1581 г. Левантийской компании. Благодаря этой компании английские купцы получили право свободно торговать на османских землях. С открытием консульств Левантийской компании на Ближнем Востоке коммерческая деятельность Московской компании на Каспийском море сошла на нет.

В заключение отметим следующее, вопреки распространенному мнению, местом, где на самом деле началось первое прямое коммерческое взаимодействие между английскими и османскими властями и был заключен первый прямой османско-английский торговый контакт, было не Средиземное море, а Кавказ. Прямые османско-английские торговые контакты, установившиеся на Кавказе, впоследствии легли в основу деятельности Левантийской компании.

Сведения, обнаруженные в источниках из архивов Турции и Англии, а также в дипломатических документах, могут раскрыть новые горизонты для исследования данной тематики. Тщательный анализ торговых связей между Османской империей и Англией в пределах Кавказского региона обещает значительно обогатить наше понимание исторической динамики данного региона, а также расширить рамки существующих знаний о многоаспектных османско-английских взаимоотношениях. Предстоящие исследования в данной области не только заполнят видимый пробел в региональной исторической науке, но и предоставят более глубокое и всестороннее осмысление роли Кавказа в контексте глобальной истории.

Ниже приводится текст торгового соглашения между Османской империей и Англией (1580 г.). Текст соглашения взят из журнала литературного факультета Дарюльфюнун (Dârülfünun Edebiyat Fakültesi Mecmuası), опубликованного Ахметом Рефиком в 1932 г. [19]. На сегодняшний день оригинал договора хранится в Османском архиве. Данный договор является первым важным официальным документом о торговых отношениях между Англией и Османской империей. На русском языке соглашение публикуется впервые.

Türkiye ile İngiltere arasında ticarete dair. Kraliçe Elizabet'le yapılan ticaret muahedesi Nişam hümayun oldur ki

Elhaletü hazihi İngiltere ve France Hiberine vilâyetlerinin Kraliçesi adalet penah ve barigâhi izzet destigâhımız ki melâz ve melceiselâtini cihan ve meaz ve mencei havakîni devrandır, müdebbir olan beğlerinden nam (William Harebone) âdemleri ile mektublar gönderüb âdemleri sabıkan Âsitanei saadet âşiyanimıza gelüb izharı ubudiyet ve ihlâs ve iş'arı rukıyyet ve ihtisas eyliyüb ol tarafdan

âdemleri ticaret için memaliki mahrusemize gelüb gitmek babında isticaze eylemagin olbabda icazeti hümayunumuz mukarin olub menazil ve merahilde ve maabir ve benadirde deryadan ve karadan kimesne rencide ve remide eylemiye deyu ahkâmı şerifemiz virilmekle dergâhı madelet penahımıza hulûsu taviyyet ve sefayi akidet üzre arzı ubudiyyet eyliyüb France ve Venedik ve Lih ve sayir atebei ulyamıza arzı İhlâs eyliyan Kırallar ile mabeynimizde mün'akid olan müvalât ve musafat muktezasınca müşarünileyhayla dahi dostluk üzre olub âdemleri ve sayir tacirleri memaliki mahrusemize emnü eman üzre metâlarile gelüb ticaret eyliyüb kendü hallerinde ve kâr ve kisiblerinde olub ve mukaddema âdemlerinden olub ... nam mahalde esir olub bilfiil mahbus olan ... nam âdemleri itlak olunmak ve müşarünileyhim Kırallara dostluk muktezasınca virilân ahidnamei hümayunu izzet makrunumuz ve ahkâmı şerifemiz mucibince müşarünileyha canibine dahi virilmek babında istid'ayi âtfet eylediği payei şeriri saadet masîri padişahanemize arz ve takrir olunmagin müşarünileyhanın istid'ası izzî huzuru lâmiünnurumuzda hayyizi kabulde vaki olub işbu ahidnamei hümayunu adalet makrunumuzu inayet idüb memaliki mahrusemizde vaki olan Beğlerbeğiler ve Beğler kullarımıza ve Kadılara ve umumen iskele eminlerine ahkâmı şerifemiz irsal olunub fermanı kazacereyanımız bu vechile sâdır oldü ki mademki müşarünileyha tarafından şeraiti ahdü peymanе riayet ve kavaidi sulhü eman kemayenbagi sıyanet olma bu taraftan dahi kendü malleri ve sayir esbab ve metâları ile eğer deryadan gelân kalyonlar ve sayir gemileri ve içlerinde olan âdemleridir ve esbab ve metâlarıdır asla bir ferd dahlü taarruz eylemeyüb kendü hallerinde ve kâr ve kisiblerinde olalar Eğer memaliki mahrusemize ve eğer ahar vilâyetlere giderken ve gelürken rencberliklerinde iken bir tarikle esir olurlar ise ol asıllar giru halâs ola Ve kalyonları ve sayir levazımında hazır bulunan eğer hâssa gemiler halkıdır ve eğer gayrıdır muavenet eyleyüb ve akçe ile zadü zevadelerini tedarikte kimesne mani ve müzahim olmıya Ve eğer deniz gemilerin karaya atarsa Beğler ve Kadılar ve gayriler muavenet eyliyüb kurtulan esbab ve emval giru kendülere virile Dahlolunmıya Eğer denizde ve eğer karada kendü hallerinde yürüyan İngilterelülere kimesne mani olmayub dahlü taarruz kılmıya Ve ol diyar tacirleri ve tercüman ve sayir âdemleri deryadan ve karadan memaliki mahrusemize gelüb bey'ü sıra ve ticaret idüb şöyleki olgelân âdet ve kanun üzre rüsumu adıyyelerin virdüklerinden sonra geliş ve gidişde kapudanlardan ve deryada yürüyen reislerinden ve gariden ve asker halkından kimesne mani olmıya Kendülere ve âdemlerine ve esbab ve davalarına dahlü taarruz eylemiye Eğer İngilterelünün biri medyun olsa deyin borcludan taleb olunub alma Kefil olmayıcak ahar kimesne tutulub taleb (olunmıya) Ve eğer biri mürd olsa esbab ve emvalin kime vasiyyet iderse ana virilir Vasiyyet (vasisi) mürd olsa konsolosları marifeti ile ol yerlü yoldaşına virile. Kimesne dahleylemiye. Ve İgilter ve ana tâbi olan yirlerin bazirgânları ve tercümanları ve konsolosları memaliki mahrusemizde beyü sıra ve ticaret ve kefalet hususlarında ve sayir umuru şeriyye oldukda kadiya varub sebtı sicil etdirüb veya hüccet alalar Sonra nizâ olursa hüccet ve sicille nazar olunub mucibi ile amel oluna Bu ikisinden biri olmayub mücerred şahidi zor ikamet eylemekle hilâfı vâkii şer' olan davaları istima olunmıya ve bazı kimesneler: «Bize şetmeyledünüz» deyu iftira idüb şahidi zor ikamet eyleyüb mücerred celb ve ahiz için hilâfı şer'I kavim rencide eylemek istediklerinde men olunalar Ve bunlardan biri medyun alsa le s bir vechile müttehem olub gaybet eylese anun için kefaletsüz ahar kimesne tutulmıya Ve İngilterelüye müteallik esir bulunursa ki konsolosları taleb idüb İngilterelü idükleri zâhir olub şübhe olmak ihtimali olmazsa alınub İngiltereliye vireler. İngiltere ve ana tâbi olan yerlerden memaliki mahrusemizde müttemekin olanlar eğer le olsun eğer ergen olsun rencberlik ideler anlardan harac taleb olunmıya İskenderiyye ve Şam Trablusuna ve Cezayir ve Tunus ve Trablus Garb ve Mısır iskelelerine ve gayre tayin eyledükleri konsolosların tebdil idüb yerlerine ol hidmetin uhdesinden gelür âdemler tayin idüb gönderdikde kimesne mani olmıya Eğer tercemanları mühim maslahat üzre ise gelince tevkif oluna. Amma anlar dahi taallül eylemeyüb tercemanların ihzar ideler Ve eğer İngilterelünün biri biri ile nizâları olsa mezbur elçileri ve konsolosları âdetlerince faslideler Kimesne mani olmıya Şöyleki Levend kayıkları deryadan varub İngilterelülere ahidname virildiği tarihten sonra esir idüb getirüb Rumelinde ve Anadolu da satarlar anun gibiler bulduklarında gereği gibi dikkat ve ihtimam ile teftiş olunub her kimin elinde bulunursa kimden aldığı bulduralar. Ol esir müslüman olmuş ise alan kimesniye akçasın andan ahvirilüb azad olub salvirile İngilterelüye teslim oluna.

Торговое соглашение с королевой Елизаветой

Высочайший указ таков:

Ныне царствующей королеве Англии, Франции и Гибернии нашим справедливым двором и высочайшим повелением господин и покровитель правителей мира, защитник и властитель властелинов, обменялся письмами с полномочными управителями Уильямом Харборном, прибывшими к нашей престольной обители блаженства⁴ и выразившими искреннюю покорность, учтивость и обходительность, просившими дозволения по вопросу о прибытии в наше священное государство торговцев. В этой связи [изъявляем] наше высочайшее дозволение и досточтимое повеление в торговых домах и постоянных дворах, мостах и портах, на суше и на море никого не притеснять и не страшать. К нашему высочайшему справедливому двору покорно и доброжелательно обратились французские, венецианские, лихские и прочие короли, и согласно заключенным с ними соглашениями о дружбе и сотрудничестве подданные и прочие торговцы [вольны] вести торговлю в нашем священном государстве, пребывая в полной безопасности, заниматься своим ремеслом, и [надобно] освободить людей ... (имена), взятых в плен в ... (название местности). Дружественно [предоставить] нашим священным повелением упомянутым королям высочайшие наши капитуляции. В придачу к вышеупомянутому, достопочтенному и блаженному нашему падишахскому величию доложено о нижайшей просьбе, которая была благосклонно принята нашим светозарным повелением, и за сим покровительственно выдана эта высочайшая капитуляция. И [надобно] доставить до сведения подданных нашего священного государства, беев, бейлербеев, кадиев и всех портовых служащих наши священные повеления, и приказ наш исполнять таким образом: условия вышеупомянутого соглашения впредь становятся гарантом мира и должны надлежаще соблюдаться. Никому ни при каких условиях не покушаться на галеоны и прочие прибывающие по морю суда, экипаж и товары, прочие средства и изделия, обеспечить свободную деятельность торговцев и земледельцев. Если при следовании в наше священное государство и другие страны в наших владениях будут тем или иным образом пленены ремесленники, то они освобождаются. Никто не должен препятствовать или чинить неудобства экипажу или другим членам судна, галеона и других транспортных средств, и при транспортировке товаров или денежных средств [надобно] оказывать всяческую помощь. Если же судно выбросит на берег, беки и кадии [должны] содействовать возвращению спасенных товаров и средств их владельцам. Не препятствовать и не нападать на англичан, странствующих по морю и на суше. Капитаны, рейсы и прочие военнослужащие не должны чинить неудобств для торговцев, переводчиков и прочих людей из этой страны, прибывающих в наше священное государство по морю или по суше для осуществления торговли, оплачивая установленные обычаями и законами пошлины. Не покушаться на них самих, их людей, имущество, не отвергать их иски. Если кто-то из англичан является должником, от него требовать выплаты долга. Не требовать выплаты долга у других лиц, не являющихся поручителями. Если кто-то погибнет, его имущество и товар передать тому, кому они завещаны. Если же погибнет получатель наследства, передать его землякам с ведома консула. Иных не привлекать. Купцы, переводчики и консулы Англии и вассальных ей земель, прибывающих в наше священное государство с целью торговли, поручительства или по иным законным основаниям должны пройти регистрацию или получить [купчую] запись у кадиев. Если же возникнут споры, решения по ним выносить с учетом записей и регистрационных данных. В случае если таковые отсутствуют, ограничения на выезд не налагать, незаконных слушаний не проводить, препятствовать тем, кто клеветает: «Нас обругали», желая ограничить свободу передвижения и незаконно подвергнуть аресту. В случае если кто-то из них окажется должником, которому будет предъявлено обвинение, и будет он скрываться, никого вместо него не арестовывать в отсутствие поручительства. Если пленник окажется связан с англичанами, и в его английском подданстве не будет сомнений, то по требованию консулов [надобно] выдать его англичанам. Не требовать выплаты хараджа с женатых или холостых резидентов-земледельцев или ремесленников, прибывающих в наше священное государство из Англии или вассальных ей земель. Не препятствовать выполнению обязательств консулов по назначению и переназначению служащих в порты Александрии, Ливанского Триполи, Алжира, Туниса, Ливийского Триполи, Каира, а также служащих без определенного назначения. Если возникнет непреложная необходимость, переводчики могут быть задержаны по прибытии. Но их задержание не должно продлеваться под иными предлогами. Если возникнет спор между англичанами, упомянутые послы и консулы должны разрешить спор по своим обычаям. Никто не должен этому препятствовать. Суда мореплавателей, пленивших англичан на море для дальнейшей продажи в Румелии и Анатолии, после жалования настоящих капитуляций подвергаются тщательной ревизии для установления происхождения товаров. Если же пленник окажется мусульманином, он освобождается и с него взыскиваются средства для дальнейшей передачи пленившим англичанам.

4. Âsitane-i saadet âşiyânımız; г. Стамбул.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

REFERENCES

1. Кафар-Заде Л.Р. Письма Королевы Елизаветы I Тюдор в истории Англо-Севфидских дипломатических отношений // Современная научная мысль. 2022. № 4. Рр. 212–224.
2. Лосев Ю.И. Экономическая и политическая деятельность Британской Ост-Индской компании в Индии (XVII – начало XVIII в.): диссертация. М., 2003. – 353 с.
3. Ищенко В.В. Миссия Э. Дженкинсона в Бухару (1558–1559) и Попытки Английской «Московской Компании» укрепиться в Московии и Средней Азии во второй половине XVI в. // Наука вчера, сегодня, завтра. Материалы научно-практической конференции. Воронеж, 2016. С. 377–383.
4. Wood Alfred C. A History of the Levant Company. New York: Barnes & Noble, 2015. – 267 p.
5. Сабитова Л.Р. Политика Великобритании в Восточном Средиземноморье на рубеже XVIII–XIX вв.: Диссертация. Саратов; 2003. 344 с.
6. Dereli, Hamit. Kraliçe Elizabeth Döneminde Türkler ve İngilizler. İstanbul, 1951. –135 p.
7. Kütükoğlu S. Mübahat. Balta Limanına Giden Yol: Osmanlı-İngiliz İktisadi Münasebetleri (1580–1950). Ankara: Türk Tarih Kurumu, 2013. – 378 p.
8. Rosedale H.G. Queen Elizabeth and the Levant Company: A Diplomatic and Literary Episode of the Establishment of Our Trade with Turkey (Classic Reprint). Forgotten Books, 2018. – 206 p.
9. Talbot, Micheal. British-Ottoman Relations, 1661–1807: Commerce and Diplomatic Practice in Eighteenth-Century Istanbul. The Woodbridge: Boydell Press, 2017. – 270 p.
10. Burian O. Türk-İngiliz münasebetinin ilk yılları // Ankara Üniversitesi Dil ve Tarih-Coğrafya Fakültesi Dergisi. T. 9. № 1–2. 1951. С. 1–41.
11. Early Voyages and Travels to Russia and Persia by Anthony Jenkinson and other Englishmen: with Some Account of the First Intercourse of the English with Russia and Central Asia by Way of the Caspian Sea, I–II, ed. E. D. Morgan-C. H. Coote. London, 1886. – 496 p.
12. Кучирь А.Г. «Каспийское мореходство – дело государства». История борьбы за Каспий. СПб.: Морское наследие, 2015. – 190 с.
13. Uzunçarşılı İ. H. Osmanlı Tarihi III // Türk Tarih Kurumu. – 652 p.
14. Идрисов Ю.М., Ханмурзаев И.И. «Рукописный портulan Каспийского моря 1519 года» Весконтe Маджоло как источник по исторической географии Прикаспия // Золотоордынское обозрение. 2021. Т. 9. № 4. С. 768–790.
15. Асташкин Р.С. Место Московского царства в экспансии европейцев на восток в XVI–XVII вв. (К постановке проблемы) // Вестник самарского университета. История, педагогика, филология. №4. 2021. С. 19–28.
16. Магарамов Ш.А. Англичане на Каспийском море в XVI в // Вестник КемГУ. №3 (71). 2017. С. 62–66.
17. Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке / перевод с английского Ю.В. Готье. Л.: Печатный двор, 1937. – 308 с.
18. Kortopeter Carl Max. Ottoman Imperialism During the Reformation: Europe and the Caucasus, New York: Universty Press, 1972. – 278 pp.
19. Refik A. Türkler ve Kraliçe Elizabet // Darülfünun Edebiyat Fakültesi Mecmuası. T. VIII. № 5. 1932//Электронный ресурс. Режим доступа: http://isamveri.org/pdfosm/Do0028/1932_8_5/1932_8_5_REFIKA.pdf Дата обращения: 21.06.2023 г.

1. Kafar-Zade LR. Letters of Queen Elizabeth I Tudor in the history of Anglo-Safavid diplomatic relations. *Sovremennaya Nauchnaya Mysl*. 2022; 4: 212-224. (In Russ)
2. Losev Yul. *Economic and political activities of the British East India Company in India (17th – early 18th centuries): dissertation*. Moscow, 2003. (In Russ)
3. Ishchenko VV. The mission of E. Jenkinson to Bukhara (1558–1559) and the attempts of the English “Muscovy Company” to strengthen its position in Muscovy and Central Asia in the second half of the 16th century. *Proceedings of the scientific and practical conference “Science yesterday, today, tomorrow”*. 2016: 377-383. (In Russ)
4. Wood Alfred C. A History of the Levant Company. New York: Barnes & Noble, 2015.
5. Sabitova LR. British Policy in the Eastern Mediterranean at the Turn of the 18th–19th Centuries: Dissertation. Saratov; 2003. (In Russ)
6. Dereli, Hamit. Kraliçe Elizabeth Döneminde Türkler ve İngilizler. İstanbul, 1951.
7. Kütükoğlu S. Mübahat. Balta Limanına Giden Yol: Osmanlı-İngiliz İktisadi Münasebetleri (1580–1950). Ankara: Türk Tarih Kurumu, 2013.
8. Rosedale H.G. Queen Elizabeth and the Levant Company: A Diplomatic and Literary Episode of the Establishment of Our Trade with Turkey (Classic Reprint). Forgotten Books, 2018.
9. Talbot, Michael. British-Ottoman Relations, 1661–1807: Commerce and Diplomatic Practice in Eighteenth-Century Istanbul. The Woodbridge: Boydell Press, 2017.
10. Burian O. Türk-İngiliz münasebetinin ilk yılları. Ankara Üniversitesi Dil ve Tarih-Coğrafya Fakültesi Dergisi. 1951; 9(1–2): 1–41.
11. Early Voyages and Travels to Russia and Persia by Anthony Jenkinson and other Englishmen: with Some Account of the First Intercourse of the English with Russia and Central Asia by Way of the Caspian Sea, I–II, ed. E. D. Morgan-C. H. Coote. London, 1886.
12. Kuchir A.G. “Caspian navigation is the sovereign’s business”. History of the struggle for the Caspian Sea. St. Petersburg: Marine Heritage, 2015. (In Russ)
13. Uzunçarşılı İ. H. Osmanlı Tarihi III. Türk Tarih Kurumu.
14. Idrisov YuM., Khanmurzaev II. “The Manuscript Portolan Chart of the Caspian Sea of 1519” by Vesconte Maggiolo as a Source on the Historical Geography of the Caspian Region. *Zolotoordynskoe Obozrenie*. 2021; 9(4): 768-790. (In Russ)
15. Astashkin RS. The Place of the Moscow Tsardom in the Expansion of Europeans to the East in the 16th–17th Centuries (Towards the Formulation of the Problem). *Bulletin of Samara University. History, Pedagogy, Philology*. 2021; 4: 19-28. (In Russ)
16. Magaramov ShA. The British on the Caspian Sea in the 16th Century. *Bulletin of KemSU*. 2017; 3(71): 62-66. (In Russ)
17. English Travelers in the Moscow State in the 16th Century / translated from English by Yu.V. Gautier. Leningrad: Pechatnyy Dvor, 1937. (In Russ)
18. Kortopeter Carl Max. Ottoman Imperialism During the Reformation: Europe and the Caucasus. New York: University Press, 1972.
19. Refik A. Türkler ve Kraliçe Elizabet. Darülfünun Edebiyat Fakültesi Mecmuası. 1932; 8(5). Available at: http://isamveri.org/pdfosm/Do0028/1932_8_5/1932_8_5_REFIKA.pdf Accessed on: 21.06.2023

Поступила в редакцию 19.01.2024 г.

Принята в печать 10.06.2024 г.

Опубликована 15.12.2024 г.

Received 19.01.2024

Accepted 10.06.2024

Published 15.12.2024

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH204791-802>

Research paper

Shamil Sh. Shikhaliev,
Cand. Sci., Leading Researcher
Institute of History, Archeology and Ethnography
Dagestan Federal Research Center of RAS, Makhachkala, Russia;
shihaliev74@mail.ru

SUFI MODELS OF AN IDEAL MUSLIM IN DAGESTAN (17th – 19th CENTURIES)

Abstract. The article examines the history of Sufism in Daghestan through the lens of specific behavioral models. Across various historical periods, Sufi communities held differing perceptions of what an ideal Muslim should be and through which practices this ideal could be cultivated. An analysis of the genre repertoire within Daghestani manuscript collections indicates that Sufi literature in Daghestan developed unevenly. Prior to the 18th century, the works of Abū Ḥāmid al-Ghazālī were widely disseminated in Daghestan. Additionally, between the 16th and 18th centuries, the Khalwatiyya works entered the local intellectual tradition and coexisted with those of al-Ghazālī. In the 18th century, interest in Sufism in Daghestan declined, as evidenced by the near cessation of manuscript copying of Sufi texts. However, in the 19th century, local scholars once again began copying Sufi works, coinciding with the spread of the Naqshbandiyya brotherhood in Daghestan. During this period, the writings of al-Ghazālī and Khalwatiyya shayikhs were also reintegrated into the local literary tradition. An analysis of Sufi literature copied in Daghestan reveals three primary models representing the ideal type of Muslim. The first model emphasizes strict adherence to ethical norms intertwined with Islamic normative practices. The second model highlights the significance of esoteric practices. The third model focuses on Sufi ritual practice. These models did not displace one another but coexisted during certain historical periods. The plurality of these models shaped a diversity of behavioral patterns among Daghestani Muslims, who identified themselves through adherence to one model or another.

Keywords: Dagestan; Sufism; manuscripts; behavioral model; ideal Muslim

For citation: Shikhaliev Sh.Sh. Sufi Models of an Ideal Muslim in Dagestan (17th - 19th Centuries). *History, Archeology and Ethnography of the Caucasus*. 2024. Vol. 20. N. 4. Pp. 791-802. doi.org/10.32653/CH204791-802

© Sh.Sh. Shikhaliev, 2024

© Daghestan Federal Research Centre of RAS, 2024

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH204791-802>

Исследовательская статья

Шихалиев Шамиль Шихалиевич
к.и.н., ведущий научный сотрудник
Институт истории, археологии и этнографии
Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, Махачкала, Россия
shihaliev74@mail.ru

МОДЕЛИ ЛИЧНОСТИ МУСУЛЬМАНИНА В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ СУФИЗМА В ДАГЕСТАНЕ (XVII–XIX вв.)

Аннотация. Статья посвящена истории суфизма в Дагестане, исследуемой сквозь призму временно-специфических моделей поведения, характеризующих идеальный тип мусульманина. В разные исторические периоды в суфийских сообществах существовало различное понимание того, каким должен быть идеальный мусульманин и через какие практики возможно этого достичь. Анализ жанрового репертуара частных, государственных и мечетских коллекций свидетельствует о неравномерном развитии суфийской литературы в Дагестане. До начала XVIII века широкое распространение получили здесь сочинения выдающегося ученого и суфия Абу Хамида ал-Газали. Параллельно с этим, с XVI века и вплоть до начала XVIII века наблюдается развитие братства Халватия, произведения представителей которого также вошли в местную интеллектуальную традицию, сосуществуя с трудами ал-Газали. В XVIII веке интерес к суфизму в Дагестане заметно снизился, что подтверждается почти полным прекращением переписки суфийских сочинений. Однако в XIX веке дагестанские ученые вновь начали переписывать произведения по суфизму, что совпало с распространением Накшбандийского братства в Дагестане. Одновременно с этим сочинения ал-Газали и халватийских шейхов вновь стали частью местной письменной традиции. Анализ суфийской литературы, переписываемой в Дагестане, позволил мне выделить три основные модели представления идеального типа мусульманина. Первая модель акцентируется на строгом соблюдении этических норм в сочетании с исламскими нормативными практиками. Вторая подчеркивает значимость эзотерических и оккультных практик. Третья делает акцент на ритуальной практике суфизма. Эти модели не вытесняли друг друга, а сосуществовали в определенные исторические периоды. Плюрализм данных моделей формировал разнообразные поведенческие стереотипы дагестанских мусульман, идентифицировавших себя через приверженность к той или иной модели.

Ключевые слова: Дагестан; суфизм; рационализм; поведенческие модели; идеальный мусульманин

Для цитирования: Шихалиев Ш.Ш. Модели личности мусульманина в контексте развития суфизма в Дагестане (XVII–XIX вв.) // История, археология и этнография Кавказа. 2024. Vol. 20. N. 4. P. 791-802. doi. org/10.32653/CH204791-802.

Introduction. Muslim Personality Models

Sufism has occupied a significant place in the life of the Muslims in Dagestan for many centuries. Over years of archaeological work, historians from Dagestan have recorded hundreds of Sufi texts from the region, including more than 60 original works by Dagestani authors.

In studying these Sufi texts, one notices recurring terms such as selfhood (*naḥs*), ethics (*akhlāq*), asceticism (*zuhd*), trust in God (*tawakkul*), divine love (*ishq*), etc. The common thread in these Sufi texts is their focus on the moral self-improvement of Muslims. However, there were variations in certain historical periods within Sufi groups regarding how an ideal Muslim should be cultivated.

In this article, I focus on what these sources reveal about the lived experiences of Dagestani Muslims and how they applied their religious beliefs and their notions of what it means to be an ideal Muslim (*al-insān al-kāmil*). My main hypothesis is that Sufi literature serves as a medium for expressing how the author perceives himself as a Muslim and how he attempts to embody his understanding of being an ideal Muslim in his personal life.

The study of Sufi literature, alongside the theory and practice of Sufism in Dagestan, made it possible to identify several distinct behavioral models for self-cultivation and how Muslims are encouraged to pursue this ideal. The coexistence of different models during certain periods was typical. Some models prevailed over the others, and this diversity in behavioral models has been a characteristic feature of Dagestan for many centuries.

The “Moral subject” model

The integration of Derbent, first into the Arab Caliphate and later into the Seljuk state, led to the formation of strong scientific and educational ties between the Muslim elite of Derbent and scholars in the Middle East. Beginning in the 11th century, many members of Derbent’s intellectual elite were educated at the renowned *al-Nizāmiyya* madrasa in Baghdad, where Abū Ḥāmid al-Ghazālī taught for most of his life. Upon returning to their homeland, these scholars established madrasas and educational circles in mosques, modeled after the *al-Nizāmiyya* [1, pp. 267–268]. This resulted in the widespread dissemination of educational literature associated with *al-Nizāmiyya*’s activities in Dagestan, including numerous works by al-Ghazālī or those inspired by him. Al-Ghazālī’s works would continue to play an influential role in Islamic thought in Dagestan for centuries. In Dagestan, al-Ghazālī was primarily revered as a Sufi shaykh, and his writings were regarded as the foremost, if not the only, authoritative sources on Muslim ethics for several centuries. One of the most popular works of al-Ghazālī include *Minhāj al-‘ābidīn*, *Ayyuhā-l-walad* written in the genre of ethical guidance that the author gives to his student¹ as well as his other work *Bidāyat al-hidāya*.

The intended audience of *Bidāyat al-Hidāya* were students, and the text aims to educate Muslims on how to approach their journey towards becoming an ideal Muslim. The work comprises an introduction and two main sections. Al-Ghazālī begins this essay by appealing to readers who are about to embark on the study of Islamic sciences. He emphasizes that these studies should not be pursued for personal gain or to achieve social status, but solely for the purpose of “guiding Muslims along the true path” [3, pp. 59–60]. In particular, Al-Ghazālī writes:

“I will show you where the path of truth begins, so that you experience your selfhood (*naḥs*) with it. If you see that your heart is inclined towards it, and your essence obeys it, then you can strive for the ultimate goal of the true path and immerse yourself in the study of the sea of sciences. If your heart is not following this, then know that your selfhood (*naḥs*), striving for the study of sciences, is essentially the essence leading to evil, subordinate to the Satan who will deceive you into the abyss of disasters” [3, p. 61].

Here, Al-Ghazālī emphasizes that the study of the Islamic sciences should be undertaken with the sole intention of educating oneself and others on the true path, thereby earning God’s approval. Otherwise, if used for worldly aims, the scholar will face divine punishment on the Day of Judgment, and the pursuit will ultimately fail.

1. Alexey Khismatulin questions the well-established attribution of this work. He believes that this work is a later compilation attributed to al-Ghazālī after his death. See: [2, pp. 266–326]. Without denying this hypothesis, I still rely on the fact that the Daghestani theologians attributed authorship to al-Ghazālī.

Further al-Ghazālī outlines three main components of Muslim ritual practice (*‘ibāda*): ritual purity (*ṭahāra*), ritual prayer (*ṣalāt*) and fasting (*ṣawm*). Unlike other theologians, al-Ghazālī not only discusses obligatory actions to be performed during ritual ablution or prayer, but also considers additional prayers, the reading of which, in his opinion, is highly desirable.

The subsequent section of his work is dedicated to the ethical norms Muslims should observe in society, as well as in their personal communication with God.

In his work, the ethics of performing every action (awakening, ritual ablution, eating, going to bed, etc.) occupies an important place and is closely intertwined with ritual practices. According to al-Ghazālī, an ideal Muslim is not only one who fulfills all five of God’s obligatory duties. In his view, all these practices should be part of the daily life and should be closely intertwined with morality. This emphasis on the place of the Muslim in society in terms of morality is the main feature of al-Ghazālī’s works [3, pp. 114–115].

Hence, merely observing the five pillars of Islam is not enough to become an ideal Muslim. Only the person, who while observing all the precepts of Islam, also benefits people and society through his actions, truly conforms to the Muslim ideal. According to al-Ghazālī therefore, the cultivation of an ideal Muslim must include both instruction in correct ritual practices and emphasis on conducting oneself in a manner that benefits others.

It is important to note that morality, as the main category for defining the ideal Muslim, permeates not only his work in the field of Sufism, law or philosophy [4, pp. 111–127]. Al-Ghazālī also draws close attention to the issue of cultivating moral subjects in the field of education, since it is the future Muslim elites who will be responsible for raising ideal Muslims [5, pp. 316–319].

The popularity of al-Ghazālī’s works in Dagestan can partially be explained by the fact that he wrote for a variety of target audiences and that his works include accessible educational material. The interest in al-Ghazālī’s works in Dagestan is evident in the manuscript copying practices of the region.

The Collection of Oriental Manuscripts of the Institute of History, Archaeology and Ethnography in Makhachkala, which comprises more than 5000 works, includes 105 copies of al-Ghazālī’s works, which is slightly more than 2%. Considering that the total number of works on ethics and Sufism make up more than 4% of the collection, al-Ghazālī’s work account for almost half of this category.

The other private and public collections paint a similar picture. In all the eight private and state collections I investigated, there were 164 manuscripts of works by al-Ghazālī. The figure below displays in what century the texts were copied.²

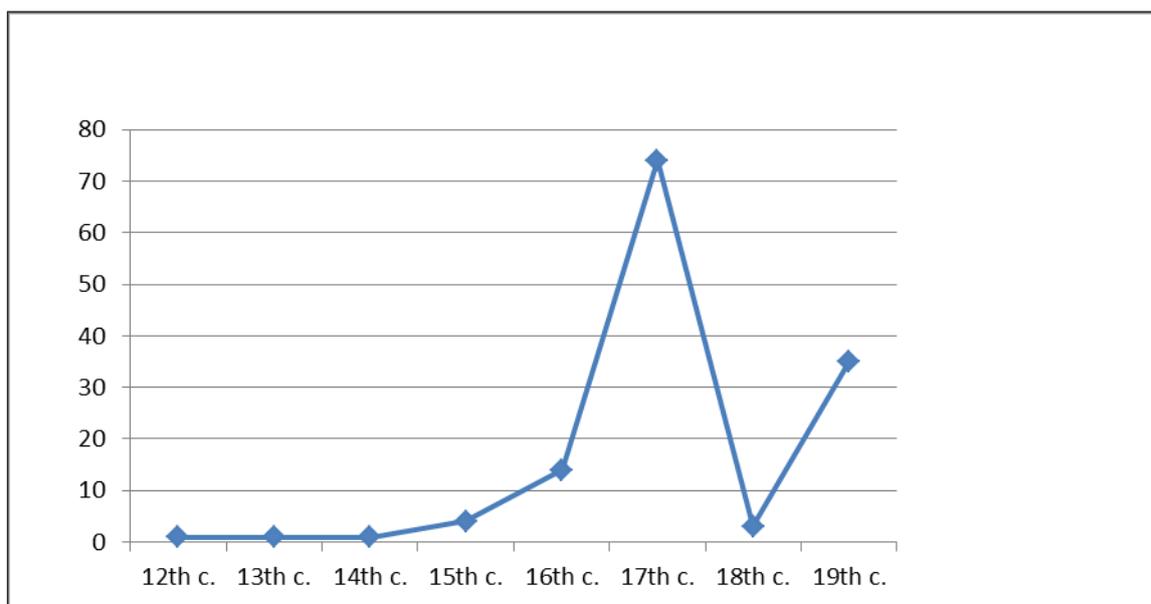

Fig. 1. The copying of al-Ghazālī works in Dagestan

2. All figures presented below are based on a statistical analysis of genres, dates and places of copy from private and public collections in Dagestan (approximately 8000 manuscripts and old printed books).

As shown in Fig. 1, the overwhelming majority of al-Ghazālī's manuscripts were copied in the 17th century, with more copies produced in the first half of the century than in the second. Toward the end of the 17th century and during the first half of the 18th century, interest in al-Ghazālī's work almost entirely disappeared in Dagestan, and his works were rarely copied. However, interest in al-Ghazālī's works resurged at the beginning of the 19th century.

In the 15th – 17th centuries, al-Ghazālī's works occupied a dominant position in the field of Muslim ethics in general and Sufi ethics in particular. Interest in his works in Dagestan re-emerged at the start of the 19th century, which corresponds to the spread of Naqshbandiyya in Dagestan.

Interest in Sufi literature declined in Dagestan at the start of the 20th century, as it did throughout the Muslim world. The figure below shows when manuscripts on Muslim ethics and Sufism from the Dagestan collections were copied.

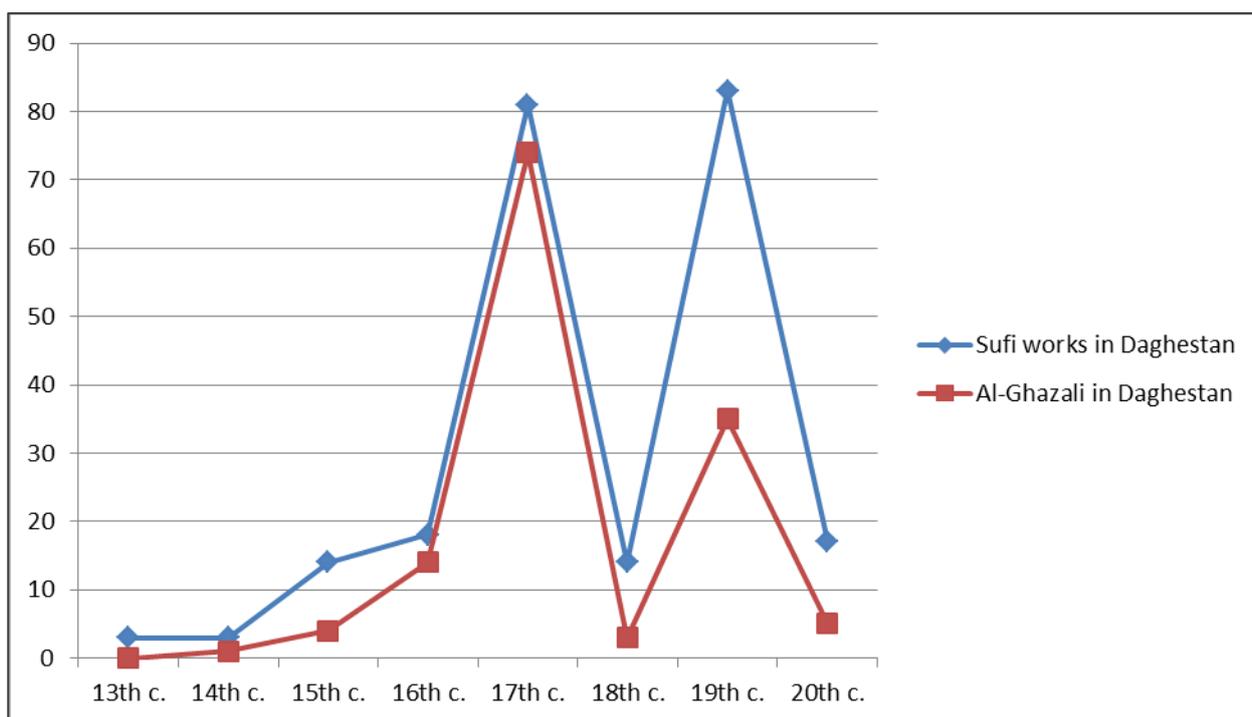

Fig. 2. The copying of al-Ghazālī and works on Sufism in Dagestan

Al-Ghazālī strictly approaches Sufi practice, evaluating its compliance with the Qurʾān and Sunna. Unlike other Sufi theologians, al-Ghazālī rarely focuses on irrational experience, except when discussing knowledge of God, who is beyond all definitions. In his works, ritual practice is closely intertwined with a deep immersion in moral aspects, effectively minimizing the extreme degree of exaltation of Sufism. Al-Ghazālī develops a more strict form of Sufism, and, by evaluating Sufi practices on the basis of the Sharīʿa, he brings Sufism as close as possible to Sharīʿa principles.

This model is characterized by the definition and classification of Sufi terms and concepts, their interpretation, and a deep immersion in ethics. There is a significant emphasis on explaining Sufi “stations” (*al-maqāmāt*) and “states” (*al-aḥwāl*), as well as the interpretation of emotions such as repentance, fear, trust in God, joy, and sadness. These terms and concepts are closely intertwined with the norms of Islamic practices.

Al-Ghazālī's Sufism is not an elite movement. In his works, there are no complex Sufi practices and rituals intended solely for a select group. Instead, al-Ghazālī appeals to all Muslims and formulates his ethics precepts for the Muslim society (*umma*) as a whole. By reaching a wide range of readers, these works had a profound impact on the norms of societal behavior, the moral aspects of Muslim life.

In al-Ghazālī's works, the utterances of the Prophet Muḥammad (*ḥadīth*) serve both to illustrate the ideal behavior of a Muslim and as an unconditional absolutization of the statements of the Prophet Muḥammad and as an irreproachable authority in matters of law, morality and ethics.

The “Esoteric subject” model

In parallel with al-Ghazālī, one can find the coexistence in the same period of the works of the Khalwatiyya shaykhs. Moreover, the works of the Khalwatiyya shaykhs begin to spread exactly when those of al-Ghazālī start their sharp rise in popularity in the 16th century and interest in the shaykhs’ ideas continues to follow suit to that in those of al-Ghazālī.

Penetrating into Dagestan through Shirvan, this brotherhood first spread in southern Dagestan [6, 105–111; 7, pp. 97–102; 8, pp. 179–188]. Gradually moving northwest, it expanded to Central Dagestan and ultimately reached Western Dagestan [9, pp. 70–81], an area that had only recently been Islamized. Extant Sufi genealogies of this brotherhood indicate the presence of shaykhs from this branch in various regions of Dagestan from the 16th to the first half of the 17th centuries.

Although the history, theory, and practice of this brotherhood’s spread have already garnered scholarly attention [10; 11, pp. 101–119], the Dagestan branch remains largely unexplored. It would be inappropriate to rely solely on existing scholarship about Khalwatiyya in Egypt or the Ottoman Empire, as this brotherhood is characterized by diverse branches, each with its own distinctive features, including variations in ritual practices across different regions [12, pp. 69, 74–78]. A notable characteristic of this model is its emphasis on esotericism and occult knowledge. According to this model, through esoteric knowledge and practices one can achieve the status of an ideal Muslim. For this reason, I have named this model the “Esoteric subject.” Considering the complex rituals and the elitism associated with this model, the shaykhs exemplify the ideal type of Muslim that their disciples should strive to emulate.³ According to the Khalwati shaykhs, the Sufis adhere to the orders of God more faithfully than others and avoid all that God prohibits. In their opinion, Sufis cleanse their hearts of defilement and are therefore “purer” than others [13, p. 57]. Thus, the activity of the Khalwatiyya order in Dagestan was characterized by the inclusion of a narrow, exclusive circle in its brotherhood, which indicates the elitism of this group. On the other hand, due to its limitations and emphasis on being chosen, coupled with its complex ritual practices, it was considered marginal in Dagestan. Similar isolation and elitism within the Khalwatiyya, as well as the shaykhs’ sib interactions, are characteristic of other regions as well [11, pp. 110–119].

Researchers note that with post-Mongol Persianate developments, leading up to the colonial period, the occult sciences constituted roughly half of Islamic natural and mathematical sciences [14, p. 311]. Originating from a predominantly Persianate region, this deeply influenced the esoterization of the Khalwatiyya order. Consequently, the Khalwatiyya could not escape the influence of Shi’ism, and more specifically, Twelverism. The Khalwatiyya shaykhs attributed their spiritual genealogy (*silsila*) to ‘Alī b. Abī Ṭālib, who was greatly respected within this order [12, p. 75]. Dagestani Khalwati shaykh Aḥmad al-Zirihgirānī (d. 1560s) highlighted the sacred significance of the number 12. He pointed out that the basic formula of monotheism practiced in this brotherhood – “there is no deity but God” (لا اله الا الله) – contains exactly 12 Arabic letters. According to al-Zirihgirānī, the practice of theomnemia (*dhikr*) was inspired to the Prophet Muḥammad by the angel Jibīl, who then instructed his cousin and son-in-law ‘Alī b. Abī Ṭālib to teach the *dhikr*. In addition, when the Prophet Musa struck a rock with his staff, 12 springs emerged in this place.⁴

In general, the occult meaning of Arabic numbers and letters (*‘ilm al-arqām wa-l-ḥurūf*) is a distinctive feature among the followers of this brotherhood. In their works, shaykhs often attribute sacred meanings to certain terms, uncovering these meanings through the esoteric interpretation of letters and numbers. So, in the term “*faqr*” (i.e., poverty), they distinguish three root letters – F-Q-R. According to the Khalwatiyya shaykhs, the “F” stands for the dissolution in the essence of God (*al-Fanā*), “Q” – for the approach to the knowledge of God (*al-Qurba*), and “R” – for the ability to contemplate God (*al-Ru’ya*).⁵

The Khalwatiyya order also attached great importance to the interpretation of dreams. The disciples had to share their dreams with their shaykhs, who would then determine the disciple’s level of piety he had reached on that basis.⁶ This focus on dream interpretation may be related to the interest in works on the magic of numbers and letters in Dagestan.

3. Aḥmad al-Zirihgirānī, *Silsilat al-masnū’āt*. Manuscript. Collection of Oriental Manuscripts of the Institute of History, Archaeology and Ethnography (further as: COM IHAE), Fond 14, No. 1919 (b), f. 6b.

4. *Ibid.*, ff. 7b-8a.

5. *Ibid.*, f. 3a.

6. *Ibid.*, f. 4b. See also: [12, p. 158].

In this model, the Prophet Muḥammad remains a central figure, serving as the primary example of ethical behavior. However, there is an increased emphasis on the role of Sufi shaykhs, who are seen as being morally similar to the Prophet Muḥammad. Aḥmad al-Zirihgirānī described two types of messengers of God. The first, whom he named “initial” (*al-aṣlī*), are the prophets. The latter, whom he named “emergent” (*al-farī*), are the Sufi shaykhs who “were sent by God to the Muslims through the Prophet Muḥammad” and who “are the spiritual heirs of the Prophet Muḥammad” and whom Muslims “must unconditionally believe in everything”.⁷

The “Esoteric subject” model is characterized by a deep immersion in cosmography and an esoteric interpretation of the universe’s origins within the framework of Muslim dogma. Yūsuf al-Muskurī’s treatise “*Tīfl al-ma’ān*” serves as a notable example of this approach. In his work, al-Muskurī delves into the origins of the world, angels, and Divine light, interpreting these elements from an esoteric perspective.⁸ Such a bias towards esoteric explanations of dogma frequently intertwined with numerology and mystical interpretations of letters. This approach was a defining characteristic of the model. Such complex and mystical aspects – the magic of numbers and letters, dream interpretation, and esoteric understandings of the world’s origin – were typically beyond the reach of uneducated Muslims. This exclusive knowledge provided a means of spiritual enhancement and was characteristic of the Khalwatiyya order in Dagestan.

The Khalwatiyya shaykhs were a group of Sufi theologians with close intellectual ties, who set exceptionally high standards for anyone seeking to join their order. Neophytes had to undergo the “leaving” (*hilla*) – a daunting set of initiation rituals which emphasized ascetism. Only after having passed the *hilla* could one become a full member of the brotherhood. The Khalwatiyya shaykhs were especially strict with the neophytes. The initiation process was accompanied by a complex ceremony, which included forty days of solitude (*khalwat*), additional prayers, with an emphasis on asceticism.

Contrary to Khalwatiyya, Al-Ghazālī’s works provide a model of behavior that is not only wider in scope than that of the Khalwatiyya shaykhs but also universal instead of limited in its application. This is evident in the small number of Khalwatiyya works that were distributed in Dagestan compared to those by al-Ghazālī.

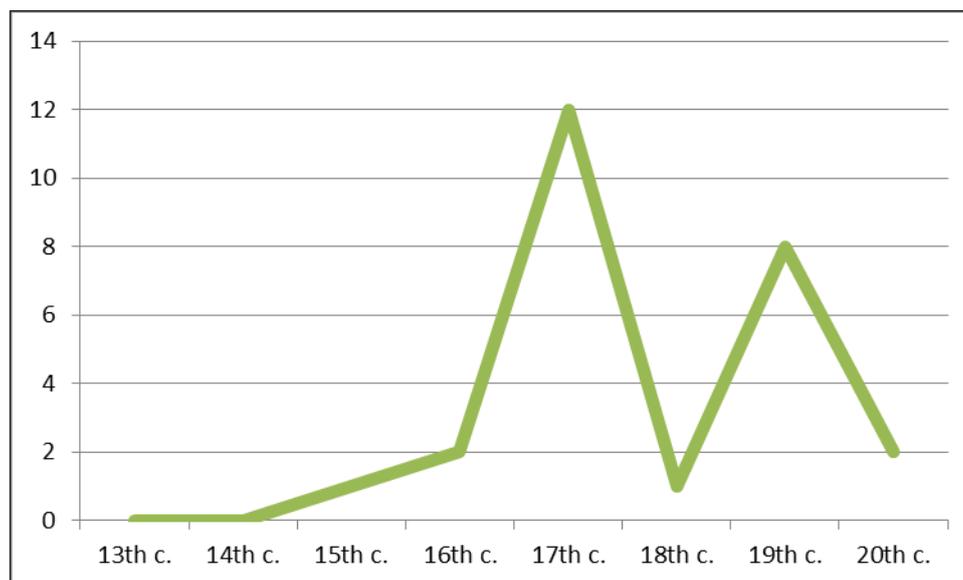

Fig. 3. The copying of al-Khalwatiyya works in Dagestan

As shown in Fig. 3, the largest number of manuscripts was copied in the second half of the 16th to the first half of the 17th century. This period corresponds to the era when the Khalwatiyya were at the peak of their influence. In the 19th century, interest in the works of the Khalwatiyya shaykhs grew once again. This was due to the emergence of the Naqshbandiya order in Dagestan.

Because Shī’a influences are evident in the Khalwatiyya, the works of al-Ghazālī, who adhered to strict Sunni positions, served as a counterbalance for the Khalwatiyya shaykhs. Al-Ghazālī’s moderate Sufism conflicted with the Khalwatiyya’s tendency to manifest an extreme form of Sufism on issues such as the interpretation of

7. Ibid., f. 10b

8. Yūsuf al-Muskurī, *Tīfl al-ma’ān*. Manuscript. COM IHAE, Fond 14, no 2597 (c).

dreams and the magic of numbers. These two models did not merge but coexisted for some time. Moreover, it is likely that, due to their opposing ideas, these models competed with each other. Similar confrontations and criticisms of the Khalwatiyya shaykhs can be observed in other regions of the Islamic world [15, pp. 265–288; 16, pp. 147–170].

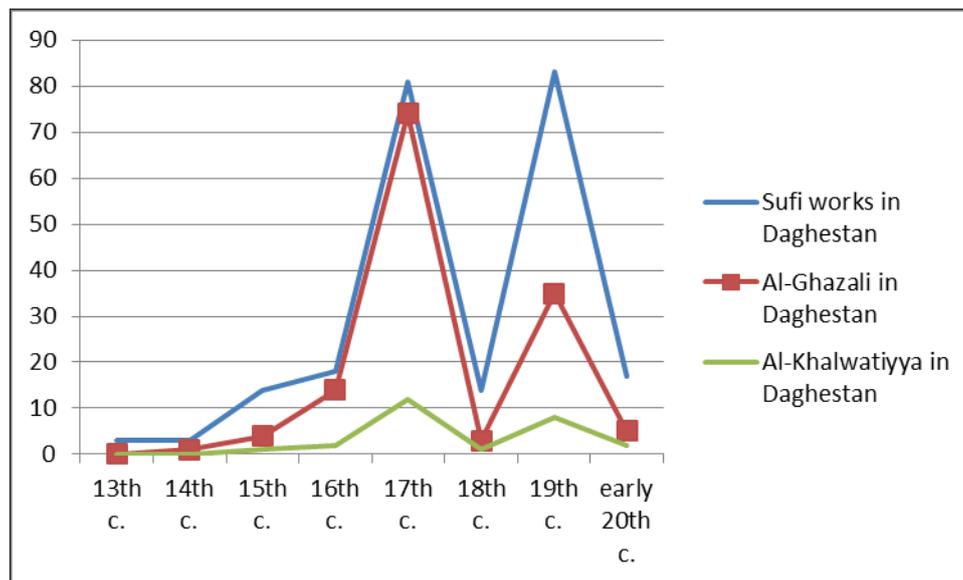

Fig. 4. The copying of al-Khalwatiyya, al-Ghazālī and works on Sufism in Daghestan

As we see in Fig. 4, by the 18th century, interest in Sufism had diminished in Daghestan – not only in the works of al-Ghazālī and the Khalwati shaykhs, but in Sufism as a whole. During this period, Daghestani scholars copied relatively few manuscripts on Sufism. This decline in interest can be attributed to the rapid development of Islamic law in 18th-century Daghestan, which prioritized rational interpretation of the Qur’ān and Sunna over occult practices, as well as the formulation of new legal norms and their strict observance [17, pp. 239–280]. The vigorous advancement of Islamic law, rationalist ideas, and the developments in logic and the natural sciences during that time contributed to a decreased interest among Daghestani scholars in the mystical experiences of Sufis. Consequently, fewer Sufi works were copied during this period, particularly since the institutionalized Khalwati brotherhood ceased to exist by the late 17th century.

“Reflective subject” model

At the onset of the 19th century, Sufi ideas gained popularity once again. This renewed interest was largely due to the emergence of the Naqshbandiyya order at the first third of 19th century, and later, in the 20th century, the Shādhiliyya brotherhoods [18, pp. 41–71; 19, pp. 43–56; 20, pp. 141–168].⁹

Unlike the Khalwatiyya, the Naqshbandiyya and, particularly, the Shādhiliyya succeeded in developing accessible educational resources that appealed to the masses [18, pp. 41–71; 19, pp. 43–56].

In the 19th century, along with the widespread growth of the Naqshbandiyya in Daghestan, there was also a revival of interest in the works of al-Ghazālī and other older Sufi texts. The features of this model are evident in the numerous treatises written by Daghestani Naqshbandi shaykhs [22, pp. 75–91]. The majority of these works have a consistent structure and address similar themes and issues. One notable example is Shaykh Jamāl al-Dīn al-Ghāzīghumuqī’s “*Adāb al-marḍiyya fī-ṭ-ṭarīqa al-Naqshbandiyya*,” which is one of the earliest works in the region dedicated to the ethics and ritual practices of the Naqshbandiyya order [23]. The text consists of introduction and eleven chapters. In the introduction, al-Ghāzīghumuqī emphasizes that the first step of a novice is to study the attributes of God, such as eternity, incorruptibility, omnipotence, as well as their opposites that are not inherent in God.

9. The Qadiri order also spread Sufi ideas, but the influence of the Qadiri was limited to Daghestan. For more details, see: [21, pp. 118–121].

The first chapter of the work “*Adāb al-marḍiyya*” begins with a discussion of the initial stage of joining the Naqshbandiyya order, namely repentance (*tawba*). According to al-Ghāzīghumuqī, this is the first ritual practice that a Muslim must perform, as it is essential for cleansing oneself of sins and progressing on the path of spiritual self-improvement [23, p. 6]. He emphasizes the importance of purifying the soul, removing sinful qualities, and cultivating praiseworthy ones. Al-Ghāzīghumuqī concludes the chapter by stating, “He who warns against blameworthy qualities and cultivates meritorious qualities, follows the path of the Prophet Muḥammad and the pious saints” [23, p. 26].

Al-Ghāzīghumuqī describes the successive stages of Naqshbandiyya ritual practice, including the initiation of an adept into brotherhood, the procedure and conditions for performing individual and collective practices of *dhikr*, spiritual communication with the Prophet Muḥammad through a chain of shaykhs (*rābiʿa*) and solitude (*khalwat*).

Describing the practice of *dhikr*, al-Ghāzīghumuqī states: “Prior to performing *dhikr*, the disciple must envision himself as sinful, weak, devoid of any will of his own and entirely dependent on the divine mercy of God Almighty. He should imagine having passed away, being enshrouded, interred in a tomb, abandoned by people, left in solitude within the dark confines of the grave, and presenting himself before God in a state of humility and submission... the disciple must perpetually maintain the visage of his shaykh in his heart, displaying self-effacement in his presence, demonstrating readiness for self-sacrifice in favor of his shaykh, and refraining from any form of disagreement with him.” [23, pp. 43, 71].

Another Dagestani Naqshbandi shaykh, Ḥasan al-Qaḥī (1852-1937), in his description of the relationship between a shaykh and his disciple, emphasized that the latter should conduct himself in the presence of the shaykh as though he were deceased, lying before the individual responsible for his ritual cleansing. The disciple ought not to oppose his shaykh in any matter and must relinquish the notion of possessing an individual soul [24, p. 444; 25, p. 153].

In other words, the murid is required to suppress any impulse towards expressing individual subjectivity. According to the shaykhs, an ideal Muslim, who must inherently be a Sufi, should follow the path laid out by the shaykh without question, fully entrusting himself to the shaykh’s guidance. The Naqshbandiyya also emphasizes sensory emotionality as an indicator of correctly performed rituals. For instance, Sufis are expected to experience symptoms such as a rapid heartbeat, the transmission of energy at the reception of divine energy (*laḥāʾif*), accelerated breathing, and the presence of a specific scent, among others. The presence and regularity of certain sensory perceptions during spiritual practices are seen as indicators of their correct execution and the practitioner’s advancement towards spiritual brotherhood. Similar explanations of sensory perceptions that Sufis should feel are found in almost all Naqshbandi works. These writings describe that during practices such as *rābiʿa* (feeling a pleasant smell), *murāqaba* (feeling a pleasant trembling in the heart), and *dhikr* (feeling a pleasant warmth), the murid should experience these specific sensations [26, pp. 231, 314]. The focus on sensual experiences resulting from ritual practices is a distinctive feature of the teachings of Naqshbandi shaykhs. These sensory perceptions, which defy rational explanation, serve as a foundation for the Sufi assertion that understanding God cannot be achieved through rational means alone. Instead, a deep, personal connection between the disciple and his shaykh enables the transfer of esoteric knowledge and experience from one to another.

Between the 1850s and 1930s, Naqshbandiyya and Shādhiliyya shaykhs wrote more than 60 original books on Sufism, which were widely copied by the Dagestani scholars [20, p. 141]. This extensive dissemination of these texts shows the coverage of a wide mass of the population by this movement, their inclusion in specific networks and the influence of shaykhs on the formation of certain behavioral models on Muslims. Furthermore, these networks permeated all social strata, demonstrating their extensive influence and serving as a clear model of behavior.

The “Reflective subject” model pays particular attention to the personality of the Prophet Muḥammad than was the case in the earlier works of the Sufi shaykhs. He is not only a weighty argument in certain imperatives, but his personality in itself embodies the ideal model of who any Muslim should strive to become. The Naqshbandi practices such *rābiʿa*, *istighātha*, *tawassul*, as well as in a spiritual genealogy (*silsila*), illustrate the deep, unbreakable bond between the shaykhs and the Prophet Muḥammad. The personality of the Prophet Muḥammad is not only an abstract embodiment of the norms and provisions of Legal norms, and ethics, but is intimately accessible to every Sufi through these spiritual practices.

Another feature of this model is the emergence of the hagiographic genre in Dagestan, depicting the personalities of certain saints and Sufi shaykhs, following Prophet Muḥammad, as exemplars of an ideal Muslim. Interestingly, within this model, the genealogy of the Sufi sheikhs, closely linked to Prophet Muhammad, gains prominence. In the 19th century, Dagestan witnessed the development of new literature that described the Prophet's moral characteristics, his life experiences (*sīra*), and praised him (*munājāt*). Furthermore, the literature was not purely theoretical but had significant practical implications during sermons (*khuṭba*) and other gatherings (*majlis*, *mawlid*), especially in the context of delineating the ideal personality of the Prophet Muhammad. The emotional connection with the Prophet Muhammad's personality and his life as an exemplary model is a distinct characteristic of this model. A similar interest in the personality of the Prophet Muhammad is observed in the spread of Naqshbandiyya across other regions of the Islamic world, notably in the Volga-Ural region and the Ottoman Empire [27, pp. 87, 100].

During the 19th century, works that discussed the biography and the personal, both internal and external, qualities of the Prophet Muhammad reached their peak popularity in Dagestan. The manuscripts detailing the personality of the Prophet Muhammad, preserved in Dagestani private and public collections, were predominantly composed or copied in the 19th or at the onset of the 20th century.

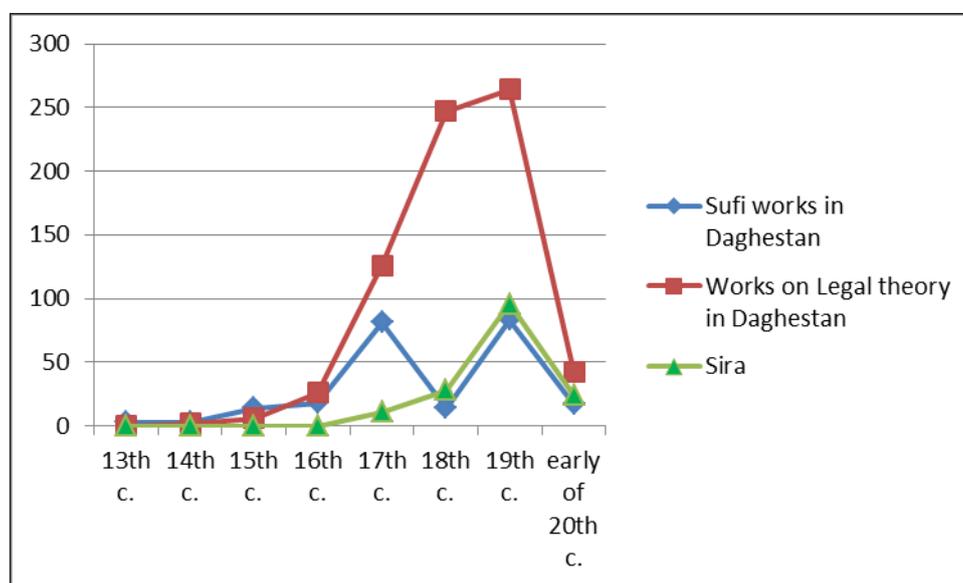

Fig. 7. The works on Sufism, Legal theory and *Sira* in Dagestan.

The figure above illustrates the spread of some genres of manuscripts that are characterized for certain models. Firstly, we can see that the Sufi literature began to develop from the 15th till the first half of 17th century. From the second half of the 17th century to the end of the 18th century, interest in Sufism declines, and again increases throughout the 19th century. At the same time, we see a consistent growth of treatises on legal theory, which reaches its peak in the late 18th and early 19th centuries. With regard to the literature on the Prophet Muḥammad, the figure shows the complete absence of these treatises until the first half of the 17th century. Starting from the 18th century and up to the end of the 19th century, the interest in the biography of the Prophet Muḥammad is growing sharply. In the 19th century we see the peak of the spread of treatises on legal theory, Sufism and the biography of the Prophet Muḥammad. The dissemination of manuscripts of these genres in the context of their chronology allows us to conclude that since the 19th century the Dagestani Muslims had a choice of several models. This alternative shows the subjectivity of the Muslim in their behavioral models.

Conclusion

The history of Sufism in Dagestan shows several stages of development, which correspond to different behavioral models. Prior to the 19th century, the focus was on general issues of Islamic ethics and morality,

delving into the moral and ethical norms of Sufism with a wide coverage of theosophical and speculative elements. Among these works, there are essays similar to the work of al-Ghazālī's "*Bidāyat al-hidāya*," which were accessible and intended to familiarize students directly with Sufi ethics by engaging them in these texts. This behavioral mode, named the "Moral subject", predominant in al-Ghazālī's works, transcended mere intellectual exploration. Instead, the moral and ethical imperatives outlined by al-Ghazālī served as a behavioral model due to their comprehensibility to novice students and broad social strata of Muslims.

During the same period, the ideas of the Khalwatiyya shaykhs also spread, appealing to the Muslim intellectual elite and emphasizing esoteric and occult matters over moral self-improvement. The personality of the Prophet Muḥammad, as an embodiment of the ideal Muslim, is implied in this model but appears to a greater extent in a legendary context. What we know about the personality of the Prophet Muḥammad is regarded primarily as a source to justify explicit moral imperatives. Scholars in this model use the Prophet's statements to support arguments such as "you have to be like that, because the Prophet Muḥammad said it." This model is characterized more by an emphasis on what the Prophet Muḥammad said rather than on who he was in the context of his personality, portraying him as an ideal Muslim to be emulated.

The third model arises from a renewed focus on ethics, with a deeper emphasis on specific practices. According to this model, the ideal Muslim is the one who follows the great shaykh, performing all the Naqshbandiyya or Shādhiliyya practice entrusted to him. This model is characterized by personal contact between the teacher and his disciple. Moreover, a mentor is not only one who explains and "inspires" (*talqīn*) the order of performing Sufi practices, but also helps the student to become an ideal Muslim by controlling and encompassing the murid's heart beyond time and space (*tawadjuh*) with his inner gaze.

It is important to note that understanding of the ideal Muslim was not merely theoretical, but had significant practical implications. In Dagestan, where the Muslim spiritual elite held considerable authority, teachers (*mudarris*), scholars (*ulamā*), and judges (*qāḍī*) served as exemplars of the "correct" way of life. They actively engaged in cultivating the ideal Muslim through practical activities like sermons, storytelling, etc. This demonstrates that Sufi and other Islamic literature were inherently practical, influencing behavioral norms within Dagestani society. Representatives of each model had their own interpretations of what it means to be an ideal Muslim and propagated this understanding within society.

REFERENCES

1. Alikberov AK. *The era of classical Islam in the Caucasus (Abu Bakr ad-Darbandi and his Sufi encyclopedia "Rayhan al-haq'iq" of the 11th-12th centuries)*. Moscow: Eastern Literature, 2003. (In Russ)
2. Khismatulin AA. *Works of Imam al-Ghazali. Series: Edifying literature of the Saljuqid era in Persian: originals and fakes*. St. Petersburg: Petersburg Oriental Studies; Moscow: Sadra, 2016. (In Russ)
3. Abu Hamid Muḥammad b. Muḥammad al-Ghazālī. *Bidāyat al-hidāya*. Beirut: Dar al-minhadzh, 2004.
4. Muḥammad Abul Quasem. Al-Ghazālī's rejection of Philosophic Ethic. *Islamic Studies*. 1974; 13(2): 111-127.
5. Hamid Reza Alavi. Al-Ghazālī in Moral Education. *Journal of Moral Education*. 36(3): 309-319.
6. Zakariyaev ZSh. Medieval Dagestani Sufi Sheikh Amir al-Mishlishi and his ziyarat in the village of Mishlesh. *Islamovedenie*. 2011; 3(9): 105-111. (In Russ)
7. Zakariyaev ZSh. New data from Arabic-language epigraphic monuments on the history of Sufism in Dagestan. *Islamovedenie*. 2012; 4(14): 97-102. (In Russ)
8. Aitberov TM. Epitaphs of the sheikhs Safaviyya and Suhrawardiyya in Dagestan: on the history of Iranian-Dagestani relations of the 15th century. In: Alikberov A.K., Bobrovnikov V.O. (comps). *Dagestan and the Muslim East*. Moscow: Marjani, 2010, pp. 179-188. (In Russ)

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аликберов А.К. Эпоха классического ислама на Кавказе (Абу Бакр ад-Дарбанди и его суфийская энциклопедия «Райхан ал-хака'ик» XI–XII вв.) М.: Восточная литература, 2003.
2. Хисматулин А.А. Сочинения имама ал-Газали. Серия: Назидательная литература эпохи Салджукидов на персидском языке: оригиналы и подделки. СПб.: Петербургское востоковедение; М.: Садра, 2016.
3. Abu Hamid Muhammad b. Muhammad al-Ghazali, *Bidayat al-hidayat*. Beirut: Dar al-minhadzh, 2004.
4. Muhammad Abul Quasem. "Al-Ghazali's rejection of Philosophic Ethic," *Islamic Studies*, 13: 2, (1974). Pp. 111–127.
5. Hamid Reza Alavi. "Al-Ghazali in Moral Education," *Journal of Moral Education*, 36:3. Pp. 309–319.
6. Закарияев З.Ш. Средневековый дагестанский суфий Шейх Амир ал-Мишлиши и его ziyarat в селении Мишлеш // *Исламоведение*, № 3 (9). 2011. С. 105–111.
7. Закарияев З.Ш. Новые данные арабоязычных эпиграфических памятников по истории суфизма в Дагестане // *Исламоведение*, № 4 (14), 2012. С. 97–102.
8. Айтберов Т.М. Эпитафии шейхов Сафавийа и Сухравардийа в Дагестане: к истории ирано-дагестанских связей XV в. // Аликберов А.К., Бобровников В.О. (сост.). *Дагестан и Мусульманский Восток*. М.: Марджани, 2010. С. 179–188.

9. Khapizov ShM., Shekhmagomedov MG. Sufi order Khalwatiyya in highland Avaria: new pages in the history of Sufism in medieval Dagestan (16th – 17th centuries). *Islamovedenie*. 2017; 8(1): 70-81. (In Russ)
10. John J. Curry, *The Transformation of Muslim Mystical Thought in the Ottoman Empire. The Rise of the Halveti Order, 1350-1650*. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2010.
11. Saude, Hamka, Kasmia. Tracing the Khalwatiyyah Order in the Tolitoli Regency Central Sulawesi. *Jurnal Kajian Islam dan Budaya*. 2021; 19(1): 101-119.
12. Spencer Trimmingham. *The Sufi Orders in Islam*. Oxford University Press, 1998.
13. Shihab al-Din 'Umar b. Muhammad al-Suhrawardi. *'Awarif al-ma'arif*. Cairo: Maktaba al-saqafa al-diniyya, 2006.
14. Matthew Melvin-Koushki. Is (Islamic) Occult Sciences? *Theology and Sciences*. 18(2): 303-324.
15. James Muhammad Dawud Currie. Kadizadeli Ottoman Scholarship, Muhammad Ibn 'Abd al-Wahhab, and the Rise of the Saudi State. *Journal of Islamic Studies*. 2015; 26(3): 265-288.
16. Kemper M. *Sufis und Gelehrte in Tatarien und Baschkirien, 1789-1889. Der islamische Diskurs unter russischer Herrschaft*. Berlin: Klaus Schwarz Verlag, 1998, pp. 147-170.
17. Shikhaliev Sh. Taqlid and Ijtihad over the Centuries: The Debates on Islamic Legal Theory in Dagestan, 1700s – 1920s. In: Paolo Sartori, Danielle Ross (eds). *Shari'a in the Russian Empire. The Reach and Limits of Islamic Law in Central Eurasia, 1550-1917*. Edinburgh University Press, 2020, pp. 239-280.
18. Kemper M. Khālidiyya Networks in Dagestan and the Question of Jihād. *Die Welt des Islams*. 2002; 42(1): 41-71.
19. Shikhaliev Sh. Sufi Practices and Muslim Identities in Naqshibandi and Shadhili Lodges in Northern Dagestan. In: Moshe Gammer (ed). *Islam and Sufism in Dagestan*. Helsinki, 2009, pp. 43-56.
20. Shikhaliev Sh. Sufische Bildung in Dagestan. In: Raoul Motika, Michael Kemper, Anke von Kuegelgen (eds). *Repression, Anpassung, Neuorientierung. Studien zum Islam in der in der Sowjetunion und dem postsowjetischen Raum*. Berlin: Dr. Ludwig Reichert Verlag, Wiesbaden, 2013, pp. 141-168.
21. Kemper M., Shikhaliev Sh. Kunta-hajji. In: Kate Fleet, Gudrun Krämer, Denis Matringe, John Nawas, and Everett Rowson (eds). *The Encyclopaedia of Islam Three*. Leiden – Boston: Brill, 2020, pp. 118-121.
22. Shikhaliev Sh. Dagestan Sufi literature of the 19th – 20th century. *Islamovedenie*. 2009; 2: 75-91. (In Russ)
23. Jamal al-Din al-Ghazighumuqi. *Adab al-mardiyya fi tariqat al-Naqshbandiyya*. Temir-khan Shura: al-Matba'a al-islamiyya li Muhammad Mirza Mawrayuf, 1907.
24. Hasan b. Muhammad Hilmi al-Qahi. *Tanbih al-salikin ila ghurur al-mutashayyikhin*. Makhachkala: Dar al-risala, 2010.
25. Hasan b. Muhammad Hilmi al-Qahi. *Buruj al-mushayyada bi al-nusus al-mu'ayyada*. Makhachkala: Dar al-risala, 2011.
26. Hasan b. Muhammad al-Qahi. *Talkhis al-ma'arif fi tarhib Muhammad 'Arif*. Damascus: Dar al-Nu'man li-l-'ulum, 1998.
27. Sibgatullina AT. *A Man on the Minbar. The Image of a Muslim Leader in Tatar and Turkish Literatures (late 19th – first third of the 20th centuries)*. Moscow: Sadra, 2018. (In Russ)
9. Хапизов Ш.М., Шехмагомедов М.Г. Суфийский орден Халватийа в горной Аварии: новые страницы истории суфизма в средневековом Дагестане (XVI – XVII вв.) // *Исламоведение*, № 8 (1), 2017. С. 70–81.
10. John J. Curry. *The Transformation of Muslim Mystical Thought in the Ottoman Empire. The Rise of the Halveti Order, 1350-1650*. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2010.
11. Saude, Hamka, Kasmia. "Tracing the Khalwatiyyah Order in the Tolitoli Regency Central Sulawesi," *Jurnal Kajian Islam dan Budaya*, 19: 1, (2021). Pp. 101–119.
12. J. Spencer Trimmingham. *The Sufi Orders in Islam*. Oxford University Press, 1998.
13. Shihab al-Din 'Umar b. Muhammad al-Suhrawardi. *'Awarif al-ma'arif*. Cairo: Maktaba al-saqafa al-diniyya, 2006.
14. Matthew Melvin-Koushki. "Is (Islamic) Occult Sciences?" *Theology and Sciences*, 18:2. Pp. 303–324.
15. James Muhammad Dawud Currie. "Kadizadeli Ottoman Scholarship, Muhammad Ibn 'Abd al-Wahhab, and the Rise of the Saudi State," *Journal of Islamic Studies*, 26:3 (2015). Pp. 265-288.
16. Michael Kemper. *Sufis und Gelehrte in Tatarien und Baschkirien, 1789-1889. Der islamische Diskurs unter russischer Herrschaft* (Berlin: Klaus Schwarz Verlag, 1998). Pp. 147–170.
17. Shamil Shikhaliev. "Taqlid and Ijtihad over the Centuries: The Debates on Islamic Legal Theory in Daghestan, 1700s – 1920s," Paolo Sartori, Danielle Ross (eds), *Shari'a in the Russian Empire. The Reach and Limits of Islamic Law in Central Eurasia, 1550-1917*. (Edinburgh University Press, 2020). Pp. 239–280.
18. Kemper M. "Khālidiyya Networks in Daghestan and the Question of Jihād," *Die Welt des Islams* 42, 1 (2002). Pp. 41–71.
19. Shikhaliev ShSh. "Sufi Practices and Muslim Identities in Naqshibandi and Shadhili Lodges in Northern Daghestan," *Islam and Sufism in Daghestan*, edited by Moshe Gammer. Helsinki, 2009. Pp. 43–56.
20. Shikhaliev ShSh. *Sufische Bildung in Dagestan, Repression, Anpassung, Neuorientierung. Studien zum Islam in der in der Sowjetunion und dem postsowjetischen Raum*, ed. Raoul Motika, Michael Kemper, Anke von Kuegelgen, (Berlin: Dr. Ludwig Reichert Verlag, Wiesbaden, 2013). Pp. 141–168.
21. Michael Kemper, Shamil Shikhaliev. "Kunta-hajji," *The Encyclopaedia of Islam Three*, ed. by Kate Fleet, Gudrun Krämer, Denis Matringe, John Nawas, and Everett Rowson. (Leiden – Boston: Brill), 2020. Pp. 118–121.
22. Шихалиев Ш.Ш. Дагестанская суфийская литература XIX – начала XX веков // *Исламоведение*, № 2, 2009. Pp. 75-91.
23. Jamal al-Din al-Ghazighumuqi. *Adab al-mardiyya fi tariqat al-Naqshbandiyya*. Temir-khan Shura: al-Matba'a al-islamiyya li Muhammad Mirza Mawrayuf, 1907.
24. Hasan b. Muhammad Hilmi al-Qahi. *Wasa'il al-murid wa rasa'il al-ustadh al-farid*. Makhachkala, 2011.
25. Hasan b. Muhammad Hilmi al-Qahi. *Buruj al-mushayyada bi al-nusus al-mu'ayyada* (Makhachkala: Dar al-risala, 2011).
26. Hasan b. Muhammad al-Qahi. *Talkhis al-ma'arif fi tarhib Muhammad 'Arif* (Damascus: Dar al-Nu'man li-l-'ulum, 1998).
27. Сибгатуллина А.Т. *Человек на минбаре. Образ мусульманского лидера в татарской и турецкой литературах (конец XIX – первая треть XX вв.)*. М.: Садра, 2018.

Received 15.05.2024
Accepted 30.06.2024
Published 15.12.2024

Поступила в редакцию 15.05.2024г.
Принята в печать 30.06.2024г.
Опубликована 15.12.2024 г.

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH204803-811>

Исследовательская статья

Магарамов Шарафутдин Арифович
к.и.н., старший научный сотрудник
Институт истории, археологии и этнографии
Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, Махачкала, Россия
sharafutdin@list.ru

Сефербеков Магомедхабиб Русланович
младший научный сотрудник
Институт истории, археологии и этнографии
Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, Махачкала, Россия
dnc.ran@outlook.com

СЕВЕРОКАВКАЗСКИЙ И ДРУГИЕ ФРОНТИРЫ РОССИИ: ИСТОРИКО-СРАВНИТЕЛЬНЫЕ ПАРАЛЛЕЛИ

Аннотация. Перспективность использования концепта «фронтiera» в отношении Северного Кавказа не раз высказывалась и была научно обоснована в специальной литературе, в том числе и в зарубежной. Вместе с тем ряд исследователей до сих пор выступает против фронтирного измерения исторического процесса присоединения Кавказа к Российской империи, в частности, против использования классического (тернеровского) фронтiera в изучении истории народов Северного Кавказа. Цель настоящего исследования – рассмотрение общих и специфических черт между северокавказским пограничьем и другими российскими фронтирными зонами, параллельно существовавшим во времени, среди которых наиболее заметное место принадлежит сибирскому и южному фронтирам. Сопоставление последних с северокавказским аналогом позволит использовать многочисленные методологические наработки сибирской и южнорусской истории в качестве перспективных исследовательских тем применительно к северокавказскому региону. Раскрывается неповторимость сопоставляемых объектов, их историческая индивидуальность, что будет способствовать развитию теории, поскольку требует обобщающих ответов на вопросы о причинах сходства, различий и эволюции российских фронтирных территорий. Методологической основой исследования послужили сравнительно-исторический метод, а также концепт фронтiera, который становится частью методологии исследований. Проведенное исследование показывает, что северокавказский фронтир имеет ряд особенностей, отличающих его от других российских контактных зон и делающих его во многом оригинальным несмотря на то, что одной из сторон взаимодействия всегда оставалось Российское государство. Сравнение (компаративное исследование) северокавказского фронтiera с различными пограничными зонами России позволило выявить такие его особенности и характерные черты, как полифронтирность региона, религиозное пограничье, отсутствие «ничейной» земли и др., которые нуждаются в более углубленном изучении в качестве самостоятельных вопросов и позволят лучше понять исторический процесс установления российского влияния в северокавказском регионе. Среди сходств можно отметить такие факторы, как одновременность начала освоения этих регионов и оформления их государственных границ, общие принципы заселения приграничных территорий казачеством, выступавшим авангардом российской колонизации, вынужденное нахождение поселенцев во фронтирной зоне.

Ключевые слова: концепт фронтiera; Северный Кавказ; Юг России; Сибирь; сравнительный анализ; аналогии и различия

Для цитирования: Магарамов Ш.А., Сефербеков М.Р. Северокавказский и другие фронтiera России: историко-сравнительные параллели // История, археология и этнография Кавказа. 2024. Т. 20. № 4. С. 803-811. doi.org/10.32653/CH204803-811

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH204803-811>

Research paper

Sharafutdin A. Magaramov,
Cand. Sci., Senior Researcher
Institute of History, Archaeology and Ethnography
Dagestan Federal Research Center of the RAS, Makhachkala, Russia
sharafutdin@list.ru

Magomedkhabib R. Seferbekov,
Junior Researcher
Institute of History, Archaeology and Ethnography
Dagestan Federal Research Center of the RAS, Makhachkala, Russia
dnc.ran@outlook.com

NORTH-CAUCASUS AND OTHER FRONTIERS OF RUSSIA: HISTORICAL AND COMPARATIVE ANALYSIS

Abstract. The applicability of the frontier concept to the North Caucasus has been repeatedly proposed and substantiated within scholarly literature, including international sources. However, some researchers contest the frontier interpretation of the historical process of Caucasian incorporation into the Russian Empire, particularly objecting to the application of the classical (Turner's) frontier model to the history of the North Caucasian peoples. This study aims to examine the commonalities and differences between the North Caucasian borderland and other contemporaneous Russian frontier zones, most notably the Siberian and southern frontiers. Comparing the latter with the North Caucasian case allows for the application of established methodological approaches from Siberian and South Russian historiography to the North Caucasian region. This comparison reveals the unique and distinct historical characteristics of each region, contributing to frontier theory by prompting investigation into the causes of similarities, differences, and evolutionary trajectories of Russian frontier territories. The study's methodological foundation is the comparative historical method, incorporating the frontier concept as an integral analytical framework. This research demonstrates that the North Caucasian frontier possesses several distinguishing characteristics that set it apart from other Russian contact zones, contributing to its unique character, despite consistent interactions with the Russian state. A comparative study of the North Caucasian frontier with other Russian border zones reveals distinct characteristics such as polyfrontierism, its nature as a religious borderland, and the absence of a "no man's land." These features warrant further investigation and promise to enhance our understanding of how Russian influence was established in the North Caucasus. Similarities observed across these frontiers include the concurrent development and demarcation of state borders, the common practice of Cossack settlement as a vanguard of Russian colonization, and the element of coercion in settler presence within these frontier zones.

Keywords: frontier concept; North Caucasus; Russian South; Siberia; comparative analysis; similarities and differences

For citation: Magaramov S.A., Seferbekov M.R. North-Caucasus and Other Frontiers of Russia: Historical and Comparative Analysis // History, Archeology and Ethnography of the Caucasus. 2024. Vol. 20. N. 4. P. 803-811. doi.org/10.32653/CH204803-811

Введение

Выдвинутая в конце XIX в. американским ученым Ф.Дж. Тернером [1] теория фронта для объяснения особенностей образования США, очень близка теории колонизации, впервые сформулированной выдающимся русским историком С.М. Соловьевым и позднее получившей развитие в работах историка-классика В.О. Ключевского, как фактор российской истории. Обе эти теории развивались параллельно, не пересекаясь. На общность научных истоков двух теорий обратил внимание американский исследователь М. Бассин в своей обстоятельной статье [2]. Затем российский историк Д.И. Олейников показал схожесть тернеровского фронта и теории колонизации в редакции В.О. Ключевского. По словам автора, «параллельные места у Тернера и Ключевского иногда просто завораживают». Как и В.О. Ключевский, Ф. Тернер выстраивал периодизацию американской истории на последовательности колонизационных «волн» и поэтапном расширении осваиваемых пространств» [3].

В постсоветском научном дискурсе своеобразным замещением теории колонизации стало появление в российской историографии исследований, построенных на применении концепта фронта [4]. Для российских историков образцом работы с концептом стали исследования американского историка Т. Барретта и особенно его статья, переведенная на русский язык, посвященная северокавказскому фронтиру [5]. Т. Барретт убедительно показал широкий диапазон аналитических возможностей тернеровской теории на примере истории вхождения Северного Кавказа в состав Российского государства [6].

О возможности и результативности применения концепта фронта к условиям Северного Кавказа не раз подчеркивалось в отечественной и зарубежной литературе. Выход за рамки традиционных подходов в изучении продвижения и установления России на ее кавказских рубежах позволяет лучше понять процессы становления российского государства на Северном Кавказе, особенности развития периферийных земель. В то же время встречаются еще противники фронтального измерения процесса присоединения Кавказа к Российской империи, правда, часть из них выступают против использования классического (тернеровского) фронта в изучении истории народов Северного Кавказа. В своих предыдущих публикациях нами исследованы проблемы периодизации, показаны этапы формирования и эволюции, выявлены особенности развития северокавказского фронта России.

Цель настоящего исследования рассмотрение общих и специфических черт между северокавказским пограничьем и другими российскими фронтальными зонами, параллельно существовавших во времени, среди которых наиболее заметное место принадлежит сибирскому и южному фронтам. В исследовании решается фундаментальная задача, которая заключается в раскрытии неповторимости сопоставляемых объектов, в первую очередь, северокавказского пограничья, его исторический индивидуальности. Это способствует развитию теории, поскольку требует обобщающих ответов на вопросы о причинах сходства, различий и эволюции российских фронтальных территорий.

Компаративное исследование сибирского и южнороссийского фронтов с северокавказским аналогом позволит использовать многочисленные методологические наработки сибирской и южнорусской истории в качестве перспективных исследовательских тем применительно к северокавказскому региону. В этом плане нами уже исследуется вопрос о роли северокавказского региона в качестве религиозного пограничья Московского государства / Российской империи, как пространства диалога веры. Выявленные в процессе сравнительного анализа черты сходства и различия не противопоставляются, а рассматриваются в ходе анализа с включением в поле исследования разнообразные факторы: характер и время освоения и заселения фронтальных территорий, особенности этнокультурного развития и религиозного сознания.

В науке накопилась солидная база конкретных сравнений разных фронтов и фронтальных сообществ. Проблема общего и специфического в истории американского фронта и русского/российского порубежья не новая, она привлекала внимание сибирских исследователей [7; 8], достигших значительных научных результатов. Сравнение российских фронтов, а именно степной границы на Юге России и лесной границы в Сибири, проводится в статье австрийского исследователя А. Каппелера [9]. Специальных работ, посвященных компаративному исследованию северокавказского фронта с другими российскими фронтальными зонами, в историографии нет.

Участники большой дискуссии относительно фронтальной тематики на страницах журнала «Studia Slavica et Balcanica Petropolitana» считают «более продуктивно сравнить фронты, одновременно

существовавшие в межимперском пространстве, например (но не только), России и Османской империи; выявить общее и особенное в освоении сравнимых территорий (например, парамилитарных) пограничных сообществ тех или иных территорий» [10, с. 99]. К сказанному добавим, что, на наш взгляд, вполне перспективной исследовательской проблемой может быть сравнительный анализ одновременно существовавших во времени разных российских фронтиров и фронтирных сообществ.

Общее

Процесс освоения Сибири, южных степей и территории современного Северного Кавказа начался одновременно. После похода дружины Ермака, начавшегося в 1581 г., возводятся первые остроги, ставшие опорными центрами продвижения вглубь Сибири: в 1585 г. – Тюмень, в 1587 г. – Тобольск, в 1604 г. – Томск, в 1619 г. – Енисейск, в 1632 г. – Якутск, в 1661 г. – Иркутск, в 1648 г. казаки-землепроходцы обогнули северо-восточную оконечность Евразии и вышли в Тихий океан [8, с. 97]. Примерно в это же время было положено начало формирования южного пограничья России, когда вслед за основанием в 1585 г. двух первых городов на «Поле» – Воронежа и Ливен – на полевой окраине началось основание новых городов, вокруг которых стали формироваться уезды [11, с. 60].

Со второй половины XVI в. началось поэтапное продвижение российского влияния и интересов к границам Северного Кавказа. Московским государством ставились военно-оборонительные укрепления в виде крепостей и острогов на стратегически важных участках региона: в 1567 г. – Сунженское городище; в 1588 г. – крепость Терки (Терский городок); в 1590 г. – Сунженский острог; в 1594 г. – Койсинский острог [12, с. 241, 270, 276, 283; 13, с. 69–78]. Примерно в это же время стали появляться казачьи городки в низовьях Терека и в районе устья Сунжи. Таким образом, стратегически важный путь на Северный Кавказ и далее – на Южный Кавказ – стал контролироваться русскими властями, вместе с тем им стали подконтрольны действия отдельных северокавказских владетелей. Итак, налицо одновременность «открытия» российских фронтиров на различных окраинах государства.

Следующим этапом освоения Российским государством новых приграничных территорий было строительство новых укрепленных линий. На южном пограничье были основаны Белгородская и Тамбовская оборонительные черты, ставшие очередным этапом продвижения российских границ в южные уезды, в сторону Великой степи. Укрепленные линии позволяли Российскому государству пресекать набеги кочевников и поэтапно продвигать собственные интересы путем заселения южных просторов [14, с. 86].

На Северном Кавказе такой укрепленной границей долгое время была Кавказская линия. Основанием данной линии послужили казачьи поселения, возникшие в XVI–XVII вв. на Тереке и Кубани. В 1722 г. по личной инициативе государя Петра I началось строительство на Сулаке крепости Святой Крест. По причине изменений геополитической ситуации в регионе Россия вынуждена была снести данную крепость и перенести свои границы на правый берег р. Терек. В 1735 г. здесь была основана новая крепость Кизляр, рядом с которой появились еще три казачьих станицы. В 1763 г. был учрежден важный форпост Моздок, положивший начало городу. Укрепленная линия протянулась по левому берегу Терека от Кизляра до Моздока [15, с. 559]. В 1784 г. была заложена крепость Владикавказ. Таким образом, к концу XVIII в. Российская империя поставила Азово-Моздокскую укрепленную линию, объединившую единой укрепленной системой огромное пространство от Черного до Каспийского морей.

В продвижении русских интересов в Сибири ключевую роль играли казаки, в задачу которых входила не только оборона рубежей, но и их расширение. Учитывая значение казаков в освоении Сибири, сибирскими исследователями был придуман дефиниций «казачий фронтир» [7, с. 101]. Казаки являлись фронтирсменами и в южной пограничной зоне. Российская власть, учитывая универсальные качества казачества, привлекала его и в заселении новых территорий, и в охране рубежей государства и даже в экономическом освоении присоединенных земель.

Авангардом российской колонизации Кавказа также было казачество. Казаки привлекались к службе на Кавказе для охраны укрепленной линии. Традиционно репутация казаков была связана со службой, людей приграничья. Историк А. Каппелер характеризует казаков в истории российского

государства как «верных слуг царей» [16, с. 377]. Автор конца XIX в., подчеркивая способности казачества в освоении новых земель, писал: «Где оснуется 10–20 казаков – они уже принимают в свою общину всех – русских, крестьян и черкесов (под условием окреститься)» [17, с. 6].

Опора на силы казачества давала царской власти возможность закрепиться на рубежах Северного Кавказа, поэтому было создано казачье войско, которому поручена была охрана южных границ Российского государства. В 1721 г. терское казачество было изъято из ведения Посольского приказа и передано в распоряжение Военной коллегии, превративший казаков в категорию служивых людей. Казачество в качестве иррегулярных частей российской армии использовалось центральной властью для «усмирения» местных социально-политических протестов.

Еще одной общей чертой северокавказского фронта с другими российскими порубежными зонами было вынужденное пребывание поселенцев на новой территории. Пребывание в Сибири русский человек почти всегда рассматривал как вынужденное и временное явление и «все время стремился вернуться на родину, в «Расею» [18, с. 31].

Служба на приграничье Кавказа для казака или солдата была тяжелой ношей. Кроме службы порою им приходилось заниматься хозяйственной деятельностью, как, например, в Дербенте они занимались виноградарством и виноделием. Многие из них умирали на Кавказе от болезней в силу нездорового климата. Потому казаки с неохотой шли служить на Кавказ. В силу этого 28 марта 1726 г. в Верховном тайном совете было принято решение заменить службу казакам денежным взносом. «Из Малой России казаков к крепости Святого Креста и в Дербень, которых тамо было по 5000 чел. в год с переменою и употреблялися более в городскую работу, ныне не посылать, понеже от них пользы мало, но токмо многие из них от тамошняго воздуху и нужду помирают. А вместо того взять с малороссийских казаков, которым сего году к крепости Святого Креста на перемену другим идти надлежало, с пяти тысячного числа по 3 рубля с человека, на которья деньги у крепости Святого Креста и в Дербень к работам людей малороссиян нанимать, или солдатом и драгуном тамо будущим давать..., которые малороссийские казаки ныне при крепости Святого Креста и в других тамошних местах, тех сего лета в сентябре месяце отпустить оттуды в дома их» [19, с. 148–149]. Российский востоковед XIX в. И.Н. Березин также отмечал, что прибывшие в Дербент «из Малороссии, то из Финляндии, то из Вологды... большею частию мечтают о возвращении на родину» [20, с. 53]. Тем не менее и в XIX в. регулярно отправлялись казаки на службу на Кавказ.

Особенное

Кавказский регион в Новое время представлял собой арену геополитического противостояния по крайней мере трех крупных держав – России, Персии и Османской империи. Каждый из них был представлен на Кавказе армиями, крепостями, каналами культурного обмена и влияния (язык, религия, торговля). Данное явление в исторической литературе принято обозначить понятием «полифронтность» [21]. Ни Сибирь, ни Поволжье, в отличие от Кавказа, не выступали в качестве театра соперничества других государств.

С приближением рубежей Московского государства к Предкавказью Северокавказский регион превратился в религиозную пограничную зону, позже – в мусульманскую пограничную зону Российской империи. Христианами, оказавшимися по другую сторону границы, были грузины и армяне. Вынужденные платить дань то Персии, то Османской империи, и окруженные мусульманскими народами Кавказа, грузины часто обращались к русским царям за помощью, используя образ оскверненных христиан. Послы грузинского царя Александра в 1588–1589 гг. просили русского царя освободить их от турок – «недругов и в неверные руки не отданы были», которые захватили «Иверскую землю» (Грузию. – авт.). Послы также жаловались на дагестанского правителя – шамхала, чьи люди, как описывали сами послы, как «неверные собаки... тадбою крестьян ночью пленят, и ясыри в полон ведут, да от хрестьянской веры в бусурманскую веру нудят хрестьян» [22, с. 55–56].

Местные мусульманские правящие элиты в свою очередь обращались за помощью и покровительством к своим могущественным единоверцам – турецким султанам. Дагестанский шамхал, обеспокоенный быстрым продвижением границ Московского государства к своим землям, обратился к турецкому

султану в 1589 г. В письме шамхал отмечал, что русские «на земле на моей город (Терки. – авт.) поставили и реку Койсу (Сулак. – авт.) у меня отняли» и приготовились отправить против него из Астрахани и Терки значительную военную силу. Как отмечал шамхал, единственная надежда на защиту мусульманских земель «на султана турецкого». В случае отсутствия военной помощи от султана, русские овладеют Дербентом, Шемахой, Ширваном и Гянджой, и эти города будут за царем московским, а мусульман в этих городах «высекут, иных в свою (христианскую. – авт.) веру приведут, и наша бусурманская вера вся разоритца от тебя, только не вступишься за нас» [22, с. 202–203]. Прося помощи у правоверного султана как халифа мусульманского мира, шамхал стремился убедить его в необходимости помочь представителям единой веры – мусульманам-суннитам.

Российское, османское и персидское правительства в отстаивании собственных геополитических целей часто использовали религиозный фактор. Они предъявляли претензии на земли и народы на основе их общей религии. Российские послы отстаивали российскую протекцию над Грузией, указывая в качестве главного аргумента, что это христианская страна. Аналогичным образом представители османов настаивали на том, что многие народы Кавказа являются мусульманами и, следовательно, подданными Османской империи [22, с. 572]. В середине XVII в. дагестанский владетель – уцмий Кайтага Амирхан-султан, возражая утверждению Москвы, что владетели Эндиреевские были подданными России, подчеркнул: «И вам буди ведомо: Казаналп и Бурак мусульманы, а мусульманом у хрестьянского государя как в холопех быть, они могут холопи государя нашего шаховы» [23, с. 173–174]. Данная бескомпромиссная позиция уцмий объясняется тем, что он пришел к власти в результате междоусобиц исключительно благодаря помощи шахских войск. В действительности, к середине XVII в. многие мусульманские общества находились под протекцией или подданством русского царя, а многие христианские народы были подданными Османской империи.

Религиозный фактор в международных отношениях на Кавказе был замечен и в последующий период. В период Персидского похода Петра I в сентябре 1722 г. крымский хан Сеадет-Гирей-хан обратился к шамхалу Тарковскому Адиль-Гирею с воззванием объявить «священную войну» против русских: «махометанской ради веры против возмутителей жестоко биться... всем сердцем ради веры и земель махометанских старайся, чтоб от гиавура (неверных. – авт.) не были разорены..., гиавурским словам не верьте...» [23, с. 261–262]. Как известно, шамхал не стал поддаваться уговорам крымского хана, наоборот, он сблизился с Петром I и очень тепло принял царя у себя дома. В отдельных случаях религиозная (мусульманская) солидарность имела значение. В 1737 г., вскоре после того, как владетель Эндирея присягнул на верность России, ему было приказано отправить свои отряды на войну России против Османской империи. На это он ответил, что ему, как мусульманину, не подобает помогать иной веры правителю (*русскому царю*. – авт.) против мусульманского султана¹.

Случались бегства подданных горских владетелей на сторону России, где они могли поменять свою веру – ислам на христианство. Требуя их выдачи обратно, кавказские владетели отмечали, что они переходят в христианство не по религиозным убеждениям, а ради обретения свободы или с целью избежать наказаний за совершенные проступки или преступления. Российская сторона, в свою очередь, прекрасно понимала, что перебежчиков нисколько не интересовало христианство, что они лишь для прикрытия переходили в новую религию. Чтобы не допускать обострения отношений с лояльными российской власти горскими владетелями, было запрещено предоставлять прибежище беглецам и выдавать их обратно владельцам. Переход в христианство разрешался лишь с личного разрешения местного командующего [24, с. 83]. В 1771 г., после очередной петиции из Кабарды, Екатерина II согласилась вернуть беглых кабардинских людей, а за каждого перешедшего в христианство уплатить 50 руб. в качестве выкупа [24, с. 85].

У российских правящих кругов были масштабные планы по христианизации горского населения параллельно с покорением региона. Однако эти планы, несмотря на миссионерскую работу, не принесли ожидаемого успеха и остались в целом нереализованными.

Остановимся еще на одной важной черте, отличающей северокавказский фронт от сибирского и южнороссийского. В Сибири всегда было много свободных территорий («ничейная земля»). К приходу русских на всей территории Сибири проживало примерно около 200–220 тыс. чел., для пришлого населения она была «большой пустыней» [8, с. 9].

1. Об осетинцах и других азиатских народах, пожелавших принять святое крещение // Российский государственный архив древних актов. Ф. 248. Оп. 113. Д. 1257. Л. 14 об.

На юге России также было много пустующей степной земли, в то время как на Кавказе свободных земель не было. В процессе освоения Россией этих регионов происходило в первую очередь заселение свободных земель. На южном фронтире присоединяемой и колонизируемой Россией территорией было Поле [25, с. 45]. Южное пограничье, огромная территория междуречья Волги и Дона с востока на запад и предгорьями Кавказа на юге, почти не имело постоянного автохтонного населения после ухода отсюда в середине XVI в. Большой орды. Роль местного населения здесь играли крымские татары и ногайцы, начиная с XVII в. и калмыки, которые кочевали на этих степных просторах и поэтому не могли освоить и надежно закрепить за собой данные территории. Борьба за лесостепь и степное пограничье продолжалась на протяжении почти всего периода существования южного фронта [26, с. 12].

В своих предыдущих публикациях мы уже отмечали, что американский исследователь Т. Баретт ошибочно употребляет дефиницию «ничейная земля» для Северного Кавказа, заимствовав ее из классической (тернеровской) теории фронта. Как отмечает автор, «ничейная земля» – это нейтральная территория между горскими народами и русскими в XVII – начале XIX в., предпосылкой существования которой является отсутствие доминирующей этнической группы, способной диктовать нормы поведения [5, с. 178–179].

Однако на Северном Кавказе не существовало «незаселенной» территории, «ничейной» земли. В этом отношении значительный интерес представляет суждение Э.А. Шеуджен относительно тех авторов, которые продолжают трактовать концепт фронта как границу между заселенными и незаселенными территориями. Мы солидарны с мнением исследователя о том, что Северный Кавказ не воспринимался окружающим миром, прежде всего, российским обществом, как «незаселенная» территория [27, с. 77–78]. Осваиваемые казачеством земли на Северном Кавказе и в Предкавказье на протяжении долгого времени являлись пахотными угодьями и степными пастбищами для западных адыгов, ногайцев, кабардинцев и кумыков. По причине того, что центральная власть рассматривала эти пространства как пустынные, они таковыми не являлись.

Приграничные районы на Северном Кавказе и таковые на юге России кроме своей «приграничности» не имели ничего общего. Они не были вполне приграничными и в Сибири, где на протяжении долгого времени освоения региона не было единой границы государства [8, с. 40]. На юге России, в силу географических особенностей (лесостепь и степь), граница была неустойчивой, в отличие от кавказских рубежей страны, где границы были более четкими и прочности обороны способствовали официальные разделительные линии и определенная система охраны. На юге России такого порядка долгое время не существовало. Кочевые народы степей и Крымское ханство не устанавливали разделительных линий с Российским государством, предпочитая опираться на традиции, заложенные во времена Золотой Орды. Степные южные просторы фактически являлись нейтральной территорией в виду отсутствия постоянного населения [28, с. 33].

«Заккрытие» сравнимых российских фронтиров происходило в разные периоды. Возникшие во второй половине XVI–XVII в. южный и сибирский фронтиры, в первой половине XIX в. перестали существовать, они превратились в основную территорию государства [26, с. 12], в то время как северокавказская фронтирная зона продолжала существовать еще до середины второй половины XIX в.

В историографии встречаются работы, в которых Северный Кавказ отнесен к пространству вечного фронта [29; 30]. С этой идеей категорически нельзя согласиться, как не имеющей научных оснований. Со времени окончательного вхождения Северного Кавказа в состав Российской империи во второй половине XIX в. в регионе черты фронта с присущими ему элементами уже не заметны, и идея фронта теряет реальную смысловую нагрузку. В подобного рода утверждениях больше политической риторики, чем, собственно, истории.

Итак, сравнительный анализ северокавказского пограничья с южным и сибирскими фронтами России показывает множество совпадений и в то же время кардинальных различий между ними. Сопоставление различных пограничных российских зон с северокавказским фронтиром позволило выявить особенности и такие уникальные черты последнего, как полифронтирность региона, религиозное пограничье, отсутствие «ничейной» земли и др., которые в качестве отдельных аспектов нуждаются в более глубоком анализе. Их изучение позволит лучше понять исторический процесс установления российского влияния в северокавказском регионе. Совершенно очевидны параллели северокавказского пограничья с сибирским и южнорусским фронтирными зонами, особенно в том, что касается времени начала освоения этих регионов и оформления их государственных границ, общих принципов

заселения приграничных территорий казачеством и русским крестьянством, вынужденного нахождения поселенцев во фронтальной зоне, которые также требуют обобщающих ответов на вопросы о причинах сходства. Выявленные релевантные признаки различных российских пограничных зон позволяют продемонстрировать общность принципов и методов формирования государственной территории России на разных окраинах, существенно отличающихся между собой этноконфессиональным составом населения, уровнем социально-экономического развития, природно-географической средой.

Благодарность: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-01106, <https://rscf.ru/project/23-28-01106/>

Acknowledgements: The study was financially supported by the Russian Science Foundation, grant project No. 23-28-01106, <https://rscf.ru/project/23-28-01106/>

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

REFERENCES

1. Тернер Ф.Дж. Фронтир в американской истории. М., 2009. – 304 с.
2. Bassin M. Turner, Solov'ev, and the «Frontier Hypothesis»: The Nationalist Signification of Open Spaces // *The Journal of Modern History*. 1993. Vol. 65. No. 3. P. 473–511.
3. Олейников Д.И. Фронтир и колонизация. [Электронный ресурс]. Доступ для зарегистрированных пользователей. URL: <https://uchebana5.ru/cont/2730060.html>
4. Sen D.V. Frontier Research in Present-Day Russia: Shaky Boundaries of the Academic Dialogue // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2020. № 1. P. 66–80.
5. Барретт Т.М. Линии неопределенности: северокавказский «фронтир» России // Американская русистика: веки историографии последних лет. Императорский период. Антология. Самара, 2000. С. 163–194.
6. Урушадзе А.Т. Трудная экспансия: территориальная динамика Российского государства в конце XVII – первой половине XVIII в. в контексте историографии. К 300-летию Российской империи // *Историческая экспертиза*. № 4 (29). 2021. С. 7–27.
7. Агеев А.Д. Сибирь и американский Запад: движение фронтиров. М., 2005. – 330 с.
8. Резун Д.Я., Ламин В.А., Мамсик Т.С., Шиловский М.В. Фронтир в истории Сибири и Северной Америки в XVII–XX вв.: общее и особенное. Новосибирск, 2001. – 113 с.
9. Кappelер А. Южный и восточный фронтир России в XVI–XVIII вв. // *Ab Imperio*. №1. 2003. С. 47–64.
10. Как сегодня изучать фронтиры? Дискуссия по статье Д.В. Сеня // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. № 1 (27). 2020. С. 81–105.
11. Скобелкин О.В. Служилые люди южного фронта: особенности землевладения, земельной и сословной политики государства во второй половине XVII в. // *Вестник Воронежского государственного университета*. Серия: история. политология. социология. № 1. 2013. С. 58–65.
12. Кушева Е.Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией. Вторая половина XVI – 30-е годы XVII в. М.: Изд-во АН СССР, 1963. – 372 с.
13. Гаджиев В.Г. Роль России в истории Дагестана. М., 1965. – 392.
14. Мизис Ю.А. Белгородская и Тамбовская черта как часть территории южнорусского фронта // *Сборник статей и материалов по истории Белгородской оборонительной черты*. Вып. 3. 2018. С. 83–87.
15. Тхамокова И.Х. Кавказская линия и кабардинцы: к проблеме этнокультурных границ // *Границы и пограничье в Южнороссийской истории*. Материалы Всероссийской научной конференции. Ростов-на-Дону, 2014. С. 559–569.
1. Turner FJ. *The Frontier in American History*. Moscow, 2009. (In Russ)
2. Bassin M. Turner, Solovyov, and the “Frontier Thesis”: The Nationalist Signification of Open Spaces. *The Journal of Modern History*. 1993; 65(3): 473–511.
3. Oleynikov DI. Frontier and Colonization. [Electronic resource]. Available at: <https://uchebana5.ru/cont/2730060.html> (In Russ)
4. Sen DV. Frontier Research in Present-Day Russia: Shaky Boundaries of the Academic Dialogue. *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2020; 1: 66–80.
5. Barrett TM. Lines of uncertainty: Russia’s North Caucasian “frontier”. *American Russian studies: milestones in the historiography of recent years. The imperial period. Anthology*. Samara, 2000: 163–194. (In Russ)
6. Urushadze AT. Difficult expansion: territorial dynamics of the Russian state in the late 17th – first half of the 18th century in the context of historiography. On the 300th anniversary of the Russian Empire. *Istoricheskaya ekspertiza*. 2021; 4(29): 7–27. (In Russ)
7. Ageyev AD. *Siberia and the American West: the movement of frontiers*. Moscow, 2005. (In Russ)
8. Rezun DYa., Lamin VA., Mamsik TS., Shilovsky MV. *Frontier in the history of Siberia and North America in the 17th–20th centuries: general and specific*. Novosibirsk, 2001. (In Russ)
9. Kappeler A. The Southern and Eastern Frontier of Russia in the 16th–18th Centuries. *Ab Imperio*. 2003; 1: 47–64. (In Russ)
10. How to Study Frontiers Today? Discussion of D.V. Senya’s Article. *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2020; 1(27): 81–105. (In Russ)
11. Skobelkin OV. Service people of the southern frontier: features of land ownership, land and class policy of the state in the second half of the 17th century. *Bulletin of the Voronezh State University. Series: History. Political Science. Sociology*. 2013; 1: 58–65. (In Russ)
12. Kusheva EN. *Peoples of the North Caucasus and their connections with Russia. Second half of the 16th – 30s of the 17th century*. Moscow: Publishing house of the USSR Academy of Sciences, 1963. (In Russ)
13. Gadzhiev VG. *The role of Russia in the history of Dagestan*. Moscow, 1965.
14. Mizis YuA. Belgorod and Tambov line as part of the territory of the southern Russian frontier. *Collection of articles and materials on the history of the Belgorod defensive line*. 2018; 3: 83–87. (In Russ)
15. Tkhamokova IKh. Caucasian line and Kabardians: on the problem of ethnocultural borders. *Borders and borderland in South Russian history. Proceedings of the All-Russian scientific conference*. Rostov-on-Don, 2014: 559–569. (In Russ)

16. Мининков Н.А. Казачество как пограничное сообщество в исторической концепции А. Каппелера // Границы и пограничье в Южнороссийской истории. Ростов-на-Дону, 2014. С. 370–379.
17. Колонизация Кавказа и казаки. СПб., 1886. – 6 с.
18. Агеев А.Д. Американский «фронт» и «сибирский рубеж» как факторы цивилизационного разлома // Американский и сибирский фронт. Томск, 1997. С. 23–41.
19. Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 55. СПб., 1886. – 538 с.
20. Березина И. Путешествие по Дагестану и Закавказью. Казань, 1850.
21. Урушадзе А.Т. Фронт на Кавказе (XVIII–XIX вв.): возможности и перспективы применения концепта // Электронный научно-образовательный журнал «История». М., 2012. Вып. 7 (15) [Электронный ресурс]. Доступ для зарегистрированных пользователей. URL: <http://mes.igh.ru/s207987840000211-1-2-ru>
22. Сношения России с Кавказом. 1578–1613 гг. М., 1889. – 715 с.
23. Русско-дагестанские отношения XVII – первой четверти XVIII в. Документы и материалы. Махачкала: Даг. кн. изд-во, 1958. – 336 с.
24. Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Т. 1. Тифлис: Тип. Главного Управления Наместника Кавказского, 1886. – 827 с.
25. Скобелкин О.В. Южный фронт России на рубеже 60–70-х гг. XVI в. // Вестник Томского государственного университета. Вып. 10 (126). 2013. С. 43–48.
26. Мизис Ю.А., Скобелкин О.В., Папков А.И. Теория фронта и Юг России в XVI – первой половине XVIII в. // Вестник Томского государственного университета. Т. 20. Вып. 10. 2015. С. 7–15.
27. Шедужен Э.А. К вопросу о северокавказском фронте // Научная мысль Кавказа. № 3. 2006. С. 77–78.
28. Мизис Ю. Внешние и внутренние границы России и естественные природные зоны на юге в XVI – XVIII в. // Российская история. № 3. 2016. С. 33–49.
29. Романова А.П., Топчиев М.С. Кавказ как вечный фронт // Каспийский Регион: политика, экономика, культура. № 3. 2014. С. 284–291.
30. Романова А.П., Топчиев М.С. Проблемы периодизации кавказского фронта // Границы и пограничье в южнороссийской истории. Ростов-на-Дону, 2014. С. 284–291.
16. Mininkov NA. Cossacks as a border community in the historical concept of A. Kappeler. *Borders and borderland in South Russian history. Rostov-on-Don*, 2014: 370-379. (In Russ)
17. *Colonization of the Caucasus and the Cossacks*. Saint-Petersburg, 1886. (In Russ)
18. Ageyev AD. American and Siberian frontiers as factors of civilizational rift. *American and Siberian frontier*. Tomsk, 1997: 23-41. (In Russ)
19. *Collection of the Imperial Russian Historical Society*. Vol. 55. Saint-Petersburg, 1886. (In Russ)
20. Berezina I. *Journey through Dagestan and Transcaucasia*. Kazan, 1850. (In Russ)
21. Urushadze AT. Frontier in the Caucasus (18th–19th centuries): Possibilities and Prospects for Applying the Concept. *Electronic Scientific and Educational Journal "History"*. Moscow, 2012; 7(15). Available at: <http://mes.igh.ru/s207987840000211-1-2-ru> (In Russ)
22. *Relations between Russia and the Caucasus. 1578–1613*. Moscow, 1889. (In Russ)
23. *Russian-Dagestani relations in the 17th – first quarter of the 18th century. Documents and materials*. Makhachkala: Dag. book publ., 1958. (In Russ)
24. *Acts collected by the Caucasian Archaeographic Commission. Vol. 1*. Tiflis: Type. Main Administration of the Viceroy of the Caucasus, 1886. (In Russ)
25. Skobelkin OV. The Southern Frontier of Russia at the Turn of the 60s–70s of the 15th Century. *Bulletin of Tomsk State University*. 2013; 10(126): 43-48. (In Russ)
26. Mizis YuA., Skobelkin OV., Papkov AI. Frontier Theory and the South of Russia in the 16th – First Half of the 18th Century. *Bulletin of Tomsk State University*. 2015; 20(10): 7-15. (In Russ)
27. Sheudzhen EA. On the Issue of the North Caucasian Frontier. *Scientific Thought of the Caucasus*. 2006; 3: 77-78. (In Russ)
28. Mizis Yu. External and internal borders of Russia and natural zones in the south in the 16th – 18th centuries. *Russian history*. 2016; 3: 33-49. (In Russ)
29. Romanova AP., Topchiev MS. The Caucasus as an eternal frontier. *Caspian Region: politics, economics, culture*. 2014; 3: 284-291. (In Russ)
30. Romanova AP., Topchiev MS. Problems of periodization of the Caucasian frontier. *Borders and borderland in southern Russian history*. Rostov-on-Don, 2014: 284-291. (In Russ)

Поступила в редакцию 31.07.2024 г.

Принята в печать 24.10.2024 г.

Опубликована 15.12.2024 г.

Received 31.07.2024

Accepted 24.10.2024

Published 15.12.2024

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH204812-822>

Исследовательская статья

Далгат Эльмира Муртузалиевна
д.и.н., зав. отделом новой и новейшей истории Дагестана
Институт истории археологии и этнографии
Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, Махачкала, Россия
elmira.dalgat@yandex.ru

Наврузов Амир Рамазанович
к.и.н., ведущий научный сотрудник
Институт истории, археологии и этнографии
Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, Махачкала, Россия
anavruzov@rambler.ru

ЧАСТНАЯ ЖИЗНЬ В ДАГЕСТАНСКОМ АУЛЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в. ГЛАЗАМИ СОВРЕМЕННОКОВ (вопросы адаптации и трансформации)

Аннотация. В статье рассматривается частная жизнь в дагестанском ауле какой ее увидели современники. Семейная жизнь – является одной из самых консервативных и наименее подверженных влиянию общества и государства сфер. Цель работы – рассмотреть такие аспекты частной жизни как семья и положение женщины в ней глазами местных людей, живших в дагестанском ауле; русских, посетивших аулы во второй половине XIX – начале XX в. Проанализированы сведения из работ Абдулы Омарова, Максуда Алиханова, Каранаилова, представителей светской новой демократической интеллигенции Башира Далгата, Саида Габиева. Нами также рассматриваются взгляды на положение женщины в семье представителей мусульманской интеллектуальной элиты Али Каяева и Абусуфьяна Акаева. Из русских авторов, побывавших в Дагестане, писали: Н. Львов, Н.И. Воронов, Н. Дубровин, А.Т. Васильев и др. Нами использовались описательный сравнительно-исторический методы, позволяющие сравнить и сопоставить взгляды на семейную жизнь в дагестанском ауле местных и русских авторов. Источниками при написании статьи послужили воспоминания, опубликованные в «Сборниках сведений о кавказских горцах», журналах «Этнографическое обозрение», «Живая старина», газете «Джаридат Дагестан» и т.д. Рассмотрев их взгляды на семейную жизнь, мы пришли к выводу, что они в чем-то сходятся, в чем-то разнятся. Так, местные авторы считали, что традиционные обычаи – адаты в Дагестане справедливо диктуют семейный и общественный быт горцев и определяют права и обязанности мужа и жены. Некоторые из них, придерживающиеся либерально-демократических взглядов, считали положение женщины более тяжелым, чем мужчины. Реформаторы выступали за равноправие между мужчиной и женщиной в семье. Русские авторы подчеркивали угнетенное бесправное положение, горянки, в повседневной жизни. Нами сделан вывод, что несмотря на консерватизм этой сферы повседневности, в семейной жизни также, хотя и медленно, происходят определенные положительные изменения, обусловленные присоединением Дагестана к России.

Ключевые слова: Дагестан; частная жизнь; семья и семейная жизнь; равноправие в браке; местные и русские авторы; трансформация

Для цитирования: Далгат Э.М., Наврузов А.Р. Частная жизнь в дагестанском ауле во второй половине XIX – начале XX в. глазами современников (вопросы адаптации и трансформации) // История, археология и этнография Кавказа. 2024. Т. 20. № 4. С. 812-822. doi.org/10.32653/CH204812-822

© Далгат Э.М., Наврузов А.Р., 2024

© Сефербеков М.Р., перевод, 2024

© Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, 2024

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH204812-822>

Research paper

Elmira M. Dalgat,
Dr. Sci., Head of Dep. of Modern and Contemporary History of Dagestan
Institute of History, Archeology and Ethnography
Dagestan Federal Research Center of RAS, Makhachkala, Russia
elmira.dalgat@yandex.ru

Amir R. Navruzov,
Cand. Sci., Leading Researcher
Institute of History, Archeology and Ethnography
Dagestan Federal Research Center of RAS, Makhachkala, Russia
anavruzov@rambler.ru

PRIVATE LIFE IN DAGESTANI AULS THROUGH CONTEMPORARY ACCOUNTS (LATE 19TH – EARLY 20TH CENTURY)

Abstract. This study examines private life within Dagestani auls as perceived by contemporary observers. Family life, often considered a highly conservative domain, exhibits relative resilience to broader societal and state influences. This research aims to explore specific aspects of private life, namely family structures and the position of women within them, through the perspectives of Dagestani villagers and Russian visitors during the second half of the 19th and early 20th centuries. The analysis incorporates works by Abdul Omarov, Maksud Alikhanov, and Karanailov, as well as those of Bashir Dalgat and Said Gabiev, representatives of the emergent secular democratic intelligentsia. Furthermore, it considers the views of Muslim intellectual figures such as Ali Kayayev and Abusufyan Akayev regarding women's familial roles. Russian authors who documented their experiences in Dagestan, including N. Lvov, N. I. Voronov, N. Dubrovin, and A. T. Vasiliev, among others, also feature in this study. Employing descriptive, comparative, and historical methodologies, the research compares and contrasts indigenous and Russian perspectives on family life in Dagestani villages. Source materials include memoirs published in the "Collections of Information about the Caucasian Mountaineers", alongside articles from journals such as "Etnograficheskoe Obozrenie" and "Zhivaya Starina", and the newspaper "Dzharidat Dagestan". An examination of these perspectives on family life reveals that they have both commonalities and differences. Indigenous authors generally maintained that traditional customs – adats – significantly shaped familial and social dynamics within the highlands, defining the rights and responsibilities of spouses. Some, aligned with liberal democratic ideals, perceived women's position as comparatively disadvantaged. Reform-minded individuals advocated for gender equality within the family unit. Conversely, Russian authors tended to emphasize the perceived oppression and disempowerment of women in daily life within the highland communities. This research suggests that despite the inherent conservatism of this domain of social life, incremental positive shifts were occurring in family structures, arguably influenced by Dagestan's incorporation into the Russian Empire.

Keywords: Dagestan; private life; family and family life; gender equality in marriage; local and Russian authors; transformation

For citation: Dalgat E.M., Navruzov A.R. Private Life in Dagestani Auls Through Contemporary Accounts (Late 19th – Early 20th Century). *History, Archeology and Ethnography of the Caucasus*. 2024. Vol. 20. N. 4. P. 812-822. doi.org/10.32653/CH204812-822

© Dalgat E.M., Navruzov A.R., 2024
© Seferbekov M.R., translation, 2024
© Daghestan Federal Research Centre of RAS, 2024

Частная жизнь является одним из аспектов повседневной жизни. Историки стали изучать повседневность довольно поздно. Впервые она стала объектом внимания ученых Франции, Германии, Австрии, затем появились исследования российских ученых. В 2002 г. был создан Научный совет РАН «Человек в повседневности: прошлое и настоящее» [1; 2]. В последние годы повседневность стала одним из ведущих направлений изучения в отечественной истории. Повседневная человеческая жизнь, включающая труд, быт, досуг, частную жизнь и многое другое, стала предметом исследования историков, этнографов, социологов и т.д. Появились работы по крестьянской [3] и городской повседневности [4].

Важным аспектом повседневной жизни является частная жизнь. Как научное понятие в российской науке термин «частная жизнь» используется сравнительно недавно. Надо отметить, что существует большое расхождение во мнениях о её сущности и особенностях. Частная жизнь зависит от исторического периода развития общества, господствующей идеологии, религии, уровня развития культуры и других факторов. Этот аспект повседневной жизни менее всего разработан историками. Тем не менее, есть ряд работ, в которых освящается частная жизнь [5; 6; 7; 8].

В Дагестане проблемой повседневности и частной жизни как её аспекта занимались этнографы и философы С.Ш. Гаджиева [9], Б.Р. Рагимова [10], М.Б. Гимбатова [11], А.З. Баглиева [12].

Проблема частной жизни в Дагестане с точки зрения исторической науки ставится впервые.

Понятие частной жизни является достаточно широким. Оно включает в себя дом, семью, друзей, увлечения, отношение к религии, здоровье, право распоряжаться своим имуществом и т.д. Наша цель – показать такой аспект частной жизни в дагестанском ауле во второй половине XIX – начале XX в., как семья и положение женщины в ней, увиденный глазами современников. Это местные авторы, а также русские ученые, путешественники, офицеры, посетившие Дагестан в рассматриваемый нами период.

Попытки описать частную жизнь на Кавказе предпринимались и зарубежными исследователями. Так, например, английский исследователь Джон Беддли, который прибыл на Кавказ с тем, чтобы записать фольклорный материал горских народов Дагестана. Но вскоре он меняет первоначальный замысел и посвящает свой труд истории национально-освободительной борьбы горцев [13]. Или иллюстрированная книга Эберкромби Дж. «Путешествие по Восточному Кавказу» [14], в которой автор сообщает этнографические сведения о дагестанских народностях – об аварцах, о лакцах и др.

Это был особый этап в истории дагестанских народов. После окончания Кавказской войны, горный край был присоединен в Российской империи. В 1860 г. была образована Дагестанская область, впервые появилась централизованная власть в лице начальника, а позже военного губернатора области. Феодалные владения и союзы сельских общин оказались в составе единой административной системы. Во вновь образованной области начались серьезные преобразования. Был проведен ряд реформ [15, с. 119–139], ускоривших социально-экономическое и культурное развитие Дагестана [15, с. 197–201]. Появился морской порт, железная дорога, города, хоть и небольшие промышленные предприятия, самым крупным, из которых была текстильная фабрика «Каспийская мануфактура» в Петровске [16, с. 212–226].

Определенные изменения произошли в сфере культуры. Открылись светские школы с преподаванием на русском языке [17]. В окружных центрах существовали фельдшерские пункты, где принимали больных и из местного населения [15, с. 351].

Постепенно формировалась светская интеллигенция из дагестанцев, для которых выделялись вакансии в высших учебных заведениях империи [16, с. 308].

Таким образом, во второй половине XIX – начале XX в. в экономике и социально-культурной сфере народов Дагестана происходили положительные изменения. Рассмотрим, как обстояло дело с повседневной жизнью, а именно в такой ее составляющей, как частная жизнь.

Одним из первых дагестанских авторов, описавших повседневную жизнь дагестанского аула во второй половине XIX – начале XX в. был уроженец селения Куркли Казикумухского округа Абдулла Омаров. В своих статьях «Воспоминания муталима» и «Как живут лаки», которые были опубликованы в «Сборниках сведений о кавказских горцах», он описывает разные аспекты повседневной жизни [18; 19; 20]. В статье «Как жили лаки» Абдулла Омаров пишет, что он ставил целью «без прикрас» рассказать «о семейном и хозяйственном быте горцев» [19, с. 2]. Он считает, что русские, побывавшие в Дагестане, составляют ложное представление о жизни горцев, поскольку «на вопросы чужестранного гостя

(в особенности русского) он (горец. – прим. авт.) отвечает всегда неискренно или поверхностно, не позволяя себе доверять гяуру (безбожному) свои интересы, и всегда ловко маскирует «свое общественное и семейное положение» [19, с. 2].

По мнению А. Омарова, у всех дагестанцев быт однообразен, поэтому то, что он пишет о лаках, относится ко всем дагестанцам вообще [19, с. 2].

Какой же описывает А. Омаров частную жизнь своего времени? Остановимся на ее некоторых аспектах, в частности на взаимоотношениях в семье.

По мнению А. Омарова, они не всегда были благополучными. Так он пишет: «я часто слышал..., что такая-то убежала от мужа к родителям, за то, что тот ее бил, слышал часто крики и вопли некоторых соседок, на которые собирался народ, и оказывалось, что муж бьет жену или брат сестру» [19, с. 4]. Не простыми были взаимоотношения между отцом и матерью и в семье самого А. Омарова, который писал: «...даже в то время, когда он (отец. – прим. авт.) обижал ее (мать. – прим. авт.), она не говорила ему ничего обидного, только плакала, и он всегда оставался грозным победителем» [19, с. 5]. Таким образом, в семейной жизни женщина занимала подчиненное положение, не смела ослушаться мужа.

А. Омаров, описывая взаимоотношения между родителями и детьми в своей семье, «отмечал, что относится к отцу как к строгому начальнику, присутствие которого его тяготило, и он чувствовал себя свободнее, когда тот уходил из дома» [19, с. 5].

Отношения с матерью тоже были сдержанными. Я ее не целовал, – вспоминает А. Омаров, – не говорил ей ласковых слов [19, с. 5]. Если мать говорила ему ласковые слова, то он сердился [19, с. 5].

Суровые природно-климатические условия в горном Дагестане, трудные условия жизни накладывали свой отпечаток на быт, на семейную жизнь, на взаимоотношения в семье.

Поскольку женщина выполняла не только домашнюю работу, но была широко задействована и в полевых работах, то во время уборки урожая матерям грудных детей приходилось брать их в люльках с собой, а если были дедушки и бабушки оставлять на их попечение и приходить, чтобы покормить [15, с. 8]. За маленькими детьми приходилось присматривать и молодым отцам, если бабушек и дедушек не было, а молодая жена уходила за водой или готовила еду.

Интересный материал приводит А. Омаров о таком аспекте частной жизни как дружеские или куначеские отношения. Каждый горец имел в других селах по одному *кунаку* или *камаличу*, с которым у него были близкие, дружеские отношения. Они сохранялись навсегда и передавались потомкам [20, с. 2].

А. Омаров отмечает, что кунаки помогали друг другу во всем, в том числе и в полевых работах [20, с. 2].

Представляют интерес сведения о частной жизни в селении Чох Гунибского округа, опубликованные Омаром Каранаиловым, учащимся 5 класса Темир-Хан-Шуринского реального училища в «Сборнике материалов для описания местностей и племен Кавказа» [21]. Чох – одно из известных аварских сел, уроженцами которого были многие ученые, военные, служившие в Кавказском эскадроне, в Собственном Его Императорского Величества Конвое и т.д. [22]. Их взгляд интересен тем, что они родились и выросли в горах, а сформировали свои взгляды на жизнь, оказавшись в ином культурно-историческом пространстве.

Статья О. Каранаилова содержит материал о повседневной, в том числе и о частной жизни, в Чохе в 80-е годы XIX в. Так, он пишет: «Женщины у татар (аварцев. – прим. авт.) исправляют все работы, а мужчина только пашет и связывает снопы. Женщина работает целый день в поле или идет в горы за сеном и несет оттуда на себе тяжелую ношу, вечером идет за водой, приготавливает пищу; если есть в доме старухи, то детей оставляют дома, а то берут с собой. Мальчики с восьми лет помогают в работе [21, с. 11].

В исследуемый период в дагестанском крестьянстве уже выделялись две противоположные группы: первую, немногочисленную, составили богатые крестьяне, владевшие большими стадами скота, большим количеством земель, крупные торговцы, хозяева ремесленных мастерских, ростовщики, а вторую группу – многочисленная сельская беднота, работавшая у своих богатых односельчан. Третью группу составляло среднее крестьянство, самостоятельно ведущее свое хозяйство [23, с. 188].

Расслоение крестьянства имело место и в районах товарного овцеводства, в частности в Гунибском округе, в котором находится село Чох и о котором писал О. Каранаилов. Здесь тоже шли процессы буржуазного расслоения, население делилось на «знатных» и «не знатных», как пишет

О. Каранаилов, поэтому при подборе невесты надо было брать ровню, что было важно при создании семьи в ауле [21, с. 13].

Интересные наблюдения о дагестанской повседневности, в том числе о частной жизни горцев, оставил Максуд Алиханов, уроженец селения Хунзах Аварского округа, генерал русской армии, автор ряда статей в газете «Кавказ» по истории Дагестана, позже собранных в книге «В горах Дагестана» [24]. После долгого отсутствия он приехал в Дагестан и увидел перемены в домашнем и общественном быту народа в новых исторических условиях, пришедших на смену многим векам традиционной жизни [24, с. 19].

Максуд Алиханов критически относился к тому, что русские писали о дагестанцах, особенно о женщинах, об их угнетенном положении, называя их «залетными авторами», пишущими небылицы [24, с. 260]. С мнением М. Алиханова о «залетных авторах» можно не согласиться, поскольку русские ученые собрали ценнейший материал по Дагестану, но об этом будет сказано далее.

М. Алиханов описывает частную жизнь в Дагестане, какой он ее увидел в 90-е годы XIX в. По его мнению, здесь по-прежнему господствовали адаты, четко распределяющие мужские и женские обязанности [24, с. 270].

М. Алиханов, сравнив положение женщины в горах и женщин в Персии и Турции, где они замкнуты в доме и отчуждены от мира и людей, в то время как горянка поет, танцует, принимает гостей, и удивляется покорности персиянок [24, с. 272].

М. Алиханов пишет, что девочку «десяти лет сажают за арабскую грамоту и раз она достигла умения читать Коран, ученье считается оконченным. После этого девушка помогает матери по хозяйству: убирает комнату, доит корову, месит тесто и т.д.» [24, с. 264]. Здесь важно отметить, что к концу XIX в. в сельских школах всей Дагестанской области обучалось всего 25 девочек [25, с. 590].

Влияние мусульманской религии сказывалось и на семейной жизни, и на национальных традициях [12]. Как пишет Мирзабеков М.Я. «влияние ислама, учреждений и слушателей культа на жизнедеятельность и духовно-нравственную атмосферу в дагестанском селе в начале XX в. оставалась определяющей. Особо велико было влияние ислама, норм и установлений шариата на семейно-брачные отношения и взаимоотношения между членами семьи дагестанцев» [26, с. 281].

Вопросу женской эмансипации уделяли важное внимание и дагестанские мусульманские реформаторы, публиковавшиеся в газете «Джаридат Дагистан»¹, хотя среди них не было единства по этому вопросу.

Али Каяев считал, что мужчина и женщина по природе являются разными, поэтому равноправия между ними не может быть по определению [27, с. 112, 428]². Одним из аргументов в пользу своего мнения, Али Каяев предлагал то, что Всевышний возложил дело развода и расставания между супругами именно на мужчин³ [28].

Абусуфьян Акаев, другой лидер дагестанских реформаторов, в отличие от Али Каяева, выступал за равноправие мужчин и женщин, в том числе и в семье, которое, должно было, несомненно, принести пользу обществу. Он считал общественное представление о женщине как о домохозяйке, выполняющей лишь семейные обязанности, устаревшим [29, с. 148; 30, с. 140–141].

Присоединение Дагестана к России создавало благоприятные условия для формирования здесь светской интеллигенции. Дагестанцы, получившие высшее образование, соответствующую профессиональную квалификацию и занимавшиеся в основном умственным трудом, составляли дагестанскую интеллигенцию нового типа, отличавшуюся от старой дагестанской духовной интеллигенции тем, что она была обучена в светских учебных заведениях гуманитарным и точным наукам [16, с. 304].

1. «Джаридат Дагистан» (араб. «Газета Дагестан»; с 19 января 1918 – «Дагестан») – общественно-политическая, литературная и научно-популярная еженедельная газета в Российской империи, Российской республике, Горской республике. Издавалась на арабском языке в административном центре Дагестанской области г. Темир-Хан-Шура (ныне Буйнакск) в 1913–1918 гг. в паровой лито-типографии М. Мавраева. Распространялась по подписке в Дагестане, Чечне, Черкесии, Причеречье, на Ставрополье, Кубани, в Азербайджане и Туркестане. Официальным редактором до 19 января 1918 г. был Бадави Саидов. Фактически вся работа по подготовке издания к печати велась Али Каяевым, являвшимся вначале не официальным, а с 19 января 1918 г. и официальным редактором газеты. Созданная по инициативе и на средства царской областной военной администрации, газета, благодаря Али Каяеву, Бадави Саидову, Мухаммадмирзе Мавраеву и её наиболее активным корреспондентам, стала площадкой по распространению мусульманских реформаторских просветительских идей в Дагестане и всем Северном Кавказе.

2. *Малик б. Унс*. Бакиййат ма фи № 19 мин мас'алат ан ниса' // Джаридат Дагистан. 1917. № 20. С. 4.

3. Али ал-Гумуки. Наксан ан-ниса' укулан ва мадарика // Джаридат Дагистан. Темир-Хан-Шура, 1918. № 2. С. 4; Али ал-Гумуки. ал-Кисм ал-илми // Джаридат Дагистан. 1918. № 1. С. 3–4;

Представители светской интеллигенции много сделали для изучения истории и культуры народов Дагестана, в том числе писали и о повседневной жизни горцев.

Интересна работа Саида Габиева – представителя либерально-демократической интеллигенции, посвященная прошлому и быту лакцев [31]. Он отмечает, что у лакцев женщин на 9 тыс. больше, чем мужчин, но ни полигамии, ни проституции среди народа нет [31, с. 99]. Поскольку в Казикумухском округе, где живут лакцы, земель мало, мужчины уходили в отход для добывания средств, – пишет С. Габиев, – а женщина посвящала себя домашнему хозяйству и воспитанию детей [31, с. 110]. Он отмечает, что у лакцев «отец и мать никогда не бьют детей и только одним взглядом укрощают их» [31, с. 110]. Сравнивая положение дагестанки с положением женщины мусульманского Востока, С. Габиев пишет: «Тогда как все народы Востока стали укрывать своих женщин в душных стенах, наши горянки были совершенно свободны и ни в чем не уступали мужьям... Шариат оказался бессильным и должен был уступить пальму первенства в жизни лаков – адату» [31, с. 105].

Несколько иной точки зрения о положении дагестанской женщины придерживался известный кавказовед, юрист Башир Далгат, собравший ценный материал по обычному праву даргинцев среди жителей своего родового селения Урахи Даргинского округа. Обычное право или адаты регламентировали повседневную жизнь горцев, в том числе ее составляющую – частную жизнь.

Б. Далгат отмечает, что «все имеющиеся печатные сборники адатов... касаются лишь адатов уголовных или процессуальных. В литературе описания бытовых адатов дагестанских горцев почти не существует» [36, с. 10б.]. Этот пробел, собственно, и восполняет работа Б. Далгата «Материалы по обычному праву даргинцев».

В ней рассматриваются разные составляющие частной жизни горцев: брак, развод, вторичный брак, отношения между супругами, отношения родителей и детей, наследование в семье при жизни родителей и по их смерти, опека и т.д.

Остановимся на некоторых из них, таких как: брак, развод, отношения между супругами, родителями и детьми, вопросы наследования в семье.

О браке Б. Далгат пишет, что по адатам «брак считается необходимостью, судьбой и Богом определенной. Никогда в Урахи не живут вместе без брака мужчина и женщина. Такое сожительство было бы страшным преступлением. Любовницу (сожительницу) не имеет никто. В брак вступают обыкновенно мужчины – 20 лет, а девушки – 15⁴.

Довольно частым явлением в Урахи были разводы, их причин было много. Но если прежде муж просто прогонял жену и разводился с ней в присутствии двух свидетелей, то теперь они должны идти в сельский суд, где фиксировали их развод⁵.

В адатах большое внимание уделяли взаимоотношениям между супругами. «Мужской пол вообще считается, – пишет Б. Далгат, – выше женского, как по понятиям народа, так и по шариату. Без мужчины дом считается незащищенным и несчастным. В народе существует убеждение, что муж – полновластный господин жены своей. Власть мужа над женою простирается до того, что он всегда может бить ее, а она, кроме слов, ничего не может сделать, и жаловаться может лишь тогда, когда муж уж чересчур ее мучает»⁶.

Важным является указание Б. Далгата на то, что «в настоящее время (80–90-е гг. XIX в. – прим. авт.) положение жены облегчается, потому что теперь в дела адата и шариата начинает проникать и воля начальства»⁷, т.е. во второй половине XIX в. в частной жизни происходят положительные изменения, женщина находит защиту у официальных российских властей. Это то новое, появившееся в Дагестане, ставшем частью Российского государства.

«Случаи нарушения супружеской верности, – отмечает Б. Далгат, – весьма редки. Такие случаи бывают чаще всего в отсутствии мужа. Народ к нарушению супружеской верности относится очень строго, и недавно еще такую женщину, если кто заставлял ее в этом позорном деле, забрасывали камнями все жители (по шариату), или убивали ее родные; мужчину с ней связавшегося тоже убивали родные мужа, или муж ее, если их заставлял сам он»⁸.

4. Далгат Б. Материалы по обычному праву даргинцев // Научный архив Института истории, археологии и этнографии ДФИЦ РАН. Ф. 5. Оп. 1. Д. 23. С. 15 об.

5. Там же. С. 30.

6. Там же. С. 34.

7. Там же. С. 34 об.

8. Там же. С. 37–37 об.

Еще один пример того, как новое вторгалось в семейную жизнь горцев, меняло ее. «Жалоб на неверных жен мужа не подают, – пишет Б. Далгат, – а расправляется сам по адату, только теперь убивать воспрещено начальством, а для развода надо идти в аульский суд, чтобы там записали развод»⁹.

Среди реформ, проведенных царской администрацией в Дагестане, определенное место занимала судебная реформа. В новой системе судопроизводства был создан Дагестанский народный суд и окружные словесные суды, в которых судили по адату, шариату и по особым правилам [15, с. 125]. В такие суды надо было обращаться женам за дурное обращение мужа. В случае жестоких побоев, нанесенных мужем жене, его присуждали к штрафу, тюремному заключению и пр.¹⁰

Важным является наблюдение, что «общество вообще не вмешивается в семейные дела отдельных лиц»¹¹.

Интересным является наблюдение Б. Далгата о том, что с появлением русской власти, отношения между супругами начали, видимо, изменяться к лучшему: власть мужа более или менее начинает слабеть, его права над женой ограничиваются, потому что в прежнее время, по рассказам и даже по уставным (устным) адатам, муж мог делать с женою что угодно, как с рабой, а теперь, когда начальство стало само судить иногда дела супругов и оставлять в стороне некоторые адаты горцев¹².

Еще одной составляющей семейной жизни являются взаимоотношения родителей и детей. Рождению сына в дагестанской семье радовались больше, чем рождению дочери, поскольку после заключения брака, она становилась частью другой семьи.

Ранее отец и родственники имели право осуществить «убийство чести» своих детей за дурные проступки, позорившие семью в глазах общества¹³. При русском управлении власть родителей ослабла. Подобные убийства или преследования членов семьи наказывались, а обращения испытывавших гонения внутри семьи принимались на рассмотрение властей.

Таким образом, и в этой сфере частной жизни, благодаря изменившейся исторической обстановке под влиянием российских властей происходят позитивные изменения.

Далее рассмотрим такую составляющую частной жизни, как наследование в семье. Распределение наследства в Дагестане осуществлялось по шариату, в некоторых случаях использовался и адат.

При распределении наследства всегда принималась во внимание степень кровного родства¹⁴. Существовало много вариантов наследования: был один сын, были только дочери и т.д. Если у умершего не было родственников, то его имущество оставалось казне, распределялось по шариату, или переходило в распоряжение общества (*джамаата*)¹⁵.

Таким образом, мы видим, что частная жизнь в Дагестане, как и другие стороны повседневности, строго регламентировалась адатом и шариатом. По сведениям местных авторов второй половины XIX – начала XX в., она была самой консервативной частью повседневности. Однако и здесь произошли определенные изменения, связанные с тем, что Дагестан стал частью Российской империи.

Ценный материал по повседневной, в том числе и семейной жизни горцев во второй половине XIX – начале XX в. был собран и опубликован в разных периодических изданиях, монографиях русских авторов. Если в первой половине XIX в. до начала и в ходе Кавказской войны в Дагестане из русских были в основном офицеры, собиравшие информацию о численности населения разных сел, о количестве мужчин, способных воевать и т.д., то во второй половине XIX – начале XX в. фокус для сбора информации изменился – надо было изучать местное население, ставшее гражданами империи. Соответственно, изменились и корреспонденты – теперь это были ученые, путешественники и т.д. Их было много, но нами будет рассмотрена информация о частной жизни зафиксированная некоторыми из них.

Одним из первых русских авторов, написавшим о частной жизни в Дагестане был медик Н. Львов, дважды побывавший в плену у горцев. Находясь какое-то время в горном ауле, он имел возможность видеть жизнь его обитателей. Он пишет, что, когда горец выбирает себе жену, в первую очередь он оценивает ее работоспособность. Другие ее качества в расчет не принимаются [32, с. 15].

9. Там же. С. 36 об.

10. Там же. С. 39 об.

11. Там же. С. 40.

12. Там же. С. 41 об.

13. Там же. С. 46 об.

14. Там же. С. 66 об.

15. Там же. С. 67.

О взаимоотношениях супругов Н. Львов пишет, что «о супружеской верности горец не беспокоится, надеясь на свой кинжал, один вид которого в состоянии удержать жену в должном повиновении и предохранить ее от преступного поведения [32, с. 15].

По мнению Н. Львова семью у горцев нельзя назвать счастливой – лень мужа и тяжкий до изнурения труд жены не способствуют счастливой семейной жизни [32, с. 16, 17].

К частной жизни относятся взаимоотношения между родителями и детьми. Н. Львов пишет о большой любви горцев к своим детям, вместе с тем, он отмечает, что к своим старым родителям взрослые дети относятся с пренебрежением, особенно к матерям.

В 80-е годы XIX в. Дагестан посетил русский писатель-путешественник, этнограф Евгений Марков. В своей работе [33] он описывает природу Дагестана, пишет о горах и дает информацию об их жизни, какой он ее увидел. Так, в высокогорном Дагестане он заметил, что «безустанная работа и грубое обращение мужа превращают лезгинскую (дагестанскую. – прим. авт.) женщину в какое-то вьючное животное. В 25 лет они выглядят старухами. Ничего женоподобного, нежного и изящного не отыщете в этих смуглых, низкорослых самках с грубым, забитым взглядом угрюмых глаз, с неприятными мужественными чертами лица, укутанных по самые пятки в свои неуклюжие одежды, согнутых прежде времени, покрытых морщинами. Да и как не превратиться в животное, когда лезгинская женщина не знает ни сна, ни отдыха, ни удовольствия» [33, с. 326]. «В Гидатле женщина также забита, обращена в беспрекословную рабу, в бессловесное вьючное животное» [33, с. 328].

Русский военный историк Н. Дубровин в работе «История войны и владычества русских на Кавказе» [34] касается и частной жизни в завоеванном горном крае. Он заметил в горах удивившее его противоречие. Горец любит своих детей, но строг с ними, держит их в отдалении, не допускает к присутствию за столом [34, с. 556]. Н. Дубровин отмечает, что если раньше за прелюбодеяние женщину побивали камнями, то русские власти это запретили и супружескую верность стали нарушать чаще, о чем свидетельствуют цифры в жалобных книгах окружных народных судов [34, с. 59]. В семейной жизни у женщины печальная участь, ею помыкает свекровь, грубо обходится муж. Развестись она может лишь при поддержке влиятельной родни [34, с. 575].

Н. Дубровин приходит к выводу, что в семейной жизни горца нет счастья [34, с. 577], приравнять с собой жену и поставить женщину наравне с мужчиной – это недоступно понятию горца [34, с. 553].

В 90-е годы XIX – начале XX в. в Дагестане побывал ряд русских кавказоведов, оставивших в своих публикациях и некоторые сведения о частной жизни горцев. Один из них – военный топограф и любитель этнографии А.В. Пастухов, посетивший Дагестан в начале 90-х годов XIX в. В своей работе [35] он сообщает некоторые сведения о частной жизни в высокогорном селении Куруш Самурского округа. По его наблюдениям, женщины в этом селе, как и во всем Дагестане, очень работающие и ходят с открытым лицом. Мужчины тоже трудолюбивы и этим отличаются от своих земляков, жителей Среднего Дагестана, предоставляющих почти все работы женщинам [35, с. 12].

А.В. Пастухов сообщает, что многоженство во всем Горном Дагестане встречается редко, только среди очень богатых людей. В Куруше многоженство встречается часто, также частыми бывают и разводы, нередко супруги несколько раз разводятся и снова женятся [35, с. 12, 13].

Представляют интерес сведения о курушских долгожителях, трое из которых перешагнули столетний рубеж [35, с. 14].

В конце XIX в. у одного из дагестанских этносов – лаков – побывал кавказовед А.Т. Васильев и зафиксировал некоторые сведения об их частной жизни. Так, он заметил, что дети у лаков уважают и любят своих родителей, заботятся о них в старости, когда они заболеют и т.д. За недостойное поведение детей мать может их проклясть и только мольбой о прощении у матери проклятие снимается [36, с. 67].

По наблюдениям А.Т. Васильева, многоженство, которое раньше у лаков имело, в последнее время сменилось моногамией, поскольку, по их мнению, это более естественно. Женщина у лаков пользуется уважением, но, тем не менее, в ее обязанности входит вся домашняя и полевые работы. Также кавказовед сообщает, что в случае супружеской измены муж убивает жену и мстит ее любовнику. А.Т. Васильев отмечает заботливое отношение мужа к беременной жене и то, что рождение сына больше радует отца, чем рождение дочери [36, с. 83].

Автор заметил, что среди молодежи и женщин есть стремление к переменам в обычаях, образе жизни, в то время как старшее поколение этого не хочет [36, с. 87]. Для нас это важный вывод, фиксирующий отношение населения к переменам в новых исторических условиях.

В 1911 г. для изучения местной флоры по поручению Императорского Русского Географического общества и Императорской Академии наук Дагестан посетил профессор Н.И. Кузнецов. Побывав в разных частях Дагестана, он имел возможность сравнить частную жизнь, положение женщин в семье у разных этносов. В частности, автор свидетельствует, что когда он был приглашен в гости к старшине селения Хосрех, то на пороге дома веселым приветствием его встретила жена старшины, здесь же толпились несколько других молодых женщин... [37, с. 159]. Во время угощения она несколько раз без всякого стеснения заходила в кунацкую, где были гости. Уходя, русский профессор передал жене старшины вознаграждение за гостеприимство, и она его охотно приняла [37, с. 163].

Иная обстановка его встретила в высокогорных аулах. Они, по мнению Н.И. Кузнецова, были царством мужчин, где женщина ценилась меньше, чем осел [37, с. 157]. В горных аулах русский ученый не встретил женщин на улицах, не показывались они гостю и когда он приходил в их дома. За обедом прислуживали хозяин дома и его молодые родственники. На приезжих женщины смотрели украдкой и прятались, когда их замечали [37, с. 157]. Также Н.И. Кузнецов заметил, что «женщины, даже молодые, выглядят утомленными, из-за непосильной работы они быстро старятся» [37, с. 158].

Примерно в то же время, что и Н.И. Кузнецов, в Высокогорном Дагестане, у дидоев, побывал этнограф А.К. Сержпутовский [38]. Наблюдая частную жизнь дидоев, он отмечает необыкновенную чистоту их нравов. Очень редким бывает нарушение супружеской верности, и не зафиксировано случаев рождения незаконнорожденных детей [38, с. 278]. По народным адатам похищение женщины не считается преступлением, что, видимо, нивелировало трудности заключения брака по шариату.

А.К. Сержпутовский зафиксировал у дидойцев обычай аталычества, когда 4-5 летних мальчиков отдавали на воспитание родственникам или кунакам в соседние села до достижения ими 17 лет, после чего они возвращались домой и обзаводились своей семьей.

Материал, собранный русскими авторами о семейной жизни дагестанских горцев, представляет большую ценность и позволяет получить более полное представление об их повседневной жизни.

Таким образом, нами дан обзор взглядов современников на частную жизнь в Дагестане во второй половине XIX – начале XX в. Это местные авторы, среди которых представители мусульманской интеллектуальной элиты, светской, в том числе, научной интеллигенции, а также русские авторы, в числе которых представители научной интеллигенции. Обе группы авторов собрали и зафиксировали в своих статьях ценные сведения о разных сторонах семейной жизни в Дагестане, но их мнения о положении женщины в Дагестане не совпадают.

Представители первой группы, придерживавшиеся традиционной исламской точки зрения, считали, что мужчина и женщина изначально созданы Всевышним разными и поэтому вопрос равноправия между ними даже не рассматривался. Хотя среди них выделялись дагестанские мусульманские реформаторы, которые уже в этот период выступали за равноправие между мужчиной и женщиной в семье.

Другая группа, среди них – одни, в основном русские авторы, считают ее положение тяжелым, униженным, а другие (в основном местные авторы), считают дагестанку гордой и независимой. Распределение ролей и обязанностей на мужские и женские осуществляется согласно стародавним адатам и пересмотру, с их точки зрения, не подлежит.

Важно отметить гендерный взгляд на проблему: мнение высказывали только авторы-мужчины, что думали по этому поводу женщины, жившие в это время – нам не известно.

Итак, частная жизнь оставалась консервативной частью дагестанской повседневности, хотя и в ней происходили незначительные, но положительные изменения.

Наша статья является постановкой проблемы, первым опытом рассмотрения историками одного из аспектов частной жизни в дагестанском ауле во второй половине XIX – начале XX в., как семья и положение женщины в ней в Дагестане после окончания Кавказской войны и его присоединения к Российскому государству. Предстоит еще многое сделать, исследовать другие аспекты этой многогранной проблемы: дом, друзья, увлечения, отношение к религии, здоровье, право распоряжаться своим имуществом и др.; показать, как шла адаптация населения к жизни в новых исторических условиях; какие трансформационные процессы происходили в такой закрытой сфере повседневной жизни как частная жизнь в традиционном обществе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Поляков Ю.А., Жирумская В.Б. Человек в повседневности: прошлое и настоящее: Научный совет РАН // Вестник Российского университета дружбы народов. 2003. № 2. С. 7–8.
2. Жирумская В.Б., Араловец Н.А. Проблемы истории российской повседневности (Всероссийские научные конференции в ИРИ РАН) // Труды Института российской истории. М.: Наука, 2008. Вып. 7. С. 387–400.
3. Безгин В.Б. Крестьянская повседневность (Традиции конца XIX – начала XX в.). Москва-Тамбов, 2004.
4. Кошман Л.В. Город и городская жизнь в России XIX в. М., 2008.
5. Козляков В.Н. «Греховные вещи и духовные» (частная жизнь в России по материалам церковного суда XVII в.) // Российская история. 2023. №4. С. 56–73.
6. Попова О.Д. История повседневности через призму устной истории: возникновение и проблемы (размышление над книгой) // Вестник Удмуртского университета. 2023. Т. 33. № 3. С. 649–655.
7. Пивцайкина О.А., Сульдина Л.В. Исторические образы уездного города Саранска в творчестве И. В. Селиванова // История и историческая память. 2015. №12. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoricheskie-obrazy-uezdnogo-goroda-saranska-v-tvorchestve-i-v-selivanova> (дата обращения: 12.12.2024).
8. Шкердина Н.О. Свидетельство о мордовском народе в трудах отечественных и зарубежных ученых, дипломатов и коммерсантов XVII в. // Материалы Всероссийской научной конференции «Память прошлого – сценарий будущего: проблемы региональной гуманитарной науки: материалы Всероссийских научных конференций (I и II Юрченковские чтения)». Саранск, 2023. С. 156–165
9. Гаджиева С.Ш. Брак и семья у народов Дагестан в XIX – начале XX в. М., 1985. – 359 с.
10. Рагимова Б.Р. Женщина в традиционном дагестанском обществе XIX – начала XX в.: Роль и место в семейной и общественной жизни: диссертация ... доктора исторических наук: 07.00.07. Махачкала, 2001. – 380 с.
11. Гимбатова М.Б. Мужчина и женщина в традиционной культуре тюркоязычных народов Дагестана (XIX – начало XX в.) Махачкала: Эпоха, 2014. – 390 с.
12. Баглиева А.З. Влияние религиозных факторов на формирование менталитета у народов Дагестана // Философия и общество. 2009. №4. С. 189–198.
13. Baddeley John. The Russian conquest of the Caucasus. London, 1908. – 518 p.
14. Abercromby J. A trip through the eastern Caucasus with a chapter of the languages of the country with maps and illustrations. London, 1889.
15. История Дагестана. Т. 2: XIX – начало XX в. М.: Наука, 1968. – 368 с.
16. История многовековых взаимоотношений и единения народов Дагестана с Россией: к 150-летию окончательного вхождения Дагестана в состав России. Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН, 2009. – 750 с.
17. Каймаразов Г.Ш. Очерки истории культуры народов Дагестана: от времени присоединения к России до наших дней. М.: Наука, 1971. – 475 с.
18. Абдулла Омаров. Воспоминания муталима // Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. I. Тифлис, 1868; Вып. II. Тифлис, 1869.
19. Абдулла Омаров. Как живут лаки (из воспоминаний детства). // Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. III. Тифлис, 1870.
20. Абдулла Омаров. Как живут лаки // Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. IV Тифлис, 1870.

REFERENCES

1. Polyakov YuA., Zhyromskaya VB. Everyday life: past and present: Scientific Council of the Russian Academy of Sciences. *Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia*. 2003; 2: 7-8. (In Russ)
2. Zhyromskaya VB., Aralovets NA. Problems of the history of Russian everyday life (All-Russian scientific conferences at the IRI RAS). *Proceedings of the Institute of Russian History*. Moscow: Nauka, 2008: 387-400. (In Russ)
3. Bezgin VB. *Everyday life of the peasantry (Traditions of the late 19th – early 20th centuries)*. Moscow-Tambov, 2004. (In Russ)
4. Koshman LV. *City and urban life in Russia in the 19th century*. Moscow, 2008. (In Russ)
5. Kozlyakov VN. "Sinful Things and Spiritual" (Private Life in Russia Based on the Materials of the Church Court of the 17th Century). *Russian History*. 2023; 4: 56-73. (In Russ)
6. Popova OD. Everyday History through the Prism of Oral History: Opportunities and Problems (Reflections on the Book). *Bulletin of Udmurt University*. 2023; 33(3): 649-655. (In Russ)
7. Pivtsaykina OA., Suldina LV. Historical Images of the District Town of Saransk in the Works of I.V. Selivanov. *History and Historical Memory*. 2015; 12. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoricheskie-obrazy-uezdnogo-goroda-saranska-v-tvorchestve-i-v-selivanova> (date of access: 12.12.2024). (In Russ)
8. Shkerdina NO. Evidence of the Mordvin people in the works of domestic and foreign scientists, diplomats and businessmen of the 17th century. *Proceedings of the All-Russian scientific conference "Memory of the past - scenario of the future: problems of regional humanitarian science: materials of the All-Russian scientific conferences (I and II Yurchensky readings)"*. Saransk, 2023: 156-165. (In Russ)
9. Gadzhieva SSh. *Marriage and family among the peoples of Dagestan in the XIX – early XX centuries*. Moscow, 1985. (In Russ)
10. Ragimova BR. *Woman in traditional Dagestani society of the XIX – early XX centuries: Role and place in family and public life: Dr. Sci. Dissertation: 07.00.07*. Makhachkala, 2001. (In Russ)
11. Gimbatova MB. *Man and woman in the traditional culture of the Turkic-speaking peoples of Dagestan (XIX – early XX centuries)*. Makhachkala: Epokha, 2014. (In Russ)
12. Baglieva AZ. The influence of religious factors on the formation of mentality among the peoples of Dagestan. *Philosophy and Society*. 2009; 4: 189-198. (In Russ)
13. Baddeley J. *The Russian conquest of the Caucasus*. London, 1908.
14. Abercromby J. *A trip through the eastern Caucasus with a chapter on the languages of the country with maps and illustrations*. London, 1889.
15. *History of Dagestan. Vol. 2: XIX – beginning of XX century*. Moscow: Nauka, 1968. (In Russ)
16. *History of centuries-old relations and unity of the peoples of Dagestan with Russia: on the 150th anniversary of the final entry of Dagestan into Russia*. Makhachkala: IHAЕ DSC RAS, 2009. (In Russ)
17. Kaimarazov GSh. *Essays on the cultural history of the peoples of Dagestan: from the time of accession to Russia to the present day*. Moscow: Nauka, 1971. (In Russ)
18. Abdulla Omarov. *Memories of a Mutalim. Collection of Information about the Caucasian Highlanders*. Issue 1. Tiflis, 1868; Issue 2, Tiflis, 1869. (In Russ)
19. Abdulla Omarov. *How the Laks Live (from Childhood Memories)*. *Collection of Information on the Caucasian Highlanders*. Issue 3. Tiflis, 1870. (In Russ)
20. Abdulla Omarov. *How the Laks Live. Collection of Information on the Caucasian Highlanders*. Issue 4. Tiflis, 1870. (In Russ)

21. Каранайлов О. Аул Чох // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. IV. Тифлис, 1884.
22. Тахнаева П.И. Чох в блистательную эпоху Шамиля (1840–1850 гг.). Махачкала, 1997. – 160 с.
23. Далгат Э.М. Крестьянство Дагестана на рубеже XIX–XX вв. Проблемы социально-экономического развития. Махачкала, 2000. – 289 с.
24. Алиханов М. В горах Дагестана. Путевые впечатления и рассказы горцев. Махачкала, 2005. – 413 с.
25. История Дагестана с древнейших времен до наших дней. Т. 1: История Дагестана с древнейших времен до XX века. М.: Наука, 2004. – 626 с.
26. Мирзабеков М.Я. Культура дагестанского села: XX век: история, проблемы. Махачкала, 1998. – 305 с.
27. ал-Махзуми Мухаммад. Хатират Джамал ад-Дин ал-Афгани ал-Хусайни. Байрут, 1931.
28. Наврузов А.Р. Мусульманские просветители Дагестана первой трети XX века и «женский вопрос» (по материалам газеты «Джаридат Дагистан (1913–1918)») // История, археология и этнография Кавказа. 2022. № 18(2). С. 371–387.
29. Литературное и научное наследие Абусупьяна Акаева. Сборник статей и материалов / отв. ред. А.Р. Шихсаидов, Г.М.-Р. Оразаев; сост. Г.М.-Р. Оразаев. Махачкала, 1992. – 175 с.
30. История общественно-культурного реформаторства на Кавказе и в Центральной Азии (XIX – начало XX века) / под ред. Д. Алимовой и И. Багировой. Самарканд: МИЦАИ, 2012. – 335 с.
31. Габиев С. Лаки их прошлое и быт // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа (СМОМПК). Вып. 36. Тифлис, 1906.
32. Львов Н. Домашняя и семейная жизнь дагестанских горцев аварского племени // Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. III. Тифлис, 1870.
33. Марков Е. Очерки Кавказа: картинки кавказской жизни, природы и истории. СПб., М., 1887.
34. Дубровин Н. История войны и владычества русских на Кавказе. Т. 1. Кн. 1. СПб., 1871.
35. Пастухов А.В. Поездка по высочайшим селениям Кавказа и восходящего на вершину горы Шах-даг. Тифлис, 1894.
36. Васильев А.Т. Кази-Кумук (этнографические очерки) // Этнографическое обозрение. Т. 42, 1899, № 3. С. 61–98.
37. Кузнецов Н.И. В делях Дагестана // Известия Императорского Русского Географического общества. Вып. 3. Т. 42. СПб., 1913. – 270 с.
38. Серзхпатовский А.К. Поездка в Нагорный Дагестан // Живая старина. 1916 г. № 905. С. 273–302.
- Russ)
21. Karanailov O. *Aul Chokh. Collection of Materials for the Description of Localities and Tribes of the Caucasus*. Tiflis, 1884. (In Russ)
22. Takhnaeva P.I. *Chokh in the Brilliant Era of Shamil (1840–1850)*. Makhachkala, 1997. (In Russ)
23. Dalgat E.M. *The peasantry of Dagestan at the turn of the XIX–XX centuries. Problems of socio-economic development*. Makhachkala, 2000.
24. Alikhanov M. *In the mountains of Dagestan. Travel impressions and stories of the highlanders*. Makhachkala, 2005. (In Russ)
25. *History of Dagestan from ancient times to the present day. Vol. 1: History of Dagestan from ancient times to the 20th century*. Moscow: Nauka, 2004. (In Russ)
26. Mirzabekov M.Ya. *Culture of the Dagestani village: 20th century: history, problems*. Makhachkala, 1998. (In Russ)
27. al-Makhzumi Muhammad. *Khatirat Jamal ad-Din al-Afghani al-Husayni*. Bayrut, 1931.
28. Navruzov A.R. Muslim educators of Dagestan in the first third of the 20th century and the “women’s issue” (based on the materials of the newspaper “Jaridat Dagistan (1913-1918)”). *History, Archeology and Ethnography of the Caucasus*. 2022; 18(2): 371-387. (In Russ)
29. *Literary and Scientific Heritage of Abusupyan Akayev. Collection of articles and materials*. Eds. A.R. Shikhsaidov, G.M.-R. Orazhev; comp. G.M.-R. Orazhev. Makhachkala, 1992. (In Russ)
30. *History of Socio-Cultural Reformism in the Caucasus and Central Asia (19th – Early 20th Centuries)*. Eds. D. Alimova and I. Bagirova. Samarkand: IICAS, 2012. (In Russ)
31. Gabiev S. Laks, their past and life. *Collection of Materials for the Description of Localities and Tribes of the Caucasus (SMOMPK)*. Issue 36. Tiflis, 1906. (In Russ)
32. Lvov N. Home and family life of the Dagestani highlanders of the Avar tribe. *Collection of Information about the Caucasian Highlanders*. Issue 3. Tiflis, 1870. (In Russ)
33. Markov E. *Essays on the Caucasus: pictures of Caucasian life, nature and history*. Saint-Petersburg, Moscow, 1887. (In Russ)
34. Dubrovin N. History of the war and domination of the Russians in the Caucasus. Vol. 1, Book 1. Saint-Petersburg, 1871. (In Russ)
35. Pastukhov AV. Trip to the highest villages of the Caucasus and ascending to the top of Mount Shakh-dag. Tiflis, 1894.
36. Vasiliev A.T. Kazi-Kumuk (ethnographic essays). *Etnograficheskoe Obozrenie*. 1899; 42(3): 61-98. (In Russ)
37. Kuznetsov NI. In the Wilds of Dagestan. *Bulletin of the Imperial Russian Geographical Society*. Saint-Petersburg, 1913; 42(3). (In Russ)
38. Serzhputovsky AK. Trip to Mountainous Dagestan. *Zhivaya Starina*. 1916; 905: 273-302. (In Russ)

Поступила в редакцию 12.11.2024 г.
Принята в печать 11.12.2024 г.
Опубликована 15.12.2024 г.

Received 12.11.2024
Accepted 11.12.2024
Published 15.12.2024

АРХЕОЛОГИЯ

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH204823-839>

Исследовательская статья

Таймазов Артур Исрапилович
к.и.н., старший научный сотрудник
Институт истории, археологии и этнографии
Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, Махачкала, Россия
taymazov_artur@mail.ru

СТОЯНКИ В РУСЛАХ ДРЕВНИХ РЕК В РАННЕМ ПАЛЕОЛИТЕ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОГО КАВКАЗА

Аннотация. Археологические исследования в верхней части отложений многослойных стоянок олдована Мухкай 1 и Мухкай 2 предоставили убедительные доказательства о существовании на Кавказе в конце раннего плейстоцена памятников, связанных с участками древних русел рек и водотоков. Находки в русле древнего водотока были обнаружены и в основании нижней пачки слоев стоянки Айникаб 1. Сам врез был образован в коренной породе, представленной песчаниками мелового периода. Указанный объект датируется временем не позднее субхрона Олдувей (1,95–1,78 млн л.н.) палеомагнитной эпохи Матуяма и является одним из наиболее ранних известных нам свидетельств обнаружения археологических находок в палеоруслах. По данным одного из рассматриваемых памятников – стоянки Мухкай 1, слой 5б – культурные остатки таких памятников содержат богатый и разнообразный состав каменных изделий, включающий нуклеусы, нуклевидные изделия, орудия и дебитаж. По качественному составу находок каменный инвентарь указанного памятника соответствует остаткам базовых стоянок, вероятно, перемещенным из мест своего первоначального залегания. С точки зрения культурно-стадиальной позиции, каменная индустрия из заполнения водотока содержит признаки раннеплейстоценовой крупнотщеповой индустрии Кавказа, относящейся к стадии перехода от олдована к ашелю. Люди, оставившие данную индустрию, владели техникой получения крупных отщепов и регулярно использовали данный вид заготовки для получения крупных рубящих (чоппер), режущих и скоблящих (крупные ножи, скребла) орудий. Освоение техникой получения крупного отщепа, однако, не привело здесь к появлению рубила, как это случилось на древнейших восточноафриканских памятниках.

Ключевые слова: ранний палеолит; ранний плейстоцен; Северо-Восточный Кавказ; стоянки в руслах рек и водотоков, олдован; крупнотщеповая индустрия

Для цитирования: Таймазов А.И. Стоянки в руслах древних рек в раннем палеолите Северо-Восточного Кавказа // История, археология и этнография Кавказа. 2024. Т. 20. № 4. С. 823-839. doi.org/10.32653/CH204823-839

© Таймазов А.И., 2024
© Сефербеков М.Р., перевод, 2024
© Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, 2024

ARCHEOLOGY

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH204823-839>

Research paper

Artur I. Taymazov,
Cand. Sci., Senior Researcher
Institute of History, Archeology and Ethnography
Dagestan Federal Research Center of RAS, Makhachkala, Russia
taymazov_artur@mail.ru

PALEOCHANNEL SITES OF THE EARLY PALEOLITHIC IN THE NORTHEAST CAUCASUS

Abstract. Excavations in the upper deposits of the multilayered Oldowan sites, Muhkai 1 and Muhkai 2, have yielded compelling evidence for the presence of sites associated with paleochannels and watercourses in the Caucasus during the late Early Pleistocene. Similar finds within an ancient watercourse bed were also discovered at the base of the lower stratum of the Ainikab 1 site. The incision itself was formed within bedrock comprising Cretaceous sandstones. This object is dated to no later than the Olduvai Subchron (1.95–1.78 Ma) of the Matuyama Chron and represents one of the earliest known instances of archaeological finds within paleochannels. Data from Muhkai 1, specifically layer 5b, indicates that the cultural remains from such sites contain a rich and diverse assemblage of lithic artifacts, including cores, core-like pieces, tools, and debitage. The qualitative composition of the lithic assemblage at this site is consistent with the remains of base camps, likely displaced from their original locations. Culturally, the lithic industry from the watercourse fill exhibits characteristics of the Early Pleistocene large-flake industry of the Caucasus, representing a transitional phase between the Oldowan and the Acheulean. The hominins responsible for this industry had mastered the technique of producing large flakes and regularly utilized these blanks to create large chopping tools (choppers), as well as cutting and scraping tools (large knives, scrapers). However, the development of large flake production did not lead to the emergence of hand axes in this region, unlike at the earliest East African sites.

Keywords: Early Paleolithic; Early Pleistocene; Northeast Caucasus; river and stream channel site; Oldowan; large flake industry

For citation: Taymazov A.I. Paleochannel Sites of the Early Paleolithic in The Northeast Caucasus. *History, Archeology and Ethnography of the Caucasus*. 2024. Vol. 20. N. 4. P. 823-839. doi.org/10.32653/CH204823-839

© Taymazov A.I., 2024
© Seferbekov M.R., translation, 2024
© Daghestan Federal Research Centre of RAS, 2024

Введение

В начале XXI в. на Северо-Восточном Кавказе во Внутригорном Дагестане Х.А. Амирхановым была открыта большая группа памятников эпохи олдована. Они связаны с рыхлыми отложениями водораздела рек Акуша и Усиша. Разрезы изучаемых памятников уникальны для раннего плейстоцена как по мощности отложений, так и по своему хронологическому охвату. Мощность раннеплейстоценовых отложений на некоторых из них превышает 70 м, а сама толща в целом охватывает более 1 млн лет в хронологическом диапазоне, примерно, от 2,3 млн л.н. (но не менее 1,95 млн л.н.) до 0,8 млн л.н. [1, с. 67–77]. Указанные отложения содержат большое количество слоев с археологическими остатками в виде обработанных каменных изделий, а некоторые из них, кроме того, включают многочисленный фаунистический материал. Только на трех из раскопанных памятников Айникаб 1, Мухкай 1 и Мухкай 2 было обнаружено в общей сложности не менее 100 культурных слоев. Большинство слоев изучены в пределах разведочной траншеи, и лишь немногие из них раскопаны на широкой площади.

По мере поступления новых материалов стали проявляться резкие различия памятников по тафономическим характеристикам, составу и насыщенности археологическим материалом. Встал вопрос о необходимости систематизации и функциональной классификации многочисленных стоянок, выявленных в толще отложений раннего плейстоцена, используя известные классификации древнейших памятников по функциональному признаку [2–5].

Исследования на стоянках Мухкай 2, слой 80 и Мухкай 2а предоставили убедительные свидетельства о существовании на северо-востоке Кавказа в эпоху олдована стоянок по добыче и разделке туш животных (*butchering or kill sites*) [1; 6]. Редкие для эпохи олдована стоянки с объектами бытового характера, сохранившими контекст горизонта обитания, по всей вероятности, зафиксированы на памятнике Айникаб 1 в основании слоя 13 (по новой нумерации соответствует нижней части слоя 24). На это указывают обнаруженные здесь остатки кострища, залегавшего в плоскости распространения каменных артефактов, включающих орудия, отщепы, обломки и желваки со сколами [7]. К настоящему времени уже определенно можно говорить о наличии среди исследованных объектов базовых стоянок (*home base, base camp*). Примером могут служить археологические находки, выявленные в слое 7в стоянки Мухкай 1. Культурные остатки данного памятника представляют собой не хаотичное распространение в слое продуктов расщепления кремневого сырья, а органичные группы инвентаря, которые фиксируют наличие различных функциональных участков стоянки, где осуществлялась не эпизодическая, а относительно долговременная (на протяжении сезона?) активная производственная и бытовая деятельность людей [8]. Высказывались также предположения о существовании объектов других функциональных разновидностей (стоянок типа мастерских, мест кратковременного посещения, пунктов, где складировалось кремневое сырье, и др.) [1].

Большая часть культурных слоев на памятниках олдована Центрального Дагестана содержит многочисленный каменный инвентарь при полном отсутствии фаунистических остатков. Каменные изделия, как правило, залегают в обломочнике и не образуют литологически единого тонкого горизонта, а рассредоточены по всей толщине слоя (*sites with diffused material*). Находки здесь, вероятно, переотложены из мест своего первоначального залегания. Однако, расстояние переноса каменных изделий, по-видимому, не было дальним. На это указывает отсутствие видимых признаков окатанности на обработанных гранях каменных артефактов. Состав находок таких слоев включает разнообразные орудия, нуклеусы, нуклеидные обломки, многочисленные отщепы, и, в целом, соответствует набору изделий базовых стоянок или долговременных стоянок-мастерских.

Фиксация стоянок *in situ* с сохранением древних поверхностей обитания в слоях обломочника при отсутствии скоплений каменных изделий и костей или других объектов бытового характера – задача довольно сложная. Одним из признаков, указывающих на их существование может служить обнаружение в слоях гигантских орудий весом 5–6 кг. Последние, как считает Х.А. Амирханов, использовались на месте и служили «для раскалывания черепов и дробления трубчатых костей с целью добывания костного мозга» [1, с. 28]. По его мнению, культурные слои, содержащие орудия-гигантолиты в виде пиков и чопперов, «являлись остатками базовых стоянок или стоянок-убежищ, куда «добытчики» пищи приносили свои трофеи» [1, с. 29].

Еще один тип памятника, о наличии которого можно вполне определенно говорить в отношении памятников олдована Центрального Дагестана – это стоянки в руслах древних рек или водотоков (*river or stream channel sites*). Задачей данной работы является характеристика одного из памятников, связанного с участком древнего русла реки. Рассматриваемый объект выявлен в верхней части отложений многослойной стоянки Мухкай 1 и обозначен как Мухкай 1, слой 5б.

Стоянка Мухкай 1, слой 5б: условия залегания каменных изделий и общие сведения

Археологический объект, обозначенный как Мухкай 1, слой 5б исследован в 2019 г. Северокавказской палеолитической экспедицией ИА РАН под руководством Х.А. Амирханова. Слой залегает в верхней части отложений многослойного памятника Мухкай 1 (рис. 1; 2, А-В), выше уровня, где был зафиксирован эпизод прямой намагниченности Харамильо, что позволяет датировать его временем около 1 млн л.н. В целом же, вся толща рыхлых отложений стоянки Мухкай 1 мощностью 65,5 м по совокупности всех естественнонаучных данных (геолого-геоморфологических, палеомагнитных, а также сравнительным данным, полученным по другим соседним памятникам Мухкай 1 и Айникаб 1) включает различные временные отрезки раннего плейстоцена [1; 9].

В литологическом отношении слой 5б представляет собой галечно-валунно-гравийник, врезанный в слои суглинков. Обломочный материал не сортирован. По своему генезису он представляет аллювий бывшего временного или периодически возобновлявшегося водотока. Верхние контуры заполнения русла зафиксированы в ЮЗ углу раскопа на глубине 6,63–6,84 м от нулевого репера, единого для мухкайских стоянок, и понижаются до отметки -7 м по направлению на СВ. Глубина же залегания слоя от поверхности современного склона, обращенного к долине реки Цианшури, составляет 3,6–4 м. Фактически же начало вреза русла фиксируется в профилях стенок раскопа еще выше (рис. 2, В), с уровня слоя 5. Однако на этом уровне планиграфически данный врез никак не выделялся, поскольку был образован в обломочнике, состоящем из валунов, галек, гравия и заполнителя в виде светло-коричневого суглинка в верхней части (слой 6), то есть в близкой по литологическому составу породе, что и само заполнение русла. Кроме того, на этом уровне в площадь раскопа не попал один из берегов бывшего водотока. Последний, вероятно, был срезан склоновой эрозией в ходе формирования долины реки Усиша и ее притока Цианшури. Таким образом, слой 5 фактически представляет собой верхнюю часть заполнения водотока. Это подтверждается еще тем, что в литологическом отношении он не отличается от слоя 5б, граница между ними является условной.

Участок древнего русла реки с четко о контурными берегами был зафиксирован с уровня вреза русла в слои суглинков (рис. 2, С). Русло было ориентировано с юго-запада на северо-восток. Такое же направление стока имеют и современные русла рек Акуша и Цианшури в районе расположения мухкайских стоянок. Ширина русла в ЮЗ части раскопа составляла 2,10 м, в середине – 3,50 м. В СВ части раскопа правый берег палеореки срезается склоном. Ширина русла здесь до контакта со склоном составляла 3,60 м. Древнее русло врезано в слои суглинков 7а, 7б, 7в. Слои 7а и 7в прорезаются полностью, а слой 7б – до основания. На двух участках раскопа: у западной стенки (кв. Б-3) и у северной стенки (кв. З-6) слой 7в также полностью прорезан руслом. Глубина эрозионного вреза (рис. 2, D) у западной стенки раскопа составляет 0,87 м, дно русла зафиксировано на глубине -7,50 м. В средней части раскопа, в районе бровки глубина вреза составляет 1 м, дно фиксируется на отметке -7,77 м. У северной стенки раскопа глубина вреза составляет 0,97 м, дно зафиксировано на отметке -7,92 м.

После выборки заполнения древнего русла было принято решение сохранить часть раскопанного объекта. Для этого в ЮЗ части раскопа был оставлен участок размерами 3,50×4,30 м (15,05 кв. м).

Археологические остатки из заполнения палеорусла

Археологические остатки из слоя 5б представлены исключительно кремневыми изделиями. Последние обнаружены во всех горизонтах заполнения русла. В количественном отношении коллекция слоя является одной из многочисленных. Обращает внимание высокая насыщенность водотока каменными изделиями. На раскопанном участке древнего русла общей площадью 23,5 кв. м было обнаружено 339 предметов. Находки приурочены преимущественно к центральной части русла, а не по его берегам (рис. 3). Последнее, вероятно, связано с тем, что на эту часть русла приходится максимальная мощность отложений, зафиксированная в заполнении. Условия, в которых залегают каменные изделия, предполагают, что коллекция слоя переотложена водными потоками с других уровней и не гомогенна по своему происхождению. Однако, при ее осмотре наблюдается отсутствие сильных механических повреждений, указывающих на дальнюю транспортировку археологического материала. Кроме того,

наблюдаемые на некоторых предметах повреждения в виде побитости, фиксируются не на лезвийных частях орудий, а на их необработанных гранях. Это указывает на то, что часть кремневого сырья подвергалась переотложению до того, как она была подобрана и использована древним человеком для изготовления орудий. В целом, сохранность всех находок хорошая и они не имеют существенных отличий от материалов других слоев стоянки Мухкай 1. Конечно же, здесь речь не идет о тех находках, которые залегают *in situ* в слоях мелкозема. Последние имеют более острые грани в сравнении с находками, происходящими из обломочника. Если же находки в русле водотока и подвергались перемещению, то, вероятно, на небольшое расстояние от мест своего первоначального залегания, и их первоначальная структура не была существенно изменена.

Говоря о структуре каменного инвентаря, происходящего из заполнения русла, следует указать на ее богатый и разнообразный состав. По качественному составу каменного инвентаря археологические материалы из слоя 5б соответствуют остаткам базовых стоянок. Коллекция содержит изделия, связанные с первичной обработкой сырья, орудия и дебитаж, включая мелкие отходы производства – чешуйки (~1 см) и осколки (~1 см в поперечнике) (Табл.). Данная коллекция заслуживает отдельного специального изучения. Здесь же, вкратце отметим ее наиболее существенные характеристики.

Таблица.

Типологический состав находок стоянки Мухкай 1, слой 5б

№ п/п	Наименование изделия	Кол-во
1	Чоппер двусторонний	14
2	Чоппер двусторонний на крупном отщепе	5
3	Чоппер односторонний	5
4	Чоппер односторонний на крупном отщепе	3
5	Чоппер с узким лезвием	3
6	Чоппер с долотовидным лезвием	7
7	Чоппер с долотовидным лезвием на крупном отщепе	2
8	Чоппер двулезвийный	2
9	Чоппер двулезвийный на крупном отщепе	3
10	Чоппер с обломанным лезвием	2
11	Пик	5
12	Пик плоский	3
13	Пиковидное орудие	1
14	Долотовидное орудие	1
15	Скребло на обломке	2
16	Скребло на отщепе (некрупном)	1
17	Скребло на крупном отщепе	3
18	Скребок	15
19	Скребок на крупном отщепе	2
20	Скребок высокой формы	7
21	Скребок высокой формы на крупном отщепе	1
22	Нож с естественным обушком	5
23	Нож с естественным обушком на крупном отщепе	2
24	Нож с обушком на грани	4

25	Нож с ретушированным обушком	1
26	Нож с поперечным лезвием на крупном отщепе	2
27	Орудие с узкой ретушированной выемкой	5
28	Орудие с широкой ретушированной выемкой на крупном отщепе	1
29	Шиповидное орудие	1
30	Отщеп с участками краевой ретуши	14
	Всего орудий:	122
31	Нуклеус однонаправленного скалывания с плоской рабочей поверхностью	3
32	Нуклеус однонаправленного скалывания крупные с плоской рабочей поверхностью	1
33	Нуклеус однонаправленного скалывания с двумя смежными рабочими поверхностями	3
34	Нуклеус однонаправленного снятия с полукруглой рабочей поверхностью	2
35	Нуклеус торцевого типа скалывания	2
36	Нуклевидный обломок	6
37	Отщеп (без учета орудий)	29
38	Обломок отщепа	20
39	Чешуйка	6
40	Обломок и желвак с единичными сколами	60
41	Обломок	83
42	Осколок	2
	Всего находок	339

Группа предметов, относящаяся к технологической стороне коллекции, весьма представительна. Наряду с многочисленными желваками и обломками с единичными сколами, которые могли выполнять роль нуклеусов, здесь присутствуют несомненные выразительные нуклеусы, свидетельствующие о целенаправленном получении отщеповых заготовок.

Для получения заготовок использовались желваки и обломки желваков разных размеров и форм. Ударные площадки специально не готовились. Ими служили естественные покрытые коркой поверхности желваков и плоскости естественного разлома. Среди нуклеусов представлены, в основном, одноплощадочные односторонние и одноплощадочные двусторонние. У последних рабочие поверхности располагались на смежных плоскостях. Иногда такой способ расщепления приводил к формированию полукруглой рабочей поверхности. Среди бесспорных ядрищ нет характерных для индустрии олдована многосторонних нуклеусов. Отсутствие последних, вероятно, указывает на переход от конкретно-ситуационного расщепления к систематическим однонаправленным снятиям, которые имели целью получение специальных сколов-заготовок. Эта характерная особенность, в свою очередь, указывает на отдаление в технологическом смысле индустрии слоя 5б от олдована. Наиболее заметно оно проявляется в присутствии в каменном инвентаре рассматриваемого слоя крупных отщепов (> 10 см) и соответствующих им по размерам нуклеусов. Половину всех нуклеусов слоя составляют крупные ядрища с длинным протяженным фронтом скалывания. Среди них выделяются нуклеусы торцевого типа скалывания (рис. 4), демонстрирующие раскалывание вдоль длинной оси плоских желваков кремня. Таким образом, одной из существенных характеристик индустрии данного слоя является овладение ее носителями техникой получения крупного отщепа.

Еще один значимый технологический признак каменной индустрии слоя 5б – это предпочтительное использование в качестве заготовок для орудий отщепов вместо желваков и их обломков. Орудия на отщепах составляют около 56 % всех изделий со вторичной обработкой слоя. Высокий процент (> 40 %) орудий на отщепах характерен для всех изученных слоев верхней части разреза Мухкая 1, содержащих более или менее количественно значимую коллекцию орудийного набора. В слоях средней и нижней части разреза памятника и в этой же части отложений соседних стоянок Мухкай 2 и Айникаб 1 доля орудий на отщепах значительно меньше и составляет не более 30 % типологически выраженных орудий [10–14]. При этом,

в указанных слоях отщепы использовались только для изготовления мелких орудий. Основной заготовкой в них выступал желвак и его обломки. Мелкие обломки, в том числе, использовались для оформления скребел, скребков, орудий с выемкой, шиповидных орудий и других изделий.

Особое предпочтение древнейшие обитатели, оставшие индустрию слоя 5б, отдавали крупным отщепам. Это проявляется в максимальном использовании данного типа заготовки для изготовления орудий. Все 25 крупных отщепов, происходящие из слоя, найдены исключительно в виде морфологически завершенных орудий. Заметно высока доля данной группы изделий и в общем составе орудий. В рассматриваемом слое орудия на крупных отщепах составляют более 20 % всех изделий со вторичной обработкой и около 37 % орудий на сколах. Приведенные значения отражают картину, характерную для многих слоев верхней части отложений стоянки Мухкай 1 [15; 16]. Появление крупных отщеповых заготовок и единичные факты их использования на памятниках олдована Центрального Дагестана отмечается в слоях, предшествующих непосредственно эпизоду Харамильо (1,07–0,99 млн л.н.) [15]. Однако, заметный рост числа таких заготовок наблюдается уже к концу раннего плейстоцена. Отмеченные факты указывают на эволюцию каменной индустрии Центрального Дагестана в конце раннего плейстоцена и ее развитие в направлении ашеля.

Орудийная часть коллекции слоя содержит категории, характерные для индустрии развитого олдована в ее традиционном понимании. Наиболее многочисленную группу здесь образуют чопперы с различными модификациями лезвия (рис. 5; 6, 2–3). Среди них преобладают двусторонние чопперы с широким лезвием. Заметно высока в слое также доля долотовидных чопперов. Одной из существенных характеристик рассматриваемой категории орудий является широкое использование в качестве заготовок крупных отщепов. Более 28% чопперов в коллекции слоя 5б изготовлены на крупных отщепах.

Следующая категория крупных тяжелых орудий, хорошо представленная в коллекции слоя, – это пики и близкие им пикообразные орудия. Они различаются по очертаниям, размерам исходной заготовки и массивности. В качестве заготовки в основном использовались плоские и плитчатые обломки желваков, в том числе очень крупных размеров. Самые крупные из орудий имеют следующие параметры длины, ширины и толщины: 24×13,5×7,4 см; 19,6×8,6×3,8 см; 18×8×10,7 см. Использование плоских/плитчатых отдельностей исходного сырья, по всей видимости, сказалось на морфологии орудий. Вероятно, по этой причине в материалах слоя отсутствуют изделия, которые бы полностью соответствовали описанию типичных для памятников олдована Центрального Дагестана пиков с трехгранным поперечным сечением корпуса и симметричной продольной гранью на спинке [17]. У представленных в слое орудий, близких к указанному типу, обработка ограничивается формированием только острого трехгранного конца в дистальной части заготовки и не затрагивает большую часть краев и, соответственно, не формирует срединную продольную грань на спинке. Напротив, использование заготовок в виде плоских/плитчатых желваков и их обломков объясняет заметное присутствие в материалах слоя орудий, которые можно отнести к плоским пикам. Как и у вышеописанных пиков, вся обработка у этих изделий также нацелена на формирование острия на одном из концов заготовки (рис. 6, 1). В этом отношении указанные изделия имеют мало общего с пиками, выделенными на раннеашельских памятниках Восточной Африки и Ближнего Востока и тем более не имеют ничего общего с бифасами, в состав которых они включаются [2; 18]. По этой причине один из исследователей раннего палеолита Кавказа С.А. Кулаков предлагает называть подобные пиковидные орудия крупными массивными остриями, а не включать их в категорию пиков [19, с. 76–79; 20, с. 90–92].

Большую часть (~55%) орудийного набора из заполнения водотока составляют ретушированные изделия на отщепах и некрупных обломках (рис. 7). Причем последний вид заготовки использовался гораздо меньше, чем отщепы. Среди орудий с ретушью хорошо распознаются скребла, скребки, орудия с узкой и широкой выемкой, ножи с различными типами обушков, скребки высокой формы. Особо значимо для определения культурно-хронологического статуса индустрии наличие среди перечисленных категорий орудий на крупных отщепах. Единичными экземплярами представлены долотовидное и шиповидное орудия. Значительную часть мелких орудий составляют отщепы с участком краевой ретуши.

Общая оценка каменного инвентаря, происходящего из заполнения водотока и сравнение его с материалами нижележащих слоев Мухкай 1 и соответствующих частей отложений других памятников раннего плейстоцена Акушинской котловины, а также с материалами древнейших памятников Восточной и Северной Африки, Аравийского п-ова, Ближнего Востока и Кавказа показывает, что данная индустрия отличается по технико-типологическим характеристикам от индустрии типичного олдована.

Она демонстрирует более развитые способы получения заготовок и приемы обработки камня. Одно из существенных отличий рассматриваемой индустрии от олдована заключается в овладении ее носителями техникой получения крупного отщепа и его систематическое использование в качестве заготовки для изготовления крупных рубяще-режущих орудий. Переход к использованию крупного отщепа считается технологическим рубежом между олдованом и следующей эпохой – ашелем (или начало трансформации одной индустрии в другую) [2; 3]. В отличие от древнейших африканских памятников, где процесс перехода к использованию крупного отщепа сопровождался изменениями в орудийном наборе, и, главным образом, появлением рубила, как ведущего типа ашельского технокомплекса, в материалах рассматриваемого слоя подобные орудия отсутствуют. Не представлены они и в коллекциях других слоев верхней части отложений центрально-дагестанских памятников раннего плейстоцена, хотя элементы бифасиальной техники в них несомненно присутствуют. При этом, во всех трех раскопанных памятниках Мухкай 1, Мухкай 2 и Айникаб 1, в отложениях конца раннего плейстоцена единично представлены предметы, которые можно отнести к проторубилам [1; 21; 22]. Производство крупных отщепов хотя и повлияло на состав орудийного набора, но не привело к существенным изменениям его категориального состава. Представленный в слое основной набор орудий известен еще с олдована. В то же время здесь наблюдаются некоторые изменения, связанные с регулярным использованием крупного отщепа в качестве заготовки. Среди изменений следует отметить появление чопперов, крупных ножей, скребел, орудий с выемкой, скребка высокой формы, изготовленных на крупном отщепе. Они указывают на отдаление в типологическом отношении индустрии рассматриваемого слоя от олдована. Таким образом, с точки зрения культурно-стадиальной позиции каменная индустрия из заполнения водотока содержит признаки раннеплейстоценовой крупноотщеповой индустрии Кавказа, относящейся к стадии перехода от олдована к ашелю [21; 23].

Заключение

Результаты исследования в верхней части отложений многослойной стоянки Мухкай 1 позволяют сделать заключение о существовании на Северо-Восточном Кавказе в конце раннего плейстоцена типа памятника, связанного с участком древнего русла реки. Участок, вероятно, этого же русла был выявлен в верхней части отложений соседней стоянки Мухкай 2. Указанные два объекта – это не единичные случаи обнаружения находок в заполнении древнего водотока. Находки в русле древнего водотока были обнаружены и в основании нижней пачки слоев стоянки Айникаб 1. Сам врез был образован в коренной породе, представленной песчаниками мелового периода. В разрезе памятника данный врез находился ниже уровня, где был зафиксирован эпизод прямой намагниченности, интерпретируемый специалистами, как Олдувей [9, с. 90]. Последнее позволяет относить указанный объект ко времени не позднее указанного субхрона Олдувей (1,95–1,78 млн л.н.) палеомагнитной эпохи Матуяма. Это одно из самых ранних известных нам свидетельств обнаружения археологических находок в палеоруслах. Известные памятники Олдувайского ущелья, связанные с руслами древних рек (ШК, ТК, ВК), происходят из верхней части Пачки II (Bed II), т.е. в хроностратиграфическом горизонте разбитого олдована Б [2], или же раннего ашеля, согласно современным представлениям.

По данным рассматриваемых материалов из верхней пачки отложений Мухкай 1 культурные остатки таких памятников многочисленны и, вероятно, переотложены. Расстояние переноса, по-видимому, не было дальним, о чем свидетельствует отсутствие сильных механических повреждений на обработанных гранях кремневых изделий. В процессе транспортировки состав культурных остатков, вероятно, существенно не изменялся. Находки из водотока отличаются богатством и разнообразием. Они включают предметы, связанные с первичным расщеплением сырья, изделия со вторичной обработкой и дебитаж, включая чешуйки и осколки. Качественный состав рассматриваемых материалов из слоя 5б указывает на его соответствие остаткам базовых стоянок. Богатый и разнообразный состав находок делает их особо ценными для изучения различных сторон содержания культуры Северо-Восточного Кавказа в конце раннего плейстоцена и, особенно, проблемы эволюции культуры олдована в указанный период и становления раннего ашеля. Рассматриваемые материалы из стоянки Мухкай 1, слой 5б обладают характеристиками раннеплейстоценовой крупноотщеповой индустрии Кавказа, относящейся к стадии перехода от олдована к ашелю.

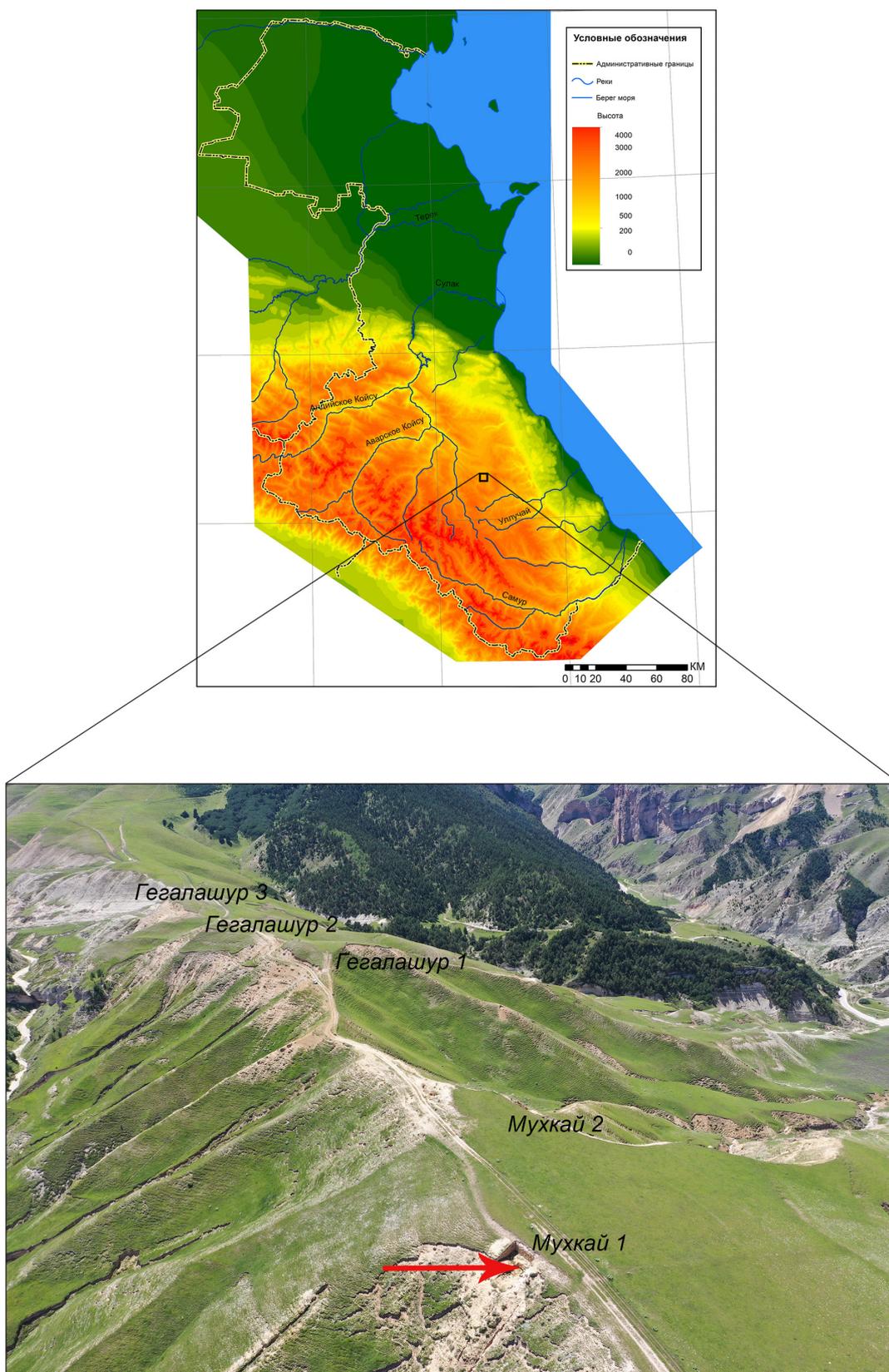

Рис. 1. Местоположение и общий вид памятников раннего плейстоцена Центрального Дагестана. Стрелкой обозначено местоположение стоянки Мухкай 1, слой 5b

Fig. 1. Location and general view of Early Pleistocene sites in Central Dagestan. The arrow indicates the location of the Muhkai 1 site, layer 5b

Рис. 2. А – обобщенный стратиграфический профиль разреза Мухкай 1; В – позиция стоянки Мухкай 1, слой 5б на геологическом разрезе; С – участок древнего русла до выборки заполнения; D – участок древнего русла после выборки заполнения

Fig. 2. А – Generalized stratigraphic profile of the Mukhcai 1 section; В – Position of the Mukhcai 1 site, layer 5b on the geological section; С – Section of the paleochannel before infill removal; D – Section of the paleochannel after infill removal

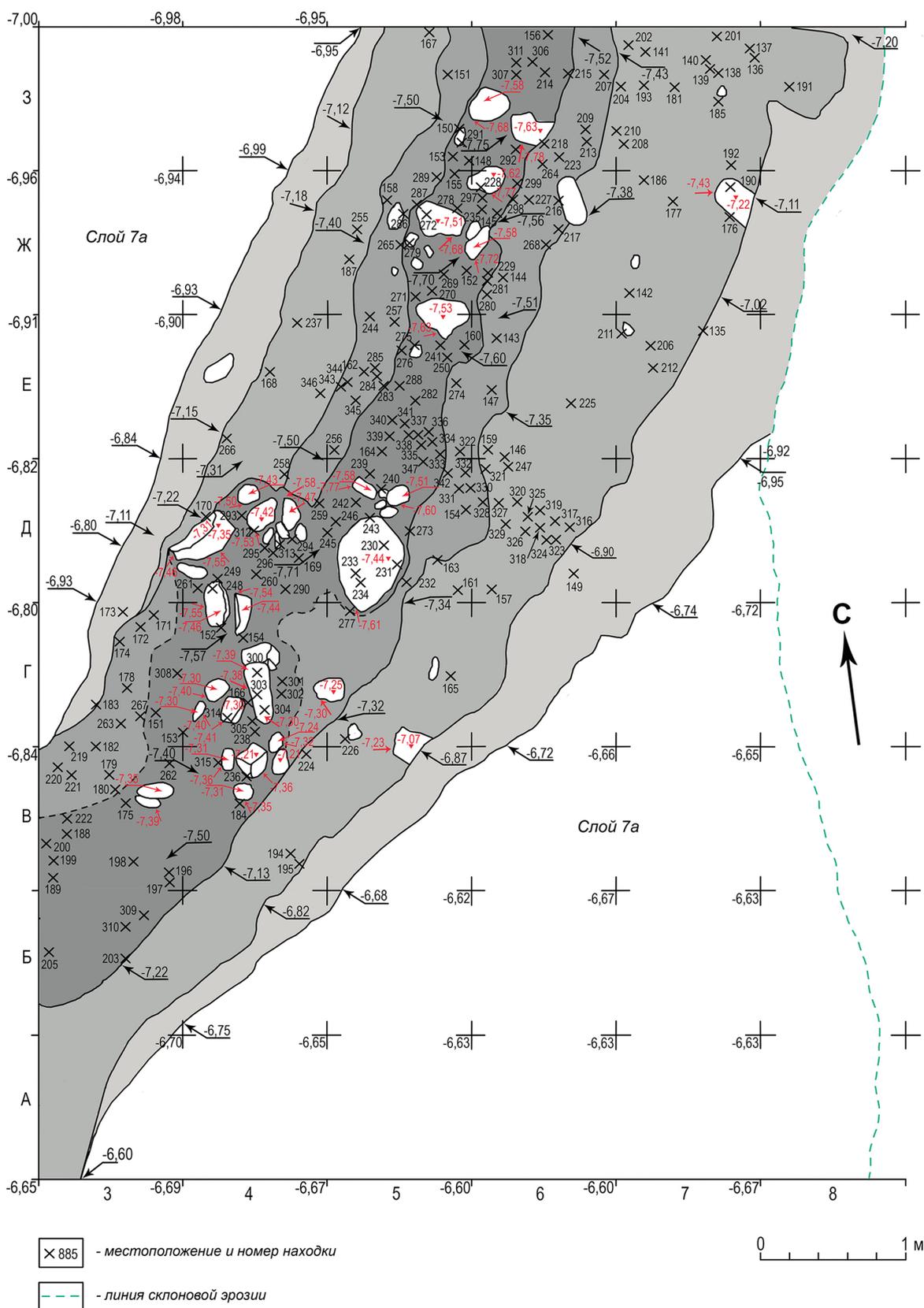

Рис. 3. Мухкай 1, слой 5б. Общий план находок

Fig. 3. Mulkai 1, layer 5b. General plan of finds

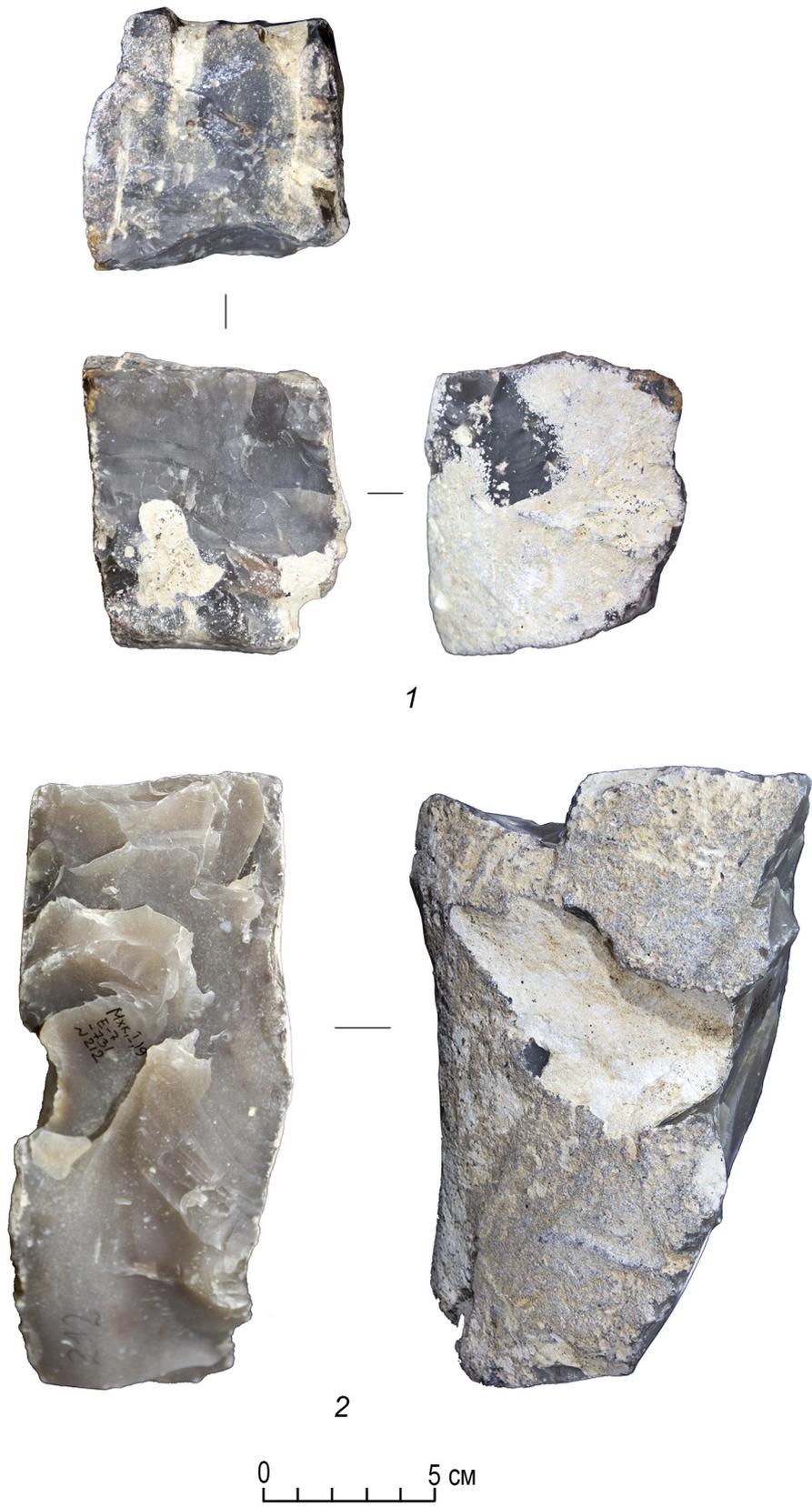

Рис. 4. Мухкай 1, слой 5б. Нуклеусы
1 – нуклеус для скалывания отщепов обычных размеров;
2 – нуклеус торцевого скалывания для скалывания крупных отщепов

Fig. 4. Muhkai 1, layer 5b. Cores: 1 – Core for producing normal-sized flakes; 2 – End-core for producing large flakes

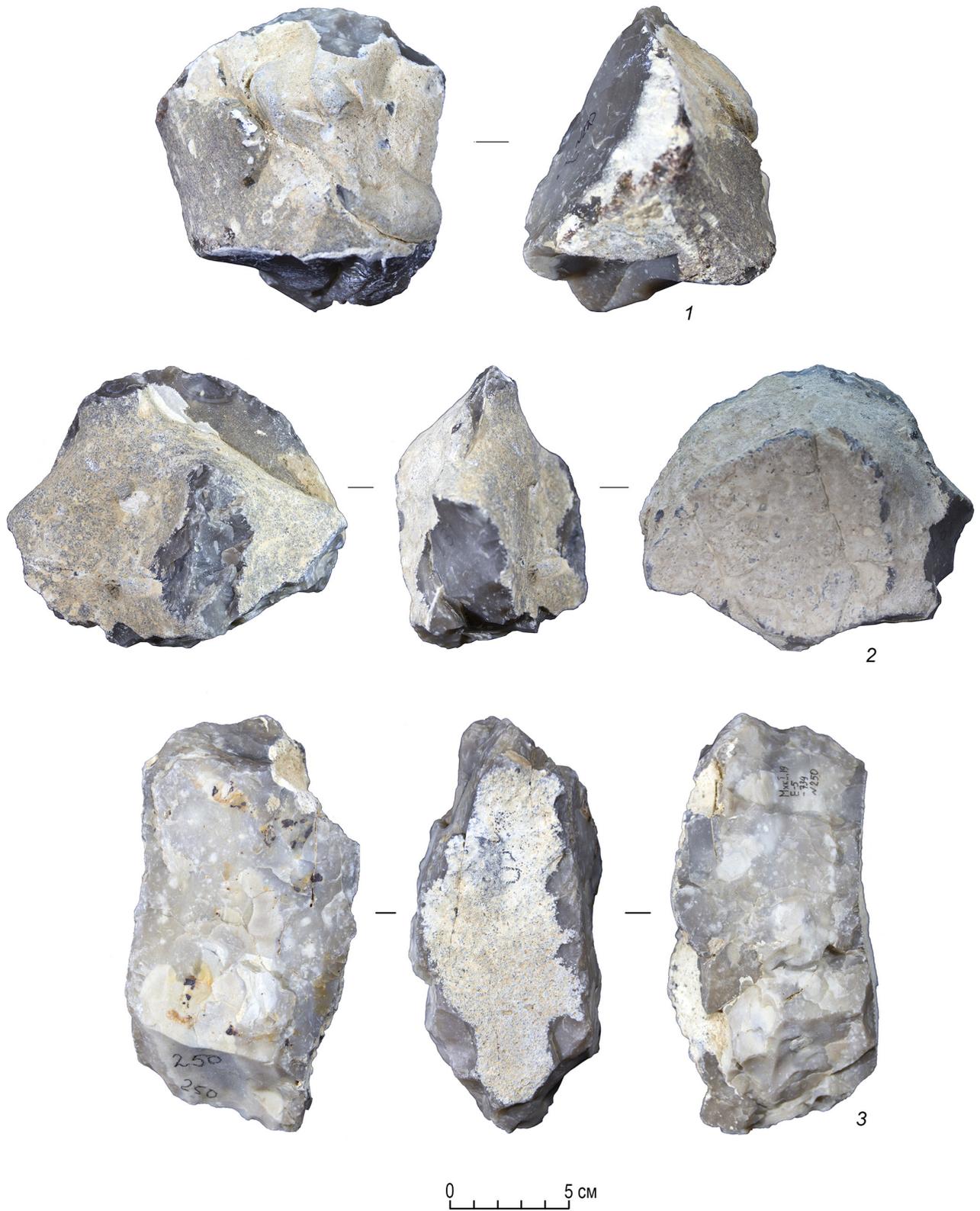

Рис. 5. Мухкай 1, слой 5б. Чопперы двусторонние на желваках и обломках желваков

Fig. 5. Mulkai 1, layer 5b. Bifacial choppers on nodules and nodule fragments

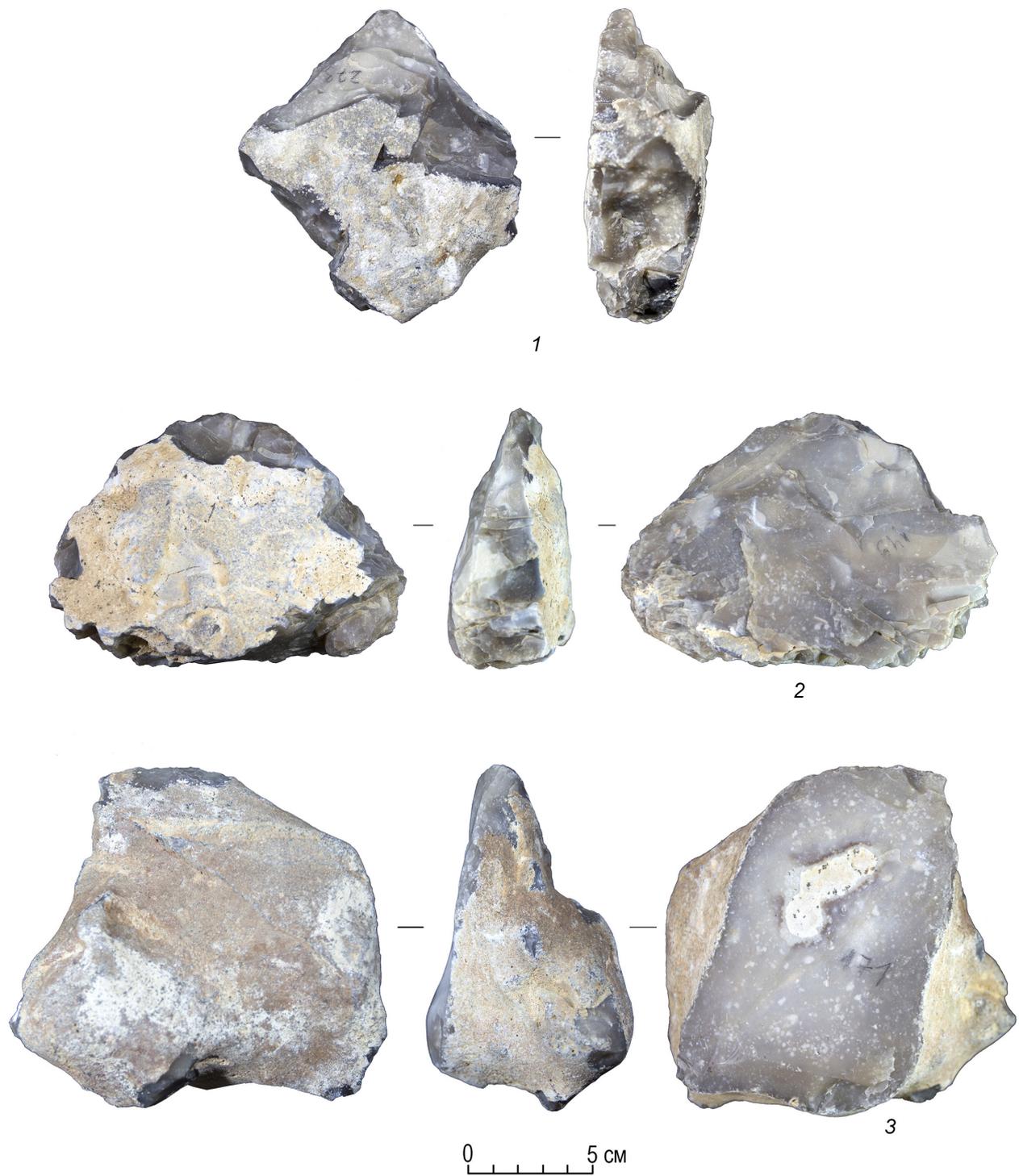

Рис. 6. Мухкай 1, слой 5b. Плоский пик (1) и чопперы двусторонние на крупных отщепках (2-3)

Fig. 6. Muhkanai 1, layer 5b. Flat pick (1) and bifacial choppers on large flakes (2-3)

Рис. 7. Мухкай 1, слой 5б. Образцы кремневых орудий
 1 – 3 – скребки; 4 – нож на некрупном отщепе; 5 – орудие с выемкой; 6 – шиповидное орудие;
 7 – нож с естественным обушком на крупном отщепе; 8 – скребло поперечное на крупном отщепе

Fig. 7. Mukhkai 1, layer 5b.
 Flint tools: 1–3 – scrapers; 4 – knife on a medium flake; 5 – notched tool; 6 – awl;
 7 – knife with a natural back on a large flake; 8 – transverse side-scraper on a large flake

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Амирханов Х.А. Северный Кавказ: начало преистории. Махачкала: МавраевЪ, 2016. - 344 с.: ил.
2. Leakey M.D. Olduvai Gorge. Excavations in Bed I and II, 1960–1963. Vol. 3. Cambridge: Cambridge University press, 1971. – 328 p.
3. Isaac G.L. Studies of early culture in East Africa // World Archaeology. 1969. Vol. 1 (1). P. 1–28. DOI: 10.1080/00438243.1969.9979423.
4. Isaac G. The diet of early man: Aspects of archaeological evidence from lower and middle Pleistocene sites in Africa // World Archaeology. 1971. Vol. 2 (3). P. 278–299. DOI: 10.1080/00438243.1971.9979481.
5. Isaac G. The Food-Sharing Behavior of Protohuman Hominids // Scientific American. 1978. Vol. 238, no. 4. P. 90–109.
6. Ожерельев Д.В., Мухкай II, слой 80. Стоянка эпохи олдована на Северо-Восточном Кавказе. М: ИА РАН, 2021. - 160 с.: ил.
7. Амирханов Х.А., Бронникова М.А., Таймазов А.И. О следах огня на стоянке олдована Айникаб 1 в Центральном Дагестане // Древнейший Кавказ: перекресток Европы и Азии / Под ред. С. А. Васильева, А. В. Ларионовой. СПб.: ИИМК РАН, 2013. С. 7–19.
8. Амирханов Х.А., Таймазов А.И. Раннеплейстоценовая стоянка Мухкай 1 (слой 7В) в Дагестане: структура функциональных элементов // Краткие сообщения Института археологии. 2020. Вып. 259. С. 72–85. DOI: doi.org/10.25681/IARAS.0130-2620.259.72-85.
9. Чепальга А.Л., Амирханов Х.А., Садчикова В.М., Трубихин В.М., Пирогов А.Н. Геоархеология олдувайских стоянок горного Дагестана // Бюллетень комиссии по изучению четвертичного периода. 2012. № 72. С. 73–94.
10. Селезнев А.Б. Кремневый инвентарь стоянки Мухкай I (сравнительный анализ комплекса вторичной обработки) // Краткие сообщения Института археологии. 2017. Вып. 249. С. 32–41.
11. Ожерельев Д.В. Типология изделий со вторичной обработкой слоя 74 раннепалеолитической стоянки Мухкай II (Дагестан) // Краткие сообщения Института археологии. 2014. Вып. 235. С. 60–81.
12. Ожерельев Д.В. Культурно-хронологическое определение каменных находок из слоя 129 многослойной раннепалеолитической стоянки Мухкай II // Краткие сообщения Института археологии. 2015. Вып. 241. С. 7–20.
13. Ожерельев Д.В. Орудийный состав каменного инвентаря стоянки эпохи олдована Мухкай II, слой 80 (Северо-Восточный Кавказ) // Российская археология. 2019. № 4. С. 10–26.
14. Таймазов А.И. Айникаб 1: стоянка олдована на Северо-Восточном Кавказе. Махачкала: МавраевЪ, 2021. 288 с., ил.
15. Amirkhanov H.A. Evolution of the Lithic Industry in Central Dagestan During the Early Pleistocene: The Rising Occurrence of Flake Blanks // Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia. 2021. Vol. 49/1. P. 3–8. DOI: 10.17746/1563-0110.2021.49.1.003-008.
16. Таймазов А.И. Крупные отщепы и орудия из них в каменной индустрии конца раннего плейстоцена Северо-Восточного Кавказа // Древние и средневековые культуры Кавказа: открытия, гипотезы, интерпретации. XXXII Крупновские чтения. Материалы Международной научной конференции по археологии Северного Кавказа, посвященной 125-летию раскопок Майкопского кургана. Майкоп, 18–23 апреля 2022 г. Майкоп: Качество, 2022. С. 103–106.
17. Амирханов Х.А. Категория пика в технокомплексах олдована и раннего ашеля // Российская археология. 2012. № 2. С. 5–14.
18. Bar-Yosef O., Goren-Inbar N. The Lithic Assemblages of 'Ubeidiya: A Lower Palaeolithic Site in the Jordan Valley. Jerusalem: The Institute of Archaeology Hebrew University, 1993. 266 p.

REFERENCES

1. Amirkhanov H.A. North Caucasus: the beginning of prehistory. Makhachkala: Mavraev, 2016: 344 (In Russ).
2. Leakey MD. Olduvai Gorge. Excavations in Bed I and II, 1960–1963. Vol. 3. Cambridge: Cambridge University press, 1971: 328.
3. Isaac GL. Studies of early culture in East Africa. *World Archaeology*. 1969, 1 (1): 1–28.
4. Isaac G. The diet of early man: Aspects of archaeological evidence from lower and middle Pleistocene sites in Africa. *World Archaeology*. 1971, 2 (3): 278–299. DOI: 10.1080/00438243.1971.9979481.
5. Isaac G. The Food-Sharing Behavior of Protohuman Hominids // *Scientific American*. 1978. Vol. 238, no. 4. P. 90–109. DOI: 10.1080/00438243.1969.9979423
6. Ozherelyev DV. *The Oldowan site of Mukhakai II, layer 80 located in the Northeast Caucasus*. Moscow: IA RUS, 2021: 160 (In Russ).
7. Amirkhanov H.A., Bronnikova MA, Taymazov AI. On the traces of fire at the Oldowan site Ainikab 1 in Central Dagestan. In: Vasil'ev SA and Larionova AV editors. *The Most Ancient Caucasus: A Crossroad between Europe and Asia*. St.Petersburg: IIMK RAN, 2013: 7–19. (In Russ)
8. Amirkhanov H.A., Taymazov AI. The Early Pleistocene site Mukhakai 1 camp (layer 7C) in Dagestan: structure of functional elements. *Brief Communications of the Institute of Archaeology*. 2019, 259: 72 – 85 (In Russ) DOI: doi.org/10.25681/IARAS.0130-2620.259.72-85
9. Chepalyga AL., Amirkhanov KhA., Sadchikova TA., Trubikhin VM., Pirogov AN. Geoarchaeology of the Oldowan archaeological sites in the Mountain Dagestan (NE Caucasus). *Bulletin of Commission for study of the Quaternary*. 2012, 72: 73–94 (In Russ).
10. Seleznyov AB. Flint tools at the Mukhakai I site (comparative analysis of secondary treatment tool manufacture). *Brief Communications of the Institute of Archaeology*. 2017, 249: 32–41 (In Russ).
11. Ozherelyev DV. Typology of artefacts with secondary treatment from layer 74 of the Early Palaeolithic site Mukhakai II (Dagestan). *Brief Communications of the Institute of Archaeology*. 2014, 235: 60 – 81 (In Russ).
12. Ozherelyev DV. Cultural and chronological attribution of stone finds from layer 129 at the Mukhakai II multilayer Early Palaeolithic station. *Brief Communications of the Institute of Archaeology*. 2015, 241: 7–20 (In Russ).
13. Ozherelyev DV. Lithic tools of the Oldowan site Mukhakai II, layer 80 (Northeastern Caucasus). *Russian archaeology*. 2019, 4: 10–26 (In Russ).
14. Taymazov AI. *Ainikab 1: The Oldowan site in the Northeast Caucasus*. Makhachkala: Mavraev, 2021: 288 (In Russ).
15. Amirkhanov H.A. Evolution of the Lithic Industry in Central Dagestan During the Early Pleistocene: The Rising Occurrence of Flake Blanks. *Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia*. 2021, 49/1: 3–8. DOI: 10.17746/1563-0110.2021.49.1.003-008
16. Taymazov AI. Large flakes and tools made from them in the stone industry of the late Early Pleistocene of the Northeastern Caucasus. *Ancient and medieval cultures of the Caucasus: discoveries, hypotheses, interpretations. XXXII Krupnov readings. Proceedings of the International Scientific Conference on Archaeology of the North Caucasus, dedicated to the 125th anniversary of the excavations of the Maikop burial mound. Maikop, April 18–23, 2022*. Maikop: Quality, 2022: 103–106 (In Russ).
17. Amirkhanov H.A. Pick category in the Oldowan and Early Acheulean technocomplexes. *Russian archaeology*. 2012, 2: 5–14 (In Russ).
18. Bar-Yosef O., Goren-Inbar N. *The Lithic Assemblages of 'Ubeidiya: A Lower Palaeolithic Site in the Jordan Valley*. Jerusalem: The Institute of Archaeology Hebrew University, 1993: 266 p.

19. Кулаков С.А. Ранний и средний палеолит Северо-Западного Кавказа: дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 2018. 389 с.

20. Кулаков С.А. Ранний палеолит Кавказа: современное состояние изучения // Записки Института истории материальной культуры РАН. 2020. № 22. С. 76–98. DOI: 10.31600/2310-6557-2020-22-76-98.

21. Амирханов Х.А., Таймазов А.И. Раннеплейстоценовая крупноотщеповая индустрия Северо-Восточного Кавказа: стадийный статус // Краткие сообщения Института археологии. 2019. Вып. 254. С. 13–33. DOI: <http://doi.org/10.25681/IARAS.0130-2620.254.13-33>.

22. Ожерельев Д.В. Новые данные о каменной индустрии многослойной стоянки Мухкай II в конце раннего плейстоцена // Восточная Европа, Кавказ, Ближний Восток в каменном веке: хронология, источники и культурогенез. Международная конференция. Тезисы докладов. М: ИА РАН. 2020. С. 67–68.

23. Амирханов Х.А. Палеолитическая культура Кавказа конца эоплейстоцена: олдован, ранний ашель, переходная стадия? // Российская археология. 2020. № 2. С. 5–21. DOI: 10.31857/S086960630008862-7.

19. Kulakov SA. *Early and Middle Paleolithic of the Northwestern Caucasus* (dissertation). St. Petersburg, 2018: 389 (In Russ).

20. Kulakov SA. Early Paleolithic of the Caucasus: the current status of research. *Transactions of the Institute for the History of Material Culture RAS*. 2020, 22: 76-98 (In Russ). DOI: 10.31600/2310-6557-2020-22-76-98

21. Amirkhanov HA., Taymazov AI. Early Pleistocene Large Flake Industry of the Northeast Caucasus: stadial status. *Brief Communications of the Institute of Archaeology*. 2019, 254: 13-33 (In Russ). DOI: <http://doi.org/10.25681/IARAS.0130-2620.254.13-33>

22. Ozherelyev DV. New data on the lithic industry of the multilayered site of Mukhkai II at the end of the Early Pleistocene. *Eastern Europe, Caucasus, Near East in the Stone Age: Chronology, Materials and Culture Genesis. International Conference. Abstracts of Papers*. Moscow: IA RAS, 2020: 67-68 (In Russ). Available from: <https://archaeolog.ru/ru/el-bib/el-cat/el-books/el-books-2020/kamen-2020>

23. Amirkhanov HA. Palaeolithic culture of the Caucasus in the Late Eopleistocene: Oldowan, Early Acheulean, Transition stage? *Russian archaeology*. 2020, 2: 5-21 (In Russ). DOI: 10.31857/S086960630008862-7

Поступила в редакцию 17.10.2024 г.

Принята в печать 05.12.2024 г.

Опубликована 15.12.2024 г.

Received 17.10.2024

Accepted 05.12.2024

Published 15.12.2024

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH204840-855>

Исследовательская статья

Городецкая Сусанна Павловна
Зав. сектором
Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург, Россия
yaqvanarex@rambler.ru

Долбунова Екатерина Владимировна
к.и.н., старший научный сотрудник
Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург, Россия
katjer@mail.ru

Ларионова Алиса Валерьевна
к.и.н., младший научный сотрудник
Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург, Россия
alisalariionovag@gmail.com

Мазуркевич Андрей Николаевич
старший научный сотрудник
Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург, Россия
a-mazurkevich@mail.ru

Успенская Олеся Игоревна
к.и.н., научный сотрудник
Институт археологии РАН, Москва, Россия
adamena@mail.ru

ГЕОМЕТРИЧЕСКИЕ МИКРОЛИТЫ ПОСЕЛЕНИЯ РАКУШЕЧНЫЙ ЯР ИЗ СЛОЕВ НЕОЛИТА/НЕО-ЭНЕОЛИТА

Аннотация: Геометрические микролиты были найдены на различных мезо-неолитических памятниках Понто-Каспийского региона. Проведенные исследования на поселении Ракушечный Яр позволили выявить устойчивые серии геометрических микролитов, происходящих из раскопок Т.Д. Белановской (раскоп I и II) и полученных в ходе исследований последних лет. Технология изготовления выделенных групп геометрических микролитов имеет ряд общих черт в области специфики выбора сырья, определяемого ограниченностью доступного материала, получения заготовки, вторичной обработки. Новые раскопки и методика фиксации позволили сопоставить отдельные типы с хронологическими микрогоризонтами и разбить их по комплексам раннего (примерно 5720–5620 и 5670–5520 л. до н.э.), заключительного этапа раннего неолита (около 5620–5520/5410–5310 л. до н.э.) и позднего неолита-энеолита (около 5474–5046/5010–4549 л. до н.э.). Процентное содержание микролитов в орудийном наборе составляет примерно 4–6% для отдельных слоев п. Ракушечный Яр. В результате новых раскопок была значительно дополнена серия геометрических микролитов, что во многом связано с методикой раскопок. Можно предположить значительное увеличение их количества с расширением исследованной площади, но с сохранением порядка выявленного соотношения в общей кремневой индустрии стоянки. Цель этого исследования – представить типологию геометрических микролитов, полученную в ходе раскопок Т.Д. Белановской (раскоп I и II) и исследований последних лет, с хронологической позицией отдельных типов, реконструкцией культурно-исторического контекста и результатами исследования макроследов. В статье рассматривается ареал распространения различных геометрических микролитов. Геометрические микролиты с подтеской тяготеют к западной части Понто-Каспийского региона. Простые трапеции – широко распространенный тип для неолита, часто встречается с трапециями со струганной спинкой в данном регионе, либо занимает более раннюю хронологическую позицию. Неолитические памятники, орудийный набор которых включает в себя микролиты, обработанные состругивающей ретушью, нанесенной отжимным способом, распространены на обширной территории Понто-Каспийского региона.

Ключевые слова: геометрические микролиты; трапеции с подтеской; трапеции со струганной спинкой; неолит; нео-энеолит; Понто-Каспийский регион; макроследы

Для цитирования: Городецкая С.П., Долбунова Е.В., Ларионова А.В., Мазуркевич А.Н., Успенская О.И. Геометрические микролиты поселения Ракушечный Яр из слоев неолита/нео-энеолита // История, археология и этнография Кавказа. 2024. Т. 20. № 4. С. 840-855. doi.org/10.32653/CH204840-855

© Городецкая С.П., Долбунова Е.В., Ларионова А.В., Мазуркевич А.Н., Успенская О.И., 2024

© Сефербеков М.Р., перевод, 2024

© Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, 2024

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH204840-855>

Research paper

Susanna P. Gorodetskaya,
Head of Sector
The State Hermitage Museum, St. Petersburg, Russia
yaguanarex@rambler.ru

Ekaterina V. Dolbunova,
Cand. Sci., Senior Researcher
The State Hermitage Museum, St. Petersburg, Russia
katjer@mail.ru

Alisa V. Larionova,
Cand. Sci., Junior Researcher
Institute for the History of Material Culture of RAS, St. Petersburg, Russia
alissalarionovag@gmail.com

Andrey N. Mazurkevich,
Senior Researcher
The State Hermitage Museum, St. Petersburg, Russia
a-mazurkevich@mail.ru

Olesya Uspenskaya
Cand. Sci., Research Fellow
Institute of Archaeology of RAS, Moscow, Russia
adamena@mail.ru

NEOLITHIC/NEO-ENEOLITHIC GEOMETRIC MICROLITHS OF RAKUSHECHNY YAR

Abstract. Geometric microliths have been found at various Mesolithic and Neolithic sites throughout the Ponto-Caspian region. Analysis of assemblages from the Rakushechny Yar settlement, including those excavated by T.D. Belanovskaya (Excavations I and II) and more recent excavations, reveals consistent typologies of geometric microliths. The production technologies for these microlith groups share several common features, particularly regarding raw material selection (likely constrained by limited availability), blank production, and secondary treatment. New excavation areas and recording methods have enabled the correlation of individual microlith types with chronological microhorizons, permitting their division into complexes associated with the early Neolithic (c. 5720–5620 and 5670–5520 BC), the final phase of the early Neolithic (c. 5620–5520/5410–5310 BC), and the late Neolithic/Eneolithic (c. 5474–5046/5010–4549 BC). Microliths constitute approximately 4–6% of the lithic assemblage within individual layers at Rakushechny Yar. Recent excavations, facilitated by improved methodologies, have significantly expanded the identified range of geometric microliths. While further excavation may yield a greater quantity of microliths, their proportional representation within the overall lithic assemblage is expected to remain consistent. This study aims to present a typology of geometric microliths recovered from Rakushechny Yar, encompassing both those excavated by T.D. Belanovskaya (Excavations I and II) and those from more recent investigations. The study establishes the chronological placement of microliths, reconstructs the cultural and historical context of their production and use, and presents the results of macro-wear analysis. Furthermore, the study considers geographic distribution of the various geometric microliths. Geometric microliths with thinned edges are predominantly found in the western Ponto-Caspian region. Simple trapezes are a common Neolithic type, frequently co-occurring with trapezes with thinned backs in the region, or alternatively, predating them. Neolithic sites featuring microliths with pressure-flaking retouch are widespread across a vast area of the Ponto-Caspian region.

Keywords: geometrical microliths; trapezes with thinned edges; trapezes with thinned backs; Neolithic; Neo-Eneolithic; Ponto-Caspian region; macro-wear traces

For citation: Gorodetskaya S.P., Dolbunova E.V., Larionova A.V., Mazurkevich A.N., Uspenskaya O.I. Neolithic/Neo-Eneolithic Geometric Microliths of Rakushechny Yar. *History, Archeology and Ethnography of the Caucasus*. 2024. Vol. 20. N. 4. P. 840-855. doi.org/10.32653/CH204840-855

© Gorodetskaya S.P., Dolbunova E.V., Larionova A.V., Mazurkevich A.N., Uspenskaya O.I., 2024
© Seferbekov M.R., translation, 2024
© Daghestan Federal Research Centre of RAS, 2024

Введение

Геометрические микролиты встречаются на большинстве мезо-неолитических памятников Понто-Каспийского региона (рис. 1). Они представлены несколькими функциональными категориями с различными ведущими типами для мезолита, раннего неолита и позднего неолита, а также имеют региональное своеобразие [1; 2]. Для Нижнего Подонья и Приазовья отмечается большое разнообразие геометрических микролитов и доминирование на поздних этапах трапеций со струганной спинкой [3]. Сложность в построении точных хронологических схем для отдельных типов связана часто с отсутствием материала для датирования и четкой стратиграфической привязки материалов.

В результате раскопок стоянки Ракушечный Яр Т.Д. Белановской в 1960–1979 гг. [4] и новых исследований [5; 6] была получена значительная коллекция каменных изделий неолита-энеолита. Отдельную специфическую группу орудий представляют геометрические микролиты. Новые раскопки и методика фиксации позволила сопоставить отдельные типы с хронологическими микрогоризонтами.

Цель этого исследования – представить типологию геометрических микролитов, полученную в ходе раскопок Т.Д. Белановской (раскоп I и II) и исследований последних лет, с хронологической позицией отдельных типов, реконструкцией культурно-исторического контекста и результатами исследования макроследов.

Описание хронологических комплексов поселения Ракушечный Яр

Ракушечный Яр – многослойное стратифицированное пойменное поселение с сериями погребенных почв. Особенность формирования культурных слоев и наличие стерильных прослоек на этом памятнике позволяют выстраивать микрохронологию для различных типов изделий при точечном датировании отдельных прослоек [7]. Новая серия датировок по образцам костей животных, происходящих из ранне-неолитических слоев, ложится в узкий хронологический интервал нескольких десятилетий около 5700/5600 л. до н.э. Это позволяет предположить, что археологизация изделий из данного комплекса (слои 12–23) происходила очень быстро, стерильные прослойки песка, разделяющие их, не образуют значительные временные hiatusы. Серия датировок, полученная для этого участка, указывает на последовательное заселение. Для этих слоев характерна структура поселения с использованием прибрежной зоны, небольших по площади хозяйственных площадок, иногда вымощенных створками раковин и прилегающих к ним хозяйственным ямам. Для комплекса слоев 7–11 раннего неолита отмечается появление глиняных вымосток полов и покрытых обмазкой поверхности стен/крыши. Изменения в накоплении отложений в позднем неолите-энеолите (слой 4, 5а) могло быть связано с ландшафтными изменениями и особенностями заселения и использования этого места. Стратиграфически к раннему неолиту мы можем отнести два комплекса, которые датируются примерно 5720–5620 л. до н.э. (слои 12–23) и 5670–5520 л. до н.э. (слои 7–11), один комплекс заключительного этапа раннего неолита (слои 6, 5б-в, около 5620–5520/5410–5310 л. до н.э.) и комплекс позднего неолита-энеолита (около 5474–5046/5010–4549 л. до н.э., слой 4, 5а) (рис. 2). Уточнить культурную атрибуцию и датировку последнего пока довольно сложно, что связано с условиями формирования толщи этого культурного слоя, вмещенного в напластования раковин *Viviparus*, не разделенных стерильными прослойками.

Описание комплекса геометрических микролитов

В основу выделения типов микролитов была положена форма геометрической фигуры (трапеции, прямоугольника). Для их изготовления характерно использование приема усечения заготовки, отсутствие ударного бугорка [8, с. 127]. Трапеция выполнялась на сечении пластины или отщипа со срезаемыми крутой или вертикальной ретушью концами заготовки таким образом, что ортогональная проекция короткой стороны орудия пересекается с линией длинного (не ретушированного) края хотя

бы частично [9]. У прямоугольника оба основания имеют практически одинаковую длину, а углы между сторонами стремятся к 90° . Внутри типов были выделены группы на основе критерия различных способов обработки дорсальной поверхности – подтеска боковых сторон и части дорсальной поверхности сколами, нанесенными ударным способом; обработка спинки микролита струйчатой уплощающей ретушью, нанесенной отжимным способом; обработка боковых сторон крутой/полукрутой ретушью.

Способы вторичной обработки определяются по характеру негативов сколов ретуши: ретушь, нанесенная отжимным способом, характеризуется длиной фасетки, которая в два раза превышает ее ширину; ретушь, нанесенная ударным способом, характеризуется фасетками с коническим началом и с определенными стандартами соотношения длины, ширины и толщины [10, с. 68–69].

Каменную индустрию поселения Ракушечный Яр характеризует направленность на получение пластинчатых сколов и пластин, преимущественно ударной техникой. Орудийный комплекс неолитических слоев памятника представлен целым рядом категорий, с преобладанием остриев и скребков [4; 11; 12]. Микролитовидная индустрия (геометрические микролиты, микросверла) – одна из особенностей раннеолитического комплекса. Геометрические микролиты (трапеции и прямоугольники) по способу обработки дорсальной поверхности были разделены на 5 групп. Всего было выявлено 69 шт., 46 – из новых раскопок, 23 – из раскопа I и II Т.Д. Белановской (рис. 2). На площади новых раскопов они составляют 5,4% от всех орудий в раннеолитических слоях (слои 12–23), 7,4% (слои 7–11), 6,2% – в комплексе заключительного этапа раннего неолита (слои 6, 5б–в) и 6,4% в комплексе позднего неолита-энеолита (слой 4, 5а). На площади раскопа I Т.Д. Белановской в слое 4 – 6%, 5а – 2,5%, 5б–в – 3,9%, 7 – 2,4%, 11 – 1,5% и 10 – 2,1%. Увеличение количества микролитовидных изделий (геометрические микролиты, микросверла) в результате новых исследований, учитывая значительно меньшую исследованную площадь, может быть связано с методикой раскопок, которая включала промывку всего культурного слоя.

Тип 1 – трапеции

1.1. Наибольшую группу составляют трапеции со струганной спинкой (рис. 3: 1–22), выполненные на тронкированных пластинах, дорсальная поверхность которых практически полностью обработана струйчатой, состругивающей ретушью, нанесенной отжимным способом, длина фасетки которой в два раза превышает ее ширину (24 экз.), еще 2 трапеции упоминаются по [3]. Только в слоях 7–11 (8 экз.) представлены два орудия, в качестве заготовок которых были использованы пластинчатые сколы (рис. 3: 19, 20), у одного из них на левой боковой стороне сохранился участок корки. За исключением одного сильно фрагментированного предмета, это средневысокие трапеции (рис. 4). У двух трапеций боковые стороны вентральной поверхности были также обработаны полукрутой ретушью, нанесенной со спинки (рис. 3: 15, 18). У одного из этих орудий нижнее основание было обработано ретушью, нанесенной с брюшка (рис. 3: 15). Трапеции из слоев позднего неолита/энеолита (16 экз.) средневысокой (11 шт.) и высокой формы (соотношение 1.5:1) (2 шт.). Все изделия, кроме одного (рис. 3: 8), имеют симметричные очертания. У одной трапеции боковые стороны вентральной поверхности были обработаны полукрутой ретушью, нанесенной с лицевой стороны (рис. 3: 1). У двух трапеций высокой формы боковые стороны были обработаны интенсивной крутой ретушью для уменьшения ширины верхней части изделия (рис. 3: 9, 22).

1.2. Трапеции с подтёской (11 экз.) – орудия, у которых с боковых сторон, обработанных полукрутой приостряющей ретушью, на дорсальную поверхность ударным способом наносилась чешуйчатая ретушь (рис. 5: 1–5, 7, 9, 10, 12, 13). В результате обработанными оказывались лишь дискретные части дорсальной поверхности. Это самая многочисленная группа в слоях раннего неолита (5720–5620 л. до н.э.) (6 шт.). 5 трапеций изготовлены на сечениях двухскатных пластин, одна – на сечении трехскатной пластины. Большая часть изделий (5 экз.) может быть отнесена к средневысоким трапециям, один предмет – к высоким трапециям. Для обработки боковых сторон применялись два типа ретуши – одна из боковых сторон (2 шт.) и также верхнее основание (1 шт.) обработано двусторонней, противоположающей полукрутой гелуанской ретушью (2 шт., рис. 5: 2); боковые стороны обработаны крутой ретушью для придания формы (4 шт.). В комплексе заключительного этапа раннего неолита были найдены 3 трапеции с подтёской из двухскатных пластин, средневысокие (2 шт.) (рис. 5: 9, 7) и низкая (соотношение 1:2). Боковые стороны обработаны крутой ретушью. У одной трапеции (рис. 5: 7) правая боковая сторона была обработана гелуанской ретушью. Трапеции с подтёской из слоев позднего неолита/энеолита представлены двумя экземплярами (рис. 5: 12, 13), изготовленными на сечениях пластин

с двухскатной огранкой, средневысокими. У одной трапеции боковые стороны обработаны полукрутой ретушью с вентральной стороны (рис. 5: 12).

1.3. Простые трапеции, дорсальная поверхность которых не обработана, а боковые края или одно из оснований обработаны крутой ретушью для придания изделию необходимой формы (5 экз.) (рис. 5: 6, 11, 15). Данная группа из слоев 7–11 представлена двумя трапециями (высокой и средневысокой), изготовленными на сечении двухскатных пластин. Дорсальная поверхность трапеции высокой формы имеет две выемки на боковых сторонах с бруска, вероятно, получившихся при фрагментации пластины для получения заготовки. Далее верхние части боковых сторон были обработаны крутой ретушью для выравнивания края, в результате верхнее основание имеет несколько округлую форму (рис. 5: 6). У второй трапеции из этого же слоя боковые стороны обработаны крутой, параллельной ретушью. Верхнее основание обработано мелкой крутой ретушью и слегка закруглено. В слоях позднего неолита/энеолита найдены два экземпляра (рис. 5: 11, 15), изготовленные на двухскатных заготовках, средневысоких очертаний. Боковые стороны и верхние основания обработаны мелкой, крутой ретушью.

Тип 2 – прямоугольники

2.1. Прямоугольники со струганной спинкой (13 экз., один образец был найден в раскопе II Т.Д. Белановской, слой 9) (рис. 3: 23–34), дорсальная поверхность которых обработана струйчатой уплощающей ретушью, нанесенной отжимным способом.

2.2. Прямоугольники с подтёской (7 экз.) – с боковых сторон обработаны полукрутой ретушью, на дорсальную поверхность ударным способом наносились небольшие сколы (рис. 5: 8, 14, 16, 17). Верхнее и нижнее основания не были обработаны. В слоях раннего неолита (5720–5620 л. до н.э.) один предмет был изготовлен на сечении трехскатной пластины, интенсивная обработка дорсальной поверхности другого не позволяет определить огранку заготовки. Одно из изделий имеет подквадратную форму (рис. 5: 16). Второе имеет низкие очертания (рис. 5: 17), на углах верхнего основания присутствуют две выемки, свидетельствующие, вероятно, о том, что заготовка была получена путем фрагментации сломом по выемкам. Это единственное изделие из коллекции микролитов стоянки, заготовка которого была изготовлена с применением такого приема. Помимо обработки уплощающими сколами дорсальная поверхность этого изделия была обработана ретушью по нижнему основанию, нанесенной с бруска. В слоях 5670–5520 л. до н.э. представлены 2 шт., изготовленные из двухскатных пластин, средневысокие. В слоях позднего неолита/энеолита было найдено 3 шт., заготовками для которых служили фрагментированные двухскатные пластины. Подтеска осуществлялась с боковых сторон, преимущественно сколами, нанесенными ударным способом. Один прямоугольник был изготовлен на проксимальном фрагменте пластины с гладкой ударной площадкой. Для уменьшения толщины изделия на вентральную поверхность были нанесены несколько сколов, стесывающих ударный бугорок.

Также на памятнике были найдены заготовки – сечения пластин/пластинчатые сколы, придание которым правильной формы не было закончено (рис. 5: 18–22). В раннеэнеолитических слоях (4 экз.) представлены заготовки трапеций с небольшими обработанными участками на краях и дорсальной поверхности и небольшими участками корки. По-видимому, изделия не были закончены из-за низкого качества сырья (рис. 5: 19, 22). Одна заготовка была найдена в слоях конца раннего неолита. Судя по огранке спинки, она была изготовлена на сечении пластинчатого скола и могла быть заготовкой трапеции. Левая боковая сторона изделия была обработана мелкой крутой ретушью. В слоях позднего неолита/энеолита были найдены две заготовки трапеций (рис. 5: 18, 20). Скорее всего, они не были закончены из-за значительных повреждений в результате попытки придать изделиям правильную форму.

Исследование макроследов

Для серии трапеций и прямоугольников различных типов (рис. 6) был проведен предварительный трасологический анализ макроследов с целью определения сохранности поверхности артефактов и дальнейших перспектив исследования.

В основу реконструкций функционального использования сколов положены трасологические признаки метательного износа, детально описанные и верифицированные многочисленными экспериментальными разработками [13–18]. При проведении трасологического анализа использовалась традиционная методика [19].

К режущим косолезвийным наконечникам стрел, либо наконечникам с косолезвийной ориентацией в оправе составных метательных орудий предварительно можно отнести высокую симметричную трапецию (рис. 6: 12). Наблюдается характерный для косолезвийной ориентации комплекс макроследов, включающий выразительную смятость одного из острых углов трапеции и слом противоположного угла. На режущем лезвии сформированы цепочки направленных фасеток выкрошенности.

К поперечнолезвийным формам можно предварительно отнести 7 высоких трапеций (рис. 6: 1–5; 7; 13). На широком нижнем основании наблюдается выразительный износ в виде серии плоских подпрямоугольных фасеток, распространенных на обе плоскости лезвия. Углы, образованные боковыми сторонами и нижним широким основанием, имеют характерные поперечные сломы.

Серия низких трапеций и прямоугольников не имеет выразительного макроизноса, однако на микроуровне нельзя исключать наличие на них заполировок и мелких резцовых сколов и заломов, которые могли бы указывать на их использование в составе пазовых орудий в качестве вкладышей или наконечников с различным положением режущего лезвия, что может быть подтверждено только при проведении полноценного трасологического анализа с использованием микроскопа.

На поверхности некоторых микролитов были выявлены остатки, предварительно ассоциируемые с клеящими составами. Аналогичные по облику, морфологии и расположению остатки были зафиксированы на геометрических микролитах из культурных слоев позднепалеолитических и мезолитических памятников Губского ущелья (Северо-Западный Кавказ, Краснодарский край, Мостовской район) [20].

Помимо следов функционального использования удалось проследить специфический прием фиксации геометрических микролитов с использованием серии намеренно сформированных заломов и выемок непосредственно на самом режущем лезвии, либо противоположащей ему стороне (рис. 6: 2, 9, 11). Подобный прием формирования мелких выемок и заломов зафиксирован для геометрических микролитов в культурных слоях каменного века пещеры Двойная [17]. Дальнейший трасологический анализ позволит произвести полноценную реконструкцию способов использования геометрических микролитов, а также манеру их крепления в оправках или на древке.

Обсуждение

Технология изготовления выделенных групп геометрических микролитов имеет ряд общих черт в области специфики выбора сырья, определяемого ограниченностью доступного материала, получения заготовки, вторичной обработки.

Выбор сырья. На памятнике был реконструирован неполный технологический контекст, что указывает на индустрию, направленную на незначительное расщепление, принесение заготовок, подработанных нуклеусов из источников сырья, удаленных от памятника, возможно, в районе р. Северский Донец [4, с. 21]. Наличие мелких расколотых галек и концентрация замытых кремневых осколков в культурных слоях может указывать на собирание доступного кремня поблизости. Для изготовления геометрических микролитов использовался как кремнь хорошего (рис. 6: 6, 8–12) и среднего качества (рис. 6: 3–5, 7), так и низкокачественный (рис. 6: 1, 2, 13), в условиях нехватки сырья могли выбираться и фрагменты с коркой (в слоях раннего неолита).

Получение заготовки. Подавляющее большинство микролитов было изготовлено на медиальных сечениях пластин, только 3 экз. сделаны на пластинчатых сколах и 3 экз. – с участками корки, что не характерно для микролитовидных комплексов других памятников. Получение заготовок осуществлялось путем простого фрагментирования пластин. Только для одного микролита, происходящего из слоя раннего неолита, заготовка была получена путем фрагментации сломом по выемкам (рис. 5: 17).

Приемы вторичной обработки представлены различными типами ретуши, нанесенной ударным способом (для группы микролитов с подтеской, простые трапеции), струйчатой ретушью (прямоугольники со струганной спинкой), сочетанием ударного способа и струйчатой ретуши (трапеции со струганной спинкой), полученной с применением отжима. Ударным способом обрабатывались боковые стороны орудий и при создании трапеций с подтеской небольшие участки дорсальной поверхности, крутой или отвесной ретушью. При обработке краев вентральной поверхности трапеций применялась полукрутая ретушь. Отжимная техника применялась исключительно для уплощения

дорсальных поверхностей трапеций и прямоугольников. Все эти различные техники преследуют одну и ту же цель – уплощение дорсальной поверхности, но разными способами. Для обработки боковых сторон трапеций с подтеской встречено использование полукрутой «гелуанской» ретуши.

Распределение групп микролитов различается для хронологических периодов поселения Ракушечный Яр. В слоях раннего неолита 12–23 (5720–5620 л. до н.э.) геометрические микролиты представлены изделиями с подтеской, за исключением одного предмета, который можно отнести к группе прямоугольников со струганной спинкой. На ранних этапах неолита отмечается несколько специфических приемов изготовления микролитов, в том числе обработка боковых сторон гелуанской ретушью – довольно архаический прием обработки для данного памятника [22; 23], наличие заготовок трапеций. Комплексы более позднего времени включают в себя все выделенные на памятнике типы микролитов, причем геометрические микролиты со струганной спинкой в слоях позднего неолита явно преобладают. В неолите/энеолите происходит стандартизация, когда доминируют трапеции со струганной спинкой средневысоких пропорций (рис. 4).

На нескольких геометрических микролитах удалось выявить комплекс макроследов, предположительно ассоциируемых с метательным износом.

Распределение типов геометрических микролитов в Понто-Каспийском регионе. Геометрические микролиты с подтеской тяготеют к западной части Понто-Каспийского региона (рис. 1). Сложно указать точно их хронологическую позицию, на поселении Гард материалы из слоев, где встречены эти микролиты, датируются примерно серединой 6 тыс. до н.э. [24]. Судя по датировкам слоев поселения Ракушечный Яр, они появляются около 5720–5620 л. до н.э. На поселении Раздорская 2 в слоях сер. 7 тыс. до н.э. были отмечены наряду с сегментами трапеции с подтеской [22].

Простые трапеции – широко распространенный тип геометрических микролитов для неолита – часто встречаются с трапециями со струганной спинкой в данном регионе, либо занимает более раннюю хронологическую позицию, может встречаться с сегментами (например, поселения Байбек, Варфоломеевская, слой 3 [25]) и отсутствовать на поздних этапах.

Неолитические памятники, орудийный набор которых включает в себя микролиты, обработанные состругивающей ретушью, нанесенной отжимным способом, распространены на обширной территории Понто-Каспийского региона [26; 27] (рис. 1). Одними из ранних комплексов, включающих в себя трапеции со струганной спинкой, являются стоянка Гиржево [28] в Нижнем Поднестровье, стоянки в Подонцовье [29], Горном Крыму (поселения Таш-Аир, Кая Арасы, Шан Коба и др. [30; 31], на территории Южного Кавказа (поселения Гойтепе, Ментеш тепе, Хаджи Эламханлы тепе, Ахнашен и др. [32–34]).

Геометрические микролиты со струганной спинкой на поселении Ракушечный Яр приурочены к позднему раннеэнеолитическому комплексу и слоям позднего неолита/энеолита. Сложно установить верхнюю границу их бытования. На поселении Раздорское I подобные трапеции были найдены в слоях неолита-энеолита (слои 1–2) [35]. В Северном, Северо-Западном Прикаспии и Нижнем Поволжье трапеции со струганной спинкой появляются в комплексах развитого неолита (поселения Каиршак I, Варфоломеевская (слой 2Б)) и позднего неолита (поселения Тентексор, Же-Колган I, Варфоломеевская (слой 2А), Джангар (слой 1), Улан-Туг 2, Ту-Бузгу-Худук II и др. [36], датируются соответственно около 5900–5600 и 5500–5000 л. до н.э. [37], в материалах позднего неолита Мариупольского могильника, пос. Кальмиус [38; 39]. Они являются ярким маркером позднего неолита Северного Прикаспия и степного Поволжья [40; 41]. Геометрические микролиты не были найдены на памятниках нео-энеолитической прикаспийской культуры, которая датируется 4900–4600 л. до н.э. [37; 42] или происходят из скоплений, где совместно с энеолитическими встречены и позднеэнеолитические древности [43]. Также существует точка зрения, что подобные трапеции, появляясь в позднем неолите, широко бытуют в переходный период к палеометаллическому времени, и встречаются на памятниках энеолитического времени (Му-Кюкн 1) [36].

Заключение

Геометрические микролиты – широко распространенная категория изделий, представленная различными морфологическими типами и функциональными категориями – наконечниками стрел,

составными частями орудий [14; 44]. Существуют региональные наборы микролитов со специфическими формами и способами обработки. Для пойменных поселений долины Дона (Раздорская 2, Раздорское 1, Ракушечный Яр), Северского Донца (Усть-Быстрая, Нижнесеребряковское 1) и Северного Приазовья (Матвеев Курган I, II) характерен набор, отличный от памятников с чертами мезолитических индустрий, тяготеющих к северокаспийскому ареалу (п. Кременная 2,3, Рассыпная 1, VI, Жуковская, 2, Платовский Став 1, местонахождение у х. Курганный, Кирпичное 2) [3].

Проведенные исследования позволили выявить устойчивые серии геометрических микролитов для поселения Ракушечный Яр, уточнить хронологическую позицию отдельных типов геометрических микролитов в рамках узких временных интервалов. Самый ранний тип, зафиксированный на поселении Ракушечный Яр – это геометрические микролиты с подтеской, которые датируются 5720–5620 л. до н.э. Они являются частью микролитоидного комплекса, включающего геометрические микролиты, микросверла, миниатюрные сланцевые тесла. Трапеции с подтеской тяготеют к западной части Понто-Каспийского ареала.

В дальнейшем наибольшее распространение получает тип геометрических микролитов со струганной спинкой. Их нижняя хронологическая граница на поселении Ракушечный Яр определяется комплексами с абсолютными датировками 5670–5520 л. до н.э., 5620–5520/5410–5310 л. до н.э., синхронными со временем существования подобных материалов на памятниках степного Поволжья [1]. Сложнее определить их верхнюю хронологическую границу – на поселении Ракушечный Яр есть лишь несколько датировок из слоев позднего неолита/нео-энеолита, которые попадают в широкий временной диапазон около 5474–5046/5010–4549 л. до н.э. Учитывая особенность формирования этих слоев, определить время бытования микролитов на позднем этапе пока достаточно сложно, как и их принадлежность к комплексу нео-энеолитической нижнедонской культуры. Возможно, верхняя граница неолита должна маркировать время окончания существования трапеций со струганной спинкой, которые не фиксируются в нео-энеолитической прикаспийской культуре степного Поволжья и Северного Прикаспия, датируемой первой половиной 5 тыс. до н.э., аналогии которой находятся в материалах нижнедонской культуры [37].

Процентное содержание микролитов в орудийном наборе составляет примерно 4–6% для отдельных слоев поселения Ракушечный Яр. Это достаточно устойчивая серия и соотношение для каменной индустрии, которое мы встречаем на целом ряде других стоянок Понто-Каспийского региона наряду с памятниками, где микролиты играют значительную роль в каменной индустрии. В результате новых раскопок была значительно дополнена серия геометрических микролитов, что во многом связано с методикой раскопок. Можно предположить увеличение их количества с расширением исследованной площади, но с сохранением порядка выявленного соотношения в общей кремневой индустрии стоянки.

Финансирование. Исследование выполнено при финансовой поддержке РЦНИ (РФФИ) и ФДНЧ в рамках научного проекта № 21-59-22008. Рисунки геометрических микролитов выполнены М.Л. Кривцовой, фотографии – Я.С. Суворовым в рамках реализации проекта РЦНИ (РФФИ)/ФДНЧ № 21-59-22008. Мы бы хотели выразить благодарность к.и.н. Е.В. Леоновой за ценные советы и консультации при написании статьи.

Acknowledgements. The study was carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research and the Fondation Maison des Science de l'Homme within the framework of scientific project No. 21-59-22008. Drawings of geometric microliths were made by M.L. Krivtsova, photographs – by Ya.S. Suvorov within the framework of the implementation of the project No. 21-59-22008. We would like to express our gratitude to Cand. of Hist. Sci. E.V. Leonova for valuable advice and consultations during the writing of this article.

Рис. 1. Карта неолитических/нео-энеолитических памятников с геометрическими микролитами со струганной спинкой, с подтеской, простых трапеций в представленных комплексах на памятниках, упоминаемых в тексте

Fig. 1. Neolithic/Neo-Eneolithic sites with geometric microliths with thinned backs, with thinned edges, simple trapezoids in the regarded complexes at the sites mentioned in the text

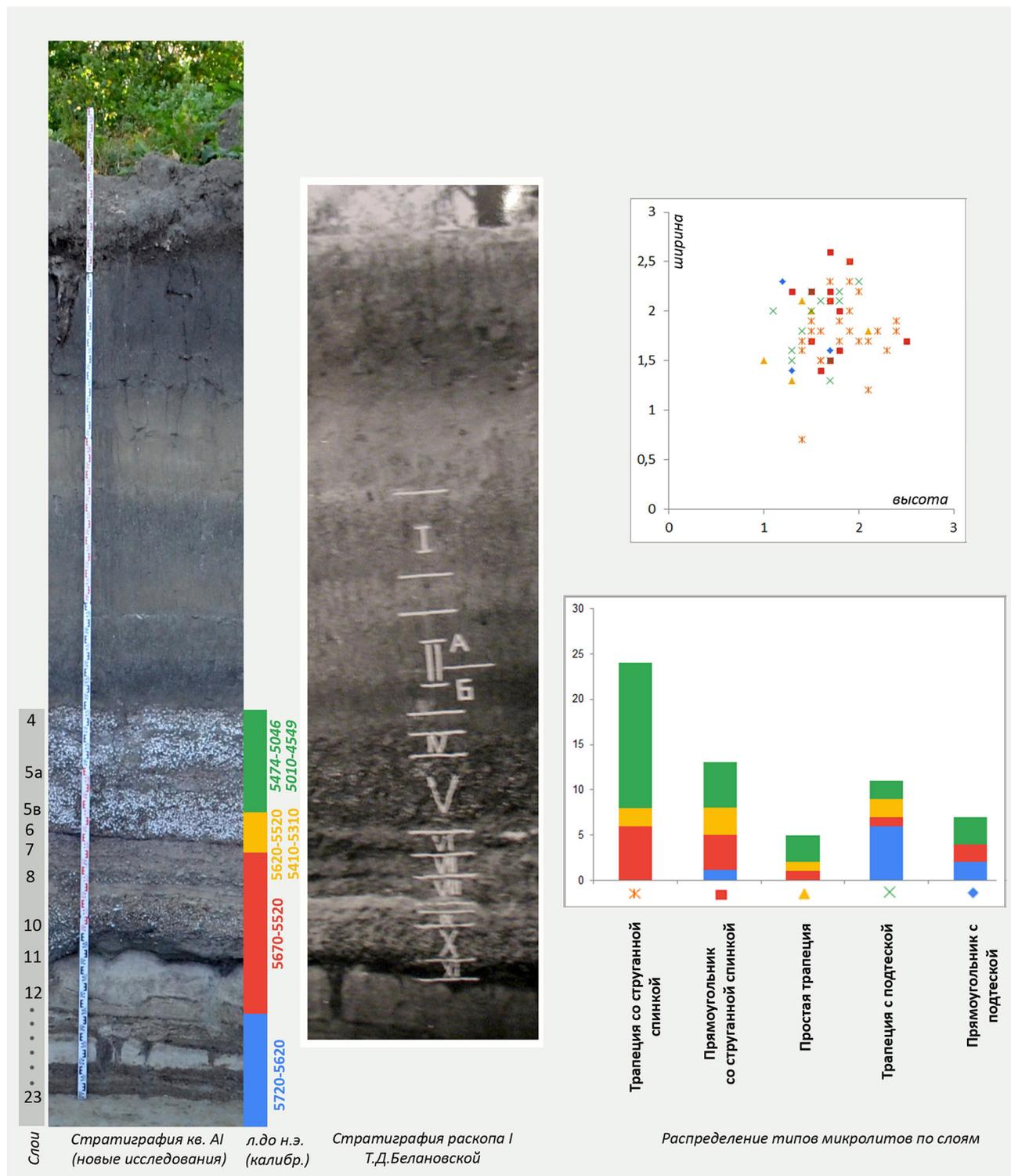

Рис. 2. Стратиграфия поселения Ракушечный Яр (новых раскопов и раскопа I Т.Д. Белановской) с указанием слоев и хронологических периодов, с распределением типов геометрических микролитов по хронологическим комплексам и соотношением метрических характеристик

Fig. 2. Stratigraphy of the Rakushechny Yar settlement (new excavations and trench I by T.D. Belanovskaya) with indication of layers and chronological periods, distribution of geometric microlith types within chronological complexes and the ratio of metric characteristics

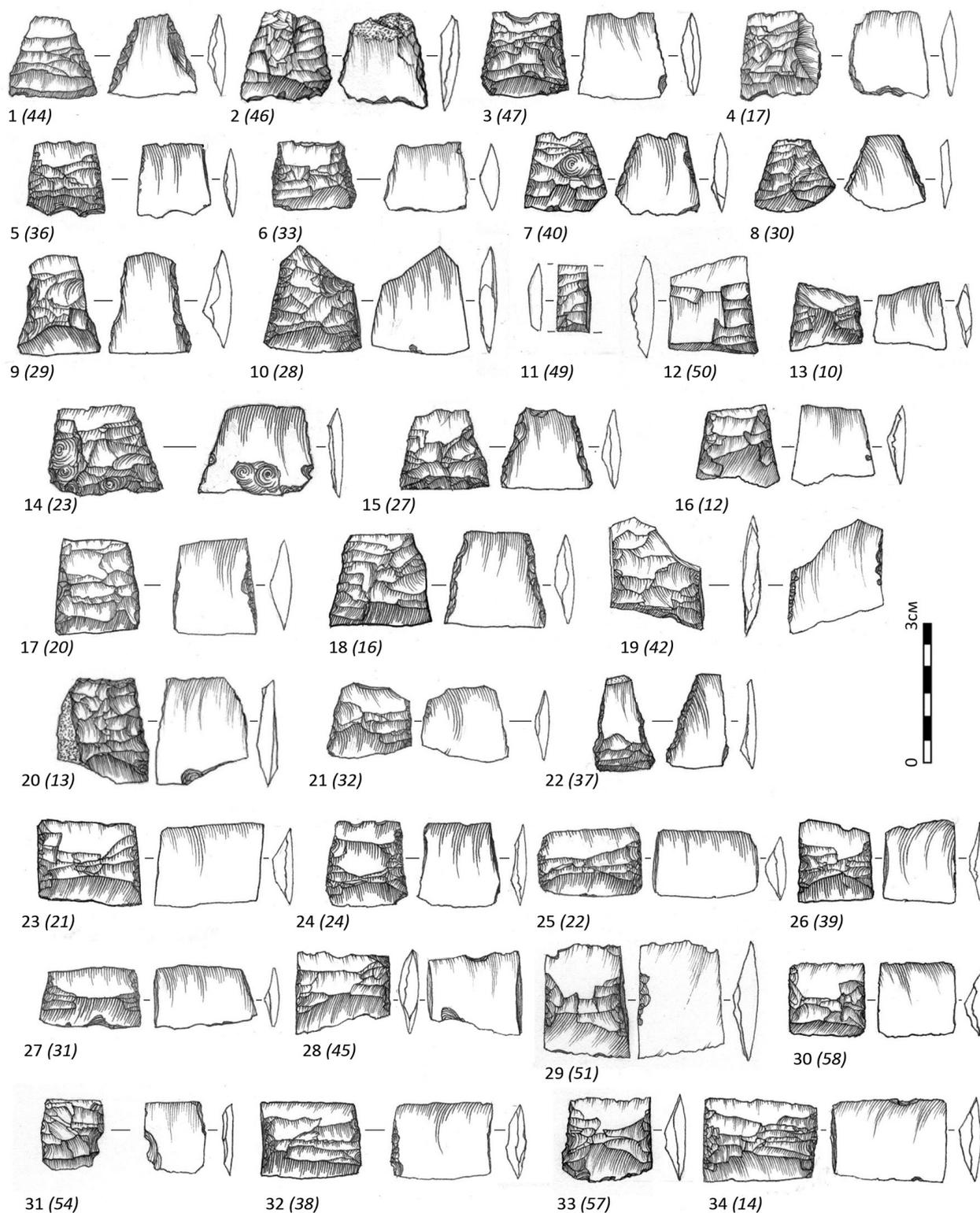

Рис. 3. Трапеции (1–22) и прямоугольники (23–34) со струганной спинкой (в скобках порядковый номер микролита, указанный на рис. 4; материалы новых исследований – 1–4, 11, 12, 16, 18, 20, 21, 28–31, 33–34; материалы раскопа I Т.Д. Белановской – 5–10, 13–15, 17, 19, 22–27, 32). Хронологические комплексы: 5474–5046/5010–4549 л. до н.э. (1–13, 21, 22, 24, 26, 27, 29, 31, 32); 5620–5520/5410–5310 л. до н.э. (14–15, 25, 28); 5670–5520 л. до н.э. (12–20, 23, 30, 33, 34)

Fig. 3. Trapezes (1–22) and rectangles (23–34) with thinned backs (in brackets – the number of a microlith indicated in Fig. 4; new research – 1–4, 11, 12, 16, 18, 20, 21, 28–31, 33–34; excavation I of T.D. Belanovskaya – 5–10, 13–15, 17, 19, 22–27, 32). Chronological complexes: 5474–5046/5010–4549 BC (1–13, 21, 22, 24, 26, 27, 29, 31, 32); 5620–5520/5410–5310 BC (14–15, 25, 28); 5670–5520 BC (12–20, 23, 30, 33, 34)

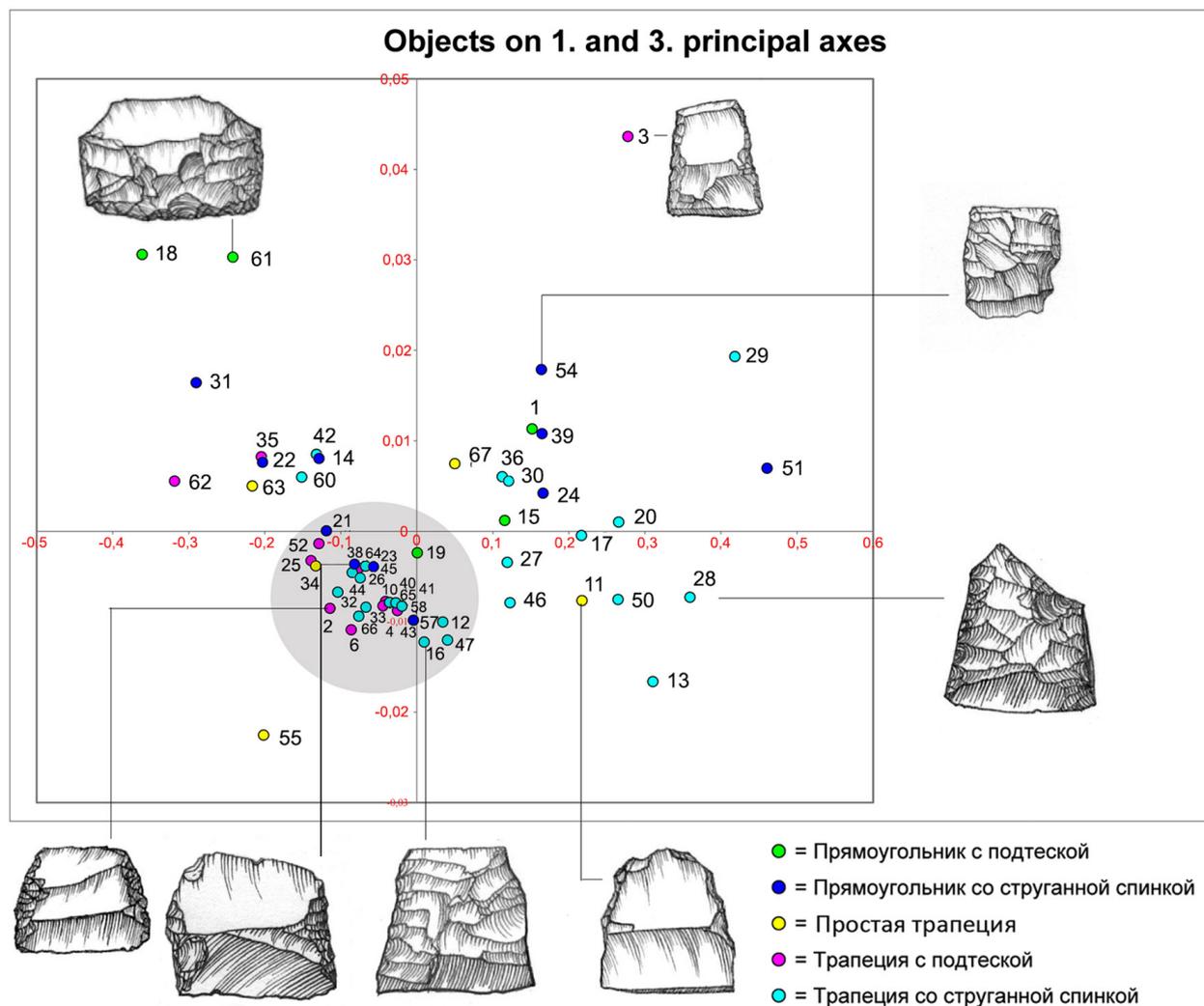

Рис. 4. Корреспондентный анализ метрических характеристик и пропорций геометрических микролитов поселения Ракушечный Яр

Fig. 4. Correspondence analysis of metric characteristics and proportions of geometric microliths of the Rakushechny Yar settlement

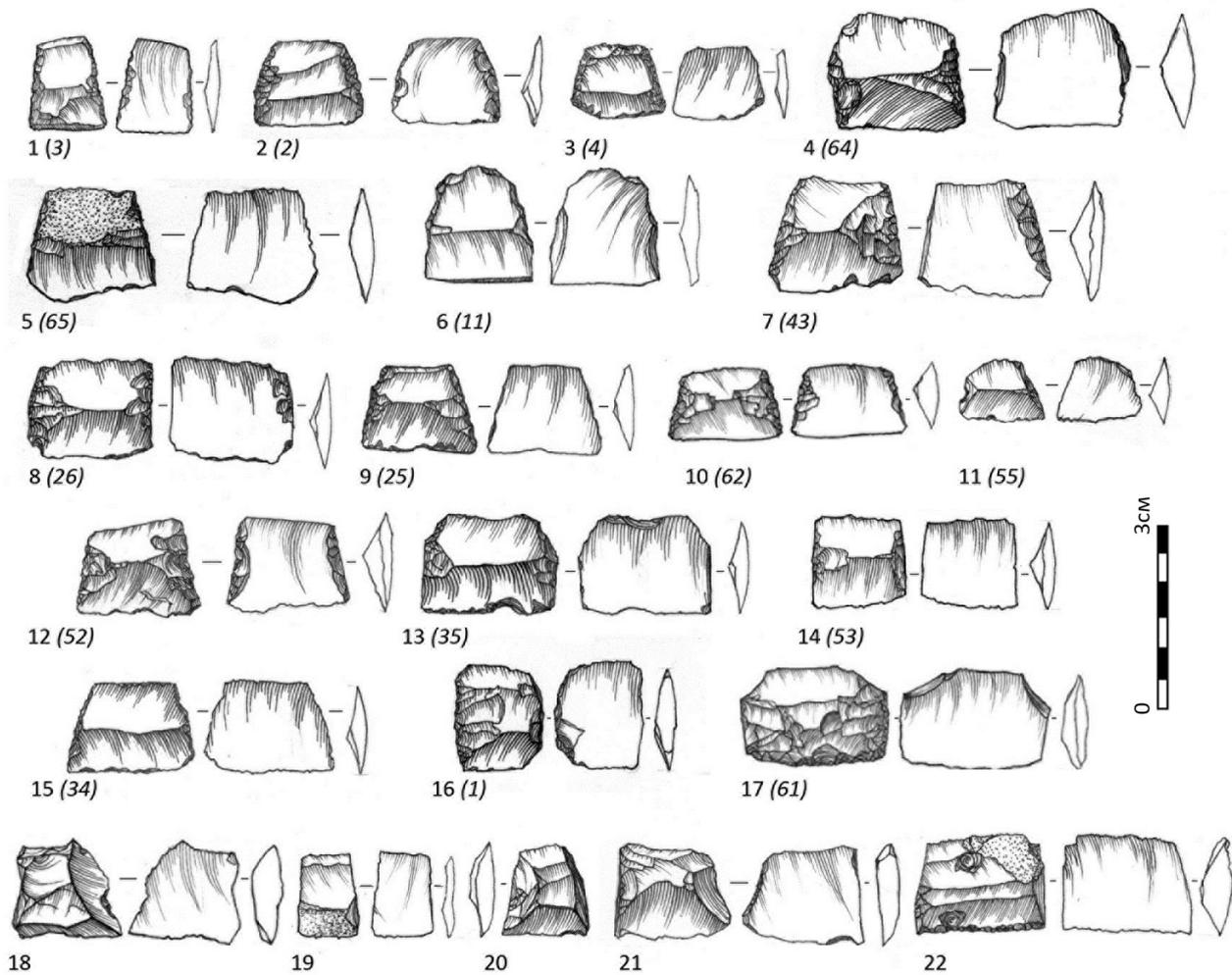

Рис. 5. Простые трапеции (6, 11, 15), трапеции (1-5, 7, 9, 10, 12, 13) и прямоугольники (8, 14, 16, 17) с подтеской, заготовки (18-22) (в скобках порядковый номер микролита, указанный на рис. 4; материалы новых исследований – 1-7, 10-12, 14, 16-22; материалы раскопа I Т.Д. Белановской – 8, 9, 13, 15). Хронологические комплексы: 5720-5620 л. до н.э. (1-5, 16-17); 5670-5520 л. до н.э. (6, 10, 14); 5620-5520/5410-5310 л. до н.э. (7, 9); 5474-5046/5010-4549 л. до н. (8, 11-13, 15)

Fig. 5. Simple trapezes (6, 11, 15), trapezes (1-5, 7, 9, 10, 12, 13) and rectangles (8, 14, 16, 17) with thinned edges, blanks (18-22) (new research – 1-7, 10-12, 14, 16-22; excavation I of T.D. Belanovskaya – 8, 9, 13, 15). Chronological complexes: 5720-5620 BC (1-5, 16-17); 5670-5520 BC (6, 10, 14); 5620-5520/5410-5310 BC (7, 9); 5474-5046/5010-4549 BC (8, 11-13, 15)

Рис. 6. Геометрические микролиты с указанием следов утилизации (6 и 7) и выемки, оформленной ретушью (5)

Fig. 6. Geometric microliths with use-wear traces (6 and 7) and a retouched notch (5)

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Выборнов А.А., Горащук И.В., Гилязов Ф.Ф., Попов А.С. Геометрические микролиты Нижнего Поволжья: типология, технология, трасология // Микролиты в позднем палеолите и мезолите Восточной Европы и Кавказа: типология, технология, трасология / Отв. ред. М.Г. Жилин. М.: ИА РАН, 2022. С. 95–112.
2. Шнайдер С.В., Алишер кызы С., Марковский Г.И. Геометрические микролиты как культурный маркер на территории западной части Центральной Азии // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2020. Том XXVI. С. 308–315.
3. Цыбрий А.В., Цыбрий В.В. Геометрические микролиты в индустрии мезо-неолитического времени на нижнем Дону // Микролиты в позднем палеолите и мезолите Восточной Европы и Кавказа: типология, технология, трасология / Отв. ред. М.Г. Жилин. М.: ИА РАН, 2022. С. 123–136.
4. Белановская Т.Д. Из древнейшего прошлого Нижнего Подонья: Поселение времени неолита и энеолита Ракушечный Яр. СПб: Издательство С.-Петербургского университета. 1995. 200 с.
5. Мазуркевич А.Н., Долбунова Е.В., Цыбрий В.В., Цыбрий А.В., Шманда Я., Александровский А.Л., Киттель П. Результаты новых исследований ранне-неолитических слоев п. Ракушечный Яр (Ростовская обл.) // КСИА. 2021. № 262. С. 27–43.
6. Dolbunova E.V., Tsybryi V.V., Mazurkevich A.N., Tsybryi A.V., Szmańda J., Kittel P., Zabilska-Kunek M., M.V. Sablin, S.P. Gorodetskaya, C. Hamon, J. Meadows. Subsistence strategies and the origin of early Neolithic community in the lower Don River valley (Rakushechny Yar site, early/middle 6th millennium cal BC): first results // Quaternary international. 2020. №541. P. 115–129.
7. Долбунова Е.В., Мазуркевич А.Н., Амон К. Новые данные по хронологии и стратиграфии памятника Ракушечный Яр // Известия Иркутского государственного университета. Серия «Георхеология. Этнология. Антропология». 2022. Т. 42. С. 106–122.

REFERENCES

1. Vybornov AA., Gorashchuk IV., Gilyazov FF., Popov AS. Geometric microliths of the Lower Volga region: typology, technology, traceology. *Microliths in the Late Paleolithic and Mesolithic of Eastern Europe and the Caucasus: typology, technology, traceology*. Moscow: Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, 2022: 95–112. (In Russ)
2. Schneider SV., Alisher kyzy S., Markovsky GI. Geometric microliths as a cultural marker in the western part of Central Asia. *Problems of Archeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Adjacent Territories*. 2020; 26: 308–315. (In Russ)
3. Tsybryi AV., Tsybryi VV. Geometric microliths in the industries of the Meso-Neolithic period on the lower Don. *Microliths in the Late Paleolithic and Mesolithic of Eastern Europe and the Caucasus: typology, technology, traceology*. Moscow: Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, 2022: 123–136. (In Russ)
4. Belanovskaya TD. *From the most ancient past of the Lower Don region: Settlement of the Neolithic and Eneolithic Rakushechny Yar*. Saint-Petersburg: SPBU Publ., 1995. (In Russ)
5. Mazurkevich AN., Dolbunova EV., Tsybryi VV., Tsybryi AV., Shmanda Ya., Aleksandrovsky AL., Kittel P. Results of new studies of the early Neolithic layers of the Rakushechny Yar settlement (Rostov region). *KSIA*. 2021; 262: 27–43. (In Russ)
6. Dolbunova EV., Tsybryi VV., Mazurkevich AN., Tsybryi AV., Szmańda J., Kittel P., Zabilska-Kunek M., Sablin M.V., Gorodetskaya S.P., Hamon C., Meadows J. Subsistence strategies and the origin of early Neolithic community in the lower Don River valley (Rakushechny Yar site, early/middle 6th millennium cal BC): first results. *Quaternary International*. 2020; 541: 115–129.
7. Dolbunova EV., Mazurkevich AN., Amon K. New data on the chronology and stratigraphy of the Rakushechny Yar site. *Bulletin of Irkutsk State University. Series Georcheology. Ethnology. Anthropology*. 2022; Vol. 42: 106–122. (In Russ)

8. Tixier J. Typologie de l'Épipaléolithique du Maghreb // Mémoires du Centre de recherches anthropologiques préhistoriques et ethnographiques. Arts et métiers graphiques, Alger. Vol. 2. Paris, 1963. 209 p.
9. Леонова Е.В. К проблеме археологического содержания иеневской культуры Волго-Окского бассейна // Проблемы каменного века (к юбилею М.Д. Гвоздовер). М.: Дом еврейской книги, 2007. С. 119–154.
10. Гиря Е.Ю. Технологический анализ каменных индустрий (Методика микро-макроанализа древних орудий труда Ч. 2). СПб: Изд. ИИМК РАН. 1997. 198 с.
11. Лозовский В.М. Технологический аспект кремневых индустрий рубежа мезолита-неолита Нижнего Дона и Верхней Волги // Археологические вести. 2014. Вып. 20. С. 69–79.
12. Городецкая С.П. Каменный инвентарь раннеолитических слоев стоянки Ракушечный Яр (по материалам раскопок 2016–2017 годов) // Самарский научный вестник. 2018. Т. 7. №3 (24). С. 153–159.
13. Fischer A., Vemming H.P., Rasmussen P. Macro and micro wear traces on lithic projectile points: Experimental results and prehistoric examples // Journal of Danish Archaeology. 1984. Vol. 3. P. 19–46.
14. Нужный Д.Ю. Розвиток мікролітичної техніки в кам'яному віці: удосконалення зброї первісних мисливців. К.: КНТ, 2008. 308 с.
15. Лозовская О.В. К вопросу о трасологических признаках составного метательного оружия // Экспериментально-трасологические исследования в археологии. СПб.: Наука, 1994. С. 157–167.
16. Yaroshevich A. Microlithic variability and design and performance of projectile weapons during the Levantine Epipaleolithic: experimental and archaeological evidence. Thesis submitted for the degree «doctor of philosophy». University of Haifa, 2010. 244 p.
17. Александрова О.И., Леонова Е.В. Реконструкция охотничьего вооружения культур поздней поры верхнего палеолита и мезолита Северного Кавказа (по материалам пещеры Двойная) // Stratum plus: Archaeology and Cultural Anthropology. 2017. № 1. С. 255–270.
18. Жилин М.Г., Руев В.Л., Симоненко А.А. Экспериментально-трасологические исследования наконечников стрел в мезолите Горного Крыма // Уфимский археологический вестник. 2024. Т. 24. № 1. С. 47–67.
19. Щелинский В.Е. Трасологический метод изучения функций первобытных изделий: следы износа на орудиях, их интерпретация и информативные возможности // Археологические вести. 2015. Вып. 21. С. 31–51.
20. Александрова О.И., Киреева В.Н., Леонова Е.В. Опыт исследования остатков веществ органического и неорганического происхождения на поверхности каменных орудий из мезолитического слоя пещеры Двойная // Археология, этнография и антропология Евразии. 2014. № 4(60). С. 2–12.
21. Гиря Е.Ю., Лозовский В.М. Сравнительный морфологический анализ полноты технологических контекстов каменных индустрий // Каменный век: От Атлантики до Пацифики. Замятинский сборник. 2014. Вып. 3. С. 52–84.
22. Цыбрий В.В. Неолит Нижнего Дона и Северо-Восточного Приазовья. Ростов-на-Дону, 2008. 199 с.
23. Выборнов А.А., Кольцов П.М., Кулькова М.А. Геометрические микролиты в мезолите и неолите Северного Прикаспия и степного Поволжья // Oriental Studies. 2020. Т. 13. № 1. С. 106–121.
24. Товкайло М.Т. Неолитизация Юго-Западной Украины в свете новых исследований поселения Гард // Stratum plus. 2014. №2. С. 183–245.
25. Юдин А.И. Варфоломеевская стоянка и неолит степного Поволжья. Саратов, 2004. 200 с.
26. Gorelik A., Tsybrij A., Tsybrij V. 'Neolithisation' in the NE Sea of Azov region: one step forward, two steps back // Documenta Praehistorica. 2016. V. XLIII. P. 139–163.
27. Амirkhanov X.A. Неолитические местонахождения Уйташ в Приморском Дагестане: к географии изделий типа «трапеция со струганой спинкой» // Микролиты в позднем палеолите и мезолите Восточной Европы и Кавказа: типология, технология, трасология / Отв. ред. М.Г. Жилин. М.: ИА РАН, 2022. С. 8–22.
8. Tixier J. Typologie de l'Épipaléolithique du Maghreb. Mémoires du Centre de recherches anthropologiques préhistoriques et ethnographiques. Arts et métiers graphiques, Algeria, Vol. 2. Paris, 1963.
9. Leonova EV. On the problem of the archaeological content of the Ienev culture of the Volga-Oka basin. Problemy Kamennogo veka (on the anniversary of M.D. Gvozdover). Moscow: Dom evreiskoi knigi, 2007. (In Russ)
10. Giryа EYu. Technological analysis of stone industries (Methodology of micro-macroanalysis of ancient tools, Part 2). St. Petersburg: Publ. IIMK RAS, 1997. (In Russ)
11. Lozovsky V.-M. Technological aspect of flint industries of the Mesolithic-Neolithic boundary of the Lower Don and Upper Volga. Archaeologicheskie Vesti. 2014; 20: 69-79. (In Russ)
12. Gorodetskaya SP. Stone inventory of the Early Neolithic layers of the Rakushechny Yar site (based on materials from excavations in 2016–2017). Samara Scientific Bulletin. 2018; 3(24): 153-159. (In Russ)
13. Fischer A., Vemming H.P., Rasmussen P. Macro and micro wear traces on lithic projectile points: Experimental results and prehistoric examples. Journal of Danish Archaeology. 1984; 3: 19-46.
14. Nuzhny D.Yu. Development of microlithic technology in the stone industry: improvement of the equipment of the early hunters. Kiev: KNT, 2008. (In Ukr)
15. Lozovskaya OV. On the issue of trace evidence of composite projectile weapons. Experimental-traceological studies in archaeology. St. Petersburg: Nauka, 1994: 157-167. (In Russ)
16. Yaroshevich A. Microlithic variability and design and performance of projectile weapons during the Levantine Epipaleolithic: experimental and archaeological evidence. Thesis submitted for the degree of doctor of philosophy. University of Haifa, 2010.
17. Aleksandrova OI., Leonova EV. Reconstruction of hunting weapons of the late Upper Paleolithic and Mesolithic cultures of the North Caucasus (based on materials from Dvoynaya Cave). Stratum plus: Archaeology and Cultural Anthropology. 2017; 1: 255-270. (In Russ)
18. Zhilin MG., Ruev VL., Simonenko AA. Experimental trace evidence studies of Mesolithic arrowheads in Mountainous Crimea. Ufa Archaeological Bulletin. 2024; 24(1): 47-67. (In Russ)
19. Shchelinsky VE. Trace evidence method for studying the functions of primitive products: wear marks on tools, their interpretation and informative potential. Archaeologicheskie Vesti. 2015; 21: 31-51. (In Russ)
20. Aleksandrova OI., Kireeva VN., Leonova EV. Experience in studying the remains of organic and inorganic substances on the surface of stone tools from the Mesolithic layer of Dvoynaya Cave. Archaeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia. 2014; 4(60): 2-12. (In Russ)
21. Giryа EYu., Lozovsky VM. Comparative morphological analysis of the completeness of technological contexts of stone industries. Stone Age: From the Atlantic to the Pacific. Zamyatninsky collection. 2014; 3: 52-84. (In Russ)
22. Tsybriy VV. Neolithic of the Lower Don and North-Eastern Azov region. Rostov-on-Don, 2008. (In Russ)
23. Vybornov AA., Koltsov PM., Kulkova MA. Geometric microliths in the Mesolithic and Neolithic of the Northern Caspian and Steppe Volga region. Oriental Studies. 2020; 13(1): 106-121. (In Russ)
24. Tovkaylo MT. Neolithization of Southwestern Ukraine in Light of New studies of the Gard settlement. Stratum plus. 2014; 2: 183-245. (In Russ)
25. Yudin A.I. Varfolomeevskaya site and the Neolithic of the Volga steppe. Saratov, 2004. (In Russ)
26. Gorelik A., Tsybrij A., Tsybrij V. Neolithisation in the NE Sea of Azov region: one step forward, two steps back. Documenta Praehistorica. 2016; V. XLIII: 139-163.
27. Amirkhanov HA. Neolithic sites of Uytash in Primorsky Dagestan: on the geography of products of the trapezoid with a planed back type. Microliths in the Late Paleolithic and Mesolithic of Eastern Europe and the Caucasus: typology, technology, traceology. Moscow: IA RAS, 2022: 8-22. (In Russ)
28. Manko VA. The beginning of the spread of the technology

28. Манько В.А. Начало распространения технологии изготовления геометрических микролитов «со стругаными спинками» // Самарский научный вестник. 2014. № 3(8). С. 136–143.
29. Цыбрий А.В., Горелик А.Ф. Стоянка Орехово-Донецкое 3 в среднем Подонцовье. К характеристике одной из поворотных вех в истории Днепро-Донецкого неолита // Самарский научный вестник. 2014. № 3(8). С. 58–78.
30. Теліженко С.А., Весельский А.П. Исследования на многослойном памятнике Кая Арасы // Самарский научный вестник. 2014. № 3(8). С. 178–189.
31. Крайнов Д.А. Пещерная стоянка Таш-Аир I как основа периодизации послепалеолитических культур Крыма // МИА СССР. 1960. №91.
32. Guliyev D., Nishiaki Y. Excavations at the Neolithic Settlement of Goytepe, West Azerbaijan, 2010–2011 // Proceedings of the 8th International Congress on the Archaeology of the Ancient Near East 30 April – 4 May 2012, University of Warsaw. Volume 2. Excavation and Progress Reports. Harrassowitz Verlag, Wiesbaden, 2014. P. 3–16.
33. Lyonnet B., Guliyev F., Bouquet L., Bruley-Chabot G., Samzun A., Pecqueur L., Jovenet E., Baudouin E., Fontugne M., Raymond P., Degorre E., Astruc L., Guilbeau D., Le Dosseur G., Benecke N., Hamon C., Poulmarc'h M., Courcier A. Mentesh Tepe, an early settlement of the Shomu-Shulaveri Culture in Azerbaijan // Quaternary International 395. 2016. P. 170–183.
34. Nishiaki Y., Guliyev F., Kadowaki S. Chronological Contexts of the Earliest Pottery Neolithic in the South Caucasus: Radiocarbon Dates for Goytepe and Haci Elamxanlı Tepe, Azerbaijan // American Journal of Archaeology. 2015. 119(3). P. 279–294.
35. Кияшко В.Я. Многослойное поселение Раздорское I на Нижнем Дону // КСИА. 1987. 192. С. 73–80.
36. Кольцов П.М. Мезолит и неолит Северо-западного Прикаспия. Москва: Изд-во ГЖО Воскресенье, 2005. 352 с.
37. Выборнов А.А., Гилязов Ф.Ф., Дога Н.С., Кулькова М.А., Филиппсен Бенге. Хронология неолита – энеолита степного Поволжья // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2022. Т. 27. № 3. С. 6–15.
38. Горбов В.Н., Колесник А.В. Новое неолитическое поселение в Мариуполе и его место в системе синхронных памятников // Вестник ВолГУ. Сер. 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2016. Т. 21. №4. С. 16–31.
39. Колесник А.В. Кремневый комплекс мариупольского могильника // Самарский научный вестник. 2016. № 2 (15). С. 67–74.
40. Юдин А.И. Поселение Кумыска и энеолит степного Поволжья. Саратов, 2012. 212 с.
41. Выборнов А.А., Кулькова М.А. Проблемы изучения периодизации неолита–энеолита нижнего Поволжья // Уральский исторический вестник. 2023. №1 (178). С. 6–14.
42. Дога Н.С. Каменная индустрия прикаспийской культуры // Археология евразийских степей. 2023. №1. С. 271–279.
43. Барынкин П.П., Васильев И.Б. Новые энеолитические памятники Северного Прикаспия // Археологические памятники на Европейской территории СССР. Воронеж, 1985. С. 58–75.
44. Леонова Е.В., Успенская О.И. Вариабельность геометрических микролитов в виде трапеций в культурах северо-западного Кавказа на рубеже плейстоцена и голоцена // Микролиты в позднем палеолите и мезолите Восточной Европы и Кавказа: типология, технология, трасология / Отв. ред. М.Г. Жилин. М.: ИА РАН, 2022. С. 23–43.
- of manufacturing geometric backed microliths. *Samara Scientific Bulletin*. 2014; 3(8): 136–143. (In Russ)
29. Tsybriy AV., Gorelik AF. Orekhovo-Donetskoye 3 site in the middle Podontsovye. On the characteristics of one of the turning points in the history of the Dnieper-Donets Neolithic. *Samara Scientific Bulletin*. 2014; 3(8): 58–78. (In Russ)
30. Telizhenko SA., Veselsky AP. Research on the multilayered site of Kaya Arasy. *Samara Scientific Bulletin*. 2014; 3(8): 178–189. (In Russ)
31. Kraynov DA. Cave site Tash-Air I as the basis for periodization of post-Paleolithic cultures of Crimea. *MIA USSR*. 1960; No. 91. (In Russ)
32. Guliyev D., Nishiaki Y. Excavations at the Neolithic Settlement of Goytepe, West Azerbaijan, 2010–2011. *Proceedings of the 8th International Congress on the Archaeology of the Ancient Near East 30 April – 4 May 2012, University of Warsaw. Volume 2: Excavation and Progress Reports*. Harrassowitz Verlag, Wiesbaden, 2014: 3–16.
33. Lyonnet B., Guliyev F., Bouquet L., Bruley-Chabot G., Samzun A., Pecqueur L., Jovenet E., Baudouin E., Fontugne M., Raymond P., Degorre E., Astruc L., Guilbeau D., Le Dosseur G., Benecke N., Hamon C., Poulmarc'h M., Courcier A. Mentesh Tepe, an early settlement of the Shomu-Shulaveri Culture in Azerbaijan. *Quaternary International*. 2016; 395: 170–183.
34. Nishiaki Y., Guliyev F., Kadowaki S. Chronological Contexts of the Earliest Pottery Neolithic in the South Caucasus: Radiocarbon Dates for Goytepe and Haci Elamxanlı Tepe, Azerbaijan. *American Journal of Archaeology*. 2015; 119(3): 279–294.
35. Kiyashko VYa. The Multilayered Settlement of Razdorskoye I on the Lower Don. *KSIА*. 1987; 192: 73–80. (In Russ)
36. Koltsov PM. *Mesolithic and Neolithic of the North-West Caspian*. Moscow: GZhO Voskresenye Publ., 2005. (In Russ)
37. Vybornov AA., Gilyazov FF., Doga NS., Kulkova MA., Philippesen Bente. Chronology of the Neolithic – Eneolithic of the Steppe Volga Region. *Bulletin of Volgograd State University. Series 4. History. Regional Studies. International Relations*. 2022; 27(3): 6–15. (In Russ)
38. Gorbov VN., Kolesnik AV. New Neolithic Settlement in Mariupol and Its Place in the System of Synchronous Monuments. *Bulletin of Bulletin of Volgograd State University. Series 4. History. Regional Studies. International Relations*. 2016; 21(4): 16–31. (In Russ)
39. Kolesnik AV. Flint Complex of the Mariupol Burial Ground. *Samara Scientific Bulletin*. 2016; 2(15): 67–74. (In Russ)
40. Yudin AI. *The Settlement of Kumyska and the Eneolithic of the Volga Steppe*. Saratov; 2012. (In Russ)
41. Vybornov AA., Kulkova MA. Problems of Studying the Periodization of the Neolithic–Eneolithic of the Lower Volga Region. *Ural Historical Bulletin*. 2023; 1(178): 6–14. (In Russ)
42. Doga NS. Stone Industry of the Caspian Culture. *Archaeology of the Eurasian Steppes*. 2023; 1: 271–279. (In Russ)
43. Barynkin PP., Vasiliev IB. New Eneolithic Sites of the Northern Caspian Region. *Archaeological Monuments in the European Territory of the USSR*. Voronezh; 1985: 58–75. (In Russ)
44. Leonova EV., Uspenskaya OI. Variability of geometric microliths in the form of trapezes in the cultures of the northwestern Caucasus at the turn of the Pleistocene and Holocene. In: Zhilin M.G. (ed). *Microliths in the Late Paleolithic and Mesolithic of Eastern Europe and the Caucasus: typology, technology, traceology*. Moscow: IA RAS; 2022: 23–43. (In Russ)

Поступила в редакцию 16.04.2024 г.

Принята в печать 02.06.2024 г.

Опубликована 15.12.2024 г.

Received 16.04.2024

Accepted 02.06.2024

Published 15.12.2024

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH204856-870>

Исследовательская статья

Требелева Галина Викторовна
к.и.н., научный сотрудник
Институт археологии РАН, Москва, Россия
trgv@mail.ru

Клемешова Марина Евгеньевна
младший научный сотрудник
Института археологии РАН, Москва, Россия
marinaklem@mail.ru

Скакова Изабелла Владимировна
лаборант-исследователь
Институт востоковедения РАН, Москва, Россия
bella.skakova@yandex.ru

Джопуа Аркадий Иванович,
директор
Абхазский государственный музей, Сухум, Абхазия;
старший научный сотрудник
Абхазский институт гуманитарных исследований АНА, Сухум, Абхазия
Arkadi100@rambler.ru

ПЛИНФА ИЗ ХРАМА В ГИЕНОСЕ (ГЮЭНОСЕ): РЕЗУЛЬТАТЫ ТЕСТОВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ С ПОМОЩЬЮ МЕТОДА А.А. БОБРИНСКОГО И РЕНТГЕНОФАЗОВОГО АНАЛИЗА

Аннотация. Раскопки на территории храма в Гиеносе, возобновлённые в 2019 г., дали богатую коллекцию плинф. Разнообразие плинф в кладке одного памятника маркирует различные этапы его строительства и/или ремонта во время функционирования, так как они были произведены разными бригадами и в разных мастерских. Статья посвящена исследованиям керамической традиции изготовления состава исходного пластичного сырья и формовочных масс. Изучение плинф проводилось по уже отработанной на других памятниках Восточной Абхазии методике: комплексное исследование с помощью метода А.А. Бобринского и рентгенофазовый анализ. Фрагменты плинф для исследования были взяты с двух разных участков: Восточного и Западного раскопов. В ходе исследования удалось установить, что существуют три рецептуры приготовления формовочных масс, представленные неравномерно. Рецептуры приготовления формовочных масс кирпичей из храма в Гиеносе были сопоставлены с ранее исследованными кирпичами с храма в Маркульском городище. Установлены как существенные различия, так и сходства в применяемых подходах и традициях их изготовления. Можно уверенно говорить об изготовлении плинф для этих двух памятников, расположенных близко друг от друга (на расстоянии 10 км), в двух различных местах. При этом эти производства располагались в одном геологическом районе, сырье, из которого они изготовлены, характеризуется присутствием значительного количества естественной примеси рудных минералов, содержащих гематит и гётит, т.е. являются местными. Это дает веские основания для вывода о том, что производство плинф размещалось непосредственно рядом с местом строительства. Второй вывод: соотношение отдельных традиций с хронологическими этапами существования храма носит пока предварительный характер, потому что для уверенного заключения требуется большее число выборки, и представлен пока в качестве гипотезы. Исследование состава плинф показало перспективность исследования и будет продолжено.

Ключевые слова: Гиенос (Гюэнос); Маркульское городище; Абхазия; храмы; византийские традиции; плинфы; метод А.А. Бобринского; рентгенофазовый анализ

Для цитирования: Требелева Г.В., Клемешова М.Е., Скакова И.В., Джопуа А.И. Плинфа из храма в Гиеносе (Гюэносе): результаты тестовых исследований с помощью метода А.А. Бобринского и рентгенофазового анализа // История, археология и этнография Кавказа. 2024. Т. 20. № 4. С. 856-870. doi.org/10.32653/CH204856-870

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH204856-870>

Research paper

Galina V. Trebeleva,
Cand. Sci., Researcher
Institute of Archeology of RAS, Moscow, Russia
trgv@mail.ru

Marina E. Klemeshova,
Junior Researcher
Institute of Archeology of RAS, Moscow, Russia
marinaklem@mail.ru

Isabella V. Skakova,
Research Assistant
Institute of Oriental Studies of RAS, Moscow, Russia
bella.skakova@yandex.ru

Arkady I. Dzhopua,
Director
Abkhaz State Museum, Sukhum, Abkhazia;
Senior Researcher
Abkhaz Institute of Humanitarian Studies of ANA, Sukhum, Abkhazia
Arkadii00@rambler.ru

PLINTH FROM THE GYENOS TEMPLE: RESULTS OF TEST STUDIES USING THE BOBRINSKY METHOD AND XRD ANALYSIS

Abstract. Excavations resumed at the Gyenos temple site in 2019 uncovered a considerable collection of plinths. The diversity of plinths within the site's masonry suggests varying construction and/or repair phases during its operational history. This variation likely stems from plinth production by different teams and in separate workshops. This article details research into the ceramic tradition of preparing the initial plastic raw materials and molding paste. Plinth analysis followed a methodology previously established for other Eastern Abkhazian sites, incorporating a comprehensive approach utilizing the method of A.A. Bobrinsky and X-ray Powder Diffraction (XRD). Analyzed plinth fragments originated from two distinct excavation areas, eastern and western. The study identified three distinct molding paste recipes, with varying frequencies of occurrence. Comparison of the Gyenos temple's molding brick paste recipes with those previously analyzed from the Markul settlement temple revealed notable differences and similarities in manufacturing approaches and traditions. While these two sites are geographically close (approximately 10 kilometers apart) and situated within the same geological area characterized by abundant natural admixtures of hematite and goethite-containing ore minerals, implying local raw material sourcing, they exhibit distinct production characteristics. This proximity and geological similarity strongly suggest on-site plinth production. The tentative correlation between specific traditions and the temple's chronological phases requires further investigation with a larger sample size. The plinth composition analysis has produced compelling preliminary findings and will be pursued in future research.

Keywords: Gyenos; Markul settlement; Abkhazia; temples; Byzantine traditions; plinths; Bobrinsky's method; X-ray Powder Diffraction (XRD)

For citation: Trebeleva G.V., Klemeshova M.Y., Skakova I.V., Jopua A.I. Plinth from the Gyenos Temple: Results of test studies using the Bobrinsky method and XRD analysis. *History, Archeology and Ethnography of the Caucasus*. 2024. Vol. 20. N. 4. P. 856-870. doi.org/10.32653/CH204856-870

Введение

Плинфа, или тонкий обожжённый кирпич, является признаком традиций византийского зодчества. Процесс производства кирпича, как в Византии, так и в регионах, перенявших ее традиции, был сложным и четко регламентированным. Производством занимались целые бригады, специализирующиеся на добыче глины, ее отмачивании, замешивании формовочной массы, формировании кирпичей в рамах, сушке и обжиге. Таким образом, при производстве кирпича получался вполне стандартизированный товар: одного размера и формы, и одинакового состава формовочной массы. На многих кирпичах ставили специальные штампы, гарантирующие качество. Изготовление кирпичей, как правило, проходило недалеко от объекта строительства [1, с. 141–145].

Античный город Гиенос (рис. 1, 2), от которого на сегодня, остался только восточный холм с остатками византийского храма конца V–VI вв., был важным центром византийского влияния. Раскопки на храме велись в 1981, 1983–1986 гг. [2], но плинфы подробно не изучались. Некоторые исследователи придерживаются традиционного мнения, что «размер [плинфы] почти не менялся в течении всего византийского периода и не может быть использован для датировки здания» [1, с. 145]. Однако мы не можем согласиться с подобным утверждением в силу того, что производство плинф – процесс стандартизированный, и наличие большого разнообразия плинф с большой долей вероятности маркирует именно различные этапы строительства и/или ремонта во время функционирования храма в Гиеносе, так как они были произведены разными бригадами и в разных мастерских. В ходе возобновленных исследований на памятнике в 2019 г. было обнаружено значительное количество строительных кирпичей, в связи с чем было принято решение провести их комплексный анализ с привлечением естественно-научных методов.

Материалы и методы

В первую очередь был проведен анализ размеров всех найденных фрагментов плинф: толщины, ширины, и в значительно меньшей степени, из-за фрагментарности находок, длины [3]. Проведен учёт обнаруженных на плинфах штампов [3, с. 18–40; 4, с. 75–89]. Следующим этапом стало изучение состава материала, из которого произведены плинфы, поскольку именно рецептура приготовления формовочных масс лежит в основе традиций формирования гончарного изделия, в том числе и плинфы. Исследователь древнерусских домонгольских строительных материалов Д.Д. Ёлшин отмечает, что происхождение плинфы из разных производственных центров, а для ряда центров и время ее создания можно определить при первичной визуальной оценке керамического теста, из которого она изготавливалась [5, с. 397]. Петрографический анализ является основным методом, который позволяет установить состав формовочных масс плинф [6; 7, с. 41–92; 8–10]. Этот метод является классическим и показал свою эффективность при определении типа глины и состава минеральных неорганических примесей в ней, при этом он имеет ограничения при определении и разделении искусственных и естественных примесей в глиняной массе, что не позволяет устанавливать особенности в технологических традициях изготовления исследуемого материала. В связи с этим в первом пилотном исследовании анализа плинфы для памятников Абхазии, проведенном в 2021 г. сотрудниками Маркульской экспедиции, был использован метод А.А. Бобринского совместно с рентгенофазовым анализом (РФА) [11; 12]. Были проанализированы 10 фрагментов плинф из 5 произвольно выбранных памятников Восточной Абхазии, которые показали наличие закономерностей в составе формовочных масс плинф и перспективность предложенного подхода. Было принято решение расширить исследования и провести тестовое исследование плинф из храма в Гиеносе.

Для исследования было отобрано по 5 образцов плинф с Восточного и Западного участков раскопа соответственно. Раскоп в восточной части был заложен в 2019 г. к юго-востоку от алтарной части храма и состоит из двух смежных шурфов размером 4×4 м каждый. Глубина раскопа – около 6 м. Верхние слои раскопа представляют собой перекопанный отвал старого раскопа, в них найдено большое количество фрагментированных кусков плинф времени разрушения храма. Западный раскоп был заложен

к западу от храма на территории нартекса для изучения комплекса сооружений, синхронных храму. В 2019 г. он состоял из 2 квадратов размером 4×4 м в юго-западной части нартекса. В последующие годы он расширялся и к настоящему моменту раскоп состоит из 10 квадратов размером 4×4 м и полностью занимает южную часть нартекса.

Плинфы, найденные в результате исследований и сохранившие форму, были измерены [3, с. 12]. Установлено, что толщина плинф с Восточного и Западного раскопов сильно различается. Фрагменты плинф с Восточного раскопа, вероятно, относятся к алтарной части храма, тогда как плинфы с Западного раскопа – из стен нартекса. Фрагменты плинф с Восточного раскопа значительно тоньше найденных на Западном раскопе [3, с. 12–13]. Был сделан вывод, что нартекс и храм не синхронны друг другу, нартекс, вероятно, построен позже.

Анализ формовочных масс плинф проводился по свежим изломам с помощью бинокулярного микроскопа МБС-10 при 56-кратном оптическом увеличении (рис. 5). В результате исследования определен вид исходного пластичного сырья (ИПС) [13, с. 17–20], степень его ожелезненности [14, с. 421–425], исходное состояние в дробленном виде (увлажненное или сухое), использованное мастерами для изготовления формовочной массы [15, с. 108; 13, с. 33], степень запесоченности ИПС [16, с. 48–55], вид, размеры и количество естественных и искусственных органических и минеральных примесей к ИПС [15, с. 76, 79–82, 105–108, 109–113; 13, с. 22–25, 33–45, 67, 70–71, 85–86]; проведена оценка температуры обжига кирпичей (больше или меньше 850 °С) [13, с. 93].

Минеральные примеси определялись с помощью петрографического и рентгенофазового анализов (РФА) в ВИМС им. Н.М. Федоровского. Рентгенофазовый анализ (РФА) – количественный и качественный метод идентификации различных кристаллических фаз в их смеси на основе **анализа** дифракционной картины исследуемого образца [17; 18]. При исследовании керамики он позволяет определить минеральный (фазовый) состав исследуемого вещества в процентном отношении.

Результаты и обсуждение

Результаты исследования исходного пластичного сырья (ИПС), состава формовочных масс (ФМ) и температуры обжига представлены в таблице 1.

Таблица 1. Результаты исследования фрагментов плинф из Гиеноса методом А.А. Бобринского.

Table 1. Results of the study of plinth fragments from Gienos using the method of A.A. Bobrinsky.

№ обр.	Формовочная масса	Пластичное сырье, состав формовочных масс	Обжиг
Восточный раскоп			
ГХ-1	Г + П м + ОР П м 1:4-1:5	Глина среднезапесоченная слабоожелезненная	850 °С или незначительно выше
ГХ-2	Г + П м + ОР П м 1:4	Глина среднезапесоченная высокоожелезненная	менее 850 °С
ГХ-4	Смесь двух глин + ОР	Смесь двух глин, сильнозапесоченная среднеожелезненная (красная) (~95%) и слабозапесоченная слабоожелезненная (менее 5%)	немного ниже 850 °С
ГХ-7	Г + П м + ОР П м 1:4	Глина среднезапесоченная высокоожелезненная	немного ниже 850 °С
ГХ-10	Смесь двух глин + П м + ОР П м 1:4	Смесь двух глин, среднезапесоченная среднеожелезненная (красная) (~85-90%) + слабозапесоченная слабоожелезненная (светло-желтая) (~10-15%)	850 °С или незначительно выше

Западный раскоп			
ГХ-3	Смесь двух глин + П ср + ОР П ср 1:4	Смесь двух глин, слабозапесоченная среднежелезненная (красная) (~85-90%) + слабозапесоченная слабожелезненная (светло-желтая) (~10-15%)	немного ниже 850 °С
ГХ-5	Смесь двух глин + П оч. м + ОР П оч. м 1:5	Смесь двух глин, среднезапесоченная среднежелезненная (красная) (~60-70%) и слабозапесоченная слабожелезненная (желтая) (~30-40%)	850 °С или незначительно выше
ГХ-6	Г + П м + ОР П м 1:4	Глина слабозапесоченная высокожелезненная	немного ниже 850 °С
ГХ-8	Г + П м + ОР П м 1:4	Глина среднезапесоченная высокожелезненная	менее 850 °С
ГХ-9	Г + П м + ОР П м 1:5	Глина сильнозапесоченная высокожелезненная	немного ниже 850 °С

Примечания: Г – глина, ОР – органический раствор, П – песок, оч. м – очень мелкий (0.2–0.4 мм), м – мелкий (0.5–0.9 мм), ср – средний (1–1.9 мм).

При производстве плинф глина использовалась во влажном состоянии. Результаты исследований показали, что в 5 образцах содержится высокожелезненная глина, а среднежелезненное сырье обнаружено в 4 образцах (состоят из смеси двух глин), слабожелезненная глина обнаружена в 1 образце. Обнаруженная в 4 образцах формовочная смесь состояла из среднежелезненной (средне- или сильнозапесоченной) и слабожелезненной (слабозапесоченной) глин. В рецептурах на основе одного вида глин преобладает использование среднезапесоченного (4 образца) и сильнозапесоченного сырья (1 образец). Слабозапесоченная глина встречена в 1 случае. Следовательно, для создания плинф, использованных при строительстве храма в Гиеносе, использовалось несколько различных источников сырья.

Помимо вышеуказанного, можно отметить наличие разных традиций изготовления формовочных масс. В целом, выделено три рецептуры:

1. Глина + песок + органический раствор (60%);
2. Смесь двух глин + песок + органический раствор (30%);
3. Смесь двух глин + органический раствор (10%).

Таким образом, мы видим рецептуру как с искусственной примесью песка к глине, так и без него. Судя по большому количеству образцов, происходящих с разных памятников, исследованных ранее, а также, с учетом традиций более позднего периода в гончарстве Абхазии (в частности, современных гончаров в Гальском районе Республики Абхазия), добыча смешанного сырья производилась не случайно, а целенаправленно. Таким образом, данную рецептуру можно уверенно связывать не с отдельными единичными случаями, а с существующей устойчивой распространенной гончарной традицией, основанной на определенном представлении об исходном пластичном сырье.

Обращает на себя внимание полная тождественность по составу формовочных масс и примесям трех образцов (ГХ-2, ГХ-7, ГХ-8), относящихся к разным частям одного объекта, но имеющих разную толщину. Этот факт позволяет говорить либо об одновременном производстве кирпичей разной толщины в рамках одной партии, либо о неравномерности толщины одного кирпича. В исследованиях в основном изучаются обломки кирпичей, у которых точно фиксируется лишь один параметр – толщина. Длина и ширина определялись размерами форм, толщина – плотностью наполняемости формы. Последняя при этом не имела жестких ограничителей, чем, скорее всего, и объясняется разброс в толщине. У трех идентичных по составу фрагментов плинф толщина разная: 3,6 см (ГХ-8), 4,2 см (ГХ-7) и 5 см (ГХ-2). Исследованные фрагменты обнаружены на разных участках раскопов (ГХ-8 – западный раскоп; ГХ-2 и ГХ-7 – восточный), поэтому можно с большой долей уверенности говорить, что ГХ-8 происходит не от того же экземпляра плинфы, что ГХ-7 и ГХ-2. Относительно двух последних образцов, перепад толщины у которых составляет всего 8 мм, мы не можем сказать ничего определенного.

Учитывая, что выборка, взятая для анализа, носила тестовый характер, и по количеству проана-

лизированных образцов невелика, было интересно сравнить полученные результаты с результатами анализа плинф, обнаруженных при раскопках храма Маркульского городища (рис. 1, 3) [19]. Результаты анализа этих глин представлены в таблице 2.

Таблица 2. Результаты исследования фрагментов плинф, обнаруженных при раскопках храма в Маркульском городище методом А.А. Бобринского

Table 2. Results of the study of fragments of plinths from the temple in the Markul settlement using the method of A.A. Bobrinsky

№ обр.	Формовочная масса	Пластичное сырье, состав формовочных масс	Обжиг
МХ-1	Смесь двух глин + ОР	смесь двух глин, сильнозапесоченная среднежелезненная (красная) (~85%) + слабозапесоченная слабожелезненная (светло-желтая) (~15%)	850 °С или выше
МХ-2	Гл + ОР	глина сильнозапесоченная среднежелезненная	850 °С или выше
МХ-3	Смесь двух глин + ОР	смесь двух глин, среднезапесоченная слабожелезненная (но более ожелезненная, красная) (~95%) и слабозапесоченная слабожелезненная (желтая) (~5%)	850 °С или выше
МХ-4	Смесь двух глин + П м + ОР П м 1:4	смесь двух глин, среднезапесоченная среднежелезненная (красная) (~95%) и среднезапесоченная слабожелезненная (желтая) (~5%)	850 °С или выше
МХ-5	Смесь двух глин + П оч. м + ОР П оч. м 1:4	смесь двух глин, среднезапесоченная слабожелезненная (красная) (~95-97%) и слабозапесоченная слабожелезненная (желтая) (~3-5 %)	850 °С или выше
МХ-6	Гл + ОР	глина среднезапесоченная среднежелезненная	850 °С или незначительно выше
МХ-1-21	Гл + ОР	глина сильнозапесоченная среднежелезненная	немного менее 850 °С
МХ-2-21	Гл + ОР	глина среднезапесоченная среднежелезненная	850 °С или незначительно выше

Анализируя данные по структуре и составу плинф, обнаруженных у храма Маркульского городища, следует отметить, что и здесь наблюдались образцы с различным составом формовочных масс. Можно выделить три состава:

1. Глина + органический раствор (50%);
2. Смесь двух глин + органический раствор (25%);
3. Смесь двух глин + песок + органический раствор (25%).

Следует отметить, как сходство, так и существенные различия в составах формовочных масс, использованных при изготовлении плинф для строительства двух вышеназванных храмов. На Маркульском храме преобладает рецептура «глина + органический раствор» (50% образцов), который полностью отсутствует в кирпичах Гиеноса. И, напротив, в Гиеносе превалирует состав «глина + песок + органический раствор» (60% образцов), который совсем не выявлен в кирпичах Маркульского храма.

В то же время, в обоих строениях выявлены образцы со сходными составами формовочных масс. Так, один образец из храма в Гиеносе (Г-4) по этому признаку аналогичен обнаруженным в Маркульском храме (МХ-1, МХ-3): «смесь двух глин + органический раствор». Также есть совпадения и по составу «смесь двух глин + песок + органический раствор»: ГХ-3, ГХ-5, ГХ-9 и МХ-4 и МХ-5. Обращаясь к анализу минерального состава, мы установили, что песок, использовавшийся в качестве ис-

кусственной примеси к формовочным массам плинфы для двух этих памятников, различен. На обоих памятниках он остроугольный, с зернами, в основном, от 0.5–1, до 1.2 мм или от 0.3–0.5, до 1 мм, но для плинф из Гиеноса во всех случаях использовался песок с большим преобладанием частиц рудного минерала гематита (по визуальным подсчетам от 65 до 80 %), оставшаяся часть в основном представлена зернами кварца. Для плинфы из Маркульского храма отбирался другой песок, в котором доля частиц рудного минерала составляет от 40 до 60 %, а кварц от 40 до 60 %, соответственно. Различия в сырье наблюдаются по результатам РФА (табл. 3). В 5 образцах из Гиеноса выявлена примесь пироксена, которая ранее ни в одном образце с других памятников и образцах природных глин и сырья не наблюдалась. Везде она присутствует в образцах с ФМ «глина + песок + ОР», т.е. в том типе формовочной массы, которая отсутствует в Маркульском храме.

Таблица 3. Фазовый (минеральный) состав плинфы из храмов Маркульского городища и Гиеноса, мас. %

Table 3. Phase (mineral) composition of plinth from the buildings of the Markul settlement and Gienos, wt. %

Минералы	Маркульский храм						храм Гиенос									
	X-1	X-2	X-3	X-4	X-5	X-6	Г-1	Г-2	Г-3	Г-4	Г-5	Г-6	Г-7	Г-8	Г-9	Г-10
Сумма кристаллических фаз	56	50.5	34	57.5	51.5	56	61.5	58.5	66.5	48	42.5	43	69.5	67	63	46.5
Рентгеноаморфная фаза	44	49.5	66	42.5	48.5	44	38.5	41.5	33.5	52	57.5	57	30.5	33	37	53.5
Гематит Fe ₂ O ₃	8	3.5	6	5.5	9	8	4	2	1	6	6	4	2.5	2	4	6
Кварц SiO ₂	34	36.5	25	31	31.5	32	21	19	25	13	18	16	22	16.5	18	18
Пироксен CaMg-Si ₂ O ₆	–	–	–	–	–	–	1	–	–	–	–	2	0.5	1	3	–
Монтмориллонит	6	–	–	13	–	8	21	21	23	17.5	11	5	24	22	20	8
Плагиоклаз (анортит) Ca[Al ₂ Si ₂ O ₈]	4	7	3	6.5	8	6.5	9	13	11.5	7	7	12	15	17.5	13.5	11
К-полевой шпат K[AlSi ₃ O ₈]	2	3	–	–	2	1	5	3	5	4	–	3	5	5.5	3	3
Анализ TiO ₂	0.5	0.5	сл.	0.5	–0.5	0.5	0.5	0.5	1	0.5	0.5	1	0.5	1	0.5	0.5
Барит BaSO ₄	–	–	–	–1	–	–	–	–	–	–	–	–	–	1	–	–
Муллит (Al ₄ Si ₈) _{1,2}	1.5	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Амфибол	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	1	–	–
Кальцит CaCO ₃	–	–	–	–	–0.5	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Корунд Al ₂ O ₃	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Псевдобрукит Fe ₂ TiO ₅	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Кристобалит SiO ₂	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–

Заключение

Первый вывод, который можно сделать из полученных результатов, состоит в том, что можно уверенно говорить об изготовлении плинф для рассмотренных двух памятников, расположенных на расстоянии 10 км (рис. 1) друг от друга, в двух различных местах. При этом производства располагались в одном геологическом районе, сырье из которого характеризуется присутствием значительного количества естественной примеси рудных минералов гематита и гётита [19], т.е. является местным. Это дает веские основания для вывода о том, что производство плинф размещалось непосредственно ря-

дом с местом строительства.

Делая дальнейшие выводы на основе проведенного анализа, сразу необходимо оговорить, что они носят предварительный характер, ввиду малой выборки материалов. Исследования носили тестовый характер и были необходимы для оценки целесообразности совместного применения метода А.А. Бобринского и РФА для изучения плинф с одного памятника и определения перспектив дальнейших исследований.

Во всех исследованных образцах наблюдается наличие песка, содержащего большое количество частиц рудных минералов, что свидетельствует о целенаправленном его использовании для составления формовочных масс. На обоих памятниках выделяется ряд аналогичных традиций составления формовочных масс. На данный момент мы видим, что материалы, на основании которых они выделяются, представлены на памятниках в разных пропорциях, но говорить об этом уверенно можно будет лишь в случае существенного увеличения количества проанализированных образцов. Для итогового заключения о количественных пропорциях образцов, изготовленных в соответствии с разными традициями составления ФМ, выборка не репрезентативна и требует дополнительного статистического набора данных. Однако характеристика наблюдаемых традиций обращает на себя внимание, и, в качестве гипотезы, нам кажется возможным соотнести ее с некими хронологическими маркерами, исходя из имеющихся данных о датировках памятников.

Храм на Маркульском городище был возведен на рубеже IV–V вв. [20], в дальнейшем на нем наблюдаются следы ремонтов и перестроек. Храм в Гиеносе датируется рубежом V–VI вв. Учитывая, что Гиенос – античный полис, а в Маркульском городище жило местное население, можно с полной уверенностью утверждать, что в Гиеносе должен был быть более ранний храм, датируемый не позднее IV в. Но остается вопрос, располагался он на месте известного нам храма, или был сооружен на другом холме, из числа несохранившихся. Обнаружение в результате раскопок 2022 г. на месте храма в Гиеносе святилища эпохи бронзы позволяет с большой долей уверенности предположить, что и ранний храм, IV в. должен был быть сооружен здесь же, на «святом месте». Святилище представляло собой площадку с идолом в центре, вымощенную галькой разного размера. Культовый комплекс уходил под фундамент наоса храма и был частично перекрыт фундаментом нартекса (рис. 4). Промежуточные слои между святилищем и слоем, синхронным храму, отсутствовали [4, с. 89]. Учитывая, что до своего фундамента известный нам храм еще не раскопан, можно предположить, что фундамент строения IV в. находится ниже храма V–VI вв., а часть строительных материалов раннего храма была использована при сооружении более позднего. Допустимо предположение, что выявленное нами сходство в составах формовочных масс отдельных образцов из Гиеноса и Маркульского городища может свидетельствовать о синхронности существования данных традиций составления ФМ и наличии в строительных материалах храма Гиеноса материалов из более раннего храма, существовавшего на том же месте.

Проведенные исследования плинф показали их перспективность, планируется их продолжить.

Финансирование. Работа выполнена при поддержке РФФ проект № 22-18-00466 «Северо-Восточное Причерноморье в античное и средневековое время: историческое моделирование на основе ГИС-технологий, геоархеологии и археометрии».

Acknowledgements. The research was supported by the Russian Science Foundation, project No. 22-18-00466 “The North-Eastern Black Sea Coast in Antique and Medieval Times: Historical Modelling Based on GIS Technologies, Geoarchaeology and Archaeometry.”

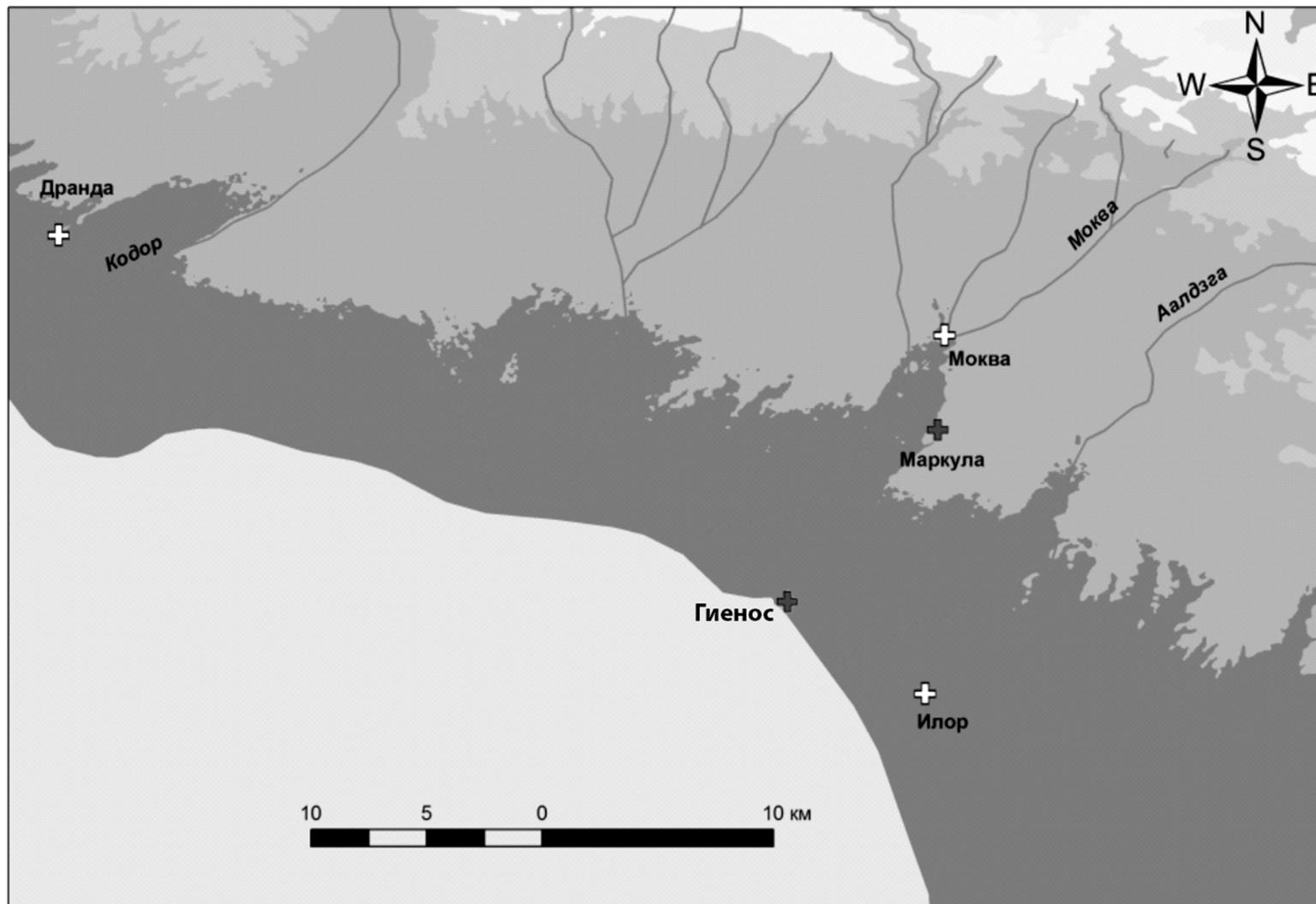

Рис. 1. Карта юго-восточного региона Абхазии с указанием расположения памятников (Гиенос и Маркульское городище)

Fig. 1. Map south-eastern region of Abkhazia with the location of monuments (Hyenos and Markul settlement)

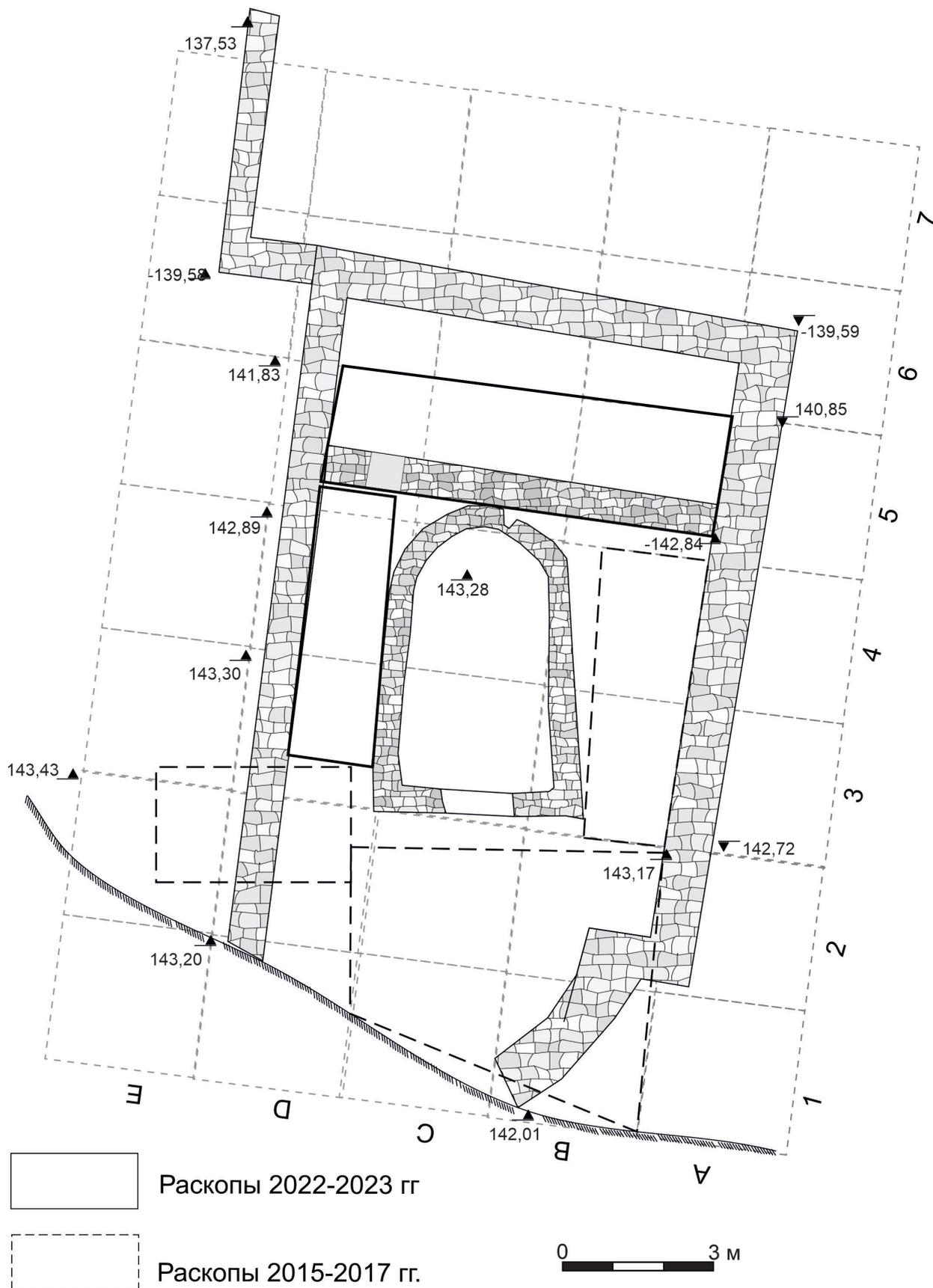

Рис. 2. План центральной части восточного холма городища Гиенос с указанием мест расположения раскопов

Fig. 2. Plan of the central part of the eastern hill of the Gienos settlement

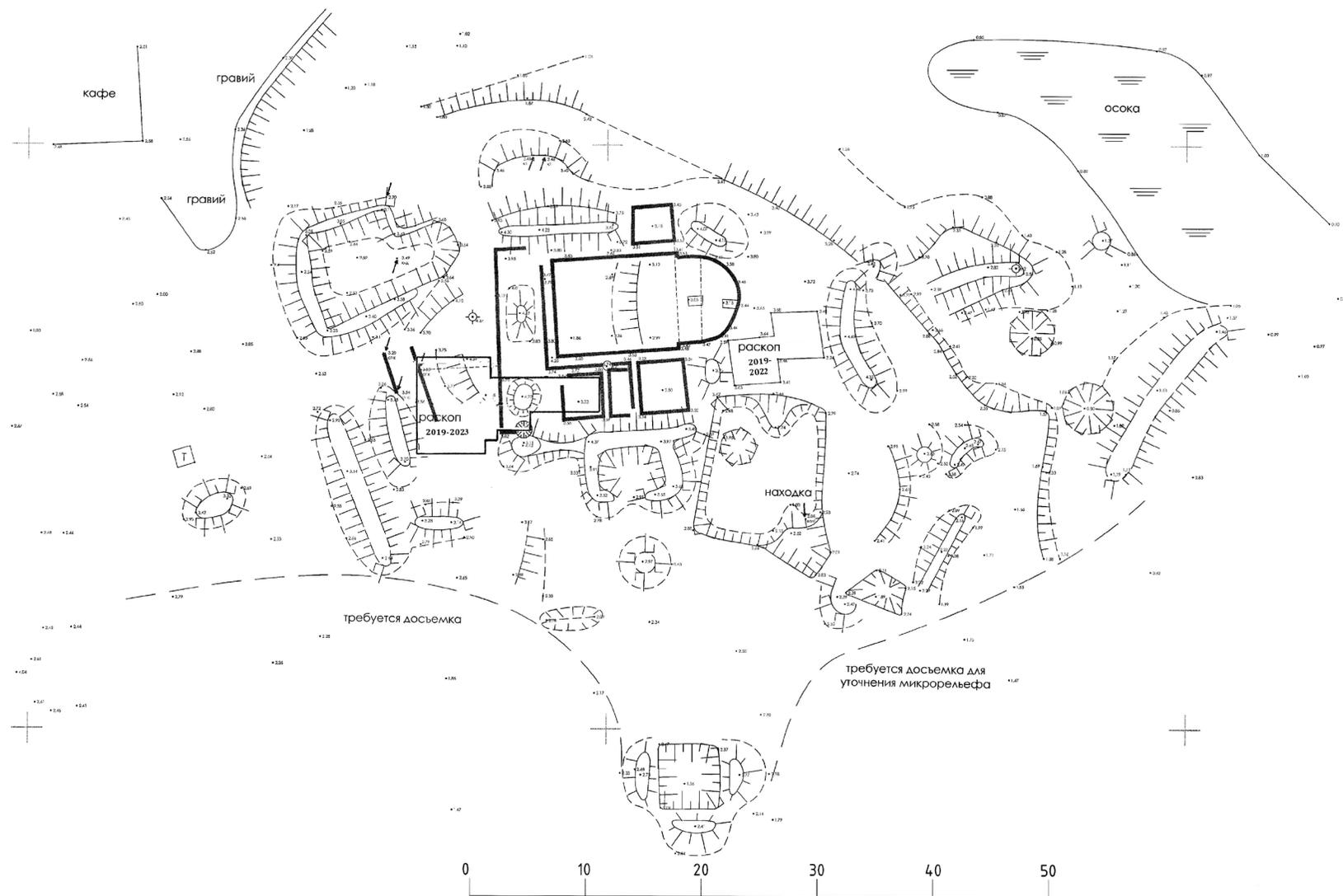

Рис. 3. Храм на Маркульском городище, общий план

Fig. 3. The temple on the Markul settlement, general plan

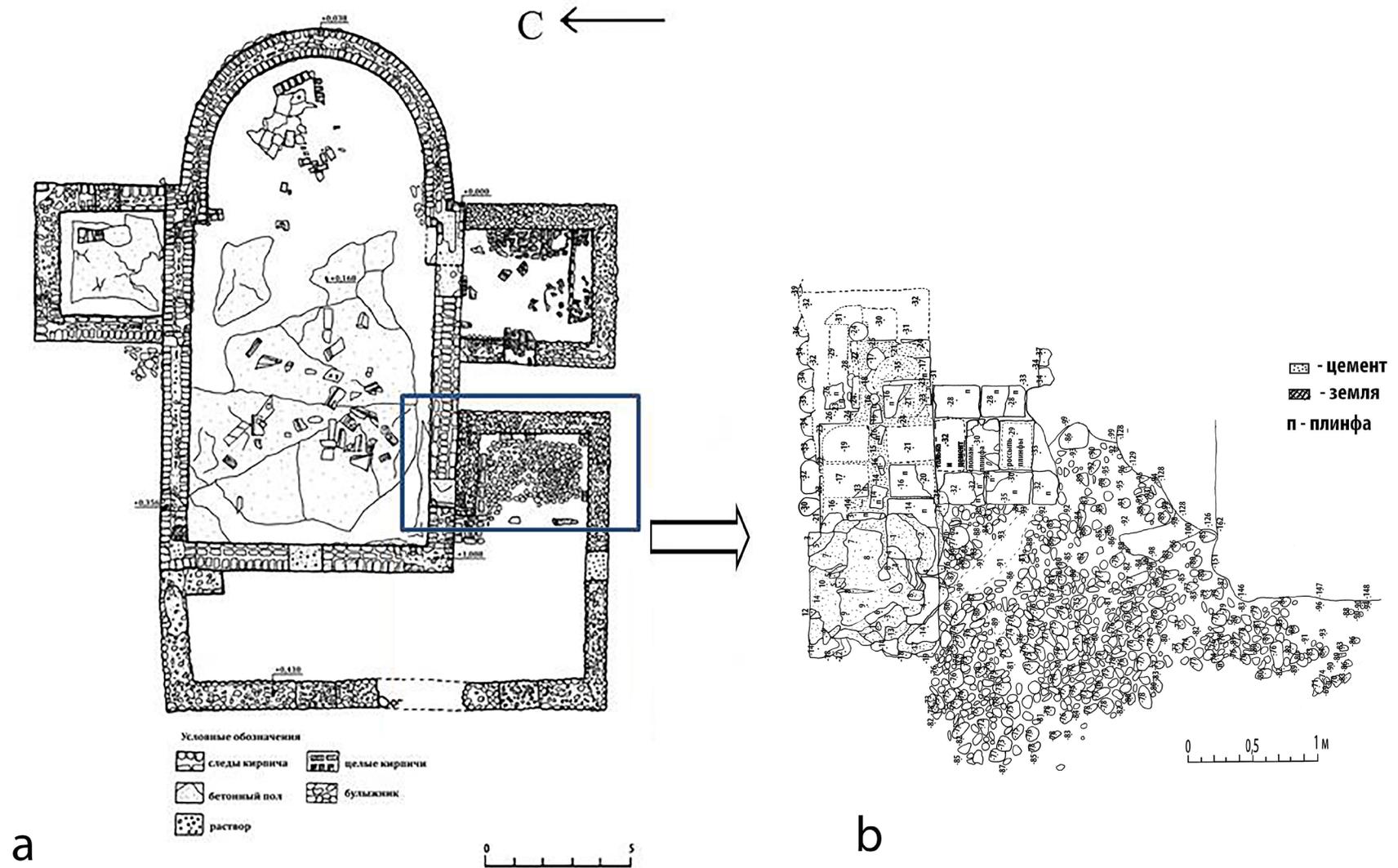

Рис. 4. Храм на городище Гиенос: общий план с указанием места святилища (а) и план святилища со стенами наоса и нартекса храма

Fig. 4. Temple at the site of Gienos settlement: general plan indicating the place of the sanctuary (a) and the plan of the Sanctuary with the walls of the naos and the narthex of the temple (b)

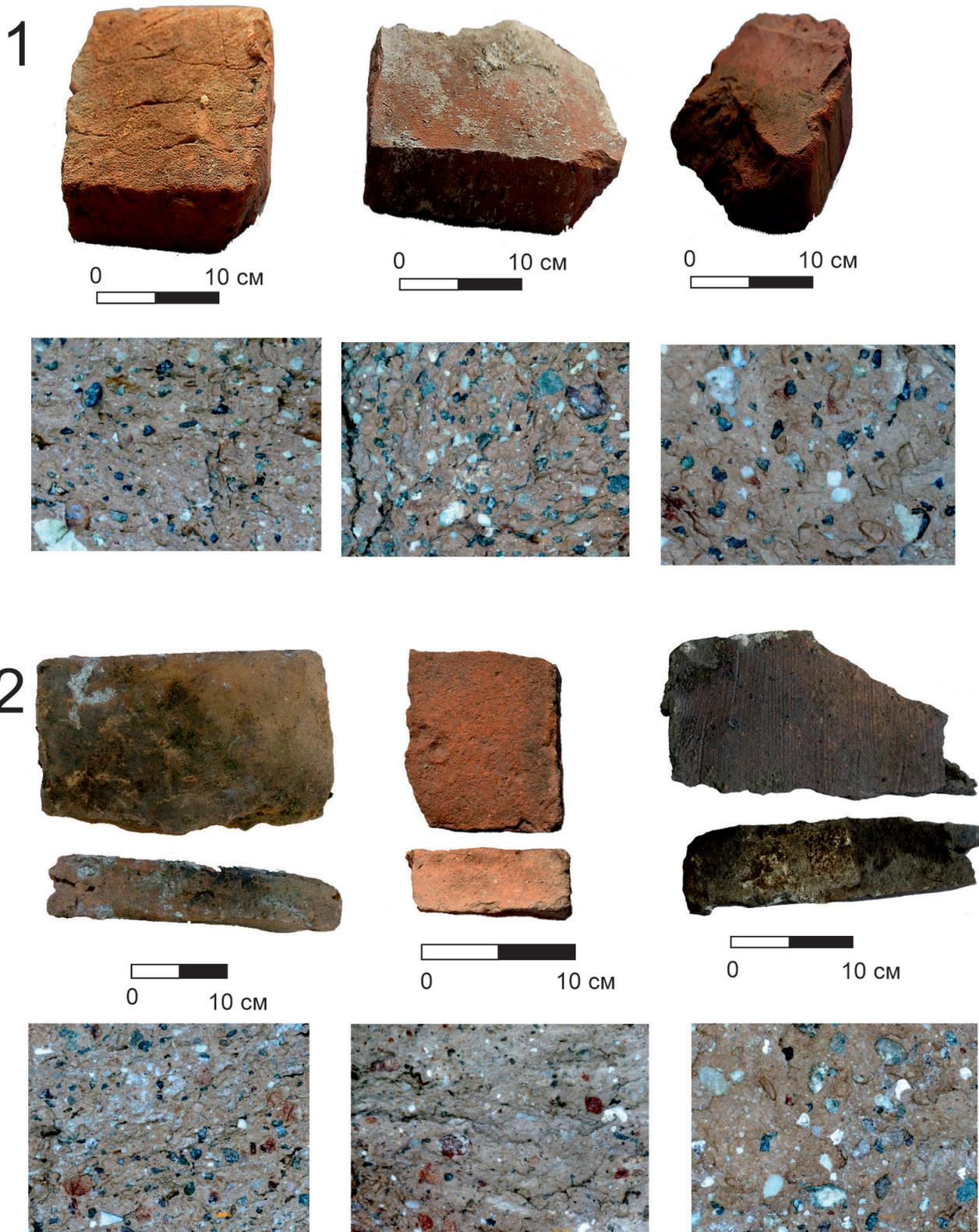

Рис. 5. Фотографии плинф и их изломов из Гиэноса (1) и Маркульского городища (2)

Fig. 5. Photos of plinths and their fractures from Guenos (1) and the Markul settlement (2)

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

REFERENCES

1. Оустерхаут Р. Византийские строители / Пер.: Л.А. Беляев; ред. и комм.: Л.А. Беляев, Г.Ю. Ивакин. Киев, Москва: КОРВИН ПРЕСС, 2005. – 332 с.
2. Шамба С.М. Гюенос-1. Тбилиси, 1990. – 136 с.
3. Скакова И.В., Скаков А.Ю., Джопуа А.И. Плинфа раннесредневекового храма в Гиеносе (г. Очамчира, Республика Абхазия): публикация материалов раскопок 2019–2021 гг. // *Byzantino Caucasia*. I. М.: ИВ РАН, 2021. С. 9–53.
4. Скакова И.В., Скаков А.Ю., Джопуа А.И. Раннесредневековый храм в Гиеносе (Республика Абхазия): итоги работ 2022 г. // *Byzantino Caucasia*. II. М.: ИВ РАН, 2022. С. 69–109.
5. Ёлишин Д.Д. Новые исследования древнерусской плинфы: итоги и перспективы // *Археологія і давня історія України*. 1. Київ. С. 395–407.
6. Peacock D.P.S. Bricks and Tiles of the Classis Britannica: Petrology and Origin // *Britannia*. 8. 1977. С. 235–248.
7. Ристић М.М., Ђирковић С.К., Корач В.Р. *Опеке српских средњовековних манастира*. Београд: Srpska Akademija Nauka i Umetnosti, 1989. – 104 с.
8. Betts I. Thin-section and neutron activation analysis of brick and tile from York and surrounding sites // *Recent developments in ceramic petrology*. London: British Museum Publications Ltd, 1991. С. 39–55.
9. Ёлишин Д.Д. Древнерусская плинфа: технология и типология // Труды IV Всероссийского Археологического съезда. 3. Казань, 2014. С. 40–44.
10. Виноградов А.Ю., Ёлишин Д.Д., Кулькова М.А. Средневековая строительная керамика Закавказья по данным петрографического анализа // Белецкий, Д.В., Виноградов, А.Ю. *История и искусство христианской Алании*. М.: Тaus, 2019. С. 382–392.
11. Клемешова М.Е., Требелева Г.В., Кизилов А.С., Глазов К.А., Соколов С.В. Опыт применения методики А.А. Бобринского для изучения керамических сосудов при исследовании состава формовочных масс плинфы средневековых храмов и крепостей Восточной Абхазии // *Геоархеология и археологическая минералогия* – 2021. Материалы VIII Всероссийской научной конференции. Миасс – Челябинск, 2021. С. 97–101.
12. Klemeshova M.E., Trebeleva G.V., Kizilov A.S., Glazov K.A., Sokolov S.V., Yurkov G.Y. Application of the Method of A.A. Bobrinsky to Study the Brick Paste Composition from Eastern Abkhazian Medieval Temples and Fortresses // *Geoarchaeology and Archaeological Mineralogy*. Springer Proceedings in Earth and Environmental Sciences / Ankusheva N.N., Chechushkov I.V., Epimakhov A.V., Ankushev M.N., Ankusheva P.S., eds. Springer, Cham, 2022. [Электронный ресурс] URL: https://doi.org/10.1007/978-3-031-16544-3_17 (дата обращения: 20.11.2023).
13. Бобринский А.А. Гончарная технология как объект историко-культурного изучения // Бобринский А.А., Цетлин Ю.Б., Внуков С.Ю., Глушков И.Г., Гребенчиков А.В. и др. *Актуальные проблемы изучения древнего гончарства: Коллективная монография*. Самара: Самарский гос. пед. ун-т, 1999. С. 5–109.
14. Цетлин Ю.Б. Об определении степени ожелезненности исходного сырья для производства глиняной посуды // *Вопросы археологии Поволжья*. Вып. 4. / Отв. ред. И.Н. Васильева. Самара, 2006. С. 421–425.
15. Бобринский А.А. Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. М.: Наука, 1978. – 272 с.
16. Лопатина О.А., Каздым А.А. О естественной примеси песка в древней керамике (к обсуждению проблемы) // *Древнее гончарство: итоги и перспективы изучения*. М.: ИА РАН, 2010. С. 46–57.
17. Ковба Л.М., Трунов В.К. Рентгенофазовый анализ. Издание 2-е, дополненное и переработанное. М.: Изд-во МГУ, 1976. – 232 с.
1. Ousterhout R. *Byzantine Builders*. Transl.: L.A. Belyaev; ed. and comment.: L.A. Belyaev, G.Yu. Kyiv, Moscow: KORVIN PRESS, 2005. (In Russ)
2. Shamba SM. *Gyuenos-1*. Tbilisi, 1990. (In Russ)
3. Skakova IV., Skakov AYu., Dzhopua AI. Plinth of the early medieval temple in Gyuenos (Ochamchira, Republic of Abkhazia): publication of excavation materials from 2019–2021. *Byzantino Caucasia*. I. Moscow: Institute of Oriental Studies of RAS, 2021: 9-53. (In Russ)
4. Skakova IV., Skakov AYu., Dzhopua AI. Early Medieval Temple in Gyenos (Republic of Abkhazia): Results of Work in 2022. *Byzantino Caucasia*. II. Moscow: Institute of Oriental Studies of RAS, 2022: 69-109. (In Russ)
5. Jolshin DD. New Studies of the Old Russian Plinth: Results and Prospects. *Archaeology and Ancient History of Ukraine*. 1. Kyiv: 395-407. (In Ukr)
6. Peacock D.P.S. Bricks and Tiles of the Classis Britannica: Petrology and Origin. *Britannia*. 1977; 8: 235-248.
7. Ristic MM., Širković SK., Korac VR. *Care of Serbian Medieval Monasteries*. Beograd: Srpska Akademija Nauka i Umetnosti, 1989. (In Russ)
8. Betts I. Thin-section and neutron activation analysis of brick and tile from York and surrounding sites. *Recent Developments in Ceramic Petrology*. London: British Museum Publ., 1991: 39-55.
9. Jolshin DD. Old Russian plinth: technology and typology. Proceedings of the IV All-Russian Archaeological Congress. 3. Kazan, 2014, pp. 40–44.
10. Vinogradov A.Yu., Jolshin D.D., Kulkova M.A. Medieval building ceramics of Transcaucasia according to petrographic analysis. In: D.V. Beletsky, A.Yu. Vinogradov (eds). *History and Art of Christian Alania*. Moscow: Taus, 2019: 382-392. (In Russ)
11. Klemeshova ME., Trebeleva GV., Kizilov AS., Glazov KA., Sokolov SV. Experience of applying the method of A.A. Bobrinsky for studying ceramic vessels in the study of the composition of molding masses of plinths of medieval temples and fortresses of Eastern Abkhazia. *Geoarchaeology and Archaeological Mineralogy – 2021. Proceedings of the VIII All-Russian Scientific Conference*. Miass – Chelyabinsk, 2021: 97-101. (In Russ)
12. Klemeshova ME., Trebeleva GV., Kizilov AS., Glazov KA., Sokolov SV., Yurkov GY. Application of the Method of A.A. Bobrinsky to Study the Brick Paste Composition from Eastern Abkhazian Medieval Temples and Fortresses. *Geoarchaeology and Archaeological Mineralogy*. Springer Proceedings in Earth and Environmental Sciences / Ankusheva N.N., Chechushkov I.V., Epimakhov A.V., Ankushev M.N., Ankusheva P.S., eds. Springer, Cham, 2022. [Electronic resource] URL: https://doi.org/10.1007/978-3-031-16544-3_17 (accessed: 20.11.2023).
13. Bobrinsky AA. Pottery technology as an object of historical and cultural study. In: *Bobrinsky A.A., Tsetlin Yu.B., Vnukov S.Yu., Glushkov I.G., Grebenshchikov A.V., et al. Actual Problems of Studying Ancient Pottery: Collective Monograph*. Samara: Samara State Pedagogical University, 1999: 5-109. (In Russ)
14. Tsetlin YuB. On determining the degree of ferruginization of the raw materials for the production of clay dishes. *Questions of Archaeology of the Volga Region*. Issue. 4. Ed. I.N. Vasilyeva. Samara, 2006: 421-425. (In Russ)
15. Bobrinsky AA. *Pottery of Eastern Europe. Sources and Methods of Study*. Moscow: Nauka, 1978. (In Russ)
16. Lopatina OA., Kazdym AA. On the natural admixture of sand in ancient ceramics (towards a discussion of the problem). *Ancient Pottery: Results and Prospects of Study*. Moscow: Institute of Archaeology of RAS, 2010: 46-57. (In Russ)
17. Kovba LM., Trunov VK. *X-ray Powder Diffraction (XRD)*. 2nd ed., suppl. and rev. Moscow: Moscow State University Press, 1976. (In Russ)

18. Рентгенография основных типов породообразующих минералов (слоистые и каркасные силикаты) / Ред. В.А. Франк-Каменецкий. Л.: Недра, 1983. – 359 с.

19. Клемешова М.Е., Требелева Г.В., Юрков Г.Ю. Сравнительный анализ природного сырья и керамических изделий из раскопок Маркульского городища и гончарного производственного центра у с. Атара в Восточной Абхазии // Краткие сообщения Института археологии. 2023. № 272. С. 291–310.

20. Требелева Г.В., Сакания С.М., Шведчикова Т.Ю., Япрынцева А.Д. К проблеме датировки погребений из некрополя Маркульского городища при храме (Абхазия, IV–XIV века): на основе анализа инвентаря, украшений, а также корреляции инвентарных и безынвентарных погребений, их стратиграфии и анализов изотопов // Вещь в контексте погребального обряда. Материалы международной научной конференции. М., 2020. С. 242–250.

18. *X-ray analysis of the main types of rock-forming minerals (layered and framework silicates)*. Ed. V.A. Frank-Kamenetsky. Leningrad: Nedra, 1983. (In Russ)

19. Klemeshova ME., Trebeleva GV., Yurkov GYu. Comparative analysis of natural raw materials and ceramic products from the excavations of the Markul settlement and pottery production center near the village of Atara in Eastern Abkhazia. *Brief Communications of the Institute of Archaeology*. 2023; 272: 291-310. (In Russ)

20. Trebeleva GV., Sakaniya SM., Shvedchikova TYu., Yapryntsev AD. On the problem of dating burials from the necropolis of the Markul settlement at the temple (Abkhazia, 4th–14th centuries): based on the analysis of inventory, jewelry, as well as the correlation of inventory and non-inventory burials, their stratigraphy and isotope analyzes. *Thing in the Context of the Funeral Rite. Proceedings of the International Scientific Conference*. Moscow, 2020: 242-250. (In Russ)

*Поступила в редакцию 30.11.2023 г.
Принята в печать 18.01.2024 г.
Опубликована 15.12.2024 г.*

*Received 30.11.2023
Accepted 18.01.2024
Published 15.12.2024*

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH204871-885>

Исследовательская статья

Маммаев Мисрихан Маммаевич
д.иск., главный научный сотрудник
Институт, истории, археологии и этнографии
Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, Махачкала, Россия
mmisrihan@mail.ru

Нурмагомедов Абдулгамид Магомедович
к.и.н., научный сотрудник
Институт, истории, археологии и этнографии
Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, Махачкала, Россия
bahrain2020@mail.ru

КАМЕННЫЕ РЕЛЬЕФЫ – ДЕТАЛИ АРХИТЕКТУРНОГО ДЕКОРА XIV–XIX вв. С АРАБСКИМИ НАДПИСЯМИ И РАСТИТЕЛЬНЫМ ОРНАМЕНТОМ, ВЫЯВЛЕННЫЕ в 2022 г. в сел. КУБАЧИ

Аннотация. В статье описываются каменные рельефы – архитектурные детали XIV–XIX вв. с арабскими надписями и растительным орнаментом, часть из которых (№№ 1–4, 7, 9, 10) находится в музее «Кубачинская башня», расположенном в верхнем квартале старой части сел. Кубачи. Находящиеся в музее рельефы взяты из развалин старых зданий квартальных мечетей, жилых домов и здания дворцового типа «Хвалла хьулбе» (Большие дома), привезены из нижнего квартала селения. Два рельефа (№№ 5, 6) с позднекуфическими арабскими надписями в сочетании с растительным орнаментом, датируемые XIV в., зафиксированы в кладке стен, образующих дверной проём на первом этаже квартальной мечети «Кякабала мишит», расположенной на границе среднего и нижнего кварталов старой части Кубачи. Один из рельефов (№ 8) с арабскими надписями, датируемый XIV в., обнаружен в кладке подпорной стены дороги, ведущей с базарной площади (она же – годекан) к зданию Кубачинской средней общеобразовательной школы и к водозаборному источнику «Хьяцила кьуллупе». Стена, в кладку которой вставлен рельеф в декоративных целях, справа примыкает к арочному мосту, находящемуся на южном конце базарной площади. На четырёх рассматриваемых рельефах (№№ 1, 5, 6, 8) представлены формулы единобожия (*шахада*), на двух рельефах (№№ 8, 9) высечены строительные надписи. В надписи на рельефе №2 упоминается имя четвертого праведного халифа Али, двоюродного брата и зятя пророка Мухаммада. Имя Али вместе с именами других праведных халифов (Абу Бакр, Омар, Осман) и с именем пророка Мухаммада представлено и на других средневековых рельефах – архитектурных деталях из сел. Кубачи. Описано всего 10 рельефов.

Ключевые слова: резные каменные рельефы; Кубачи; XIV–XIX вв.; арабские надписи; орнамент

Для цитирования: Маммаев М.М., Нурмагомедов А.М. Каменные рельефы – детали архитектурного декора XIV–XIX вв. с арабскими надписями и растительным орнаментом, выявленные в 2022 г. в сел. Кубачи // История, археология и этнография Кавказа. 2024. Т. 20. No 4. С. 871-885. doi.org/10.32653/CH204871-885

© Маммаев М.М., Нурмагомедов А.М., 2024

© Сефербеков М.Р., перевод, 2024

© Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, 2024

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH204871-885>

Research paper

Misrikhan M. Mammaev
Dr, Sci., Chief Researcher
Institute of History, Archeology and Ethnography
Dagestan Federal Research Center of RAS, Makhachkala, Russia
mmisrihan@mail.ru

Abdulgamid M. Nurmagomedov
Cand. Sci., Researcher
Institute of History, Archeology and Ethnography
Dagestan Federal Research Center of RAS, Makhachkala, Russia
bahrain2020@mail.ru

STONE RELIEFS WITH ARABIC INSCRIPTIONS AND VEGETAL MOTIFS OF THE 14TH–19TH CENTURIES DISCOVERED IN KUBACHI

Abstract. This study examines stone reliefs, architectural elements from the 14th to 19th centuries, decorated with Arabic inscriptions and vegetal motifs. Several examples (nos. 1–4, 7, 9, 10) are housed in the Kubachi Tower Museum, situated in the upper quarter of old Kubachi. These museum pieces originate from the ruins of quarter mosques, residential structures, and the palatial building *Hwalla hulbe* (*Big Houses*) in the village's lower quarter. Two reliefs (nos. 5, 6), featuring late Kufic Arabic inscriptions combined with plant ornamentation and dating to the 14th century, are embedded in the walls framing a first-floor doorway of the *Kyakabala Mishit* quarter mosque, located at the juncture of the middle and lower quarters of old Kubachi. A further relief (no. 8), bearing 14th-century Arabic inscriptions, was found integrated into the retaining wall of the road leading from the market square (*godekan*) to the Kubachi School and the *Hyatsila kullupe* spring. This wall adjoins an arched bridge at the southern edge of the market square. Four of these reliefs (nos. 1, 5, 6, 8) display formulas of monotheism (*shahada*), while two (nos. 8, 9) are building inscriptions. Relief no. 2 bears the name of the fourth Righteous caliph, Ali, cousin and son-in-law of the Prophet Muhammad. The name of Ali, along with those of other Righteous caliphs (Abu Bakr, Omar, and Osman) and the Prophet Muhammad, also appears on other medieval architectural reliefs from Kubachi. This analysis considers ten reliefs in total.

Keywords: carved stone reliefs; Kubachi; 14-19th centuries; Arabic inscriptions; ornament

For citation: Mammaev M.M., Nurmagomedov A.M. Stone Reliefs with Arabic Inscriptions and Vegetal Motifs of the 14th–19th Centuries Discovered in Kubachi. *History, Archeology and Ethnography of the Caucasus*. 2024. Vol. 20. N. 4. P. 871-885. doi.org/10.32653/CH204871-885

© Mammaev M.M., Nurmagomedov A.M., 2024
© Seferbekov M.R., translation, 2024
© Daghestan Federal Research Centre of RAS, 2024

В средние века, в особенности в XIV–XVI вв., в одном из крупных художественных центров Дагестана сел. Кубачи было создано огромное количество резных камней – деталей архитектурного декора с различными изобразительными сюжетами, растительным орнаментом и декоративными арабскими надписями. Изготовленные в пору экономического и культурного подъема средневекового Кубачи – центра государственного образования Зирихгеран (перс. «кольчугоделатели») каменные рельефы украшали различные по своему функциональному назначению, не сохранившиеся (давно развалившиеся) до настоящего времени (за исключением ныне находящейся в полуразрушенном состоянии Большой Пятничной мечети – «Хвала мишит» XVI в.) архитектурные сооружения – культовые и учебные постройки (Джума-мечеть и квартальные мечети, медресе), отчасти жилые дома и оборонительные башни («Кясумхъалла къала», она же «Цилалла къала» в нижнем квартале селения), а также общественное здание дворцового типа, так называемые «Хвала хъулбе» (Большие дома), принадлежавшие высшему органу местного самоуправления «Чине» (Совет старейшин). Постройки «Хвала хъулбе» отличались ярким своеобразием архитектурных форм и необычайным богатством декоративной отделки, каменной рельефной фасадной скульптурой.

Начиная с середины XIX в. вплоть до настоящего времени памятники камнерезного искусства Кубачи – детали архитектурного декора и надмогильные стелы с позднекуфическими арабскими надписями и растительным орнаментом – изучали многие отечественные и зарубежные ученые (Б.А. Дорн, Д.Н. Анучин, Г.Д. Аберкромби, А.С. Башкиров, М.С. Диманд, А. Салмони, Э.В. Кильчевская, А.А. Иванов, А.Р. Шихсаидов, Л.И. Лавров, П.М. Дебилов, М.М. Маммаев, М.А. Мусаев, Ш.Ш. Шихалиев, М.Г. Шехмагомедов и др.). Тем не менее, многие важные вопросы, касающиеся камнерезного искусства, и сегодня нуждаются в основательном изучении с учетом выявленных в последние годы новых памятников – как деталей архитектурного декора, так и надмогильных стел, отделанных орнаментально-эпиграфическими композициями.

При разборе развалин старых разрушенных зданий в Кубачи обнаруживаются новые и новые средневековые каменные рельефы. Научные исследования о многих из них уже опубликованы. Но остаются еще не введенные в научный оборот рельефы, имеющие большую историко-культурную и научно-познавательную ценность. К их числу относятся и публикуемые в настоящей статье.

Рельеф № 1 – деталь архитектурного декора вытянуто-четырёхугольной формы (28×22,5 см), хорошей сохранности (рис. 1), находится в музее «Кубачинская башня», расположенном в верхнем квартале старой части Кубачи. Привезён из нижнего квартала старой части Кубачи. С передней, хорошо выровненной и сглаженной, почти полированной, стороны нанесена рельефная арабская надпись – формула единобожия (*шахада*):

لا اله الا الله محمد رسول الله

Перевод: «Нет божества кроме Аллаха, Мухаммад посланник Аллаха».

Почти в середине нижнего конца надписи помещён стилизованный и несколько вытянутый слева направо элемент растительного орнамента – пальметта. Надпись обрамляет плоскорельефная ленточная рамка. По внешним углам рамки находятся трилистники с закрученными лепестками.

Рельеф первоначально был вставлен, вероятно, на видном месте в кладку стены фасада квартальной мечети или же здания дворцового типа «Хвала хъулбе» (кубач. «Большие дома»).

Распространённая в архитектурной резьбе и в резьбе надмогильных стел формула единобожия [1, с. 106, рис. 376, с. 150, рис. 52; 2, с. 500, рис. 151] на данном рельефе исполнена каллиграфически оригинально и выразительно, не повторяя формулы на других памятниках, что придаёт резьбе рельефа декоративность.

Датировать рассматриваемый рельеф можно, исходя из стилистических особенностей надписи, первой половиной XIV в.

Рельеф № 2 – деталь архитектурного декора вытянуто-четырёхугольной формы (рис. 2). Привезён в музей «Кубачинская башня» вместе с другими рельефами из нижнего квартала старой части Кубачи. На хорошо выровненную и сглаженную поверхность каменного блока (30×15,5 см) нанесена густо покрывающая её рельефная арабская надпись, выполненная в стиле цветущий куфи:

لا حقا الا على ولي الله

Перевод: «Нет сомнения, что Али – любимец Аллаха».

Имя Али – одного из праведных халифов – встречается вместе с именами других халифов в надписях других архитектурных деталей (рельефов) XIV–XV вв. из Кубачи, а также на надмогильной стеле этого же времени.

Верхние и нижние концы взаимно пересекающихся букв *алеф* и *лам* завершаются полутрилистниками. В текст надписи включены элементы растительного орнамента – трилистники и полутрилистники, плотно заполняющие свободные промежутки между буквами и усиливающие декоративную выразительность надписи. Характерно своеобразное и оригинальное решение композиции надписи.

Надпись заключена в двойную рельефную рамку – узкую и более широкую.

Датировать рельеф можно концом XIV – началом XV вв. исходя из стилистических особенностей надписи и наличия среди неё элементов растительного орнамента.

Рельеф № 3 (рис. 3) находится в музее «Кубачинская башня». Он был обнаружен среди развалин старого здания (квартальной мечети) и привезён вместе с другими каменными рельефами – деталями архитектурного декора из нижнего квартала селения. Изготовлен он из твёрдого сорта местного камня сланцевой породы. Сохранность плохая: декор во многих местах отслоился, орнамент повреждён. Нижняя часть рельефа отбита специально, чтобы хорошо подогнать его в кладку стены при вторичном использовании. При падении стены здания, куда он был вмонтирован, орнамент получил повреждения.

Декор рельефа нами восстановлен на основе частично сохранившегося орнамента и контуров отслоившихся орнаментальных элементов.

Рельеф небольшого размера: предполагаемая высота его четырёхугольного основания – 19–20 см, ширина 21 см, толщина 11 см. На четырёхугольном каменном блоке был высечен рельефный круглый диск с заострённым верхом (конец выступа отломан). Верхний конец диска выступает над четырёхугольной поверхностью камня на 2,3 см, а нижний конец – менее 1,5 см. На хорошо выровненную и сглаженную поверхность диска была нанесена своеобразная рельефная орнаментальная композиция: в правом конце её находится крупная трёхчастная полупальмета. К ней слева примыкает рельефная крупная арабская буква *алеф*, верхний конец которой отделан орнаментальными элементами. Слева от этой буквы располагается орнаментальная плетёнка сложной композиционной схемы: стволы стилизованных арабских букв *алеф* и *лам*, размещённые вертикально в центре диска, в средней части переплетаются и образуют плетёнку ленточного типа. Верхние концы арабских букв оформлены в виде трилистников. В центре плетёнки находится шестиконечная звезда – гексаграмма.

В середине левого конца диска высечены две обращённые в противоположные стороны крупные изогнутые орнаментальные элементы в виде листочков, на поверхности которых нанесены мелкие криволинейные врезные насечки.

Нижний конец диска сильно испорчен и восстановить здесь декор в первоначальном виде трудно.

Рельеф был декорирован оригинально и выразительно. С учётом особенностей начертания арабских букв, стиля орнамента, формы самого рельефа его можно датировать серединой XV в. Аналогичные по форме рельефы, но несколько по-иному декорированные, часто встречаются среди кубачинских резных камней XV в. Такие рельефы, но более крупных размеров представлены, например, в кладке аркады Большой мечети («Хвала мишит») XV в. в Кубачи [3, с. 138, рис. 84; 2, с. 456, рис. 46–48, с. 461, рис. 58, 60], а также в кладке стен в декоративных целях жилых домов местных жителей. Нередко на диски таких рельефов наносили слово «Аллах», выполненное декоративно отделанными буквами. Данный рельеф отличается от других, встречающихся в кладке аркады Большой мечети и жилых построек своими небольшими размерами и особенностями декоративной отделки.

Рельеф № 4 (рис. 4) – небольшого размера (29×7,5 см) архитектурная деталь с рельефной декоративной надписью на фоне растительного орнамента, находится в музее «Кубачинская башня». Он привезён из самого нижнего квартала старой части Кубачи. До 2019 г. находился в кладке средней части стены второго этажа западного фасада квартальной мечети «Хьяцалла кьватІла мишит» (кубач. – «Нижнего квартала мечеть»). Стена мечети продолжала стоять до указанного года. Рельеф взят из развалин другого здания и вставлен в стену указанной мечети. Вытянуто-четырёхугольной формы каменный блок густо покрыт рельефной декоративной надписью и растительным орнаментом. Последний представляет собой волнистый побег стебля со спирально скрученными ответвлениями, окан-

чивающимися крупными трилистниками. Стебель и ответвления несут еще листочки, полутрилистник и завитки, на которые нанесены мелкие врезные штрихи.

В 1987 г. рельеф был опубликован А.А. Ивановым в статье «Персидские надписи из Кубачи», изданной в Италии [4, с. 213–224. Табл. VIII]. Надпись на рельефе в переводе А.А. Иванова гласит: «Сделал Ша'бан. Конец [да будет] благополучным». Однако непонятным остается то, что пишет Анатолий Алексеевич: «Начало надписи явно арабское. Вторую часть текста все же следует понимать как персидскую, хотя слова здесь и арабские...» [4, с. 222]. В иллюстрации надпись рельефа, опубликованного А.А. Ивановым, хорошо не заметна. Поэтому мы решили опубликовать рельеф с более четким воспроизведением надписи, чтобы специалисты – востоковеды могли определить персидская ли она или ее следует все же рассматривать только как арабскую. Кроме того, рельеф А.А. Ивановым не рассматривается как высокохудожественное произведение средневекового камнерезного искусства с Кубачи. А.А. Иванов на основе аналогий декора рельефа с декором резных надмогильных памятников датировал его концом XIV – первой половиной XV в. Датировать рельеф мы считаем возможным второй половиной XV в. с учетом развитого стиля орнамента и палеографических особенностей надписи.

Каллиграфически исполненная надпись на рассматриваемом рельефе, выразительно и мастерски составленная орнаментальная композиция, удачно включённая в надпись, гармоничное сочетание надписи и орнамента делают рельеф высокохудожественным произведением камнерезного искусства, арабской эпиграфики и каллиграфии.

Рельеф № 5 – архитектурная деталь (рис. 5) – находится в конструкции отремонтированной в 2020–2022 гг. квартальной мечети «Кякябала мишит» [3, с. 13, рис. 2], расположенной на границе среднего и нижнего квартала старой части с. Кубачи. Название «Кякябала мишит» происходит, вероятно, от имени мужчины – строителя Кякяба, построившего мечеть.

Рассматриваемый рельеф вставлен в ходе ремонта здания мечети в декоративных целях во внутреннюю кладку стены в промежутке между правым окном и выходными дверями из помещения первого этажа на улицу. Рельеф представляет собой крупный, вытянуто-прямоугольной формы каменный блок, длиной 71 см, высотой 15,5 см. Он поломан по середине на 2 части. На рельефе представлены растительный орнамент и позднекуфическая арабская надпись в одну строку – формула единобожия:

لا اله الا الله محمد رسول الله

Перевод: «Нет божества кроме Аллаха, Мухаммад посланник [Аллаха]».

Растительный орнамент обрамляет надпись сверху и по боковым краям. В правом конце рельефа находится плетенка оригинальной формы, заключенная в четырехугольную рамку. Возможно, это очень сильно стилизованное слово «Аллах», составленное из декоративно отделанных букв *алеф*, *лам*, стволы которых образуют плетёнку.

Растительный орнамент, обрамляющий арабскую надпись сверху и по боковым краям – это так называемый вьюнок или побегун, часто встречающийся в средневековом орнаментальном искусстве Кубачи, но выполненный своеобразно: отходящие от волнистого побега стебля ответвления несколько уплощены и завершаются трилистниками. Начало орнаментальной композиции находится в правом конце рельефа и ее следует рассматривать справа-налево – так, как принято писать тексты на арабском языке.

В нижней части рельефа, как уже отмечали, располагается позднекуфическая арабская надпись, верхние концы букв которой имеют боковые правосторонние выступы. Между буквами оставлены значительные промежутки, свободные от декора. Особенности начертания букв арабской надписи, стиль растительного орнамента, отсутствие на фоне надписи орнамента позволяют датировать рельеф серединой XIV в.

Гармоничное сочетание надписи и орнамента, умелое композиционное размещение их делают декоративную отделку рельефа выразительной и оригинальной.

Рельеф № 6 (рис. 6) – меньшего размера (длина 55 см, высота 16 см) архитектурная деталь, находящаяся в кладке стены между левым окном и выходящими на улицу дверями отреставрированной в 2020–2022 гг. квартальной мечети «Кякябала мишит».

По общей композиционной схеме декор данного рельефа имеет ряд общих черт с декором рельефа №5 – позднекуфическая надпись обрамлена сверху и по боковым краям растительным орнаментом. Но рельеф № 6 отделан на более высоком художественном уровне: в арабскую надпись включены элементы растительного орнамента, а саму надпись обрамляет орнаментальная композиция в виде

свободно вьющегося справа налево волнистого стебля с ответвлениями, оканчивающимися трилистниками. От ответвлений отходят листочки, заполняя свободные места в композиции. В местах, где от волнистого побега стебля отгибаются ответвления, имеются каплевидные выступы.

Орнамент на рельефе № 6, как и на рельефе № 5, берет свое начало с правого нижнего конца рельефа и заканчивается в левом нижнем конце. Он основан на ритме и симметрии составляющих композицию элементов.

Ниже орнамента располагается рельефная горизонтальная позднекуфическая арабская надпись в одну строку – формула единобожия:

لا اله الا لله محمد رسو[ل] الله حق

Перевод: «Нет божества кроме Аллаха, Мухаммад посланник Аллаха. Истина».

Верхние концы букв (*алеф*, *лам* и др.) отделаны завитками, что усиливает декоративные качества надписи. Этому способствует еще наличие отдельных элементов растительного орнамента (листочки, трилистники) в составе надписи.

Художественные качества данного рельефа, как уже отметили, несколько превосходят художественные качества рельефа № 5. Мастер-камнерез, выполнивший орнамент и надпись, сумел придать декору рельефа яркую выразительность.

Изготовлен рельеф № 6 несколько позднее рельефа № 5. Об этом свидетельствует наличие среди букв надписи элементов растительного орнамента и диакритических знаков, а также декоративная отделка верхних концов букв завитками. На основе этих данных рельеф № 6 можно датировать концом XIV в.

Рельеф № 7 – архитектурная деталь вытянуто-четырёхугольной формы (рис. 7), довольно крупного размера (50×19 см), находится в музее «Кубачинская башня». Он привезен вместе с другими рельефами из нижнего или среднего квартала старой части Кубачи. На переднюю сторону рельефа в разное время нанесены три строки арабских надписей. Две из них выполнены позднекуфическим шрифтом, вероятно, во второй половине XIV в. Они заключены в рельефные рамки. Между верхней и нижней надписями находится горизонтальная полоска, на которую значительно позднее, в 1114 г. хиджры / 1702-03 гг., нанесена почерком *наسخ* графическая (врезная) арабская надпись. Текст надписей:

الله لا اله الا هو الحي القيوم
لا تاخذه سنة ولا نوم
له ما في السماوات و ما في الارض
من ذا الذي يشفع عنده الا باذنه
يعلم ما بين ايديهم م ما خلفهم
ولا يحيطون بشيء من علمه الا بما شاء

Перевод:

«Нет божества, кроме Бога [Единобожного], вечно Живого, вечно Сущего.

Не подвержен Он ни дремоте, ни сну.

Принадлежит Ему то, что в небесах, и то, что на земле.

Кто же станет искать у Него заступничества, если не будет на то соизволения Его?

Ведомо Ему то, что было с людьми раньше и что станет после.

Люди же постигают из Знания Его лишь то, что пожелает Он [ниспослать им]»¹.

Между двумя рельефными надписями имеется мелкий арабский текст – продолжение Аят ал-Курси – с датой написания:

وسع كرسيه السماوات و الارض ولا يوده حفظهما و هو العلي العظيم

«Подвластны Ему небеса и земля, не в тягость Ему обережение их. Всевышний Он, превеликий»

Дата написания – 1114 г/х – 1702-03 гг.

Рельеф № 7 первоначально был вставлен, вероятно, в конструкцию культового здания, которое со вре-

1. Коран, сура «ал-Бакара», аят 255. Перевод приводится по: Коран: пер. с араб. и коммент. М.-Н. О. Османова. М.: Ладомир, 1999. – 928 с.

менем разрушилось. Вторично он был вставлен в стену другого здания, тоже развалившегося позднее. При вторичном использовании на рельеф (между верхней и нижней строками) была добавлена графическая надпись. Сам рельеф обладает достаточно выразительными декоративными качествами.

Рельеф № 8 – деталь архитектурного декора четырехугольной формы (рис. 8), находится в кладке подпорной стены дороги, ведущей с годекана (и с верхнего квартала старой части с. Кубачи) в Кубачинскую среднюю общеобразовательную школу им. Народного учителя СССР А. Караева, а также к водозаборному источнику «Хъяцила къуллупе». Привезён из среднего квартала, обнаружен среди развалов камней от разрушенного здания и вставлен в стену на уровне 1,35 м над землей в декоративных целях. Изготовлен рельеф из твердой породы светлого песчаника и хорошо отличается от окружающих серых каменных блоков более светлым цветом.

Подпорная стена примыкает к правому (западному) концу арочного моста, находящегося в южном конце годекана (он же и базарная площадь села).

На каменный блок (31,5×36 см) нанесены рельефные арабские надписи в три строки, которые разделяются горизонтальными полосками. Все надписи обрамлены общей рельефной рамкой. Верхняя и нижняя надписи, выполненные позднекуфическим шрифтом, представляют собой формулу единобожия: *الله لا اله الا الله محمد رسول الله* «Нет божества кроме Аллаха, Мухаммад посланник Аллаха».

В середине верхней и нижней строк находятся два картуша, надписи в которых выполнены более мелкими буквами: *قد صنع هذا الحجر على ابن محمد* «Изготовил (поставил) этот камень Али, сын Мухаммада».

Удачная композиция надписей рельефа придает им декоративную выразительность. Датируется рельеф концом XIV в. с учетом стилистических особенностей арабских надписей, наличия среди них диакритических знаков.

Рельеф № 9. находится в музее «Кубачинская башня» (рис. 9). Привезен вместе с другими рельефами из нижнего квартала Кубачи. Имеет вытянуто-четырёхугольную форму. Угол левого нижнего конца отломан. Правый конец рельефа имеет мелкие отломы. Небольшая часть арабской надписи, находящаяся на правой стороне рельефа, отслоилась.

На переднюю сторону каменного блока (48×21 см) нанесены арабские надписи и растительный орнамент. Серединную, большую часть рельефа занимает арабская надпись, обведенная в рамку:

فان صواحب هذا الدور من نسل خرطوم صانع منبر المسجد الجامع

Перевод: «Поистине владельцы этих домов – наследники Хартума, построившего минбар Джума-мечети».

Запись сбоку:

خلقنا من التراب بغير ذنوب
و رجعنا الى التراب مع ذنوب

Перевод: «Мы сотворены из земли без грехов,
и возвращаемся в землю с грехами».

На левом конце рельефа помещен рельефный растительный орнамент простой композиции, составленной из трилистников. В нижнем конце рельефа, вне рамки обрамления надписи помещена дата 1205 г. хиджры / 1790-91 г.

Представленная на данном рельефе строительная надпись вместе с надписью на рельефе № 8 из Кубачи расширяет круг арабских строительных надписей Дагестана [5, с. 34–49; 6, 2, с. 72–82; 7, с. 104-134; 1, с. 89, 114, 149–150, 157–158, 162–165 и др.]. Упомянутая в надписи стена Джума-мечети – должно быть стена или ее часть западного фасада Большой мечети («Хвала мишит»), построенной в 1475–1476 гг. в нижнем квартале Кубачи. В XVIII в. стена, построенная на очень крутом склоне, пришла, вероятно, в аварийное состояние. Следы ремонта в виде строительного шва имеются в западной стене мечети (в ее северной части).

Большая мечеть с местным названием «Хвала мишит» в надписи названа не по-кубачински, а общепринятым названием Джума-мечеть. На деле она была большой пятничной Джума-мечетью Кубачи.

Рельеф № 10 – архитектурная деталь (рис. 10) находится в музее «Кубачинская башня». Он привезен вместе с другими рельефами из нижнего квартала сел. Кубачи, взятый из развалин старого жилого

дома. В 2007 г. рельеф мы видели в кладке верхней части северной стены жилого дома М. Чамсутинова. Стена эта была несколько ниже уровня сельской улочки, разделяющей дом Чамсутинова и Большую мечеть («Хвала мишит»). Из-за плохого освещения стены снятые тогда фотографии рельефа получились совершенно некачественными.

После разрушения дома М. Чамсутинова по просьбе работницы музея «Кубачинская башня» Ф. Кишевой рельеф был перенесен в музей.

Рельеф значительных размеров: 39×34 см при толщине 6 см. Над четырехугольным (левый верхний угол отломан) рельефом выступает круглый диск с заострённым верхом (высота его по центру 35 см, средняя ширина 25 см), густо покрытый рельефным растительным орнаментом сложной композиционной схемы. Над верхним концом диска выступает небольшой фигурный медальон, заполненный внутри растительным орнаментом.

По внешним краям диска помещены рельефные арабские надписи:

فداري مناخ لمن قد نزل
وزادي مباح لمن قد أكل
أقدم ما عندنا حاضر
وإن لم يكن غير حبز وخل

*«Дом мой открыт для каждого, кто остановился здесь,
И угощенья мои – для каждого, кто принял их,
Я готов поделиться тем, чем владею, даже если у меня не будет ничего,
Кроме хлеба и уксуса».*

Надписи чередуются с растительным орнаментом.

Форма рельефа восходит к форме средневековых рельефов в виде четырехугольных каменных блоков, над которыми высечены круглые диски с заостренными верхними концами. Диски таких рельефов покрывались или растительным орнаментом, или арабскими надписями [2, с. 456, рис. 46–48].

Содержание надписи свидетельствует о том, что рельеф был специально изготовлен для украшения входа в жилой дом одного из жителей сел. Кубачи. В кладку жилого дома М. Чамсутинова рельеф был вставлен при вторичном использовании в декоративных целях. Первоначально он украшал другое здание.

Особенностью данного рельефа является то, что он украшал не культовое здание, как многие другие кубачинские рельефы, а жилой дом. И надписи, и орнамент выполнены аккуратно. Они хорошо заметны. Следует подчеркнуть высокий художественный уровень орнаментальной композиции, нанесенной на рельефный диск. Мастер точно вписал ее в форму диска. Орнамент основан на принципе относительной зеркальной симметрии (правая сторона его совпадает с левой). Относительной, или свободной симметрии потому, что абсолютно точного совпадения сторон отсутствует.

С трудной задачей составления орнаментальной композиции, построенной на основе зеркальной симметрии, мастер-камнерез справился хорошо. Вся композиция на рельефе рассчитана на то, чтобы привлечь внимание на орнамент и содержание надписи того, кто оказывался вблизи дома. Стиль растительного орнамента, особенности выполнения его элементов, а также почерк надписи позволяют отнести рельеф к концу XVIII– началу XIX в.

Описанные выше разновременные каменные рельефы из сел. Кубачи с арабскими надписями и растительными орнаментами дополняют опубликованные в XX–XXI вв. резные архитектурные детали, имеющие историко-культурную и научно-познавательное значение. Они содержат ценную информацию об уровне развития камнерезного искусства, о мастерах строительного дела, о праведных халифах и т.д.

Рельефы показывают, что достигшее в XIV–XV вв. высокого уровня развития и совершенства камнерезное искусство Кубачи в последующее время потерпело значительные изменения: менее совершенной становится арабская каллиграфия, почерк цветущий *куфи* постепенно сходит на нет, орнаментальные композиции становятся более сложными, но менее совершенными. Судя по рельефам, народное зодчество в Кубачи также претерпело изменения – декоративная отделка зданий в XVII–XVIII вв. не имела, как прежде, высокие художественные качества. Рельефы – архитектурные детали, как и резные надмогильные стелы, представляют важный источник для освещения различных вопросов, касающихся средневекового мусульманского искусства Дагестана.

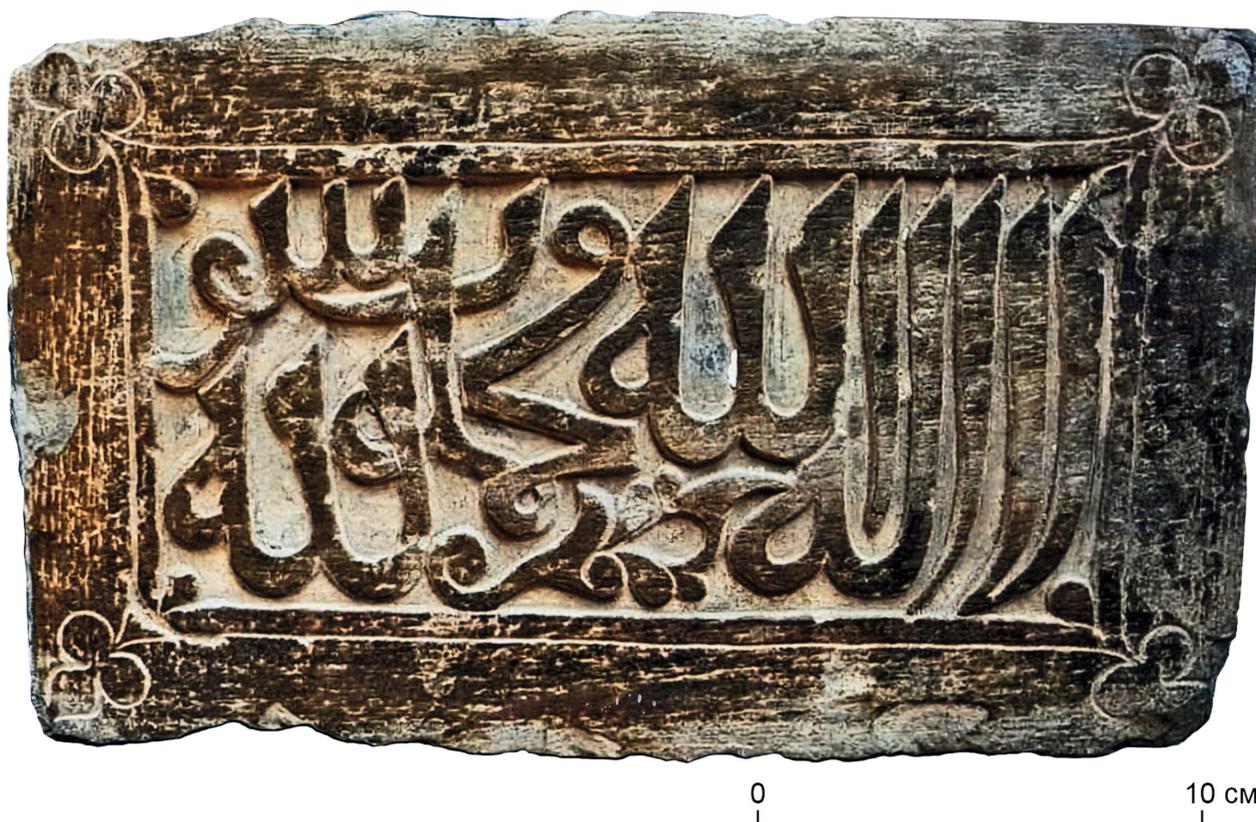

Рис. 1. Рельеф – деталь архитектурного декора (28×22,5 см) из с. Кубачи с позднекуфической арабской надписью: «Нет божества кроме Аллаха, Мухаммад – посланник Аллаха». Первая пол. XIV в. Музей «Кубачинская башня»

Fig. 1. Relief (28×22.5 cm) from Kubachi with a late Kufic Arabic inscription: “There is no god but Allah, Muhammad is the Messenger of Allah.” First half of the 14th century. Kubachi Tower Museum

Рис. 2. Рельеф – деталь архитектурного декора (30×15,5 см) из с. Кубачи с арабской надписью в стиле цветущий куфи: «Нет сомнения, что Али – любимец Аллаха». Начало XV в. Музей «Кубачинская башня»

Fig. 2. Relief (30×15.5 cm) from Kubachi with an Arabic inscription in the floral Kufic style: “There is no doubt that Ali is Allah’s favorite.” Early 15th century. Kubachi Tower Museum

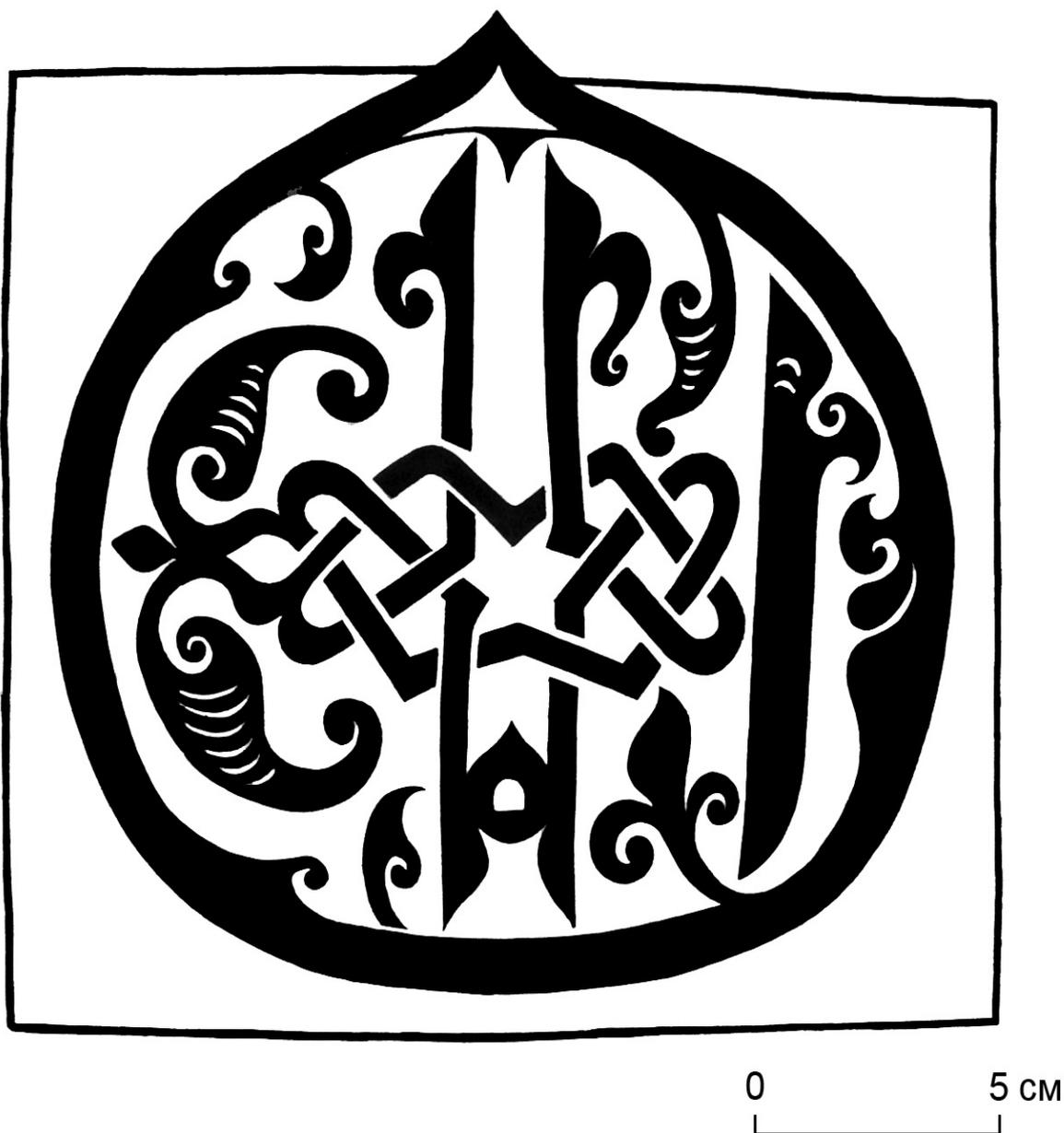

Рис. 3. Рельеф – деталь архитектурного декора (19×21 см) из с. Кубачи в виде круглого диска с заостренным верхом, отделанный растительным орнаментом и арабскими буквами *алеф*, *лам*. Испорченные детали декора реставрированы. Середина XV в. Музей «Кубачинская башня»

Fig. 3. Circular relief (19×21 cm) with a pointed apex, decorated with vegetal motifs and the Arabic letters *alif*, *lām*. Restored. Mid-15th century. Kubachi Tower Museum

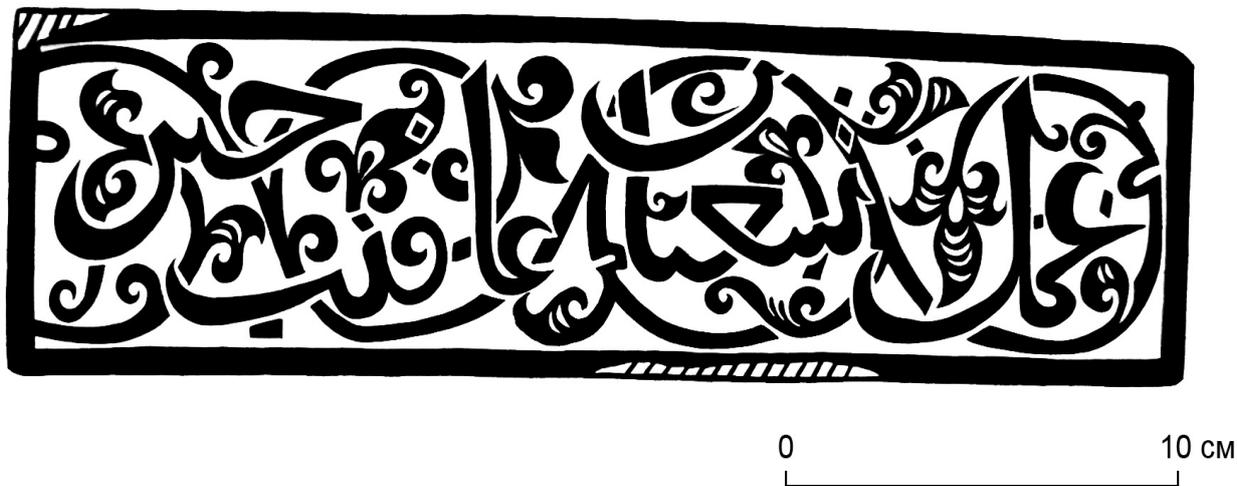

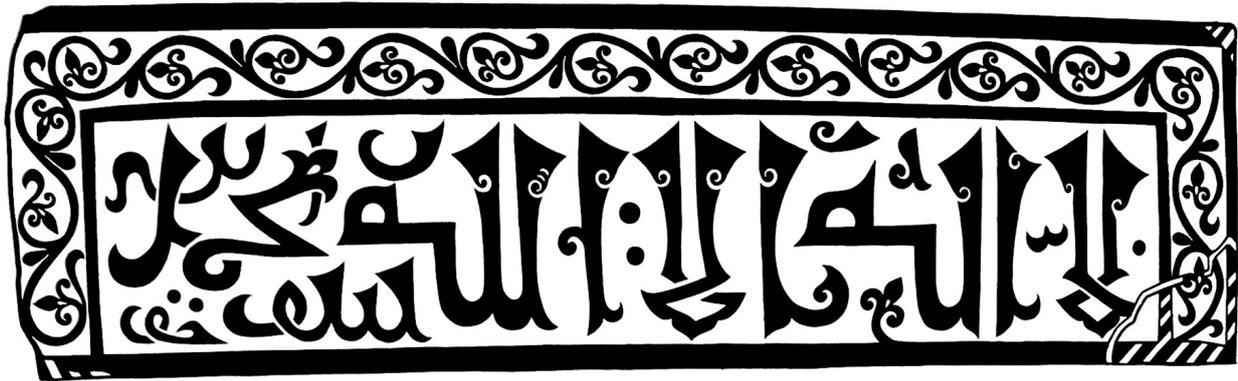
Рис. 4. Рельеф – деталь архитектурного декора (29×7,5 см) из с. Кубачи с арабской надписью на фоне растительного орнамента: «Сделал Ша`бан. Да будет конец благополучным». Вторая пол. XV в. Музей «Кубачинская башня»

Fig. 4. Relief (29×7.5 cm) from Kubachi with an Arabic inscription against a background of vegetal motifs: “Made by Sha`ban. May the end be prosperous”. Second half of the 15th century. Kubachi Tower Museum

Рис. 5. Рельеф – деталь архитектурного декора (71×14,5 см) из с. Кубачи с позднекуфической арабской надписью (формула единобожия) и растительным орнаментом. Середина XIV в. Рельеф находится в кладке стены первого этажа мечети «Кякябала мишит»

Fig. 5. Relief (71×14.5 cm) from Kubachi with a late Kufic Arabic inscription (the shahada) and vegetal motifs. Mid-14th century. In situ on the first-floor wall of the *Kyakyabala Mishit* Mosque

0 10 cm

Рис. 6. Рельеф – деталь архитектурного декора (55×16 см) из с. Кубачи с позднекуфической арабской надписью (формула единобожия) и растительным орнаментом. Изготовлен позднее рельефа №5 и датируется концом XIV в. Рельеф находится в кладке стены первого этажа мечети «Кякябала мишит»

Fig. 6. Relief (55×16 cm) from Kubachi with a late Kufic Arabic inscription (the *shahada*) and vegetal motifs. Late 14th century. In situ on the first-floor wall of the *Kyakyabala Mishit* Mosque

0 10 cm

Рис. 7. Рельеф – деталь архитектурного декора (50×19 см) из с. Кубачи с двумя позднекуфическими арабскими надписями (втор. пол. XIV в.) и графической надписью, выполненной почерком *nash* в 1114 г. хиджры / 1702-03 г. Коранический текст

Fig. 7. Relief (50×19 cm) from Kubachi with two late Kufic Arabic inscriptions (second half of the 14th century) and a later inscription in Naskh script dated 1114 AH/1702–03 CE. Quranic text

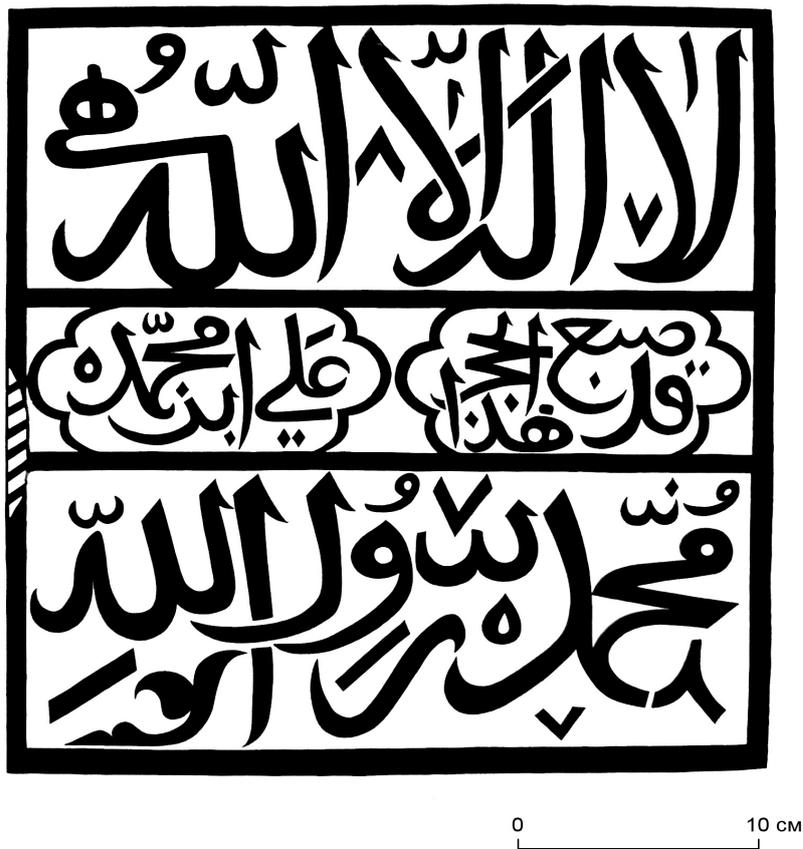

Рис. 8. Рельеф – деталь архитектурного декора (31,5×36 см) из с. Кубачи с позднекуфическими арабскими надписями – формулой единобожия и именем мастера-строителя Али сына Мухаммада. Конец XIV в.

Fig. 8. Relief (31.5×36 cm) from Kubachi with late Kufic Arabic inscriptions: the *shahada* and the name of the master builder 'Ali ibn Muhammad. Late 14th century

Рис. 9. Рельеф – деталь архитектурного декора (48×21 см) из с. Кубачи с арабскими надписями и растительным орнаментом. Надпись содержит дату строительства стены Джума-мечети в 1205 г. хиджры /1790-91 г. Музей «Кубачинская башня»

Fig. 9. Relief (48×21 cm) from Kubachi with Arabic inscriptions and vegetal motifs. The inscription records the construction date of the Juma Mosque wall: 1205 AH/1790–91 CE. Kubachi Tower Museum

Рис. 10. Рельеф – деталь архитектурного декора (35×25 см) из с. Кубачи с растительным орнаментом и арабскими надписями, конец XVIII – начало XIX в. Музей «Кубачинская башня»

Fig. 10. Relief (35×25 cm) from Kubachi with vegetal motifs and Arabic inscriptions. Late 18th–early 19th century. Kubachi Tower Museum

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Шихсаидов А.Р. Эпиграфические памятники Дагестана X–XVII вв. как исторический источник. М.: Наука, 1984. – 464 с.
2. Маммаев М.М. Искусство Зирихгерана-Кубачи XIII–XV вв. и его место в системе художественных культур Востока и Запада. Махачкала: Эпоха, 2014. – 592 с.
3. Кильчевская Э.В. От изобразительности к орнаменту. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1968. – 208 с.
4. Иванов А.А. Персидские надписи из Кубачи // *Rivista studia orientali*. Vol. LIX (59). Fasc. I–IV (1985). Roma, 1987 (статья на русс. яз.). С. 213–224. VIII табл. илл.
5. Закарияев З.Ш. Средневековая строительная эпиграфика селения Мишлеш // Дагестанский востоковедческий сборник. Вып. 2. Махачкала: Издание института ИАЭ ДНЦ РАН, 2011. С. 34–49.
6. Закарияев З.Ш. Арабоязычные надписи XVII–XVIII вв. из селения Хнов о строительстве минаретов и мечети // История, археология и этнография Кавказа. 2018. Т.14, №2. С. 72–82.
7. Шихсаидов А.Р. Арабские строительные надписи Дагестана XI–XVII вв. // Ученые записки Института ИЯЛ. Т. XIII. Серия историческая. Махачкала, 1964. С. 104–134.

Поступила в редакцию 29.08.2023 г.
 Принята в печать 03.06.2024 г.
 Опубликовано 15.12.2024 г.

REFERENCES

1. Shikhsaidov AR. *Epigraphic monuments of Dagestan of the 10th–17th centuries as a historical source*. Moscow: Nauka, 1984. (In Russ)
2. Mammaev MM. *Art of Zirikhgeran-Kubachi of the 13th–15th centuries and its role in the system of artistic cultures of the East and West*. Makhachkala: Epokha, 2014. (In Russ)
3. Kilchevskaya EV. *From symbolism to ornament*. Moscow: Nauka, Vostochnaya Literatura, 1968. (In Russ)
4. Ivanov AA. Persian inscriptions from Kubachi. In: *Rivista studia orientali*. Vol. LIX (59). Fasc. I–IV (1985). Roma, 1987 (article in Russian): 213–224. VIII table. ill. (In Russ)
5. Zakariaev ZSh. Medieval building epigraphy of the village of Mishlesh. *Dagestan oriental studies collection*. Issue 2. Makhachkala: IHAЕ DSC RAS, 2011: 34–49. (In Russ)
6. Zakariaev ZSh. Arabic-language inscriptions of the 17th–18th centuries from the village of Khnov about the construction of minarets and a mosque. *History, archeology and ethnography of the Caucasus*. 2018; 14(2): 72–82. (In Russ)
7. Shikhsaidov AR. Arabic building inscriptions of Dagestan of the 11th–17th centuries. *Scientific notes of the Institute of HLL. Vol. XIII. Historical series*. Makhachkala, 1964: 104–134. (In Russ)

Received 29.08.2023
 Accepted 03.06.2024
 Published 15.12.2024

ETHNOGRAPHY

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH204886-898>

Research paper

Lilit D. Simonyan,
Cand. Sci., Head of the Scientific Research Group for Regional Studies
Institute of Archaeology and Ethnography of NAS, Yerevan, Armenia;
Researcher, Institute for Humanitarian Studies of YSU, Yerevan, Armenia;
lilit.simonyan@ysu.am

Anushavan Zhamkochyan,
Bishop, Dr. Sci., Prof., Dean of Faculty of Theology YSU, Yerevan, Armenia;
Director of the YSU Institute for Humanitarian Studies, Yerevan, Armenia;
a.a.zhamkochyan@ysu.am

Karen H. Hovhannisyan,
Cand. Sci., Researcher
Institute of Archaeology and Ethnography of NAS, Yerevan, Armenia;
Researcher, Institute for Humanitarian Studies of YSU, Yerevan, Armenia;
karenhovhannisyan@ysu.am

THE MYTHS ON JARAH-HEKIM ST. TIRAMER MONASTERY

Abstract. This article aims to demonstrate how legends can influence the nature of religious practices and how understanding of a religious object can differ among people from various traditions. The Jarah-Hekim Monastery of the Holy Mother of God exemplifies a persistent yet evolving tradition influencing worship and folk beliefs, enduring even after the disappearance of the physical structure (the church) around which it originated. This research employs diachronic analysis of historical data, content analysis, and a hermeneutic approach to literary sources. The mythological framework of narratives concerning former pagan shrines and their Christianization follows a standard pattern: a brief description of pagan cults, the visit of a saint, the destruction of former sacred objects, and the founding of a Christian church. In the case of St. Tiramer of Timar not only names of pagan priests converted into Christianity are preserved but also the means practiced by St. Thaddeus to pertain the sacral place with its structure. For nearly two millennia, St. Tiramer has been both an object of veneration and a central figure in the mythology surrounding Shirak, Zirak, and Mirak, the legendary founders of cities, villages, prominent families, churches, and monasteries. The research allows to conclude that the monastery's church is a building of Early Christian times that was reconstructed in the 16th or 17th century. Despite being abandoned in the 19th century, the monastery remained a site of regular pilgrimage for Armenians from Vaspurakan, Iran, and Taron, attracting even those from more distant regions. A rich tapestry of beliefs and folklore is connected with the monastery, with origins shrouded in obscurity, yet reflecting actual historical events and figures. The memory of the monastery persisted even after its destruction, preserved in proverbs and a song that became a symbol of returning to Christian values.

Keywords: monastery; legend; pagan priests; pilgrimage; Miragians

For citation: Simonyan L.D., Zhamkochyan A., Hovhannisyan K.H. The myths on Jarah-Hekim st. Tiramer Monastery. History, Archeology and Ethnography of the Caucasus. 2024. Vol. 20. N. 4. P. 886-898. doi.org/10.32653/CH204886-898

ЭТНОГРАФИЯ

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH204886-898>

Исследовательская статья

Симонян Лилит Димитриевна
к.и.н., руководитель Научно-исследовательской группы региональных исследований
Институт археологии и этнографии НАН, Ереван, Армения;
научный сотрудник, Институт гуманитарных исследований ЕГУ, Ереван, Армения
lilit.simonyan@ysu.am

Жамкочян Анушаван
епископ, д.и.н., профессор, декан Теологического факультета ЕГУ, Ереван, Армения;
директор Института гуманитарных исследований ЕГУ, Ереван, Армения
a.a.zhamkochyan@ysu.am

Оганнисян Карен Оганесович
к.и.н., научный сотрудник
Институт Археологии и Этнографии НАН, Ереван, Армения
научный сотрудник, Институт гуманитарных исследований ЕГУ, Ереван, Армения
karenhovhannisyan@ysu.am

МИФЫ МОНАСТЫРЯ ДЖАРА-ХЕКИМ СВ. ТИРАМЕР

Аннотация. Цель статьи – показать, как легенды могут оказывать влияние на характер культа и насколько разным может быть восприятие религиозного объекта носителями разных религиозных традиций. Монастырь Джара-хежим Св. Богоматери служит примером продолжительной и менявшейся в историческом процессе традиции, повлиявшей на культ и народные представления и оставшейся живой даже после уничтожения материального объекта (церкви), вокруг которого возникла эта традиция. Исследование выполнено с использованием диахронического анализа исторических данных, контент-анализа и герменевтического подхода к письменным источникам. Мифологическая канва историй о прежних языческих святилищах и их христианизации сводится к стандартной форме: краткое описание языческого культа, визит святого, разрушение старого священного объекта и основание христианской церкви. В случае со Св. Богоматерью (Тирамер) Тимара сохранены не только имена языческих служителей, обращенных в христианство, но и методы, с помощью которых св. Фаддей сохранил святое место вместе со строением. Почти 2000 лет монастырь Св. Тирамер оставался объектом культа и предметом мифов о Шираке, Зираке и Мирাকে – основателях городов, сел, известных родов, церквей и монастырей. Исследование позволяет заключить, что церковь монастыря является строением периода раннего христианства, которое было реконструировано в XVI или XVII в. Будучи заброшенным в XIX в., монастырь остался местом регулярного паломничества армян, населяющих Васпуракан, Иран и Тарон, и привлекающим армян из более далеких регионов. С монастырем связаны поверья и словесность неопределенного времени возникновения, но отражающие реальные исторические события и персоналии. Память о монастыре сохранилась после его уничтожения в форме поговорок и песни, ставшей символом возвращения к христианским ценностям.

Ключевые слова: монастырь; легенда; языческие служители; паломничество; Мирагяны

Для цитирования: Симонян Л.Д., Жамкочян А., Оганнисян К.О. Мифы монастыря Джара-Хежим св. Тирамер // История, археология и этнография Кавказа. 2024. Т. 20. No 4. С. 886-898. doi.org/10.32653/CH204886-898

Introduction

Located on the eastern shore of Lake Van, the monastery, dedicated to Holy Mother of God [1, 352]¹ but known by various folk names, was renowned among Armenians for the unique cultural milieu that flourished around it from the first half of the 19th century until the Great Genocide and expatriation of Armenians [2, p. 265–266; 3, p. 119–123; 4, p. 62–63; 5, p. 25–26; 6, p. 272–275; 7, p. 79; 8, p. 210]. The monastery drew attention due to the presence of lepers and cripples who resided around it for many years. This led to the development of a nearby village, named *Tiramayr* or *Astvatsatsin* (Mother of Lord, Mother of God), whose inhabitants subsisted on offerings and gifts from pilgrims. The monastery's reputation as a site of miraculous healing was the primary draw for both pilgrims and those seeking cures.

It is especially intriguing that, despite the limited historical records concerning the monastery, numerous accounts mention the absence of officiating priests, and ordinary people from the local community independently managed their religious practices. Nevertheless, they considered themselves heirs of the convent (or once cloister) and often made long journeys to gather offerings for the sacral place from people living abroad.

In older sources the monastery was called *Əntsayeats* St. Mother of God, and Eremia K'ēōm-iwrčean (17th century) mentions it as *Həndzanents* Holy Mother of God in his map of sanctuaries (9, Tavola 14, № 447). According to surviving colophons in medieval Armenian manuscripts, the monastery is referenced as early as the 13th century. However, there remains some confusion with another nearby monastery – *Krənkavank* (The Crane Monastery).

The most sacral object stored in the monastery was the kerchief of the Mother of God brought there by the apostle Thaddeus, according to the legend.

Today, the monastery is gone, with no physical trace remaining. We haven't found a single photograph or image of it. However, fragments of memory concerning the convent and its traditions have been preserved in local folklore. None of the storytellers mention any epigraphic inscriptions on the monastery walls. Furthermore, neither European travellers of the 17th-18th centuries nor modern-day tourists make any reference to the monastery itself. It's as if the monastery abruptly appears in the historical record and then vanishes just as suddenly at the beginning of the 20th century.

The Monastery of the Mother of God and Raffi's account of the pilgrimage

The monastery *Surb Tiramayr* was located on a hill not far from the lake Van in the region (*nahiye*) of Timar of the Ottoman empire (now in Gevash province, Turkey). Its popular names were *Asparatsin* [5, p. 25], *Khatun Tiramayr*, or *Khatun Yeghnik* (“Lady Deer”) *Tiramer*, *Balak gyumbet* (“Spotty dome”) [10, p. 19], *Kanach chumbar* (“Green kerchief”, referencing the relic stored in the monastery) [11, p. 98]. Till the end of 19th century only two priests served at the monastery², and people still remembered the vicar named Aharon who served during peaceful times [6, p. 272, 274]. Yet, the most common name was *Jarah-hekim* (“The Healer of Wounds”) *Surb Tiramayr*, or *Tiramer*. According to one version, even the toponym Timar is a shortened form of the name of the convent – *Tiramayr*>Timar.³

1. Some popular names are: *Khatoon Tiramer* (Lady Mother of Lord), *Jarah-hekim* (The Healer of Ulcer), *Asparatsin*, or *Aspatsatsin* (dialect forms meaning “God-born”), *Həndzanants*, or *Əntsayeats* (“of offerings”) Holy Mother of God.

2. A. Tokhmakhean notes that locals exiled the priests and governed the monastery on their own [5, p. 26].

3. Beglaryan Grigor *Van-Tosp – The Foundation of Armenia – The Heart of Our Country* [Internet]. – Art-A-Tsolum – 2023. [updates 2023 Sep. 18]. Available from: <https://allinnet.info/history/van-tosp-the-foundation-of-armenia-the-heart-of-our-country/>

In this recent text we can see a version of the legend slightly different from what is familiar from other sources: “The province got its name from the Yncaits *Surb Astvatsatsin* monastery (Holy Mother of God's Treasury) or *Hatun Tiramayr*, located near the village of Norshen on the northeastern shore of Van, directly opposite the island of Lim. This monastery is more known as *Spitak Vank* (White) or *Asparacin* (Shield-bearing). This monastery had only one church with a dome made of white stone.

According to legend, on the site of the *Asparacin* monastery was one of the oldest temples or shrines of Armenia, destroyed in the 4th century (sic!) by the apostle Thaddeus. In the church laid on the site of the ancient sanctuary, the apostle walled up the Mother of God's head

A tradition existed of wandering legates, or collectors of offerings, who travelled to various Armenian-populated areas. These individuals were typically villagers or ailing pilgrims who had found refuge at the sanctuary. They carried relics from the monastery and other sacred objects, using them to bless people or simply soliciting alms on behalf of the monastery. This practice was considered essential for those afflicted with the “seal of St. Tiramayr” (i.e., ulcers and other ailments) to find a cure. The legates received numerous contributions and gifts for the monastery, and sometimes even expropriated spotted animals (called *balak* in Turkish) – such as horses and cows – which were believed to be consecrated to St. Balak Tiramayr [2, p. 266; 6, p. 275; 10, p. 19].

Some sources mention crowded pilgrimages to the convent and their term – The Feast of the Transformation (Dormation) of the Holy Mother of God in August [12, p. 151; 11, p. 37–38] but provide less detail about the rituals performed there.

The most detailed illustration of the ritual forms is given by Raffi in his novel “Sparks” [13, p. 432–441, 453–454, 457–458]. Besides the main church, there are several additional sacral buildings and objects of worship such as *Vichaki* rock (“Boulder of Fate”), *Katnaghbyur* (“milky spring”) basin. In a fiction-like but thorough account Raffi reports on the unusual lifestyle of inhabitants of the village Tiramayr (whom he calls “lazy and stupid” since they never engaged in farming or cattle-breeding but lived at the expense of donations given for the convent) and the legates (called *məghdəsi* – pilgrims) of the monastery who confiscated oxen, cows, buffalos, and horses “for the sake” of the monastery, took cripple, disabled children and relics in the journey from village to village with the aim to gather money and gifts. Raffi gives a description of the game of chance (see below), the festive market, the ceremonial passage of pilgrims between the two rows of sitting “The Holy Mother’s Pitiful Ones” (i. e. the “victims” of the saint) to the parvis connected with the main church with a small door that was paradoxically called “gate” (*darpas*).

Telling about the pilgrimage, Raffi mentions the display of sacred objects within the cathedral, fortune-tellers in trance, the ritual of forging sibling bonds, and young rope-walkers performing outside the monastery walls. His depiction of pilgrims arriving from various regions of historical Armenia and setting up their tents around the monastery is particularly significant for understanding the extent of the convent’s influence and its geographical reach. Raffi highlights certain rites that appear reminiscent of pre-Christian ceremonies and customs. One such rite, performed by the legates, involved placing a relic or a cross from the monastery into a sieve and allowing children seated beneath it to receive the holy power believed to flow through the holes [13, p. 433]. The author describes another rite, comparing it to the oracle at Delphi. This involves the prophesying of a young woman in a trance state (referred to as *ənkavor* or “falling one,” possibly epileptic). The woman lies on the ground, shivering and uttering seemingly meaningless phrases or rhymed verses. She sometimes calls out the names of those present and speaks in sentences largely incomprehensible to the audience. An acolyte stands nearby, murmuring prayers and periodically placing a cross into the woman’s mouth. This acolyte then interprets her utterances, typically prescribing offerings to be brought to the monastery. [13, p. 437–439]. Raffi notes a little girl sitting on a rock and foretelling the future for children. Even traditional dramatic contests of improvising musicians in the context of the pilgrimage rites are reminiscent from pagan times to the author [13, p. 436–437].

Meanwhile, Raffi views the monastery and its surroundings as a manifestation of St. Nerses’ (4th-century patriarch) reforms. He sees it as a refuge for individuals and families suffering from various illnesses, embodying the concept of a hospital-sanctuary for the sick. Raffi believes hospitals originated in monasteries, citing the old convent of St. *Tiramayr* as an example [13, p. 435]⁴.

Although the novel was published in the 1880s, the writer presents an earlier period in the sanc-

veil – lachak, brought by him to Armenia, due to which the monastery began to be called Yncaits Surb Astvatsatsin. ...Over time, the village began to be called Verin Timar after its church, now the Kurds call it Pir-Karib...”. One curious expression of this fragment is indication of the popular name “*Spitak Vank*” (White Monastery) unknown to us from other sources. Usually, Armenians call that way churches constructed of white stone, and there is no other mentioning of that color of material in other sources. Instead, other authors report on black and white walls of the church. Equally undocumented is the Kurdish name of the convent – “Pir-Karib”.

4. It’s more likely that, at some unknown point in history, the monastery – once renowned for its power, healing abilities, and monastic feasts with night vigils – gradually transitioned into a popular destination for those seeking remedies and blessings from the Holy Mother of God.

tuary's history, a time he perceives as better, when church servants still performed regular divine services and liturgy, blessed salt for sacrifices, read personal prayers for believers, etc. Other sources offer little information on the architectural structures, or simply mention that the church was constructed with contrasting white and black stones, hence the name *balak gyumbet* ("spotted, multi-coloured dome") [6, p. 272, 274]. Raffi describes the interior of the church as follows:

"The interior construction of the Holy Mother of Lord monastery has the same form that one can see in other churches of this region whose age reaches the fifth century, that is, the cathedral is separated from the vestibule called "gate". People stay in the gate, and the divine service proceeds in the church so that spectators do not see the clergymen. Only one door leads from the cathedral to the gate, where the celebrant of the Liturgy arrives from time to time to perform a proper ceremony" [13, p. 454–455].

Raffi's description evokes the structure of an old church, such as Hovhannavank, lending credence to the idea that *Surb Tiramayr* might date back to the early Christian period. This suggests that the folk belief attributing the church's construction to an apostle (discussed below) may not be entirely unfounded.

Raffi describes a ritual where pilgrims approach the Boulder of Fate and attempt to attach small stones to it. The belief is that if the stones adhere, the pilgrim's wish will be granted.⁵ He goes on to describe the Milky spring located in a nearby gorge, situated beneath a large rock where the water has formed a basin. Pilgrims would bathe in this basin, believing it would cure them from various ailments [13, p. 441, 457].

In contrast, Mirakhorean makes no mention of the Boulder of Fate or the Milky spring. Instead, he highlights different sacred sites within the village of Tiramayr, such as the ruined chapels of St. Hovhannes and St. Simon. He also identifies three other significant locations near the monastery: *Karmir khach* ("Red Cross") and *Kapuyt khach* ("Blue Cross") chapels, and the Tomb of the Deceased, a place sought by those seeking solace in their despair [6, p. 275–276]. This apparent discrepancy might be explained by the fact that pilgrims originating from different regions likely focused their veneration on different sacred objects. In Raffi's account, the pilgrims hailed from Aghbak and Salmast, while in Mirakhorean's narrative, they came from Van.

Despite Raffi's detailed portrayal, he notably omits the legend associated with the renowned sanctuary. Fortunately, this legend has been preserved through other sources.

The Myth according to Mirakhorean, Sherents and Haykuni

The stories surrounding the foundation of St. Tiramayr Monastery are imbued with legendary, even mythical, qualities. One version links the monastery's origins to the apostolic era:

"...before Christ this site was a heathen shrine, served by a dedicated priesthood. Three names of the head priests still sound without distortion, that of Shirak, Zirak and Mirak – three brothers, lords and dukes of our land. Later, at the dawn of Christianity, when the saint apostle Thaddeus arrived and preached of Christ, he converted many. These converts planned to destroy the idols and their sanctuary and build in its place a monastery dedicated to St. Mary. Initially, the three priest-lords plotted to kill Thaddeus. However, the apostle, aware of their substantial following and influence, chose to negotiate with them. As a result, the brothers assisted in dismantling the pagan shrines and constructing a monastery on the same site. Thaddeus himself consecrated the right cornerstone, thus establishing the cloister. He then entrusted the monastery to the brothers for their livelihood." [6, p. 273–274].

M. Mirakhorean describes the key pilgrimage sites, including a natural basin believed to possess healing properties. He also notes that a local clan, calling themselves Miragians after one of the former head priests, resides in the village and claims to be the monastery's custodians. Representatives of other ethnic groups, visiting the monastery, and nearby residents simply refer to the village as Mirak [6, p. 274].

The same story is narrated by Gh. Pirghalemean [16, p. 21–23]. In his version, after baptizing King

5. Such rituals are typical for many sanctuaries in Armenia even in present days.

Abgar, St. Thaddeus travelled to lands held by the Gnuni dukes and began preaching. He converted numerous people and then commenced construction of a cathedral, consecrating the foundation stone and naming the church St. Mother of God. But prior to the cathedral's construction, a pagan pilgrimage site existed on the same location. Idolatry and Zoroastrianism thrived there, and sacred fire-altars (*atrushan*) were of great honour. Three brothers—Shirak, Zirak, and Mirak—descended from the noble Gnuni family, owned the temple and lived lavishly off the sacrifices offered by pilgrims. Following their conversion, the brothers lost their source of income. Shirak, embittered by this loss, cursed the newly constructed cathedral. The three brothers then demanded ownership of the cathedral, claiming the same rights they had held over the former pagan temple. St. Thaddeus, though grieved, agreed to relinquish the church to them.

For centuries, the local population benefited from the sanctuary and the pilgrims who visited it. By the 19th century, the inhabitants of the village of Tiramer-Mirak were known as skilled beggars, disdaining farming and cultivating the land. They believed themselves to be descendants of the ancient pagan priests who had served as hosts of the sanctuary.

A shorter version of the story links the location to St. Nerses the Great (5th-century patriarch). This version claims the church's site was originally a pagan shrine dedicated to deities named Shirak, Zirak, and Mirak. St. Nerses is said to have destroyed these idols and built a hospital (leprosarium) in their place for the inhabitants of Van province [7, p. 79].

This final version connects to a recognizable historical context. Collected by S. Haykuni in the Alashkert region of Western Armenia, it has remained unpublished until now, and is presented here for the first time:

“Mirak, Zirak, and Shirak were three brothers who stole cattle from Georgia and brought them to the Monastery of the Holy Mother of God. They let the animals graze there. When the cattle approached the monastery's spring to drink, they became spotted (*balak*). The monastery was in ruins at the time, but the three brothers, witnessing this miracle, promptly sold the animals and used the proceeds to restore the monastery. Then they built three villages nearby and gave them their own names: the first was named Mirakli in honour of the eldest brother, the second – Shirakli, and the third – Zirakli. These geographical names survived along with the historical memory and generations until our times. Only an offshoot from Mirak's family named Ghazar moved to Alashkert, to Gharakilisa village and founded a new village, now mentioned as Ghazar village. With newcomers, the population primarily consisting of Ghazar's children and grandchildren, became a large village...”⁶

Therefore, Haykuni's version doesn't describe the founding of a church on the site of a pagan sanctuary, but rather the restoration of a ruined monastery. In this account, the brothers are simply cattle thieves, not important figures like nobles, clergy, or ordained priests.

While the protagonist names and location remain consistent, Haykuni's version paints a drastically different cultural backdrop. This version resonates more with the lived experience of Western Armenians under Ottoman rule, who were familiar with cattle rustling, ruined sanctuaries, and pilgrimage. By the end of the 19th century, the context had shifted. Laypeople, not clergy, owned and profited from sacred sites, and pilgrimages often served financial rather than purely spiritual aims. A common thread across all four versions of the story is the special right granted to the three brothers and their descendants to manage the monastery's property. This suggests an underlying reality – the brothers' control – which the different versions of the myth attempted to legitimize.

Stories about the Christianization of former pagan sites often follow a standard narrative structure: They typically mention a pre-existing sanctuary dedicated to a deity, sometimes including a brief description of pagan rituals practiced there. Then, a saint (an apostle, martyr, patriarch, etc.) arrives, destroys the old sacred objects, and establishes a Christian church in their place. The story of St. Tiramer of Timar offers a less dramatic depiction of conversion than the typical narrative of destruction and replacement. It preserves not only the names of pagan priests who converted to Christianity, but also the sacred site itself, including its structure and meaning.

6. *The Miragian Family*: Museum of Literature and Arts, Yerevan. Sargis Haykuni fond (In Arm).

Mirak, Shirak and Zirak as historical figures

Beyond the myths, evidence suggests that a historical figure named Mirak, and possibly even three brothers (the eldest of whom was Mirak), actually existed. At least two of them—Mirak and Shirak—are mentioned in the *Chronicle* of the 17th-century historian Arakel of Davrizh. They are identified as wealthy individuals (*khoja*) of Van city [17, p. 191]. The same people might have been mentioned in the decree from the *Krənkavank*, or *Tsovahayeats* (Looking on Sea) monastery of the Holy Mother of God, or colloquially as *Əndsayeats*, located near Van city. In this decree, Prior Martiros appoints Shirak, Mirak, and Zirak to administer the monastery and encourages generous donations to support the care of one hundred indigent people living there [18, p. 17]. The same names are mentioned in an epigraphic text from another Monastery of the Holy Mother of God in the same region, namely, *Karmravor* Holy Mother of God, situated on the slope of Varag mountain. On the stone over the western entrance Ye. Lalayan has read the following: “This is an inscription of Holy Mother of God, while Jesus Christ perished to save the humanity and ministered the ritual (of holy liturgy), that is renovated by the God-loving *khoja* Zirak. Remember Mirak and his soul and his parents *melik* (duke) Sargis, mother Janagh and brothers Grigor, Melikzat and *khoja* Zirak’s spouse Solti, son Al[as], Mirza, and uncle *khoja* Shirak on Armenian time-reckoning of RKZ (=1617).” [19, p. 77–78]. Brothers Zirak, Shirak and Mirak as *khoja* Atom’s sons are mentioned in a colophon attached to the sacral *Zəmrut* gospel to that time (19th century) stored in *Karmrak* monastery in Bitlis [20, p. 267].

The name Zirak appears multiple times in historical records. An inscription on the western interior wall of the church of Atheni (Georgia), deciphered by D. Bakradze and later I.K. Javakhishvili, mentions an Arab military commander named Zirak in 853 AD. Javakhishvili believed this Zirak to be the same individual referred to as Zhirak in the Armenian chronicle of Tovma Artsruni and Zirak in at-Tabari’s History [21, p. 282–283]. Zirak’s name is connected with the province of Bula-nukh, too. Bense mentions a rivulet called *Tərbe-Ziro* (Ziro’s tomb) not far from Aznavur’s fortress of Manazkert city [22, p. 33].

All these obviously are different people judging from their patronymics, and at the same time all of them were engaged in acts of philanthropy: restoring monasteries, commissioning manuscripts, and making donations to the church. It’s likely that the patrons of *Krənkavank* were historical figures who served as the basis for the mythical founders of Tiramayr monastery. The shared name *Əntsayeats* connects both monasteries, lending legitimacy to Mirak, Zirak, and Shirak’s patronage of *Krənkavank*.

As previously mentioned, S. Haykuni’s legend mentions the villages of Mirakli, Shirakli, and Zirakli, named after three brothers. This motif echoes the 7th-century chronicle’s account of three brothers – Kuars, Meghti, and Khorean – who founded the corresponding cities of Taron [23, p. 47]. However, there are not enough reasons to suggest that the myths of Van and Alashkert underwent influence of the early medieval story of Taron. These narratives could have emerged independently, reflecting archetypal themes common to many cultures.

Here it is important to mention another Miragian clan, this time – in Dersim region (now Tunjeli in Turkey). The family was so big that they even had their own sub-dialect and the representatives of it could identify themselves equally as Armenians or as Zaza (Alevi). Andranik [24, p. 68, 152] describes the clan as very powerful, originating from the common ancestor Ter-Ohan Miragian who lived in Havlori village (now destroyed) and owned the monastery of the village – St. Karapet, just like Miragians of Timar earlier owned St. Tiramayr. There are no data suggesting any connection (or blood relationship, hereditary liaisons) between Miragians of Vaspurakan and Miragians of Dersim, but stories about both being former pagans were common [25, p. 252-254]. It is reasonable to assume that they are once separated branches of the same big family that have later forgotten their common origin.

The Tiramayr monastery’s reputation for healing reached Javakhk (present-day Georgia), but the narrative surrounding it transformed into a distinctly mythical form. V. Bdoyan’s published account

[26, p. 269] begins with a common Armenian folktale motif: a priest's wife offering bread, water, and a kiss to a passerby in God's name. Then, like in other similar stories, the priest returns home to witness his wife kissing the stranger. He then commands her, in God's name, to jump into the *tonir* (oven). She obeys, but miraculously, the *tonir* fills with water. God then transforms the oven into a lake and the priest's wife into a fish. But in this narrative *Tonir* later becomes a pilgrimage site of *Tiramayr* situated either in Moghni (in Armenia) or in Habash (Ethiopia) "as if *Tiramayr*" (a form of addressing to a priest's wife) "became a saintess". According to the narrative, people suffering from wounds (ulcers) visit the lake and, in the name of God, ask the priest's wife (now a fish) to reveal herself. The fish obliges, turning over to expose its belly. Upon witnessing this, the pilgrims' wounds miraculously heal. The only connecting thread between this story and the renowned monastery of *Tiramayr* (*Timar*) is the motif of miraculous healing by the Mother of God.

Folk prayers and songs

As *Əndzanats Asvaratsin* (Azatek village in Vayots Dzor), *Əntsayin* (Vagharshapat), *Həndzana surb Astvaratsin*, *Səb Khatoon Tiramayr* (Van) the monastery, as a personified sacred entity, is invoked in folk prayers. This is especially true in prayers recited for frightened children and women experiencing difficult childbirth [27, p. 113, 120, 123, 128]. These prayers largely consist of ritualistic formulas such as "One Jesus, one Christ // One *Əndzanots Asvaratsin*", except for the prayer cited for protection of mothers during childbirth, where *Khatoon Tiramayr* is mentioned along with several other sanctuaries of Vaspurakan and Taron.

In a protection prayer for a newborn child:

"Aman, my *Khatoon Tiramayr*, I am the sacrifice for your baby,
Intercede before God,
For the sake of your Only One,
Keep my baby by me as my single consolation" [26, p. 301].

This prayer substantiates once more that *Khatoon Tiramayr* is not only the healer of ulcers but also the patroness of children and motherhood.

The following text might be another prayer to the same saint recited during pilgrimages:

Մարիամ սուրբ կուս	Mariam saint virgin
Ասպածածին,	Mother of God,
Ուխտաւոր են	There are thousands
Հազար ու մին,	Of pilgrims to You.
Քրիստոս է Զու սուրբ որդին,	Christ is Your saint son,
Օգնական, պահապան	Helper, protector
Ձեր շէն օջախին,	For your steady house,
Ձեր տուն ու տեղին,	For your home and hearth,
Մալ ու դովլաթին,	For cattle and fortune,
Ձեր հավ ու ձվին,	For hens and eggs,
Մեծ ու պզտկին,	For the senior and the junior,
Բարեխոս եղավ	Intercessor of us
Սուրբ Ասպածածին ⁷ :	Is the Saint Mother of God.

Several pilgrimage songs of different origin have been preserved relating to the monastery of *Tiramayr*. In many cases they simply describe the diseases sent by the saint such as *Tiramor balak*, a skin disease characterized by rash and ulcers and believed to be the consequence of the saint

7. G. Tarverdyan (ashough Verdi). Folkloric materials: State Archive of Armenia. Fond 1336; Inv. 7; File 1043: 001336. (In Arm).

Virgin's "hit", and thus should be healed by *Tiramayr* [28, p. 72]. G. Sherents also indicates steady folk representations concerning people infected by *Tiramor balak*, that is *Tiramor kheghj* (the poor of *Tiramayr*). That expression has been used until recent times in figurative sense, denoting extremely lazy people, living at someone else's expense. The curses and swears expressing wishes to somebody to get that disease, are mentioned in literary sources, as well.

However, there are texts panegyricizing the monastery and its personified holiness. Most of them are folk songs [29, p. 18-19]. A particularly popular example is "*Jarah-hekim Surb Tiramer*" (Holy Tiramer, the Healer) by Khoyli Vardan. This older song experienced a resurgence in the 1990s after being set to music by the young female composer Astghik Stamboltsean. It subsequently became a symbol of Armenia's return to Christian values. Despite the fact that most Armenians in the late 20th century didn't grasp the symbolism and connections to the legend of the monastery—destroyed some 70 years before the song's resurgence—or even realize its association with an ancient convent in Western Armenia, Khoyli Vardan's song remains one of Armenia's most beloved spiritual compositions today.

Analysis

Several issues concerning the monastery *Jarah-hekim Surb Tiramer* demand explanation. The first of all – the real age of the construction. Although the monastery has probably been functioning for many centuries as an official church and a convent belonging to the Armenian Apostolic Church and/or as a sacred place for folk Christianity, only in the late 19th century was its legendary story documented in a literary form. Do legendary narratives contain any historical facts or they simply reflect the mood of the so-called "pagan revival" of that time? This question, more or less relating to all folkloric materials with mentioning of national deities or containing descriptions of pagan cults, is a stumbling block of any investigation trying to make clear how folk Christianity of the New Age absorbed the ideas reigning in the intellectual society and how deep the roots of local traditions are embedded in the pre-Christian representations. The only verifiable fact is that the legends mentioning the names of the priests pertain specifically to that particular monastery, with no documented connections to pagan eras in literary and epigraphic sources. However, Raffi's depiction of the church, showing distinct features of early Christian architecture, supports the notion that the original church may have been constructed on the site of a former pagan shrine, as in the case observed in numerous early churches such as the St. Cross of Aparan or St. Symbol of Varag (*Verin Varag* near Van). The main building of the monastery most likely was a basilica of the *arakelashen* type ("built by an apostle"), with a corner stone possibly dating back to pre-Christian era. The monastery may have operated during the Early Middle Ages only to be abandoned later due to war or as a consequence of mass migration. Potentially, during the 16th to 17th centuries when the Armenian Apostolic Church experienced a revival and numerous churches and monasteries were reconstructed, the *Āntsayeats* or *Hndzanants* Holy Mother of God may have been restored by generous individuals, potentially including figures like Mirak, Zirak, and Shirak mentioned in epigraphic records. It could have functioned once more for a period until subsequent tragic events led to its decline.

The connection between the Christian convent and pagan practices are seen through several aspects:

Ritual of incubation, which involved hundreds of people moving to the convent, staying there with families for one or two nights, building homes, and forming a village around the sanctuary as a place of their permanent residence;

Similar to well-known ancient temples, the convent exhibited a "specialization" in treating ailments, including specific ulcers and the sick known as "the poor of Tiramayr";

Confiscation of animals from ordinary people as something belonging to the monastery;

Mantic rites of telling fortune and demanding special sacrifices, certain actions.

At the same time, nearly all accounts concerning these forms of cults emphasize their commercial nature. In other words, both the official clerics and the civilian villagers sought personal profit from visitors. The legend, therefore, served to justify, explain, and legitimize the existing customs, thereby

influencing history. It prescribed that contributions be made to the hosts as payment for treatment or patronage, favoring the Holy Virgin. Additionally, the peculiar rituals were attributed to traditions initially introduced by pagan priests.

Early Christian influences were also characteristic of the Jarah-hekim Monastery. The village of the “poors of Tiramer” represents a variation of the refuge-hospital, a form of care developed by early Christian fathers. Although there are no historical records of medical care at the monastery, this does not preclude the possibility that such treatment was practiced. If a monastic hospital did exist – whether established by St. Nerses as legend suggests or otherwise – it is plausible that buildings were constructed for the poor and the sick. Additionally, structures for pilgrims may have been erected during restorations, which later became residences for the village’s inhabitants. Historical events could cause the degradation of Christian forms of beneficence into mere subsistence involving beggary and parasitism. This particular example serves as an extreme case illustrating how religious sentiments can be manipulated to become a general way of life. Still, there is the possibility that St. Tiramayr began as a convent and later became a residence for the sick during a period of decline, when it remained in ruins for several centuries.

Another example of folk customs mimicking the activities of the official Church is the presence of traveling legates. The Mother See of Etchmiadzin, for instance, employed legates to inspect local monasteries and churches and to draw pilgrims to the central sanctuary of all Armenians – the Cathoghike Church. In contrast, the itinerant “representatives” of the Jarah-Hekim Monastery did not represent the Church in any official capacity and lacked any formal status. They were often beggars and sometimes self-seeking adventurers. However, for “the poor of Tiramayr,” begging in the name of Jarah-Hekim Holy Mother of God was a necessity to seek treatment. Many sick people would genuinely gather contributions for the monastery and then return home, reportedly miraculously healed. Some even turned this practice into a professional activity. Nonetheless, this degraded legacy is rooted in folk Christian traditions rather than pagan forms of worship.

All sources point to the mass pilgrimage and the nearly constant presence of the sick around the monastery, highlighting its significance in various ways through local traditions. For the Armenians living in Vaspurakan and Iran, the Jarah-hekim St. Tiramer Monastery was a traditional pilgrimage site during the feast of the Dormition of St. Mary. During these pilgrimages, they engaged in customary practices and observed the normative behaviors typical of such religious journeys, without performing any unusual rituals. They used the familiar natural healing basin, worshipped the relics (first of all – the St. Virgin’s green kerchief) but did not stay in the neighbouring village for long. People inhabiting the neighbouring province Mush-Hark called the monastery *Khatun Yeghnik* (“Lady Deer”), and this may indicate a different forgotten tradition with the female deer time to time visiting the monastery as in some legends on other Armenian sanctuaries. For all of them as it can be presumed from the folk prayers, the monastery was a sacral place helping childless people to have progeny and protecting women at birth.

People from more distant locations, such as Eastern Armenia or the North Caucasus, visited the monastery when necessary, not just on the day of the feast, for specific purposes like healing from diseases or seeking divination. This suggests that the legend and fame of the “half-pagan” healing sanctuary were initially intended for Armenians from far-off places and people of other nationalities. In contrast, those who regularly visited *Asparatsin* or *Kahtun Yeghnik Surb Tiramer* regarded it as a routine sacred place that provided them with a sense of unity and safety.

The challenge of determining the date of the legends is intertwined with the question of authorship. These legends may have originated later and could have been crafted by members of the congregation living in the convent, a form of “monastic folklore,” as well as by those from the village. This creation could have served as a form of advertisement, aiming to attract potential benefactors to the monastery. The mention of Mirak, Shirak, and Zirak in these texts may be explained by the authors using the names of well-known benefactors, likely sponsors of the monastery’s restoration, to legitimize the narrative. However, it’s also possible that these legends were inherited from earlier times and repurposed as public relations material in the 19th century.

Data on St. Tiramayr Monastery highlight how the understanding of a single historical-cultural site can vary among people from different geographical regions, even when they share the same

ethnic identity. Historical events have the power to shape and transform the forms of religious cults. It wasn't until the 1990s that a unified perception of the ruined monastery as a symbol of national religion emerged among all Armenians, assisted by a new song created using the old poetry by Khoyli Vardan.

Conclusion

Based on the investigation of the sources, we can conclude that the monastery was originally a building of Early Christian times that was reconstructed during the 16th or 17th century and abandoned by the end of 19th century.

When exactly the monastery *Jarah-hekim (Khatun)* Holy Mother of God became a popular site of pilgrimage, still remains unknown. Existing data prompt that St. *Tiramayr* was an ancient church, presumably, a basilica of Early-Christian period of the *arakelashen* (built by an apostle) type that had been abandoned and forgotten for many centuries, and later, possibly in 16-17th centuries it had been restored by some benevolent figures (possibly, by Mirak, Zirak and Shirak). In the Early Middle Ages and continuing through the 16th to 19th centuries, the site likely functioned as a convent. By the end of the 19th century, following its restoration, it transitioned into a folk sanctuary. During this period, clerics would visit the monastery only on pilgrimage days to celebrate the Liturgy and perform other ceremonies.

In the 19th century, the monastery gained immense popularity as a pilgrimage site for Armenians from Vaspurakan, Iran, and Taron, as well as from more distant regions. Pilgrims from the three provinces regarded the sanctuary differently, primarily viewing St. Tiramer as a child-giver and patron of mothers and children.

The monastery gained renown for its healing properties, possibly attributed to a healing basin, relics, or other sacred objects. It became known as a place for curing ulcers and wounds, granting children, and providing refuge for the sick. Furthermore, there existed the tradition of wandering legates who took relics or crosses from the monastery and begged in the name of St. *Tiramer*, performing folk rituals aimed at healing skin diseases believed to be inflicted by the saint's "hit." Many rituals resemble that of pagan times.

A complex body of beliefs and folklore surrounds the monastery. Only myths, descriptions published in the 19th century, and the expression "a poor of Tiramayr" are preserved today. It is unclear when folk stories concerning the monastery's foundation or restoration arose. However, they suggest an origin in the Early Middle Ages, which corresponds with the church's architectural style. The myth attributes the names of prominent figures who reconstructed the church in the 16th-17th centuries to converted pagan priests.

The stories about the monastery mention an eminent family known as the Miragians, believed to be descendants of the pagan owner or sponsor, Mirak, who supported the reconstruction of the ancient building. Another notable clan of Miragians resided in the Dersim region, speaking their unique sub-dialect. Historical sources do not establish any connection between these two groups of Miragians, suggesting a potential separation in earlier times that was subsequently forgotten.

The *Balak Khatoon* Holy Mother of God has been remembered by Western Armenians for many years, despite its ruin, thanks to the folklore that has been created around it, primarily due to the popular song of Vardan of Khoy (Khoyli). Even today, a significant amount of folklore, including legends, songs, prayers, proverbs, and swear formulas, persists around the mysterious monastery. The enigmatic forms of cult and its obscured history contribute to the St. Tiramer Monastery being regarded as one of the most captivating historical shrines in Western Armenia.

The case of St. Tiramayr exemplifies a sanctuary with a long history that has been viewed in various ways by members of the same ethnic group over centuries. Despite its specific national character, exploring the monastery's accounts and the stories woven around it in the context of historical changes can offer valuable insights into how social and informational shifts influence religious practices, the development of myths and beliefs, and the construction of folk memories. The history of the monastery also represents a distinctive chapter in the annals of Eastern Christianity.

Acknowledgements. The research was supported by the Higher Education and Science Committee of RA (Research project № 24SSAH-6A005).

Финансирование. Исследование поддержано Комитетом по высшему образованию и науке Республики А (исследовательский проект № 24SSAH-6A005).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ոսկեան Հ. Վասպուրական-Վանի վանքերը. Մասն առաջին. Վիեննա: Մխիթարեան տպ., 1940. – 380 էջ.
2. Սարգիսեան Ն. Տեղագրութիւն ի Փոքր և ի Մեծ Հայս. Վենետիկ: Ս. Ղազար, 1864. – 289 էջ.
3. Սրուանձտեանց Գարեգին եպս. Մանանայ. Կ. Պոլիս: Ե. Ս. Տնտեսեան տպ., 1876. – 458 էջ.
4. Անանեան Մ. Վանայ շրջակայքերը // Փորձ. – 1879. – № IV. – էջ 58-76.
5. Թոխմախեան Ա. Մասիս լեռների հարավային ստորոտներ. – Մաս Ա. – Թիֆլիս: տպ. Մովսէս Վարդանեանի, 1882. – 58 էջ.
6. Միրախորեան Մ. Նկարագրական ուղեւորութիւն ի հայաբնակ գաւառս Արեւելեան Տանկաստանի. – Մասն Բ. – Կ. Պոլիս: Տպ. Ս. Կ. Սարբեան, 1885. – 285 էջ.
7. Շերենց Գ. Սրբավայրեր. – Թիֆլիս: «Վերիչև և Կամենմախեր», 1902. – 161 էջ.
8. Լալայեան Ե. Վասպուրական. Հաւատք // Ազգագրական հանդէս. – 1916. – գիրք XXVI. – էջ 196-212.
9. Uluhogian G. Un'antica mappa dell'Armenia. Monasteri e santuari dal I al XVII secolo. Ravenna: Longo Editore Press, 2000:199.
10. Բենսէ. Բուլանքի կամ Հարք գաւառ // Ազգագրական հանդէս. – գիրք 2. – 1900. – էջ 7-108.
11. Ավագյան Ս. Արճակ // Հայ ազգագրություն և բանասիրություն. – հտ. 8. – Երևան: ՀՍՍՀ ԳԱ հրատ., 1978. – 199 էջ.
12. Ինճիհեան Հ. Ղ. Աշխարհագրութիւն չորից մասանց աշխարհի. – Մաս Ա. – Վենետիկ: Ս. Ղազար, 1806. – 462 էջ.
13. Բաֆֆի. Երկերի ժողովածու տասը հատորով. – Հտ. 4. – Երևան: Հայպետհրատ, 1956. – 544 էջ.
14. Փաւտոսի Բիւզանդացոյ Պատմություն Հայոց. – Երևան: Երևանի համալսարանի հրատ, 1987. – 456 էջ.
15. Մովսէս Խորենացի. Հայոց պատմություն. – Երևան: Երևանի համալսարանի հրատ, 1981. – 428 էջ.
16. Փիղալեմեան Հ. Ղ. Չորս ընկերք որ է ճանապարհորդութիւն Վանայ մինչև Կոստանդնուպոլիս. – Թիֆլիս: Յովհաննէս Մարտիրոսեանցի տպ., 1882. – 176 էջ.
17. Առաքել Դավրիժեցի. Պատմություն. – Երևան: «Մովսէսական գրող», 1988. – 590 էջ.
18. Թօփանեան Յ. Յ. Յուցակ Ժողովածուաց Դաղեան Խաչիկ վարդապետի. – Մասն Բ. – Վարդաշապատ: Մայր Աթոռ, 1900. – 82 էջ.

REFERENCES

1. Voskean H. *Monasteries of Van-Vaspurakan [Vaspurakan-Vani vanqery]*. I. Vienna: Mkhitarian Publ., 1940 (In Arm).
2. Sargisean N. *Description of localities in Minor and Great Armenia [Teghagrutyun i Poqr ev i Mets Hays]*. Venice: St. Lazar Publ., 1864 (In Arm).
3. Srvandzteants Garegin Bishop. *Manana [Manana]*. Constantinople: E. M. Tentesean Publ., 1876 (In Arm).
4. Ananean M. *Suburbs of Van [Vana shrjakaykerə]*. Pordz, 1879; 4: 58–76 (In Arm).
5. Tokhmakhean A. Southern slopes of Masis mountains [*Masis lerner haravayin storotner*]. Tiflis: M. Vardanyan Publ., 1882 (In Arm).
6. Mirakhorean M. *Descriptive travel to provinces of Eastern Tajkaskan inhabited by Armenians [Nkaragrakan ughavorutyun i hayabnak gavars Arevelean Tachkastani]*. II. Constantinople: M. K. Saryan Publ., 1885 (In Arm).
7. Sherents G. *Sanctuaries [Srbavayrer]*. Tiflis: Verichev & Kamenmakher Publ., 1902 (In Arm).
8. Lalayan E. Vaspurakan: Creed [*Vaspurakan: Havatk*]. *Ethnographic Review*. 1916; 26: 196–212 (In Arm).
9. Uluhogian G. *Un'antica mappa dell'Armenia. Monasteri e santuari dal I al XVII secolo*. Ravenna: Longo Editore Press, 2000.
10. Bense. *Bulanukh, or province Hark [Bulanakh kam Hark gavar]*. *Ethnographic Review*. 1900; 6: 7–108 (In Arm).
11. Avagyan S. Archak. *Armenian Ethnography and Folklore [Hay azgagrutyun ev banahyusutyun]*. Vol. 8. Yerevan: NAS Arm SSR Press, 1978 (In Arm).
12. Inchichean G. *Geography of four parts of the world [Ashkharhagrutyun chorits masants ashkharhi]*. I. Venice: St. Lazar Publ., 1806 (In Arm).
13. Raffi. *Works in ten volumes [Erkeri zhoghovacu tasy hatorov]*. Vol. 4. Yerevan: Haypethrat Press, 1956 (In Arm).
14. Phavstos Buzand. *History of Armenia [Patmutyun Hayoc]*. Yerevan: YSU Press, 1987 (In Arm).
15. Moses Khorenatsi. *History of Armenia [Hayoc patmutyun]*. Yerevan: YSU Press, 1981 (In Arm).
16. Pirghalemean G. *Four friends, or travel from Van to Constantinople. [Chors ankerq vor e chanaparhordutyun Vana minchev Kostandnupolis]*. Tiflis: Hovhannes Martiroseants Publ., 1882 (In Arm).
17. Arakel of Davrezh. *History [Patmutyun]*. Yerevan: Sovetakan grogh Press, 1988 (In Arm).
18. Topchean H.H. *List of collections of archimandrite Khachik Dadean [Cucak zhoghovatsuc Dadean Khachik vardapeti]*. II. Vagharshapat: Mayr Ator Press, 1900 (In Arm).
19. Lalayan Ye. Vaspurakan: Significant monasteries [*Vaspurakan: Nshanavor vanker*]. *Ethnographic Review*. 1911; 21: 37–100 (In Arm).

19. Լալայեան Ե. Վասպուրական. Նշանաւոր վանքեր // Ազգագրական հանդէս. – գիրք XXI. – 1911. – էջ 37-100.
20. Մրվանձտեանց Գարեգին եպս. Թորոս Աղբար. – Մաս Բ. – Կ. Պոլիս: Ե. Մ. Տնտեսեան տպ., 1884. – 244 էջ.
21. Джавахов И. Къ вопросу о времени построения грузинскаго храма въ Атенѣ по вновь обслѣдованнымъ эпиграфическимъ памятникамъ. Христианский Восток. № 1. 1912. С. 277-297.
22. Բենսե. Բուլանդի կամ Հարք գաւառ. – Ազգագրական հանդէս. – գիրք Ե. – 1899. – էջ 5-184.
23. Հովհան Մամիկոնյան. Տարոնի պատմություն. – Երևան: «Խորհրդային գրող», 1979. – 176 էջ.
24. Անդրանիկ. Տէրսիմ. – Թիֆլիս: տպ. Մն. Մարտիրոսեանցի, 1900. – 237 էջ.
25. Հալաջյան Գ. Դերսիմի հայերը // Հայ ազգագրություն և բանահյուսություն. – հտ. 5. – Երևան: ՀՍՍՌ ԳԱ հրատ., 1973. – 303 էջ.
26. Բողոյան Վ. Ջավախքի հայոց ազգագրությունը և ժողովրդական բանավեպերը. – Երևան: ԵՊՀ հրատ., 2014. – 752 էջ.
27. Հարությունյան Ս. Հայ հմայական և ժողովրդական աղոթքներ. – Երևան: ԵՊՀ հրատ., 2006. – 504 էջ.
28. Հայկունի Ս. Ժողովրդական երգ, առած, հանելուկ և այլն // Էմինեան ազգագրական հանդէս. – հտ. 6. – 1906. – էջ 1-384.
29. Շերենց Գ. Վանայ սագ. – Առաջին մաս. – Թիֆլիս: տպ. Յովհաննէս Մարտիրոսեանցի, 1885. – 185 էջ.
30. Բենսե. Հարք // Հայ ազգագրություն և բանահյուսություն. – հտ. 3, Երևան: ՀՍՍՌ ԳԱ հրատ., 1973. – 183 էջ.
20. Srvandzteants Garegin Bishiop. *Brother Toros [Toros Aghbar]*. II. Constantinople: M. Paghtatlean-Aramean Publ., 1884 (In Arm).
21. Javakhov I. To the question of dating the construction of Georgian temple in Athene according to newly explored epigraphic monuments. *Khristianskiy Vostok*. 1912; (I): 277–297 (In Rus).
22. Bense. *Bulanukh, or province Hark [Bulanakh kam Hark gavar]*. *Ethnographic Review*. 1899; 5: 5–184 (In Arm).
23. Hovhan Mamikonyan. *History of Taron [Taroni patmutyun]*. Yerevan: Khorhrdayin grogh Press, 1979 (In Arm).
24. Andranik. *Dersim [Tersim]*. Tiflis: M. Martiroseants Publ., 1900 (In Arm).
25. Halajyan G. *Armenians of Dersim. Armenian Ethnography and Folklore [Hay azgagrutyun ev banahyusutyun]*. Vol. 5. Yerevan: NAS Arm SSR Press, 1973 (In Arm).
26. Bdoyan V. *Ethnography and oral art of Javakhk [Javakhqi hayoc azgagrutyuny ev zhoghovrdakan banarvesty]*. Yerevan: YSU Press, 2014 (In Arm).
27. Harutyunyan S. *Armenian magic and folk prayers [Hay hmayakan ev zhoghovrdakan aghotkner]*. Yerevan: YSU Press, 2006 (In Arm).
28. Haykuni S. Folk songs, proverbs, riddles etc. *Eminean Ethnographic Review*. 1906; 6: 1–384 (In Arm).
29. Sherents G. *Saz of Van [Vana saz]*. Tiflis: Jovhannes Martiroseanci Publ., 1885 (In Arm).
30. Bense. *Harq. Armenian Ethnography and Folklore [Hay azgagrutyun ev banahyusutyun]*. Vol. 3. Yerevan: NAS Arm SSR Press, 1972 (In Arm).

Поступила в редакцию 17.01.2024 г.
Принята в печать 23.05.2024 г.
Опубликована 15.12.2024 г.

Received 17.01.2024
Accepted 23.05.2024
Published 15.12.2024

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH204899-907>

Исследовательская статья

Сефербеков Магомедхабиб Русланович
младший научный сотрудник
Институт истории, археологии и этнографии
Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, Махачкала, Россия
dnc.ran@outlook.com

«ХОЛМ ВЛАСТИ»: К ИНТЕРПРЕТАЦИИ ОДНОГО САКРАЛЬНОГО ЛОКУСА ДАРГИНЦЕВ ФЕДЕРАЦИИ АКУША-ДАРГО

Аннотация. Данная научная статья посвящена исследованию сакрального холма в местности «ЦахІнабяхъладиркья», служившего местом сбора представителей союзов вольных обществ федерации Акуша-Дарго. Целью работы является интерпретация знаков и символов, связанных с этим сакральным локусом, а также выявление его исторического и мифологического значения. Для достижения цели были поставлены следующие задачи: изучение доступной информации о холме, мифологическая интерпретация связанных с ним преданий, а также сопоставление данного локуса с аналогичными объектами у других народов Дагестана, Северного Кавказа и мира. В качестве методологической основы исследования использован комплекс исторических методов: сравнительно-исторический, историко-системный, ретроспективный методы и метод семиотики. В результате проведенного исследования установлено, что сакральный холм в местности «ЦахІнабяхъладиркья» имел многоаспектное значение. Он не только служил местом сбора представителей союзов сельских обществ, но также воспринимался как уменьшенная копия горы, центр мира и место пребывания богов. Скрытые в его толще золотой лук, стрелы и другие сокровища наделяли его особой сакральностью, связанной с плодородием и властью. На вершине холма восседал глава федерации, акушинский кадий, что подчеркивало его легитимность и сакральный статус. Анализ собранного материала позволяет рассматривать этот холм как «холм власти», имеющий аналогии с местами собраний, святилищами и культовыми центрами у других народов региона и мира. Статья подчеркивает вариативность проявлений оролатрии, а также значение сакральных мест для политической и социальной организации общества. В статье также дается гипотеза о том, что сакрализация данного холма, как места сбора глав союзов обществ, может быть связана с древними периодами военной демократии.

Ключевые слова: Акуша-Дарго; оролатрия; символика и семантика сакральных локусов; холм власти; древо мировое; Великая Богиня Матерь; лук и стрелы

Для цитирования: Сефербеков М.Р. «Холм власти»: к интерпретации одного сакрального локуса даргинцев федерации Акуша-Дарго // История, археология и этнография Кавказа. 2024. Т. 20. № 4. С. 899-907. doi.org/10.32653/CH204899-907

© Сефербеков М.Р., 2024

© Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, 2024

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH204899-907>

Research paper

Magomedkhabib R. Seferbekov,
Junior Researcher
Institute of History, Archeology and Ethnography
Dagestan Federal Research Center of RAS, Makhachkala, Russia
dnc.ran@outlook.com

“THE HILL OF POWER”: A STUDY OF A SACRED LOCUS OF THE AKUSHA-DARGO DARGINIS

Abstract. This study examines the sacred hill at TsakhInabyakhladirka, a site of assembly for the representatives of the Akusha-Dargo federation of free societies. The research aims to interpret the signs and symbols associated with this sacred location and determine its historical and mythological import. To this end, the study undertakes: an examination of existing data regarding the hill; a mythological exegesis of related narratives; and a comparative analysis of this site with analogous sites among other Dagestani, North Caucasian, and global cultures. The methodological framework of this study employs several historical approaches, including comparative-historical, historical-systemic, and retrospective methods, alongside semiotic analysis. The research demonstrates that the sacred hill at TsakhInabyakhladirka possessed a complex significance. It functioned not only as a meeting place for representatives of rural community unions, but was also conceived as a microcosm of a mountain, a world centre, and a divine dwelling. The golden bow, arrows, and other treasures reputedly concealed within it endowed it with a particular sacredness linked to fertility and authority. The federation’s leader, the Akushin qadi, presided from the hill’s summit, thereby reinforcing his legitimacy and sacral standing. Analysis of the assembled data suggests classifying this hill as a “hill of power,” exhibiting parallels with meeting places, sanctuaries, and cult centers across the region and globally. This study highlights the diversity of orolatory manifestations and the importance of sacred sites for socio-political organization. It further proposes that the sacralization of this hill as a venue for assemblies of community union leaders may be connected to earlier eras of military democracy.

Keywords: Akusha-Dargo; orolatory; symbolism and semantics of sacral loci; hill of power; world tree; mother goddess; bow and arrows

For citation: Seferbekov M.R. “The Hill of Power”: A Study of a Sacred Locus of the Akusha-Dargo Dargins . History, Archeology and Ethnography of the Caucasus. 2024. Vol. 20. N. 4. P. 899-907. doi. org/10.32653/CH204899-907

Введение

Целью данного исследования является интерпретация связанных с сакральным холмом даргинцев федерации Акуша-Дарго знаков и символов. Реализация поставленной цели предполагает решение ряда задач: 1) рассмотреть все имеющиеся на сегодняшний день сведения об указанном холме; 2) дать мифологическое истолкование связанных с холмом атрибутов, легенд и преданий; 3) провести параллели этого сакрального локуса даргинцев с аналогичными, относящимися к проявлениям оролатрии, сакральными объектами у других народов Дагестана, Северного Кавказа и мира.

Методология нашего исследования базируется на традиционных исторических методах: сравнительно-исторический метод дал возможность выявить общее и особенное в проявлениях различных локальных форм оролатрии в Дагестане, на Северном Кавказе и в мире; историко-системный – позволил изучить этот сакральный объект прошлого у даргинцев Акуша-Дарго как целостную историческую систему с выявлением его морфологии и генезиса; ретроспективный – предоставил основания для анализа причин сакрализации этого локуса в прошлом; метод семиотики позволил проанализировать значение и ассоциации связанных с этим топосом знаков и символов¹.

Несмотря на то, что изучаемый объект упоминался в дореволюционных, советских и новейших исторических источниках, интерпретация символики и семантики атрибутов этого сакрального локуса никем ранее не проводилась. Научная новизна нашего исследования заключается в привлечении всех известных на сегодняшний день связанных с холмом источников и истолковании знаковых и смысловых значений его образа. Его результаты могут быть использованы историками, этнологами, религиоведами и культурологами при написании обобщающих исследований по истории и культуре народов Дагестана.

История холма в местности «ЦахІнабяхъладиркья» и интерпретация связанных с ним фольклорных преданий

Исследование почитаемых в народе естественных объектов и явлений природы всегда было в центре внимания кавказоведов. Как указывает Н.А. Криничная, «в местностях, где горы занимают в ландшафте главенствующее положение», «вполне реальные возвышенности, скалы, камни, бугры, холмы, пригорки, насыпи, выделяясь, подобно острову, из окружающего ландшафта, в быличках, бывальщинах мифологизируются» [1, с. 122, 123].

Исторические источники и фольклор народов Дагестана донесли до нас сведения о естественных (горы, скалы, холмы, останцы) и искусственных (курганы) сакральных возвышенностях, которые служили местами календарных и общественно-бытовых обрядов и праздников, с ними была связана определенная табуация. Эти примеры, вероятно, можно отнести к «почитанию высот» [2, с. 110].

Одной из таких возвышенностей является холм, находившийся в центре поляны, которая служила местом сбора представителей пяти союзов вольных обществ (Акушинский, Цудахарский, Мекегинский, Усишинский и Мугинский), входивших в федерацию Акуша-Дарго. Во главе него стояло сосредоточившее всю полноту светской и духовной власти высшее должностное лицо – акушинский кадий. Местом схода представителей союзов сельских обществ была поляна, расположенная в нескольких километрах к востоку от современного сел. Бургимак-Махи Акушинского района Дагестана, которая называлась «Хъярбукидиркья» или «ЦахІнабяхъладиркья» («Поляна сбора», «Равнина собраний») [3, с. 185]. Собирался сход «при настоятельных надобностях иногда 3 или 4 раза в год» [4, с. 14]. На нём решались касавшиеся всех союзов вопросы объявления войны и заключения мира, разрешения споров и др. Решения, принятые на сходе, были обязательны для исполнения всеми союзами сельских обществ Акуша-Дарго [3, с. 185, 186].

Интересную информацию об упомянутой поляне и находящемся на ней холме приводит Ф.И. Гене: «для разбирательства же дела между собой собираются кадии и старшины, смотря по важности дела, на определенные издавна избранные для сего места» [5, с. 346].

1. Обе категории обозначают «место». Локус, как правило, соотносится с закрытым, конкретным пространственным образом, отсылающим к действительности, а топос – с открытым пространственным образом, местом разворачивания смыслов.

Сведения об этом холме приводит и известный краевед Булач Гаджиев. Он писал: «Близ Бурги-мак-махи есть холм и равнина ЦахламиблаDIRка. Сюда со всей Даргинии собирались послы. Во время собрания никто не имел права смотреть на холм. Говорят, будто бы в нём спрятаны золотой лук, стрелы и другие ценности. Хворые люди верили в то, что, если походить вокруг холма, можно избавиться от болезней» [6, с. 32].

Упоминает этот служивший местом народных собраний холм в местности «ЦахІнабикала-дирка» и историк Р.М. Магомедов. По его данным, это была заросшая густой травой ровная речная терраса с куполообразным холмом посередине. На окружающих этот холм в форме амфитеатра крутых склонах были размещены огромные камни, служившие сидениями для представителей каждого входившего в федерацию Акуша-Дарго «войска» («хІуреба»). На холме восседал акушинский кадий, отсюда произносили речи ораторы. По обычаю, прохожие старались пройти мимо священного холма, ни разу не взглянув на него. Верили, что если идущий на базар хотя бы случайно глянет на холм, то ему не миновать убытка. В этом холме будто бы были скрыты золотой лук и другие сокровища [7, с. 399–400]. Горские животноводы до революции водили вокруг холма больных коней и считали, что это приносит им исцеление [8, с. 45].

Из этого сообщения следует, что речь идет о табуированном, «священном холме», на котором во время сбора представителей союзов сельских общин федерации Акуша-Дарго восседал избираемый светский и духовный глава этой федерации – акушинский кадий. Табуирование холма выражалось в том, что на него никто не имел право смотреть; в нем были скрыты сокровища; холм использовался в обрядах народной медицины [6, с. 32].

Особую сакральность холму придавали скрытые в его толще золотой лук, стрелы и другие сокровища. Следует отметить, например, что в русской волшебной сказке так же – «все, что окрашено в золотой цвет принадлежит к потустороннему миру» [9, с. 159]. Развивая эту тему, отметим, что в мифологических рассказах гора (холм) осмыслялась и как граница между мирами, расселины между скалами были проходами в потусторонний мир, а иной мир нередко локализовался за горой [1, с. 127, 128].

Горные хребты рассматривались как границы миров (этот мир – потусторонний мир) и у народов Дагестана. Например, у табасаранцев злокозненные действия ведьмы *Кафтархоч* можно было нейтрализовать, если удавалось схватить ее за волосы и прочесть заклинание: «Къаркьул-таблианва Джухнаг-дагъдиланмуулдучван!» («Чтобы ты не переходила хребет горы Къаркьул и гору Джухнаг!»)². После произнесения этого заклинания, демон будто бы уже не мог пересечь магическую черту этих гор³.

В дидойской сказке «Ханский сын и ханская дочь» сын хана отправляется искать свою похищенную «черным человеком» сестру. Оставив позади себя «одну нашу и две чужие горы», он «одно ущелье прошел, два ущелья прошел и добрался до одной большой поляны», где вместе с повстречавшимся незнакомцем поднял находившийся там большой камень и спустился в находившийся под ним *другой свет*. Там они очутились в большом ущелье, где и находилась его сестра [10, с. 291–295].

Что же касается лука и стрелы, то в верованиях народов мира стрела олицетворяла войну и мир. В исламе стрела олицетворяла гнев *Аллаха* [11, с. 289–291], а в христианстве лук означал светскую власть [12, с. 190].

Во многих мифах народов мира лук и стрелы были атрибутами божеств (хозяйки зверей, громовника, целителя). «Лук со стрелой являются также ритуально-мифологической метафорой матери-земли и неба-отца, соединенных священным браком» [13, с. 75]. Наконец, они «могут интерпретироваться как структурно однотипные реплики единой парадигмы – вертикальной модели мира, представленной кругом с вписанным в него крестом» [13, с. 77] – излюбленным мотивом дагестанских петроглифов [14, с. 25–27].

Исследуя семантику термина нарт и его связь с солярной символикой у скифов, Е.Б. Бесолова пишет: «Именно с того времени, когда воины стали конными лучниками, символическое значение данного вида оружия значительно возросло, и, видимо, не случайно в этот период лук стал инсигнией царского достоинства у скифов. Лук и стрелы символизировали для скифов оружие как таковое и военную власть царя» [15, с. 120].

Спрятанные, согласно поверьям, в холме золотые лук и стрелы (и др. сокровища), а также связываемый с убытком (убыль – прибыль) запрет идущим на базар смотреть на холм, наталкивают на мысль

2. Муртузалиев Ю.М. Мифологическая проза табасаранцев: Дис... канд. филолог. наук. Махачкала: Институт ЯЛИ ДНЦ РАН, 2008. С. 96.

3. Там же. С. 151.

о связи этих предметов⁴ с широко распространенным в Дагестане культом плодородия, олицетворенным в образе *Великой Богини-матери* [17, с. 146–154].

Таким образом, служивший местом народных собраний холм в местности «ЦахІнабикала-диркья» (холм как уменьшенная копия горы – «образ мира», «центр мира», «модель вселенной», «место пребывания богов» [18, с. 311–315]) вместе со скрытыми в его толще золотыми луком со стрелами и другими сокровищами олицетворял собой (вероятно, связанный с инсигниями власти) сакральный локус. Сакральность холма выражалась в том, что на его вершине восседал глава федерации Акуша-Дарго – акушинский кадий, а вокруг него представителями федерации решались военные, хозяйственные, управленческие и спорные вопросы. Он был табуирован для простых общинников. Кроме того, на нём совершали обряды народной медицины.

Этот холм можно также рассматривать и в качестве «плодоносящего центра» («плодоносящей утробы») *Великой Богини-матери* (связанные с плодородием лук и стрелы как атрибуты Великой Богини-матери).

Как нам кажется, рассматриваемый общественно-политический и социальный институт – обычай несколько раз в год собирать для решения важных дел в определенном сакральном локусе представителей союзов сельских обществ федерации Акуша-Дарго – является сохранившейся до Средневековья и Нового времени традицией, восходящей к периоду военной демократии с её военным предводителем и собранием вооруженных воинов, которая в дальнейшем переросла в государство через промежуточные военно-иерархические структуры (вождество) [19, с. 47–48]. Исторически ей предшествовала позднепервобытная, первобытная соседская, или протокрестьянская переходная к классовому обществу община [20, с. 110–111]. В этот период родоплеменные культы [21, с. 180–182] находились на стадии разложения и превращения их в общинные культы [22, с. 140–142] с привилегированным положением служителей культа [23, с. 105].

Указанные процессы были характерны и для Дагестана второй половины I тыс. до н.э. вплоть до Великого переселения народов [24, с. 142–143].

Возвращаясь к сакральному холму даргинцев федерации Акуша-Дарго, отметим, что подобного рода естественного и искусственного происхождения возвышенности, с которыми были связаны легенды и предания, имелись и у других народов Дагестана. Некоторые из них использовались в различных общественно-бытовых обрядах. Например, в окрестностях сел. Инчха Казбековского района находятся два кургана, называемые местными жителями «ХазинадалгохI» («Курганы сокровищ») [25, с. 54].

По относящимся к 1867 г. сведениям поручика Сотникова, выборы кадия Табасарана старшинами табасаранских сел Хурик, Ханаг, Ругуж, Храх, Хив в присутствии народа происходили в местности «Херба-Куран» ниже сел. Татиль. Другими «местами народных сборищ» были: «Ханик – площадь впереди сел. Ханага; Куркариндаграк – выше Хушной, к стороне сел. Кюрюх; Бакантыль – в середине Кухрикского магала, близ сел. Кувлиг; Уршарик – между селениями Урсиль и Бухнах; Хума – между селениями Храхом, Шиля и Худжиником; Чехтиль-Сувакского магала Южной Табасарани – ниже сел. Фергиль; Гюни-Рацарих – выше сел. Гучтыль (Дыргынского магала Южной Табасарани); Гарзиг – между Кугом и Яршлем (Южной Табасарани); Чалакарин Дагран – между селениями Яриком и Чалаком (Южной Табасарани)» [26, с. 49].

По имеющимся у нас данным, из перечисленных Сотниковым «мест народных сборищ» некоторые (Чехтиль, Гюни-Рацар и др.) были в прошлом языческими святилищами, центрами культа богов-патронов союзов сельских обществ, астрономическими обсерваториями, местами проведения календарных обрядов, решения военных и хозяйственных вопросов, разрешения конфликтов, мемориальными памятниками [27, с. 23–25, 50–51, 111; 28, с. 52–64; 29, с. 292].

Сакральные локусы – нередко табуированные места общественных сборищ, проведения календарных и религиозных праздников и обрядов народной медицины – находились и в других местах Дагестана.

Таким образом, служащие местами народных собраний, общественно-бытовых обрядов и праздников, естественные и искусственные возвышенности народов Дагестана могут рассматриваться в качестве сакральных локусов. Эти объекты доисламских культовых действий были связаны с определенным табуированием, обрядами народной медицины и земледельческими ритуалами.

4. У хакасов символами богини-матери Умай «были лук и стрела, веретено, бронзовая пуговица и раковина каури на нитке» [16, с. 151].

Изучая топографию восточнославянских городищ IX–XI вв., Б.А. Рыбаков отмечает, что в их структуре, как правило, имелись расположенные на холме святилища: «Летописи и поучения многократно говорят о языческих мольбищах на холмах. С этим связаны и этнографические, и топонимические сведения о Красных холмах и Красных горках» [30, с. 225].

Следует отметить, что подобного рода сакральные возвышенности зафиксированы не только в Дагестане и средневековой Руси, но и в Чечне. Так, описывая топонимию сел. Центарой Ножай-Юртовского района Чеченской республики, А.С. Сулейманов упоминает холм «Кхеташ-Корта» («Совета вершина»), на котором длительное время собирался Совет страны, решались вопросы войны и мира [31, с. 306], установления *адама* [32, с. 17].

По данным А.С. Сулейманова, на вершине «Ерди корта» горы «Эртина» существовало древнее культовое место периода язычества и христианства. Здесь так же долгие годы собирался Совет старейшин страны («Мехканкхел») для решения вопросов мира и войны, установления правил взаимоотношений, установления цен на продукты и скот, возмещения увечий при перемириях противников и т.д. [31, с. 74–75].

По сведениям С.А. Натаева, на территории Чечни установлено 23 пункта заседаний Совета Страны [33, с. 359]. Некоторые из них имели общечеченское значение, а «остальные временами становились местом проведения собраний горных или плоскостных чеченцев» [34, с. 24–25].

Как это видно, многие расположенные на возвышенностях культовые места чеченцев по своим функциям совпадают с подобными же сакральными локусами у народов Дагестана. Возвышенности, используемые в различных общественно-бытовых обрядах, имелись и у других народов Северного Кавказа. Так, Д.Н. Анучин описывает такой сакральный курган у осетин: «Недалеко от аула [Эльхот] находится минарет... вокруг него старинные кладбища, а несколько далее – курганы.... Из курганов два, более значительные, носят особые названия: один называется “кургань присяги”; на нем клали нагайку, и обвиняемый, утверждавший свою невинность, должен был взойти на курган и взять ее, что оказывалось возможным только в том случае, если совесть обвиняемого была действительно чиста») [35, с. 19].

Комментируя обычай возведения курганной насыпи в погребальном обряде степных племен, Б.А. Рыбаков писал, что «насыпка полусферических насыпей, по всей вероятности, отражает представления о трех горизонтальных ярусах Вселенной: курган изображает средний, земной ярус, он является как бы моделью кругозора видимого земного пространства. Над курганом-землей находится небо, верхний мир, а под курганом – подземный мир мертвых» [30, с. 75].

На наш взгляд, «курган присяги» у осетин, а также курганы степных племен и их изоморфная копия – сакральный холм у акушинцев так же воплощают в себе идею среднего земного яруса в трехчленной картине мира по вертикали (воплощенной в мифологемах *древо мировое* [36, с. 398–406] и *мировая гора* [18, 311–315]), где верхний ярус – обитель богов, а нижний – преисподняя, где обитают мертвые и хтонические демонические персонажи.

Примеры почитания таких связанных с табуированием «святых мест» в Абхазии приведены Г.Ф. Чурсиным, который писал: «Такой ‘святыней’ для Бзыбской Абхазии сделалась, например, святыня горы *Дыдрипш* – «Аныпс-ныха». [...] только члены фамилии Чичба имеют право совершать моления этой святыне, приводить у нее к присяге, получать за это доход и проч.» [37, с. 28]. Ее вершина была недоступна «в связи с ее якобы необычайной святостью». Кто дерзнет подняться на вершину Дыдрипш, тот будет немедленно поражен громом. Женщины и скот также не поднимаются на вершину этой горы. Священное место, где приносится присяга и совершаются жертвоприношения, расположено выше сел. Ачандара, у подошвы горы Дыдрипш [37, с. 39–40]. Другое священное место абхазов – Лашкендар. Вершина этой горы в Ткварчельской общине считается священной и недоступной. Местные жители верят, что, если кто-нибудь посмеет приблизиться к священному месту, то разразится гроза и поразит смертью дерзнувшего человека [37, с. 35].

Используемые в различных обрядах возвышенности встречаются и у других народов мира. Так, по данным Д.Д. Фрэзера, царь в монархиях Галла в Восточной Африке на горных вершинах приносил жертвы и регулировал принесение человеческих жертв. Спартанцы также приносили жертвы на вершине горы Тайгет. На горе Агу в Того живёт фетиш или дух по имени Багба. Он жил в доме на самой высокой горной вершине и держал ветры, заключенными в огромном кувшине. К нему обращались и за получением дождя [38, с. 19, 95, 195]. Д.Д. Фрэзер приводит также примеры табу,

распространявшегося на вождей и правителей: «Божественная личность является источником как благоденствий, так и опасности; ее надлежит не только оберегать, но и остерегаться» [38, с. 231].

У хакасов определенное табу распространялось и на женщин: им запрещалось произносить названия гор, а в виду горы нельзя было появляться простоволосыми [39, с. 86].

Как нам кажется, связанное с холмом в местности «ЦахІнабикала-дирка» табуирование основано на том обстоятельстве, что на нем восседал акушинский кадий и оттуда произносились речи ораторов. Однако, вопрос о том, являлся ли этот холм изначально почитаемым, и это обстоятельство было использовано акушинскими кадиями для легитимизации и сакрализации своей власти или же эта возвышенность на равнине стала сакральной благодаря тому, что на ее вершине восседал глава федерации Акуша-Дарго, остается открытым.

Заключение

Анализ представленного материала, касающегося холма – места сбора даргинцев федерации Акуша-Дарго, свидетельствует о его древности и многоаспектности. Он служил местом сбора представителей даргинских союзов сельских обществ, вследствие чего его можно рассматривать в качестве регионального сакрального топоса. Насыщенный многозначной семантикой и богатой символикой сакральный холм служил цели дополнительной легитимизации и сакрализации власти акушинских кадиев, в связи с чем его условно можно назвать «холмом власти». Он имел широкие аналогии с подобными же «местами народных сборищ», бывшими в прошлом языческими святилищами, центрами культа богов, проведения общественно-бытовых обрядов и ритуалов народной медицины, решения военных и хозяйственных вопросов, разрешения конфликтов у других народов Дагестана, Северного Кавказа, России и мира. Это свидетельствует о вариативности проявлений различных локальных форм оролатрии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Криничная Н.А. Гора: природно-экзистенциальный объект в свете космологических воззрений (по материалам севернорусских мифологических рассказов) // Научный альманах «Традиционная культура». 2011. № 3. С. 120–130.
2. Токарев С.А. О культе гор и его месте в истории религии // Советская этнография (далее – СЭ). 1982. № 3. С. 107–113.
3. Алиев Б.Г., Муртазаев А.О. Федерация даргинских союзов сельских общин Акуша-Дарго в XVII – первой половине XIX в.: Вопросы социально-экономической и политической истории. Махачкала: Институт ИАЭ ДНЦ РАН; Издат. дом «Эпоха», 2008. 400 с.
4. Сведения об Акуша // Памятники обычного права Дагестана. XVII – XIX вв.: Архивные материалы / Сост. Х.-М. Хашаев. М.: Наука, 1965. С. 13–15.
5. Гене Ф.И. Сведения о Горном Дагестане. 1835/1836 г. // История, география, этнография Дагестана в XVIII–XIX вв.: Архивные материалы. М.: Восточная литература, 1958. С. 337–352.
6. Гаджиев Б. Легенды и были Дагестана. Махачкала: Дагучпедгиз, 1991. 336 с.
7. Магомедов Р.М. Даргинцы в дагестанском историческом процессе. В 2-х т. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1999. Т. 1. 448 с.
8. Магомедов Р.М. Легенды и факты о Дагестане: Из записных книжек историка. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1969. 240 с.
9. Энциклопедия суеврий / Сост. Э. и М.А. Рэдфорд; Е. Миненко. М.: Миф: Локид, 1995. 560 с.
10. Абдулаев А.К., Абдуллаев И.К. Дидойский (цезский) фольклор (с переводом на русский язык). Лейпциг: Махачкала: «Логос», 2010. С. 291–295.

REFERENCES

1. Krinichnaya NA. Mountain: a natural-existential object in the light of cosmological views (based on northern Russian mythological stories). *Scientific almanac "Traditsionnaya Kultura"*. 2011; 3: 120-130. (In Russ)
2. Tokarev SA. On the cult of mountains and its place in the history of religion. *Sovetskaya Etnografiya*. 1982; 3: 107-113. (In Russ)
3. Aliev BG., Murtazaev AO. *Federation of Dargin unions of rural communities of Akusha-Dargo in the 17th – first half of the 19th century: Issues of socio-economic and political history*. Makhachkala: IHAЕ DSC RAN; Epoha, 2008. (In Russ)
4. Information about Akusha. *Monuments of customary law of Dagestan. 17th – 19th centuries: Archival materials. Compiled by H.-M. Khashaev*. Moscow: Nauka, 1965: 13-15. (In Russ)
5. Gene FI. Information about Mountainous Dagestan. 1835/1836. *History, geography, ethnography of Dagestan in the 18th – 19th centuries: Archival materials*. Moscow: Vostochnaya Literatura, 1958: 337-352. (In Russ)
6. Gadzhiev B. *Legends and tales of Dagestan*. Makhachkala: Daguchpedgiz, 1991. (In Russ)
7. Magomedov RM. *Dargins in the Dagestan historical process*. In 2 volumes. Makhachkala: Dagkniгоizdat, 1999. Vol. 1. (In Russ)
8. Magomedov RM. *Legends and facts about Dagestan: From the notebooks of a historian*. Makhachkala: Dagkniгоizdat, 1969. (In Russ)
9. *Encyclopedia of superstitions*. Compiled by E. and M. A. Radford; E. Minenok. Moscow: Mif, Lokid, 1995. (In Russ)

11. Вовк О.В. Знаки и символы в истории цивилизаций. М.: Вече, 2005. 383 с.
12. Купер Дж. Энциклопедия символов. М.: Ассоциация Духовного Единения «Золотой Век», 1995. 401 с.
13. Ерофеева Н.Н. Лук // Мифы народов мира: Энциклопедия. В 2-х т. 2-е изд. / Гл. ред. С.А. Токарев. М.: Российская энциклопедия, 1994. Т. 2. С. 75–77.
14. Сефербеков Р.И. Петроглифы Дагестана: история, ареал, типология, интерпретации // Кавказ – Прошлое – Настоящее – Будущее. Rzeszów: Instytut Historii Uniwersytetu Rzeszowskiego, 2020. № 6. С. 19–37.
15. Бесолова Е.Б. К семантике термина нарт // Вестник Дагестанского научного центра. Махачкала, 2014. № 55. С. 119–124.
16. Львова Э.Л., Октябрьская И.В., Сагалаев А.М., Усманова М.С. Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири: Человек. Общество. Новосибирск: Наука, Сиб. отделение, 1989.
17. Сефербеков Р.И. Образ Великой Богини-матери в мифах народов Дагестана (ипостаси, аспекты функций, трансформации) // Вестник Института истории, археологии и этнографии. 2015. № 3. С. 146–154.
18. Топоров В.Н. Гора // Мифы народов мира: Энциклопедия. В 2-х т. 2-е изд. / Гл. ред. С.А. Токарев. М.: Российская энциклопедия, 1994. Т. 1. С. 311–315.
19. Першиц А.И. Демократия военная // Социально-экономические отношения и соционормативная культура: Свод этнографических понятий и терминов / Отв. ред. А.И. Першиц, Д. Трайде. М.: Наука, 1986. С. 47–48.
20. Першиц А.И., Трайде Д. Община // Социально-экономические отношения и соционормативная культура: Свод этнографических понятий и терминов / Отв. ред. А.И. Першиц, Д. Трайде. М.: Наука, 1986. С. 109–114.
21. Басилов В.Н. Родоплеменные культы // Религиозные верования: Свод этнографических понятий и терминов / Отв. ред. В.Н. Басилов, И. Винкельман. М.: Наука, 1993. Вып. 5. С. 180–182.
22. Басилов В.Н. Общинные культы // Религиозные верования: Свод этнографических понятий и терминов / Отв. ред. В.Н. Басилов, И. Винкельман. М.: Наука, 1993. Вып. 5. С. 140–142.
23. Басилов В.Н. Классовых обществ религии // Религиозные верования: Свод этнографических понятий и терминов / Отв. ред. В.Н. Басилов, И. Винкельман. М.: Наука, 1993. Вып. 5. С. 104–107.
24. История Дагестана с древнейших времен до наших дней. В 2-х томах. Т. 1. М.: Наука, 2004. 627 с.
25. Дадаев М.-А. Краткий краеведческий справочник по Салатавии. Махачкала: «Ихлас», 2007. 198 с.
26. Сотников. Сведения о Табасарани // Памятники обычного права Дагестана XVII –XIX вв.: Архивные материалы / Сост., предисл. и примеч. Х.-М. Хашаева, отв. ред. Г.Д. Даниялов. М.: Наука, 1965. С. 46–51. 280 с.
27. Сефербеков Р.И., Гашимов М.Ф. Памятники истории и культуры Табасарана. Махачкала: Институт ИАЭ ДНЦ РАН, 2003. 120 с.
28. Сефербеков Р.И. «Праздничные камни» и «Мечеть праздничной молитвы» – культовые сооружения табасаранцев // Исламоведение. 2014. № 3. С. 52–64.
29. Гасанов М.Р. Табасаран в истории Дагестана. Махачкала: Дагкнигоиздат, 2022. 312 с.
30. Рыбаков Б.А. Язычество древней Руси. М.: Наука, 1987. 782 с.
31. Сулейманов А.С. Топонимия Чечни: Научно-популярное издание. Грозный: ГУП «Книжное издательство», 2012. 726 с.
32. Попов И.М. Ичкерия (историческо-топографический очерк) // Сборник сведений о кавказских горцах (далее – ССКГ). Тифлис, 1870. Вып. IV. С. 1–23.
10. Abdullaev AK., Abdullaev IK. *Didoi (Tsez) folklore (with translation into Russian)*. Leipzig: Makhachkala: Lotus, 2010, pp. 291–295.
11. Vovk OV. Signs and Symbols in the History of Civilizations. Moscow: Veche, 2005. (In Russ)
12. Cooper J. Encyclopedia of Symbols. Moscow: Association of Spiritual Unity “Golden Age”, 1995. (In Russ)
13. Erofeeva NN. Bow. In: Tokarev S.A. (ed). *Myths of the Peoples of the World: Encyclopedia*. In 2 volumes. 2nd ed. Moscow: Russian Encyclopedia, 1994. Vol. 2: 75-77. (In Russ)
14. Seferbekov RI. Petroglyphs of Dagestan: history, area, typology, interpretations. *Caucasus – Past – Present – Future*. Rzeszów: Instytut Historii Uniwersytetu Rzeszowskiego, 2020; 6: 19-37. (In Russ)
15. Besolova EB. On the Semantics of the Term Nart. *Bulletin of the Dagestan Scientific Center*. Makhachkala. 2014; 55: 119-124. (In Russ)
16. Lvova EL., Oktyabrskaya IV., Sagalaev AM., Usmanova MS. *Traditional Worldview of the Turks of Southern Siberia: Human and Society*. Novosibirsk: Nauka, Siberian Branch, 1989. (In Russ)
17. Seferbekov RI. The Image of the Great Mother Goddess in the Myths of the Peoples of Dagestan (Hypostases, Aspects of Functions, Transformations). *Bulletin of the Institute of History, Archaeology and Ethnography*. 2015; 3: 146-154. (In Russ)
18. Toporov VN. Mountain. In: Tokarev S.A. (ed). *Myths of the Peoples of the World: Encyclopedia*. In 2 volumes. 2nd ed. Moscow: Russian Encyclopedia, 1994; 1: 311-315. (In Russ)
19. Pershits AI. Military Democracy. In: *Pershits A.I., Traide D. (eds). Social and Economic Relations and Socionormative Culture: Collection of Ethnographic Concepts and Terms*. Moscow: Nauka, 1986: 47-48. (In Russ)
20. Pershits AI., Traide D. (eds). Community. In: *Pershits A.I., Traide D. (eds). Social and Economic Relations and Socionormative Culture: Collection of Ethnographic Concepts and Terms*. Moscow: Nauka, 1986: 109-114. (In Russ)
21. Basilov VN. Tribal cults. *Religious beliefs: A set of ethnographic concepts and terms*. Eds. V.N. Basilov, I. Winkelman. Moscow: Nauka, 1993; 5: 180-182. (In Russ)
22. Basilov VN. Communal cults. In: *V.N. Basilov, I. Winkelman (eds). Religious beliefs: A set of ethnographic concepts and terms*. Moscow: Nauka, 1993; 5: 140-142. (In Russ)
23. Basilov VN. Class Societies Religions. In: *V.N. Basilov, I. Winkelman (eds). Religious beliefs: A set of ethnographic concepts and terms*. Moscow: Nauka, 1993; 5: 104-107. (In Russ)
24. *History of Dagestan from Ancient Times to the Present Day*. In 2 volumes. Vol. 1. Moscow: Nauka, 2004. (In Russ)
25. Dadaev M-A. *Brief Local History Handbook of Salatavia*. Makhachkala: Ikhlal, 2007. (In Russ)
26. Sotnikov. Information about Tabasaran. *Monuments of customary law of Dagestan of the 17th – 19th centuries: Archival materials*. Comp. H.-M. Khashaeva, ed. G.D. Daniyalov. Moscow: Nauka, 196: 46-51. (In Russ)
27. Seferbekov RI., Gashimov MF. *Monuments of history and culture of Tabsaran*. Makhachkala: IHAЕ DSC RAS, 2003.
28. Seferbekov RI. “Festive stones” and “Mosque of festive prayer” – religious buildings of the Tabasarans. *Islamovedenie*. 2014; 3: 52-64. (In Russ)
29. Gasanov MR. *Tabasaran in the history of Dagestan*. Makhachkala: Dagkniгоizdat, 2022.
30. Rybakov BA. *Paganism of Ancient Rus*. Moscow: Nauka, 1987. (In Russ)
31. Suleimanov AS. *Toponymy of Chechnya: Popular Science Edition*. Grozny: Khnizhnoe Izdatelstvo, 2012. (In Russ)
32. Popov IM. Ichkeria (historical and topographic essay). *Collection of information about the Caucasian highlanders (SSCG)*. Tiflis, 1870;4: 1-23. (In Russ)

33. *Натаев С.А.* Чеченские тайпы: Проблемы изучения природы, структуры и исторической динамики социальных институтов чеченцев. Махачкала: АЛЕФ, 2013. 414 с.

34. *Лаудаев У.* Чеченское племя // ССКГ. Тифлис. 1872. Вып. 6. С. 1–62.

35. *Анучин Д.Н.* Отчёт о поездке в Дагестан летом 1882 года, совершенной при содействии Императорского Русского Географического общества. СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1884. 93 с.

36. *Топоров В.Н.* Древо мировое // Мифы народов мира: Энциклопедия. В 2-х т. 2-е изд. / Гл. ред. С.А. Токарев. М.: Рос-сийская энциклопедия, 1994. Т. 1. С. 398–406.

37. *Чурсин Г.Ф.* Материалы по этнографии Абхазии. Суху-ми: Абхазское государственное издательство, 1957. С. 265 с.

38. *Фрэзер Д.Д.* Золотая ветвь: Исследование магии и ре-лигии / Пер. с англ. М.К. Рыклина. М.: Политиздат, 1980. 831 с.

39. *Кызласов И.Л.* Гора-прародительница в фольклоре ха-касов // Советская этнография. 1982. № 2. С. 83–92.

33. *Natayev SA.* *Chechen Taips: Problems of Studying the Na- ture, Structure, and Historical Dynamics of Chechen Social Insti- tutions.* Makhachkala: ALEF, 2013. (In Russ)

34. *Laudayev U.* Chechen tribe. *Collection of information about the Caucasian highlanders (SSCG).* Tiflis. 1872; 6: 1-62. (In Russ)

35. *Anuchin DN.* *Report on a trip to Dagestan in the summer of 1882, made with the assistance of the Imperial Russian Geo- graphical Society.* Saint-Petersburg: A.S. Suvorin's Typography, 1884. (In Russ)

36. *Toporov VN.* The World Tree. In: *Tokarev S.A. (ed). Myths of the Peoples of the World: Encyclopedia. In 2 volumes. 2nd ed.* Moscow: Russian Encyclopedia, 1994; 1: 398-406. (In Russ)

37. *Chursin GF.* *Materials on the Ethnography of Abkhazia.* Sukhumi: Abkhaz State Publ., 1957. (In Russ)

38. *Frazer JG.* *The Golden Bough: A Study of Magic and Re- ligion.* Transl. from English by M.K. Ryklin. Moscow: Politizdat, 1980. (In Russ)

39. *Kyzlasov IL.* The Progenitor Mountain in the Folklore of the Khakass People. *Sovetskaya Etnografiya.* 1982; 2: 83-92. (In Russ)

Поступила в редакцию 22.02.2024 г.

Принята в печать 05.07.2024

Опубликована 15.12.2024 г.

Received 22.02.2024

Accepted 05.07.2024

Published 15.12.2024

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH204908-917>

Исследовательская статья

Рамазанова Зоя Буттаевна
д.и.н., ведущий научный сотрудник
Институт истории, археологии и этнографии
Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, Махачкала, Россия
zoya.ram@mail.ru

РЫБОЛОВСТВО КАК ПРОМЫСЕЛ В СИСТЕМЕ ЖИЗНЕОБЕСПЕЧЕНИЯ НАРОДОВ ДАГЕСТАНА В XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Аннотация. Рыболовство в Дагестане, как отрасль, прошло долгий путь, начиная с ловли рыбы в реках и вплоть до создания крупных рыболовческих компаний и объединений. В данном исследовании мы постараемся проследить основные этапы развития рыбного промысла как системы жизнеобеспечения народов Дагестана. В качестве методов были применены проблемно-технологический, историко-сравнительный и историко-системный методы, а также метод исторического анализа. В соответствии с выдвинутой целью исследования автор использовал и частные исторические методы: логический, хронологический, актуализации. При написании статьи привлекались архивные материалы, хранящиеся в Центральном государственном архиве Республики Дагестан, полевой материал автора, литературные источники. В статье рассмотрены основные этапы зарождения, формирования и развития рыболовства в Дагестане. Необходимо отметить, что рыболовство – область достаточно сложная для изучения, требующая учет широкого круга вопросов, касающихся различных сторон жизни народов Дагестана. Отсюда многосторонность, многоаспектность этой темы. Наиболее научно-результативными и плодотворными аспектами ее исследования в настоящее время являются, на наш взгляд, естественно-географический, социально-экономический, культурно-исторический. Рыбный промысел в дореволюционный период занимал одно из ведущих мест в экономике Дагестана, благодаря чему развилась инфраструктура данной отрасли, появились торговые компании и объединения, наладившие связи не только с городами Российской империи, но и с зарубежьем. Практическая значимость работы определяется тем, что вводимые в научный оборот новые архивные данные и полученные в статье выводы могут быть использованы при дальнейшем изучении различных аспектов, касающихся традиционных подсобных занятий.

Ключевые слова: Дагестан; Каспий; система обеспечения; хозяйство; рыбный промысел; рыбная промышленность

Для цитирования: Рамазанова З.Б. Рыболовство как промысел в системе жизнеобеспечения народов Дагестана в XIX – начале XX века // История, археология и этнография Кавказа. 2024. Т. 20. № 4. С. 908-917. doi.org/10.32653/CH204908-917

© Рамазанова З.Б., 2024
© Сефербеков М.Р., перевод, 2024
© Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, 2024

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH204908-917>

Research paper

Zoya B. Ramazanova,
Dr. Sci., Leading Researcher
Institute of History, Archeology and Ethnography
Dagestan Federal Research Center of RAS, Makhachkala, Russia
zoya.ram@mail.ru

EVOLUTION OF FISHING INDUSTRY IN DAGESTAN IN THE 19TH AND EARLY 20TH CENTURY

Abstract. The Dagestan fishery has evolved significantly, from riverine fishing to the establishment of large companies and associations. This study traces the key developmental stages of fishing as a vital form of sustenance for the peoples of Dagestan. Employing problem-solving, comparative-historical, and systemic-historical approaches, along with historical analysis, this research examines the industry's trajectory. Furthermore, logical, chronological, and updating methods were utilized. The study draws upon archival materials from the Central State Archive of the Republic of Dagestan, original fieldwork, and published literature. This article examines the key stages in the origin, development, and evolution of fishery in Dagestan. Fishery represents a complex area of study, necessitating consideration of a broad range of issues intertwined with various aspects of life for the peoples of Dagestan. This complexity contributes to the topic's multifaceted nature. Currently, the most scientifically productive and insightful research perspectives are, in our view, natural-geographic, socio-economic, and cultural-historical. During the pre-revolutionary period, fishing held a prominent position in the Dagestan economy. This prominence fostered the development of industry infrastructure, leading to the emergence of trading companies and associations that established connections not only within the Russian Empire but also internationally. The practical significance of this work lies in the introduction of new archival data into scholarly discourse. The findings presented here can contribute to further research on various aspects of traditional subsidiary occupations.

Keywords: Dagestan; Caspian Sea; sustenance system; economy; fishery; fishing industry.

For citation: Ramazanova Z.B. Evolution of fishing industry in Dagestan in the 19th and early 20th century. *History, Archeology and Ethnography of the Caucasus*. 2024. Vol. 20. N. 4. P. 908-917. doi.org/10.32653/CH204908-917

© Ramazanova Z.B., 2024
© Seferbekov M.R., translation, 2024
© Daghestan Federal Research Centre of RAS, 2024

Введение

Исследование исторически сложившихся систем жизнеобеспечения этносов представляется особенно актуальным в настоящее время, когда традиционные системы хозяйствования, в том числе и подсобные хозяйственные занятия народов Дагестана, подвергаются нивелировке и достаточно быстро исчезают. В этом плане их изучение особенно важно в условиях процессов, связанных с радикальными изменениями в общественном и домашнем быте, а также в этнокультурных взаимодействиях. Данная статья посвящается исследованию рыболовства, одной из отраслей подсобного хозяйства народов Дагестана в XIX – начале XX в.

Целью данной статьи является анализ рыболовства как промысла в системе жизнеобеспечения народов Дагестана в XIX – начале XX в. по имеющимся архивным, литературным и полевым материалам.

Историография проблемы

Исследование традиционных подсобных занятий хозяйства народов Дагестана как важного компонента культуры жизнеобеспечения дает возможность наиболее глубоко изучить многогранный процесс развития человеческого общества, а также выявить его приспособляемость к природным зонам, приведшую к появлению локальных типов хозяйственных занятий в рамках единой системы. Видимо этим и объясняется подход исследователей к анализу хозяйственных занятий. Особенно это характерно для дореволюционного периода, когда подсобные отрасли хозяйства рассматривались как составляющие культуры жизнеобеспечения.

Основная масса дореволюционных публикаций, относящихся к этнографии Дагестана и Кавказа, представляет собой статьи. Книги весьма редки. Этот статейный характер свойствен в значительной мере вообще всей дореволюционной русской этнографической литературе, однако по Кавказу он выражен в наибольшей степени [1, с. 277].

В начале XX в. вышло два выпуска «Дагестанского сборника» Е.И. Козубского, в которых можно найти сведения о занятиях горцев. Будучи преподавателем истории и географии Темирханшуринского реального училища, он одновременно работал секретарем Дагестанского областного статистического комитета; был основателем библиотеки в Темир-Хан-Шуре и в последние годы своей жизни заведовал Дагестанским областным кустарным музеем; сотрудничал в журналах «Русский архив», «Русская старина» и «Исторический вестник» в качестве автора работ по истории Кавказа [2; 3].

Новый этап в изучении Дагестана наступил в советское время. Он ознаменовался оживлением интереса и к этнографии. В 50-е гг. дагестанские этнографы уже выступали с различными научными публикациями. Они же были, наряду с другими известными советскими этнографами, в числе авторов сборника «Народы Дагестана» [4], в статьях которого рассматриваются самые разнообразные стороны быта и культуры дагестанцев, в том числе подсобные отрасли хозяйства народов Дагестана в исследуемый период. Наиболее полное отражение эти вопросы нашли в исследовательской деятельности С.Ш. Гаджиевой [5–9]. В указанных работах С.Ш. Гаджиевой данная проблема раскрывается наиболее ярко и полно на примере тюркоязычных народов.

Отметим, что исследования современных этнографов, посвященные подсобным отраслям хозяйства, в частности рыболовству, у разных народов иллюстрируют его как один из наиболее устойчивых компонентов культуры жизнеобеспечения. Данная особенность делает его объектом новых интересных наблюдений и исследований, число которых в последние годы заметно выросло. Эти вопросы раскрыты в серии историко-этнографических исследований и очерков, посвященных отдельным народам, в разделах «Хозяйство», «Материальная культура» [5; 6; 7; 8; 10–20]¹. Здесь же необходимо отметить, что соответствующие разделы этнографических монографий и сборников по отдельным народам и этнокультурным регионам обычно ограничиваются простым описанием, тогда как только его сравнительное изучение в связи с этнической историей народов может дать нам необходимые сведения [21–27].

При исследовании системы жизнеобеспечения вообще и подсобных отраслей хозяйства в частности, методологическое и практическое значение имеет обращение к экологическим аспектам, получающим

1. Лугуев С.А. Материальная культура ахвахцев. XIX – начало XX в. // Научный архив ИИАЭ. Ф. 3. Оп. 3. Д. 571.

в наши дни все более широкое применение в самых различных областях науки и позволяющим глубже познать процессы формирования, функционирования и развития явлений жизни. Именно к таким исследованиям относятся работы по хозяйству и материальной культуре ведущего этнографа Дагестана М.-З.О. Османова. В его трудах содержится уникальный материал, собранный автором во время экспедиций по всем регионам Дагестана [28; 29].

При написании работы по подсобным отраслям хозяйства народов Дагестана нами была учтена почти вся доступная литература по хозяйству других народов России и мира. Особый интерес представляет монография М.В. Добровольской, в которой анализируются обобщенные данные археологии, культурной и физической антропологии, психологии об изменении питания предшественников человека и древних людей. Здесь же оценивается роль экологических причин и культурных особенностей в сложении древнейших кулинарных традиций [30].

Однако, несмотря на все вышеперечисленные труды, в нашей стране еще недостаточно издано работ, которые бы освещали подсобные отрасли хозяйства во всех их проявлениях. Еще меньше таких исследований, посвященных кавказской пище [31], и дагестанской [32; 33; 49; 50], в частности. Можно с уверенностью констатировать, что проблема подсобных отраслей хозяйства народов Дагестана, особенно в традиционных обществах, не получила достаточного освещения, так как пока еще нет работ, представляющих бы целостную картину развития данной проблемы.

Источниковую базу работы составили полевой этнографический материал, архивные документы, литературные источники. Самым важным источником являются полевые материалы этнографов, занимавшихся изучением народов Дагестана и работавших в разные годы в различных регионах Дагестана, как опубликованные, так и хранящиеся в Научном архиве Института истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН.

Также нами использованы сборники архивных и документальных материалов «История, география и этнография Дагестана» (М., 1958), «Русско-дагестанские отношения XVII – первой четверти XVIII в.» (М., 1958), «Русско-дагестанские отношения XVIII – начале XIX в.» (М., 1988), «Феодальные отношения в Дагестане. XIX – начало XX в.» (М., 1969), «Материалы по истории Дагестана и Чечни» (Ч. 3. Махачкала, 1940), а также «Обзоры Дагестанской области за 1891–1910 гг.» (Темир-Хан-Шура, 1892–1911).

Наряду с неопубликованными материалами в работе используются опубликованные архивные материалы, извлеченные из архивов [34].

Основная часть

На возникновение и развитие любой отрасли хозяйства, системы жизнеобеспечения главным образом влияют природные условия. В данном случае рыболовство является тем самым занятием, которое всецело зависит от природно-географических условий.

Несмотря на изобилие и наличие на территории кумыков множества рыбных промыслов, ее употребляли ее в пищу сравнительно мало. Есть, однако, основания полагать, что в прошлом рыба играла немаловажную роль в питании средних и особенно засулакских кумыков. На широкое употребление рыбы в прошлом указывает наличие у кумыков местных названий рыбы: «балык» (общее название), «бекра» (осетр), «яйын» (сом), «иргъай» (лосось), «чорпа» (щука), «сазан» (сазан) и др. Рыбу ели в варенном и жаренном виде. Применялось и вяление рыбы на зиму. Старики-кумыки рассказывают, что сушеная рыба шла даже на приготовление хинкала, который в настоящее время делается исключительно из мяса животных [35, с. 97].

Рыба в пищевом рационе горских евреев занимала важное место. Степень ее использования в определенной мере зависела от традиций и религиозных убеждений. У евреев существовал запрет на употребление рыбы без чешуи. «Рыба, имеющая чешую и плавники, в силу того, что не нуждалась в штихе (кошерном убое и особой разделке, которую требовал иудейский кашрут), в отличие от мяса животных и кур, являлась чуть ли не повседневной едой у горских евреев. Они ели ее в жареном, копченом, соленом видах. Больше всего потребляли рыбу судак (в народе ее называли «еврейской курицей») и кутум. Ели рыбу в основном с хлебом и луком [36, с. 52].

Интенсивная эксплуатация рыбных богатств Терека началась с заселением берегов реки русскими казаками в XVII в. [37, с. 188]. Царское правительство «пожаловало» казачеству реку Терек «от самого гребня Кавказских гор до ее впадения в Каспийское море» [38, с. 2–4].

Разумеется, в экономической жизни Терской области рыболовство играло немалую роль как важный источник существования терских казаков. Первоначально они ловили рыбу исключительно в самой реке у мест расселения, используя запасы ценных проходных и полупроходных рыб, в числе которых видное место занимали лососевые и осетровые породы. Поэтому, чем ближе к морю располагались отдельные населенные пункты, тем богаче была здесь рыбная ловля. В связи с этим, для низовых станиц рыбный промысел являлся главным источником материальных благ, тогда как для селений, расположенных выше по реке, он уже не имел столь большого значения и носил черты подсобного или случайного занятия жителей, как это считалось на территории Дагестана, отдаленной от главных рек и моря [38, с. 29]. По этому поводу акад. К.М. Бэр отмечал, что «Выгоды от терского рыболовства распределяются весьма неравномерно, так что полки, расселенные в нижней части его, имеют большие выгоды, в средней – умеренные, в верхней же – весьма малые» [39, с. 201]. В наиболее благоприятных условиях в отношении рыболовства в Терской области находились поселения, расположенные у самого устья реки, которые первыми встречали рыбу, входящую из моря в реку и почти вся рыба вылавливалась ими. Здесь рыбной ловлей занимались не только мужчины, но и женщины.

Для участия в рыбной ловле выдавался пай, который мог получить не только каждый взрослый казак, но и вдовы, и сироты. Каждый владелец пая мог продать право или передать его любому другому лицу. Стоили пай по-разному, цена зависела от времени года и длительности его действия – на целый год он стоил 10 рублей, на весну – 3 рубля, а на осень – 5 рублей [38, с. 24]. Высокая цена на осень определялась ценностью осеннего лова, базировавшегося на добыче лосося и шемаи.

При ловле рыбы применялись разнообразные орудия лова, при которых требовалось объединение нескольких паев, в зависимости от способа лова. Например, при ловле неводом – 4 пая, сетями – 3 пая, при применении нитяной ванды – 3 пая и т.д. [38, с. 24].

Существовали определенные сложности, связанные со сбытом пойманной рыбы, объяснявшиеся отдаленностью крупных рынков сбыта. Весь улов продавался подрядчику, причем на несколько лет вперед. Играя роль посредника между рыбопромышленниками и рыбаками, подрядчик брал на себя достаточно сложные обязанности – принимал от казаков всю пойманную рыбу по установленной цене, с предварительной выдачей на каждый пай задатка в определенном размере и обеспечением казаков рыболовными материалами по астраханским ценам [38, с. 25].

Подрядчик заключал соглашение о приеме рыбы на довольно длительный срок и тем самым ставил рыбаков в кабальную зависимость от себя, так как последствия недолова или падения цен при избытке сырья полностью ложились на плечи ловца. Данная зависимость рыбака от подрядчика возникала не только в силу полученного задатка, но и от того, что подрядчик мог в любое время отказаться от приема рыбы, поэтому цены на рыбу и рыбные продукты, принятые от этих ловцов, были как правило, ниже цен на рыбу и рыбные продукты, от «вольных» рыбаков, не получавших задатка [40, с. 128–129].

В конце XIX в. воды Среднего Терека распределялись по юртовым наделам казачьих станиц вдоль левого берега реки и по наделам чеченских селений, вдоль правого берега. Воды Терека принадлежали многим владельцам: казне, терскому казачьему войску, отдельным станицам, сельским общинам, городам, монастырям и частным лицам. Низовья северных рукавов Терека оставались в ведении казны, образуя один общий рыболовный участок, известный под именем «Терских казенных рыболовных вод». Эти воды сдавались в аренду [40, с. 88–89].

Основными промысловыми породами рыб Терека, составляющими основу местного рыболовства, были лосось, севрюга, шемай, сом, жерех и сазан.

Рыболовство в реке, при различной интенсивности, обычно начиналось ранней весной и продолжалось до глубокой осени вплоть до ледостава, т.е. в течение 10–11 месяцев. Тем не менее, в зависимости от сложившегося характера нерестовых миграций отдельных пород рыб, в Тереке оно имело два ярко выраженных сезона: весенний и осенний. Первый базировался на лове осетровых и крупного частика, второй – на лове лосося и шемаи [38, с. 13].

Обработку рыбы казаки проводили в своих дворах. Почти весь улов шел на посол, сушку и копчение. Тарой для посола служили бочки и другая посуда [38, с. 19].

Специальных промысловых заведений по среднему Тереку не существовало. Только позднее, в низовьях реки появились промыслы, которые принадлежали арендаторам и по своему устройству значительно уступали астраханским. Например, подрядчик станицы Александрийской имел некрытый лабаз с чанами, жалкую казарму с земляным полом, коптильню, построенные из самана. Еще большей

примитивностью отличались промыслы других арендаторов, расположенные выше станицы Александровской. «Здесь, – писал И.Д. Кузнецов, – рядом с обычной кибиткой кочевников, служащей жильем приказчика, я увидел камышовой навес, под ним – весы и деревянный стол, на котором разделявают рыбу. Тут же 5–6 тар, покрытых досками и рогожей, придавленных гирями... в углу – небольшой деревянный ларь, стоящий прямо на земле, а между кибиткой и навесом – полуврытый в землю каюк², в котором, налив в него воду, промывают рыбу» [38, с. 19]. Разумеется, подобный способ добычи и обработки рыбы приводил к снижению количества и качества продукции. Но, тем не менее, рыбопромышленники, получая высокие прибыли за счет дешевой рабочей силы и хищнической эксплуатации запасов рыбы, были менее всего заинтересованы в основании здесь капитальных рыбодобывающих и рыбообрабатывающих промыслов.

Учитывая серьезные организационные и технические недостатки рыбного промысла и крайне низкое качество рыбной продукции, «Кавказский календарь на 1879 г.» отмечал, что причины недоброкачественного приготовления рыбной продукции заложены в самом способе производства и полном отсутствии технического прогресса [41, с. 384]. Здесь же отмечалось, что «несмотря на всевозможные успехи по другим отраслям экономической жизни, ловля и приготовление рыбы производится у нас также, как производились сотни лет назад» [38, с. 19].

Отмечая роль и значимость рыболовства на севере Дагестана, на и изобилие рыбных богатств, необходимо указать, что оно не могло доставить необходимых средств к существованию даже тем крепостным Кизлярского уезда, которые специально занимались этим промыслом, вследствие самой бессостойной эксплуатации и ограбления их помещиками.

Жизнь крестьян-рыболовов была чрезвычайно тяжелой. Развитие рыболовного промысла у казаков было скованно рядом ограничений. Лучшие места в казачьих рыболовных водах давно уже были захвачены казачьей верхушкой, рядовым казакам же отводились места вверх по этой реке (Терек – *авт.*). Продавать рыбу казаки могли только арендаторам казачьих рыбных промыслов по установленным ценам [42, с. 152].

В конце XIX в. условия найма рабочей силы на морских рыбных промыслах притерского района имели характерные черты безудержной капиталистической эксплуатации и произвола. Оплата труда на промыслах ставилась в зависимость не только от сроков найма (временные сезонные работы и постоянные годовые), но и от специфических особенностей выполняемых работ, квалификации, требующей особых навыков, и даже от национальности рабочего. Женский труд широко использовался при обработке рыбы (резальщицы) и оплачивался, как правило, ниже мужского.

Работа выполнялась временными и постоянными рабочими. К числу последних относились «мастеровые» – плотники, кузнецы и др., а также «пробежные» – служащие на рыбацких, доставлявших различные грузы.

Заработок сезонных рабочих исчислялся помесечно. Кроме денег, рабочие получали от промысла хлеб. Хлеб к чаю отпускался белый, а к «приварку» – ржаной. У «приваров» выдавалась рыба, а иногда и мясо, как солонина, так и свежее.

Рабочее время не нормировалось – люди работали от зари до зари с небольшими перерывами для еды. Как отмечает И.Д. Кузнецов, «работа производится с рассвета до 8 часов утра, после завтрака (чая) работают до 12 часов, когда полагается час на обед, а затем снова работа до сумерек» [40, с. 109]. Относительно выходных дней или «праздничных, безработных дней», то ими «чуть ли не каждое воскресенье» пользуются мастеровые. «Промысловым же рабочим выходные дни предоставляются при отсутствии рыбы, когда нет работы» [40, с. 109].

На притерских промыслах работали ногайцы, калмыки, кумыки, русские. Месячная зарплата временных рабочих колебалась между 8 и 20 рублями. Резальщицы, именуемые тысячницами, получали сдельную заработную плату с тысячи штук рыбы. При этом оплата труда зависела от породного состава рыб. За тысячу разделанных рыб крупного частика (сазан, судак, жерех) платили по 2 – 2 руб. 50 коп., а мелкого (вобла и лещ) – по 1 руб. [40, с. 108]. Наем рабочих производился через подрядчиков, которые получали по 1 руб. за каждого нанятого рабочего.

Всего в конце XIX в. в Притерском рыболовном районе, где в основном велся лов красной и частичковой рыбы, на всех промыслах было занято около 250 человек. Предприниматели чаще использовали

2. Каюк – выдолбленный из целого ствола дерева крепкой породы (тополя, дуба) сосуд.

местную рабочую силу и только в ограниченном количестве привлекали квалифицированных русских рабочих, что требовало больших расходов на их перевозку (5–10 руб. на одного человека)³.

Со временем в Каспийское море была перенесена более совершенная практика наживного рыболовства из Черного и Азовского морей, стали пользоваться английским крючком. Постепенно наживная снасть распространилась по всему Каспийскому морю. Упрощаясь и вместе с тем совершенствуясь, она получила наименование «калада» [43, с. 201].

В то время каладный лов развивался у берегов Дагестана довольно быстро. Но, продукция, получаемая от калады, была низкого качества. Рыба шла вторым сортом, а икра в основном изготовлялась паюсной, ястыком или откидной [43, с. 203]. Причиной всего являлось то, что лов осетровых каладой происходил достаточно далеко от берега. При частых штормах переборка калады производилась два раза в неделю, но не чаще. В данной ситуации, пойманная и уснувшая рыба оставалась несколько дней на крючке в воде и подвергалась полной порче. Разумеется, такую рыбу выбрасывали [43, с. 203].

Каладным ловом занимались многие, не имевшие никакого отношения к рыбным промыслам: ремесленники, железнодорожники, портовые служащие, даже священнослужители [43, с. 203].

Река Самур славится лососем, на искусственное разведение которого, вследствие злоупотреблений промысла, еще в 1901 г. обратило внимание управление восточных вод Закавказья. Количество улова в р. Самур лосося, годного для искусственного разведения, так называемого лоха, по-местному албат, было весьма ограничено. Здесь ловился преимущественно лосось с незрелыми половыми продуктами – «самур-балык», имевший высокую ценность на местных рынках. Албат же (лох) ловился исключительно в смежных с Самуром небольших, так называемых черных речках (Кайран-чай и Кара-су), в которых самур-балык совершенно отсутствовал. Средний ежегодный улов албаатов, по сведениям рыбаков, вероятно, уменьшающим цифры: в Самуре составлял 100 шт., в Кайран-чае и Кара-сы по 300 шт., всего 700 шт.

Рыболовные промыслы наследников шамхала тянулись от пункта, называемого Кабах-Чанг-Хан на полуострове Учъ, на юг вдоль морского берега, продолжаясь до пункта Красной горы, против селения новый Буйнак (Загу-юрт), называемого местными жителями Избир-бурун, отделяющего шамхальские воды от Терекемейских, и от береговой границы в глубь моря на 50 верст. В Аграханском заливе наследникам шамхала принадлежали восточная половина и южная часть Чеченского пролива. Шамхальские воды арендовались астраханским купцом К.П. Воробьевым, во владении которого находилось всего 11 промыслов (по сведениям податной инспекции было 10 промыслов), из которых на 4 промыслах работа производилась периодически, на 7 промыслах-станах только в весну, считая с февраля по 10 мая, во время лова сельди. Сверх ватаг у него имелись еще 3 промысленных заведения [44, с. 47].

Рыболовство в промышленных масштабах в Дагестанской области возникло в начале XIX в., когда с присоединением Дагестана к России усилился спрос на рыбные товары.

Рыболовные участки, принадлежавшие частным владельцам и казне, сдавались в аренду различным лицам, главным образом предпринимателям, приезжавшим в Дагестан из Астрахани, Владикавказ, Грозного, Пятигорска и южных губерний центральной России [44, с. 47].

Арендная плата на терекемейские казенные воды, после повышения их уловности, в 1903 г. поднялась с 6840 руб. до 49640 руб. 83 коп. [3, с. 76].

На южной части дагестанского побережья Каспийского моря между реками Рубас и Ялама в пределах Кюринского округа до 1900 г. рыбных промыслов не существовало. Местное население занималось только речным рыболовством, используя запасы лосося и ценных крупночастиковых пород⁴. Первый сельдяной промысел здесь был открыт в 1901 г., в 1902 г. возникло 3 и в 1903 – еще 1 промысел [45, с. 4].

Говоря о рыбном промысле Дагестана, в Дагестанских областных ведомостях писали, что «главный, основной продукт нашего рыболовства – сельдь. Работа над селедкой дала особый чисто деловой тон Дагестанскому побережью, установив в то же время и прочную неразрывную экономическую связь его с империей. Ловится селедка, и всем весело. Работают прибыльно: гостиницы, рестораны, банки, нотариусы, бондари, плотники, фаэтоны, дрогами, сапожники, хлебопеки, огородники и магазины готового для рабочих платья: нет селедки – и все застыло, принимая унылый, подавленный вид. Хороший

3. Статистический отдел Дагестанской области // ЦГА РД. Ф. 21. Оп. 4. Д. 29. Л. 59.

4. Отчет начальника Кюринского округа // ЦГА РД. Ф. 21. Оп. 3. Д. 9. Л. 280.

лов отражается даже на зарплате нашей редакции, увеличивая число платных объявлений: об утере видов на жительство, разного рода квитанций, векселей и об уничтожении доверенностей»⁵.

Как отмечалось в Дагестанских областных ведомостях, «Рыбное дело наше создано и развито исключительно евреями: они же нашли и рынки для сбыта, установив любимое в черте оседлости качество засола»⁶. Необходимо отметить значимость проведения «Петровской ветки Владикавказской железной дороги... С открытием движения по железной дороге большая часть рыбы Аграханского залива стала доставляться на ближайшую станцию Хасавюрт для дальнейшей переброски на более отдаленные. Причем с промыслов до станции рыбные товары доставлялись гужевым транспортом – на арбах, на волах, или верблюдах, проделывавших этот путь за 2-4 дня» [6, с. 112].

Размещение рабочей силы по селеческим промыслам зависело от их мощности. В среднем на каждый промысел приходилось 250 человек [46, с. 160].

Все жилые помещения для рабочих настолько были перенаселены, что «о какой-либо норме кубического содержания воздуха не может быть и речи. Иногда можно было наблюдать, что перед приходом кого-либо из лиц, причастных к санитарному надзору, добрая половина рабочих удалялась с промысла в лес и там дожидалась отъезда начальства» [46, с. 125].

В притерском рыболовном районе в 1913 г. насчитывалось до 20 промыслов по приемке и обработке рыбы и 10 «станьев», являвшихся местом стоянки рыбацких лодок и выгрузки рыбы [47, с. 248]. Рыба, поступающая от ловцов, немедленно обрабатывалась. На обработке рыбы работали наемными рабочими как из местного населения, так и пришлые, в основном русские [48, с. 249]. Рыбаки, жившие на северном побережье Каспия и на о. Чечень, были там постоянным резервом рабочей силы для рыбной промышленности. Они пребывали в прямой зависимости от предпринимателей, т.к. единственным источником существования жителей этого района было рыболовство [46, с. 173].

Сельдяной улов в 1917 г. достиг наибольшей величины за весь период своего существования – 806,1 тыс. ц. [47, с. 264]. Однако, высокая интенсивность промысла без учета необходимой регламентации величины улова рыб в целях сохранения численности поголовья рыбного стада и обеспечения его воспроизводства неизбежно приводила к хищническому истреблению рыбных запасов. В дореволюционный период, когда в условиях капиталистического способа производства, при стихийном и уродливом размещении производительных сил, хищническое использование природных ресурсов стало неизбежно.

Далее, как уже говорилось, 1912–1917 г. рыболовство характеризуется небывало высоким подъемом уловов сельди за счет сельдяного промысла на западном побережье Каспия.

Заключение

Рыболовное хозяйство народов Дагестана XIX – начале XX в. является частью хозяйственно-культурной традиции в данном регионе. Развитию рыболовства способствовало наличие соответствующих хозяйственных традиций. В статье на основе соответствующего материала отмечена общность традиции и этнолокальные особенности, поскольку их становление и развитие происходило в конкретных условиях особенностей естественно-географической среды, социально-экономической и политической жизни обществ в его многочисленных и многосторонних взаимосвязях с соседними народами.

Развитию рыбного промысла способствовали несколько факторов. Во-первых, снижение уловов красной рыбы во второй половине XIX в. актуализировало рыболовство на Каспии. Во-вторых, богатая сырьевая база и дешевая рабочая сила делали развитие этого промысла выгодным для российских предпринимателей и привлекательным для капиталовложения. В-третьих, отсутствие в Дагестане в исследуемый период ограничений по вылову дало дополнительный импульс для развития отрасли в водах Каспия.

5. Там же.

6. Дагестанские областные ведомости. 1910. № 24. С. 2

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

REFERENCES

1. Косвен М.О. Материалы по истории этнографического изучения Кавказа в русской науке // Кавказский этнографический сборник (КЭС). М., 1955. Т. 1. С. 265–374.
2. Козубский Е.И. Дагестанский сборник. Вып. 1. Темир-Хан-Шура, 1902. – 390 с.
3. Козубский Е.И. Дагестанский сборник. Вып. 2. Темир-Хан-Шура, 1904. – 521 с.
4. Народы Дагестана: сборник статей / Отв. ред. д-р ист. наук М.О. Косвен и канд. юрид. наук Х.-М.О. Хашаев. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1955. – 248 с.
5. Гаджиева С.Ш. Материальная культура кумыков (конец XIX – начало XX в.). Махачкала, 1960. – 171 с.
6. Гаджиева С.Ш. Кумыки: Историко-этнографическое исследование. М., 1961. – 388 с.
7. Гаджиева С.Ш. Материальная культура ногайцев в XIX – начале XX в. М., 1976. – 226 с.
8. Гаджиева С.Ш. Дагестанские терекеменцы XIX – начало XX в.: Историко-этнографическое исследование. М., 1990. – 216 с.
9. Гаджиева С.Ш. Дагестанские азербайджанцы. (XIX – начало XX в.: Историко-этнографическое исследование. М.: Вост. лит., 1999. – 358 с.
10. Материальная культура аварцев / Отв. ред. М.М. Ихтилов. Махачкала: ИИЯЛ ДагФАН СССР, 1967. – 305 с.
11. Гаджиева С.Ш., Османов М.О., Пашаева А.Г. Материальная культура даргинцев. Махачкала, 1967.
12. Булатова А.Г., Исламмагомедов А.И., Мазанаев Ш.А. Агулы в XIX – нач. XX вв.: историко-этнографическое исследование. Махачкала: Эпоха, 2008. – 291 с.
13. Алимova Б.М. Табасаранцы (XIX – начало XX в.): историко-этнографическое исследование. Махачкала: Дагестанское книжное издательство, 1992. – 264 с.
14. Алимova Б.М., Магомедов Д.М. Ботлихцы. XIX – начало XX в. Махачкала, 1993.
15. Алимova Б.М., Лугуев С.А. Годоберинцы. XIX – начало XX в. Махачкала, 1997.
16. Алимova Б.М. Кайтаги. XIX – начало XX в. Историко-этнографическое исследование. Махачкала: Издательство «Юпитер», 1998. – 232 с.
17. Лугуев С.А., Магомедов Д.М. Дидойцы (цезы): Историко-этнографическое исследование. XIX – начало XX в. Махачкала, 2000. – 206 с.
18. Лугуев С.А., Магомедов Д.М. Бежтинцы (капучинцы, хъванал) в XIX – нач. XX вв. Историко-этнографическое исследование. Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН, 1994. – 252 с.
19. Традиционное и новое в современном быте и культуре дагестанцев-переселенцев. М.: Наука, 1988. – 313 с.
20. Рамазанова С.К. Цовкра-1, 2-я пол. XIX – XX в. Махачкала: Издательство Юпитер, 1998. – 248 с.
21. Ганцкая О.А., Лебедева Н.И., Парникова А.С. Материалы и исследования по этнографии русского населения европейской части СССР. М., 1960.
22. Бусыгин Е.П. Русское сельское население Среднего Поволжья. Казань, 1966.
23. Народы европейской части СССР. М., 1964. Т. I, II.
24. Народы Средней Азии и Казахстана. М., 1964. Т. I.
25. Культура и быт таджикского колхозного крестьянства. М., Л., 1954.
26. Василевич Г.М. Эвенки: Историко-этнографические очерки (XVIII – начало XX в.). Л., 1969.
27. Хомич А.В. Ненцы. Историко-этнографические очерки. М.-Л.: Издательство «Наука», 1966. – 339 с.
28. Османов М.-З.О. Формы традиционного скотоводства в XIX – начале XX в. М., 1990.
29. Османов М.-З.О. Хозяйственно-культурные типы (ареалы) Дагестана (с древнейших времен до начала XX века). Махачкала, 1996.

1. Kosven MO. Materials on the history of the ethnographic study of the Caucasus in Russian science. *Caucasian Ethnographic Collection (KES)*. Moscow, 1955; 1: 265-374. (In Russ)
2. Kozubsky EI. *Dagestan Collection. Issue 1*. Temir-Khan-Shura, 1902. (In Russ)
3. Kozubsky EI. *Dagestan Collection. Issue 2*. Temir-Khan-Shura, 1904. (In Russ)
4. Kosven MO., Khashaev Kh-MO. (eds). *The Peoples of Dagestan: Collection of Articles*. Moscow: USSR Academy of Sciences, 1955.
5. Gadzhieva SSh. *Material Culture of the Kumyks (Late 19th – Early 20th Century)*. Makhachkala, 1960. (In Russ)
6. Gadzhieva S.Sh. *Kumyks: Historical and Ethnographic Study*. Moscow, 1961. (In Russ)
7. Gadzhieva SSh. *Material Culture of the Nogais in the 19th – Early 20th Century*. Moscow, 1976. (In Russ)
8. Gadzhieva SSh. *Dagestan Terekemens of the 19th – Early 20th Century: Historical and Ethnographic Study*. Moscow, 1990. (In Russ)
9. Gadzhieva SSh. *Dagestan Azerbaijanis (19th – Early 20th Centuries): Historical and Ethnographic Study*. Moscow: Vost. lit., 1999. (In Russ)
10. Ichilov MM. (ed). *Material Culture of the Avars*. Makhachkala: IYAL DagFAN SSSR, 1967. (In Russ)
11. Gadzhieva SSh., Osmanov MO., Pashaeva AG. *Material Culture of the Dargins*. Makhachkala, 1967. (In Russ)
12. Bulatova AG., Islammagomedov AI., Mazanaev ShA. *Aguls in the 19th – early 20th Centuries: Historical and Ethnographic Study*. Makhachkala: Epoha, 2008. (In Russ)
13. Alimova BM. *Tabasarans (19th – Early 20th Centuries): Historical and Ethnographic Research*. Makhachkala: Dagknigizdat, 1992. (In Russ)
14. Alimova BM., Magomedov DM. *Botlikh People. XIX – Early XX Century*. Makhachkala, 1993. (In Russ)
15. Alimova BM., Luguev SA. *Godoberins. XIX – Early XX Century*. Makhachkala, 1997. (In Russ)
16. Alimova BM. *Kaitags. XIX – Early XX Century. Historical and Ethnographic Research*. Makhachkala: Yupiter, 1998. (In Russ)
17. Luguev SA., Magomedov DM. *Didois (Tsezy): Historical and Ethnographic Research. XIX – Early XX Century*. Makhachkala, 2000. (In Russ)
18. Luguev SA., Magomedov DM. *Bezhtins (Kapuchins, Khvanals) in the 19th – Early 20th Centuries. Historical and Ethnographic Study*. Makhachkala: IHE DSC RAS, 1994. (In Russ)
19. *Traditional and New in the Modern Life and Culture of Dagestan Settlers*. Moscow: Nauka, 1988. (In Russ)
20. Ramazanova SK. *Tsovkra-1, 2nd Half of the 19th – 20th Centuries*. Makhachkala: Yupiter, 1998. (In Russ)
21. Gantskaya OA., Lebedeva NI., Parnikova AS. *Materials and Research on the Ethnography of the Russian Population of the European Part of the USSR*. Moscow, 1960. (In Russ)
22. Busygin EP. *Russian Rural Population of the Middle Volga Region*. Kazan, 1966. (In Russ)
23. *Peoples of the European Part of the USSR*. Moscow, 1964; Vol. I, II. (In Russ)
24. *Peoples of Central Asia and Kazakhstan*. Moscow, 1964; Vol. I. (In Russ)
25. *Culture and Life of the Tajik Collective Farm Peasantry*. Moscow-Leningrad, 1954. (In Russ)
26. Vasilevich GM. *Evenki: Historical and Ethnographic Essays (XVIII – Early XX Centuries)*. Leningrad, 1969. (In Russ)
27. Khomich AV. *Nenets: Historical and Ethnographic Essays*. Moscow-Leningrad: Nauka, 1966. (In Russ)
28. Osmanov M-ZO. *Forms of Traditional Cattle Breeding in the 19th – Early 20th Centuries*. Moscow, 1990. (In Russ)

30. Добровольская М.В. Человек и его пища. М., 2005.
31. Джикия Н.П. Культура питания грузинских горцев (по этнографическим материалам). Тбилиси, 1988.
32. Алимova Б.М. Пища и культура питания тюркоязычных народов Дагестана в XIX – начале XX в. Махачкала, 2005.
33. Лугуев С.А., Магомедханов М.М. О традиционной культуре питания народов Дагестана // Система питания народов Дагестана (XIX–XX в.). Махачкала, 1990.
34. История, география и этнография Дагестана: Архивные материалы / Под ред. М.О. Косвена и Х.-М.О. Хашаева, 1958.
35. Гаджиева С.Ш. Кумыки. Историческое прошлое, культура, быт. Махачкала, 2005.
36. Рамазанова З.Б. Пища горских евреев Дагестана (XIX – начало XX. Махачкала, 2008.
37. Краткий исторический очерк терского казачьего войска и городов Терской области // Кавказский календарь на 1897 г. Тифлис, 1896.
38. Кузнецов И.Д. Терские казаки и их рыбные промыслы. СПб., 1901.
39. Бэр К.М. Рыболовство в Каспийском море и в его притоках // Исследование о состоянии рыболовства в России. СПб., 1860.
40. Кузнецов И.Д. Терские речные и Притерские морские рыбные промыслы. СПб., 1898.
41. Кавказский календарь на 1879 г. Тифлис, 1878.
42. Васильев Д.С. Очерки истории низовьев Терека. Махачкала, 1986.
43. Правдин И.Ф. Аграханский залив и его рыбохозяйственное значение // Известия отд. ихтиологии. Л., 1925. Вып. 2. Т. III.
44. Обзор Дагестанской области за 1892 г. Темир-Хан-Шура, 1893.
45. Бородин Н.А. Промысел каспийских сельдей // Труды Каспийской экспедиции 1904 г. СПб., 1908.
46. Надирадзе А.А. Развитие и размещение рыбной промышленности Дагестана в дореволюционный период. Махачкала, 1969.
47. Невраев А.Ф. Дагестанский район // Труды научного института рыбного хозяйства. М., 1928. Т. IV. С. 35-45.
48. Дагестанская промышленность за пять лет. 1920-1925: Общий обзор ко дню пятилетнего юбилея ДагЦСНХ / Дагестанск. центр. сов. нар. хоз. Буйнакск: 1925. – 237.
49. Рамазанова З.Б. Культура питания народов Дагестана в XIX – начале XXI в. Махачкала: Алеф, ИИАЭ ДНЦ РАН, 2017.
50. Булатова А.Г., Сергеева Г.А. Традиционная культура питания народов Дагестана. М., 2021.
29. Osmanov M-ZO. *Economic and Cultural Types (Areas) of Dagestan (from Ancient Times to the Early 20th Century)*. Makhachkala, 1996. (In Russ)
30. Dobrovolskaya MV. *Man and His Food*. Moscow, 2005. (In Russ)
31. Dzhikiya NP. *Food Culture of Georgian Highlanders (Based on Ethnographic Materials)*. Tbilisi, 1988. (In Russ)
32. Alimova BM. *Food and Food Culture of the Turkic-speaking Peoples of Dagestan in the 19th – Early 20th Centuries*. Makhachkala, 2005. (In Russ)
33. Luguev SA., Magomedkhanov MM. On the Traditional Food Culture of the Peoples of Dagestan. In: *Food System of the Peoples of Dagestan (19th–20th Centuries)*. Makhachkala, 1990. (In Russ)
34. *History, Geography and Ethnography of Dagestan: Archival Materials*. Edited by M.O. Kosven and H.-M.O. Khashaev. 1958. (In Russ)
35. Gadzhieva SSh. *Kumyks: Historical Past, Culture, Everyday Life*. Makhachkala, 2005. (In Russ)
36. Ramazanova ZB. *Food of the Mountain Jews of Dagestan (19th – Early 20th Centuries)*. Makhachkala, 2008. (In Russ)
37. A Brief Historical Essay on the Terek Cossack Host and Cities of the Terek Region. In: *The Caucasian Calendar for 1897*. Tiflis, 1896. (In Russ)
38. Kuznetsov ID. *The Terek Cossacks and Their Fishing Industries*. Saint-Petersburg, 1901. (In Russ)
39. Baer K.M. Fishing in the Caspian Sea and Its Tributaries. In: *Research on the State of Fishing in Russia*. Saint-Petersburg, 1860. (In Russ)
40. Kuznetsov ID. *The Terek River and Terek Sea Fishing Industries*. Saint-Petersburg, 1898. (In Russ)
41. *The Caucasian Calendar for 1879*. Tiflis, 1878. (In Russ)
42. Vasiliev DS. *Essays on the History of the Lower Reaches of the Terek*. Makhachkala, 1986. (In Russ)
43. Pravdin IF. Agrakhan Bay and Its Fishery Significance. In: *News of the Department of Ichthyology*. Leningrad, 1925; 2(3). (In Russ)
44. *Review of the Dagestan Region for 1892*. Temir-Khan-Shura, 1893. (In Russ)
45. Borodin NA. Caspian Herring Fishery. In: *Works of the Caspian Expedition of 1904*. Saint-Petersburg, 1908. (In Russ)
46. Nadiradze AA. *Development and Distribution of the Fishing Industry of Dagestan in the Pre-Revolutionary Period*. Makhachkala, 1969. (In Russ)
47. Nevraev AF. Dagestan Region. In: *Works of the Scientific Institute of Fisheries*. Moscow, 1928; 4: 35–45. (In Russ)
48. *Dagestan Industry in Five Years. 1920-1925: General Review for the Fifth Anniversary of the DagTSSNKH*. Dagestan Central Soviet of People's Economy. Buinaksk, 1925. (In Russ)
49. Ramazanova ZB. *Food Culture of the Peoples of Dagestan in the 19th – Early 21st Centuries*. Makhachkala: Alef, IHAЕ DSC RAS, 2017. (In Russ)
50. Bulatova AG., Sergeeva GA. *Traditional Food Culture of the Peoples of Dagestan*. Moscow, 2021. (In Russ)

Поступила в редакцию 19.03.2024 г.

Принята в печать 24.06.2024 г.

Опубликована 15.12.2024 г.

Received 19.03.2024

Accepted 24.06.2024

Published 15.12.2024

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH204918-924>

Исследовательская статья

Магомедов Амирбек Джалилович
д.и.н., главный научный сотрудник
Институт языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы
Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, Махачкала, Россия,
amirbek.49@mail.ru

АКАДЕМИК Д. Н. АНУЧИН И ЕГО «ОТЧЕТ О ПОЕЗДКЕ В ДАГЕСТАН ЛЕТОМ 1882 ГОДА»

Аннотация. Статья посвящена выдающемуся российскому географу, этнографу, академику Д.Н. Анучину (1843–1923). В 1896 г. он был избран академиком Императорской Санкт-Петербургской Академии наук. Заслуги Д.Н. Анучина в области отечественной географии еще в 1948 г. были отмечены в специальном постановлении Советского правительства об увековечении его памяти. В этом документе Д.Н. Анучин был назван «крупнейшим русским географом, создателем русской университетской географической школы». Д.Н. Анучин основал кафедру географии в Московском университете, положившую начало его современному географическому факультету. Хорошо известен Д.Н. Анучин и дагестанским ученым как археолог (участие в разведке) и этнограф, оставивший в наследство интересные материалы о Дагестане. Его «Отчет о поездке в Дагестан летом 1882 года, совершенной при содействии Императорского Русского географического общества» (1884) активно изучался дагестанскими археологами, этнографами. Оценки наблюдениям Д.Н. Анучина даны в работах чл.-корр. РАН Р.М. Мунчаева, академика Х.А. Амирханова, других исследователей. Вместе с тем в интернет-пространстве, в научных публикациях заслуги Д.Н. Анучина изучены не достаточно полно. Более подробно представлены научно-популярные, биографические сведения об ученом. Поиск в Яндексе дает 12 тыс. откликов на имя «Д.Н. Анучин». Из публикаций о Д.Н. Анучине наиболее известна книга Г.В. Карпова «Путь ученого: очерки жизни, научной и общественной деятельности Д.Н. Анучина», изданная еще в 1954 г. Не достаточно изучены заслуги Д.Н. Анучина по «дагестанской» тематике. Будучи в 1882 г. в Дагестане, он провел археологическую разведку значительной его территории на предмет выявления памятников каменного века, собрал ценный материал по фольклору, этнографии и традиционным промыслам народов Дагестана.

Ключевые слова: Д.Н. Анучин; российские археологические общества; этнография; фольклор Дагестана; народные промыслы Кубачи

Для цитирования: Магомедов А.Д. Академик Д.Н. Анучин и его «Отчет о поездке в Дагестан летом 1882 года» // История, археология и этнография Кавказа. 2024. Т. 20. № 4. С. 918-924. doi.org/10.32653/CH204918-924

© Магомедов А.Д., 2024
© Сефербеков М.Р., перевод, 2024
© Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, 2024

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH204918-924>

Research paper

Amirbek Dz. Magomedov
Doctor of Science (History), Chief Researcher
Tsadasa Institute of Language, Literature and Art
Dagestan Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, Makhachkala, Russia,
amirbek.49@mail.ru

ACADEMICIAN D. N. ANUCHIN AND HIS «REPORT ON A TRIP TO DAGESTAN IN THE SUMMER OF 1882»

Abstract. The article is dedicated to the outstanding Russian geographer, ethnographer, academician D.N. Anuchin (1843–1923). In 2023, it was 180 years since his birth. In 1896 he was elected academician of the Imperial St. Petersburg Academy of Sciences. The merits of D.N. Anuchin in the field of domestic geography were noted back in 1948 in a special decree of the Soviet government to perpetuate his memory. In this document, D.N. Anuchin was called “the largest Russian geographer, the creator of the Russian university geographical school”. D.N. Anuchin founded the Department of Geography at Moscow University, which laid the foundation for its modern Faculty of Geography. Well known is D.N. Anuchin and Dagestan scientists as an archaeologist (participation in exploration) and ethnographer, who left a legacy of interesting materials about Dagestan. His “Report on a trip to Dagestan in the summer of 1882, made with the assistance of the Imperial Russian Geographical Society” (1884) was actively studied by Dagestan archaeologists and ethnographers. Assessments of D.N. Anuchin’s observations are given in the works of Corr. Member of the RAS R.M. Munchaev, academic Kh.A. Amirkhanov, and other researchers. At the same time, in the Internet space and in scientific publications, the merits of D.N. Anuchin have not been fully studied. Popular scientific and biographical information about the scientist is presented in more detail. The Yandex search engine gives 12 thousand responses to the name “D.N. Anuchin». From publications about D.N. Anuchin, the book by G.V. Karpov “The Path of a scientist: essays on the life, scientific and social activities of D.N. Anuchin”, published in 1954, is more widely known. The merits of D.N. Anuchin on the «Dagestan» theme have not been sufficiently studied. While in Dagestan in 1882, he conducted an archaeological exploration of a significant part of its territory to identify Stone Age monuments, and collected valuable material on folklore, ethnography and traditional crafts of the peoples of Dagestan.

Keywords: D.N. Anuchin, Russian archaeological societies, ethnography, folklore of Dagestan, folk crafts of Kubachi village

For citation: Magomedov A.Dz. Academician D.N. Anuchin and his «Report on a trip to Dagestan in the summer of 1882». History, Archeology and Ethnography of the Caucasus. 2024. Vol. 20. N. 4. P. 918-924. doi.org/10.32653/CH204918-924

© Magomedov A.Dz., 2024
© Seferbekov M.R., translation, 2024
© Daghestan Federal Research Centre of RAS, 2024

Введение

Дмитрий Николаевич Анучин (1843–1923) – известный русский географ, этнограф, археолог, музеевед, автор трудов по антропологии, археологии, страноведению и истории науки. В 1896 г. он был избран академиком Императорской Санкт-Петербургской Академии наук. Заслуги Д.Н. Анучина в области отечественной географии еще в 1948 г. были отмечены в специальном постановлении Советского правительства об увековечении его памяти. В этом документе Д.Н. Анучин был назван крупнейшим русским географом, создателем русской университетской географической школы¹. Д.Н. Анучин основал кафедру географии в Московском университете, положившую начало его современному географическому факультету. Широко известна читателю и книга Д.Н. Анучина «О людях русской науки и культуры (Статьи, некрологи и заметки)», изданная в 1950 г. [1].

Хорошо известен Д.Н. Анучин и дагестанским ученым как археолог (разведка) и этнограф, оставивший в наследство интересные материалы о Дагестане. Его «Отчет о поездке в Дагестан летом 1882 года, совершенной при содействии Императорского Русского географического общества» [2] изучался дагестанскими археологами, этнографами, географами. Оценки наблюдениям Д.Н. Анучина даны в работах известного этнографа Е.М. Шиллинга, чл.-корр. РАН Р.М. Мунчаева, академика Х.А. Амирханова. Так, Е.М. Шиллинг в 1949 г. в своей книге «Кубачинцы и их культура» писал о том, что в 1882 г. Д.Н. Анучин побывал в сел. Кубачи и посвятил кубачинцам целую историко-этнографическую главу в вышедшей в 1884 г. специальной публикации [3]. О пребывании Д.Н. Анучина в Кубачи и ряде его наблюдений написано и в монографии дагестанского исследователя М.М. Маммаева [4]. Интерес к наследию Д.Н. Анучина в последнее десятилетие возрос и в связи с тем, что стала активно изучаться тема палеолита Дагестана, по которой написаны две диссертации [5; 6]. Из крупных публикаций о самом ученом наиболее известна книга Г.В. Карпова, изданная еще в 1958 г. [7].

Вместе с тем в интернет-пространстве, в научных публикациях заслуги Д.Н. Анучина изучены недостаточно полно. Более подробно представлены научно-популярные, биографические сведения об ученом. Поиск в Яндексе дает 12-15 тыс. откликов на это имя.

Малоизучены также заслуги Д.Н. Анучина по исследованию Дагестана. В той же монографии Г.В. Карпова это событие аннотировано лишь в виде краткой информации. Отмечено только то, что в 1882 г. Московское археологическое общество совместно с Русским географическим обществом организовало экспедицию в Дагестан.

Отметим также, что научная практика Д.Н. Анучина начиналась в эпоху, когда только формировались основы российской профессиональной археологии, географии, этнографии и антропологии. У их истоков стоял и сам Д.Н. Анучин.

Основная часть

Экспедиция Д.Н. Анучина, как было задумано вначале, должна была в первую очередь произвести археологическую разведку Дагестана (также Осетии и Чечни) на предмет выявления памятников доисторической археологии. Организаторы экспедиции особое внимание уделяли исследованию пещер, так как считали, что именно там должны были сохраниться следы жизни первобытного человека.

Научные интересы Д.Н. Анучина не ограничивались археологией и географией. На ученого большое впечатление произвели жизнь и быт местного населения. Поэтому, останавливаясь в различных дагестанских селениях, он стал записывать фольклорные и этнографические материалы. Д.Н. Анучин был знаком с материалами академика Б.А. Дорна, побывавшего в ауле Кубачи в 1861 году. Поэтому он решил посетить Кубачи и еще раз осмотреть памятники старины этого села, его оригинальные барельефы с изображениями львов, всадников, геральдических птиц и т.п. По дороге в Кубачи Д.Н. Анучину удалось собрать и много новых этнографических материалов о других этносах Дагестана. Таким образом, Д.Н. Анучин стал первым русским ученым, начавшим в широких масштабах систематическое археолого-этнографическое изучение Дагестана.

1. Анучин Д.Н. Электронный ресурс. Доступно по ссылке: URL: https://bigarchive.ru/geography/domestic_physical_geographers/71.php (дата обращения: 4.10.2023).

Здесь же отметим и то, что в изданном отчете Д.Н. Анучина упоминается содействие в организации поездки лишь Русского географического общества. На этот счет в издании говорится, что основатель Московского археологического общества граф А.С. Уваров после съезда в Тифлисе в 1881 г. решил организовать экспедицию для исследования пещер и именно в восточную часть Кавказа, в Дагестан, пригласив к участию в расходах по этой экспедиции также Географическое и Императорское (С.-Петербургское) Археологическое общества. Причина, почему театром работы экспедиции был избран Дагестан, была разъяснена графом Уваровым как главным организатором экспедиции. Он считал, что переселение народов из Азии в Европу в древности происходило вдоль берега Каспийского моря и вследствие этого здесь могут быть найдены следы переселенцев. Такие следы – остатки палеолитического каменного века, по глубокому убеждению Уварова, могли скрываться в пещерах Дагестана.

Д.Н. Анучин обследовал также сооружения типа пещер в Дербенте. Вместе с тем, во второй половине XX в., когда в Дагестане начались активные археологические раскопки, сохранялись еще надежды на то, что здесь удастся выявить такие памятники. Один из первых археологов Дагестана Р.М. Мунчаев, определяя задачи развертывания разведочных работ в горных и плоскостных районах с целью выявления памятников верхнего палеолита, в 1959 г. писал: «Особенное внимание следует обратить на обследование пещер, которыми так богат горный Дагестан и где наиболее вероятна возможность обнаружения следов пребывания первобытных коллективов» [8, с. 8].

Однако материалы археологов Дагестана, собранные в советское и позднесоветское время, показали, что памятники Дагестана эпохи каменного века (например, мустьерские памятники) в большинстве своем являются остатками открытых стоянц. По мнению исследователей, пещерные стоянки каменного века в Дагестане встречаются редко².

В этом плане интересно и мнение о проблеме известного российского археолога, академика РАН, специалиста по каменному веку Кавказа, Ближнего и Среднего Востока Х.А. Амирханова. По его мнению, в Дагестане мало пещер пригодных к обитанию в них и поэтому памятники каменного века в пещерах не обнаружены. «Зато, – отмечает Х.А. Амирханов, – в последнее время здесь открыто много памятников открытого, т. е. не пещерного типа и, благодаря этому, из самого малоизученного в этом смысле Дагестан быстро превратился в один из самых хорошо исследованных регионов Кавказа»³.

По словам Х.А. Амирханова, на основании того, что в пещерах Дагестана не были обнаружены памятники каменного века, некоторыми крупными учеными были сделаны выводы о том, что Дагестан не был заселен в каменном веке, и его заселение происходило гораздо позднее. Такие выводы, по его словам, «способствовали распространению ошибочных теорий и задержали изучение прошлого народов Дагестана»⁴. Более того, они продолжали дублироваться и в более поздних работах, например, в книге «Материальная культура даргинцев» [9].

На наш взгляд, не следует считать автором ошибочных выводов лишь Д.Н. Анучина. Во-первых, ответственность за такие выводы лежала не только на нем, но и в значительной степени на президенте Императорского Русского археолого-нумизматического общества графе А.С. Уварове, организовавшем эту поездку Д.Н. Анучина. Во-вторых, сама археологическая наука России в это время находилась на стадии становления, и отдельные гипотезы по той или иной проблеме часто носили предварительный характер. В-третьих, в 1882 г. Д.Н. Анучин еще не был академиком (ему было 39 лет и основные его работы были связаны с географической наукой), и он выполнял указания руководителя экспедиции.

Мы уже отмечали выше и о его поисках памятников каменного века в Дагестане. Среди обследованных им археологических памятников было около 20 пещер и гротов. Однако ни в одном из них ему не удалось обнаружить признаки деятельности первобытного человека. Основываясь на этом, а также придавая серьезное значение факту отсутствия в местных преданиях поверий о громовых стрелах⁵, он и выразил сомнение в возможности отыскания в Дагестане следов каменного века.

Как писал сам Д.Н. Анучин, «исследование пещер Дагестана было поручено мне, причем установление маршрута поездки было предоставлено гр. Уварову. В инструкции, полученной от графа, были указаны местности по течению рек Параул, Манас и Губден-озень (в Темир-Хан-Шуринском округе), как заключающие в себе, по всей вероятности, пещеры, а также один грот вблизи Дербента. Кроме

2. Первые стоянки первобытного человека на территории Дагестана. URL: https://otherreferats.allbest.ru/history/00719774_0.html (дата обращения: 5.03.2023).

3. Электронное письмо Х.А. Амирханова А.Дж. Магомедову от 5 марта 2023 г. Хранится у нас (amirbek.49@mail.ru).

4. Электронное письмо Х.А. Амирханова А.Дж. Магомедову от 6 марта 2023 г. Хранится у нас (amirbek.49@mail.ru).

5. Наконечники стрел из камня.

того, мне было рекомендовано обратить внимание на расположенные по пути курганы, могильники и другие древности, а также проехать в горное селение Кубачи (Кайтаго-Табасаранского округа) и ознакомиться с находящимися там, но еще вовсе не изученными древностями. Нижеследующие строки составляют отчет об этой моей поездке, продолжавшейся десять недель, по 20 число августа 1882 года» [2, с. 10].

Во время экспедиции в продолжении 10 недель Д.Н. Анучин собирал сведения об археологических памятниках, расположенных в различных пунктах Дагестана, и лично обследовал многие из них, объехав с этой целью значительную часть его территории. Помимо этого, им были собраны этнографические и фольклорные материалы.

В своем отчете Д.Н. Анучин отмечает, что «кроме исторических древностей, относящихся к определенным эпохам и народностям Кавказа, как показали многие находки последних лет, заключают в себе и богатые материалы для изучения доисторической культуры» [2, с. 1].

Чтобы составить представление о характере научных поисков экспедиции Д.Н. Анучина в Дагестане целесообразно привести вначале и аннотирующие поездку заголовочные записи второго раздела Отчета:

Прибытие в Темир-Хан-Шуру.

Поездка в Параул.

По р. Манас в Губден.

Из Губдена в Урму: убежища и гроты.

Поездка в Кизляр и раскопка старинного кладбища.

Аул Кадар: местные легенды.

Сословные и поземельные отношения.

Отсутствие находок каменных изделий.

Некоторые поверья.

Снова в Урме. ... Леваши.

Поездка в Кубачи.

Акуша.

Характерные конкреции в песчанике.

Занятия жителей и некоторые черты быта.

Поверья о больших змеях.

Две сказки.

Сказка об одноглазом людоеде и сопоставление ее с однородными сказками других народов.

Из Акуша в Урари.

Альпийские луга.

Несколько данных об экономическом положении края.

Приезд в Кубачи [2, с. 27].

Интересны этнографические наблюдения Д.Н. Анучина, полученные им в ходе экспедиции. Описание по ним Д.Н. Анучин начинает с интерьера дома старшины даргинского села Губден Алибека, где он остановился на ночлег. При этом он добавляет, что «во всем этом большом селении нет ни одной русской школы и жители не желают ее и иметь; русский язык, по-видимому, никому неизвестен и без переводчика разъезжать в этих местах мудрено» [2].

В Отчете Д.Н. Анучин бегло, но иногда и достаточно подробно описывает хозяйственные традиции ряда даргинских сел, одежду, интерьерную обстановку жилища, фольклор (легенды, сказки), предания и поверья, праздничные обряды и даже налоговые подати. В тексте упоминаются села Акуша, Урари, Губден, Кадар, Урма, Леваши, ряд других сел. Автор приводит и несколько волшебных сказок про змей. Все эти материалы, к сожалению, записаны без подробной паспортизации. Автор пытается провести аналогии дагестанским материалам со сказками других народов мира. Так, заметив, что сказка перекликается с рассказами о приключениях Одиссея, он пишет: «Было бы весьма интересно исследовать, неизвестна ли подобная сказка в других местностях Кавказа и не сопровождается ли она некоторыми местными вариантами?» [2, с. 43].

Насколько все эти материалы использованы (или использованы ли?) дагестанскими фольклористами в своих публикациях – тема специального исследования. В Отчете Д.Н. Анучина все материалы даны на русском языке. Отдел фольклора ИЯЛИ ДФИЦ РАН на сегодня издал 10 томов «Свода

фольклора народов Дагестана». Его фамилия упоминается один раз в списке литературы к тому «Обрядовый фольклор». Но по текстам тома не ясно какие именно его материалы были использованы.

В Кубачи Д.Н. Анучин также остановился в доме старшины. В селе он сразу же стал осматривать достопримечательности аула, что заняло три дня. Кубачинцы и их традиционная культура произвели на исследователя большое впечатление. По его словам, «вообще Кубачи принадлежит к числу наименее посещаемых местностей Кавказа, но зато сами кубачинцы, народ весьма подвижный, в качестве оружейников, серебряников и медников расходятся по всем главным городам Кавказа» [2, с. 33]. Эти и другие наблюдения Д.Н. Анучина о кубачинцах мы сравнили с материалами Посемейного списка кубачинского общества 1886 г. и убедились в достоверности этих материалов [10, с. 5–30].

Третий раздел Отчета также полностью посвящен аулу Кубачи. Он занимает 27 страниц всего текста и очень насыщен материалом о жизни и быте кубачинцев, их свадебных обрядах, традициях ремесел и промыслов. В начале раздела Д.Н. Анучин приводит исторические сведения о кубачинцах, легенды и предания об этом селе и его жителях.

В XX в. о Кубачи было опубликовано немало этнографических материалов (Е.М. Шиллинг и др.). По текстам заметно, что многие из материалов Д.Н. Анучина о Кубачи были известны фольклористам и кубачинским краоведам. Но нет попыток показать оригинальность материалов Д.Н. Анучина. Очевидно, что надо обратить внимание и на то, какого типа вариациями они являются, подробнее сравнив их с современными этнографическими данными или с опубликованными в этих изданиях текстами.

Интерес представляют и комментарии Д.Н. Анучина к материалам академика Б.А. Дорна (1805–1881), побывавшего в Кубачи в 1861 г., но не успевшего полно обобщить свои материалы о поездке. По словам Д.Н. Анучина, в описании своего путешествия Б.А. Дорн намеревался, по-видимому, сообщить подробнее о виденных им в Кубачи изображениях, но такое описание осталось неизданным. Половина немецкого оригинала, правда, вышла, но в ней рассказ не доведен еще до посещения Кубачи, а русский перевод остался неизданным. Эти материалы Б.А. Дорна были изданы позже, в 1895 г. Д.Н. Анучин приводит ряд слов кубачинского языка из этих материалов. По ним он заключает, что «конечно, подобных примеров еще слишком мало, чтобы составить себе понятие об особенностях языка, но все-таки можно видеть, что ничего «франкского» в нем нет. Он, очевидно, близок к наречиям соседних племен, хотя последние и не понимают кубачинцев» [2, с. 53]. Следует отметить, что это первое (и безошибочное!) из множества наблюдений ученых, проливающее свет на особенности кубачинского языка, входящего в группу даргинских языков.

Д.Н. Анучин обратил внимание и на традиции кубачинцев по украшению интерьера комнат декоративными тарелками. Он тонко подметил особенности данной традиции кубачинцев. По его словам, комнаты украшают и другие горцы, однако без особенного вкуса, а «у кубачинцев же и формы сосудов весьма оригинальны, и украшения их нередко художественны. Многие сосуды сходны с подобными же старинными персидскими, но другие представляют чисто европейский стиль и составляют очевидно оригиналы или копии старинных изделий Западной Европы» [2, с. 58].

До сих пор остается окутанным тайной материал Д.Н. Анучина о медных изделиях антикварного типа с надписями на латинице. Как попадали такие (или такого типа) медные, латунные изделия в Кубачи – вопрос остается открытым. Также открытой остается история начального этапа отходничества кубачинцев, традиций формирования опыта торговли антикварными художественными товарами кубачинцев и роль в этом Дербента и других ремесленных центров.

На обратной из Кубачи дороге от провожавших его нукеров Д.Н. Анучин узнал еще и некоторые кубачинские предания, а также записал одну сказку о безносом нарте Буркенесе, представляющую вариант казикумухской сказки, помещенной, по его словам, в «Сборник сведений о кавказских горцах».

В последнем разделе Отчета описан обратный путь членов экспедиции, возвращение их в Темир-Хан-Шуру. На этом пути Д.Н. Анучин сумел побывать в селах Уркарах, Леваша, Хаджалмахи, Цудахар, Гуниб, Казикумух, Гергебиль, городе Темир-Хан-Шура. Из Темир-Хан-Шуры он поехал в Чиркей и Дербент.

Заключение

Поездка Д.Н. Анучина в Дагестан летом 1882 года, несмотря на то, что ему не удалось найти в здешних пещерах следы каменного века, была в целом удачной. Во время 70-дневной поездки им был собран и издан в виде Отчета интересный материал по этнокультуре, фольклору, народным промыслам многих сел предгорья Дагестана, касающийся кумыков, даргинцев (в т.ч. кубачинцев), аварцев, лакцев и др. То, что экспедиция не нашла здесь следов каменного века было во многом неизбежным. Археологическая разведка не всегда результативна. Материалы археологов Дагестана, Москвы, собранные в советское время, показали, что памятники Дагестана эпохи каменного века в большинстве своем являются остатками открытых стоянок.

По верному замечанию исследователя М.Г. Левина, «русская этнография и археология в большой степени обязаны Анучину, который не только положил начало университетскому преподаванию этнографии и создал академическую базу для развития этнографических и археологических работ в России, но и сам дал образцы этнографических и археологических исследований, в которых комплексное археолого-этнографическое изучение предметов сочетается с глубоким историческим подходом к этнографическому и археологическому материалу» [11].

Одним из образцов таких его работ стал и материал о Дагестане после его поездки летом 1882 г. Таким образом, благодаря выдающемуся российскому ученому дагестанская историческая наука сохранила ценный материал по этнографии и географии, относящийся к концу XIX в. Работа Д.Н. Анучина «Отчет о поездке в Дагестан летом 1882 года» сегодня доступна широкому кругу читателей, благодаря электронной библиотеке РГБ.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Анучин Д.Н. О людях русской науки и культуры: Статьи, некрологи и заметки. М.: Географгиз, 1950. 335 с.
2. Анучин Д.Н. Отчет о поездке в Дагестан летом 1882 года, совершенной при содействии Императорского Русского географического общества. С.-Петербург: типография А.С. Суворина, 1884. 93 с.
3. Шиллинг Е.М. Кубачинцы и их культура. Историко-этнографические этюды (Переиздание книги 1949 г.). Махачкала, 2012. 224 с.
4. Маммаев М.М. Искусство Зирихгерана-Кубачи XIII–XV вв. и его место в системе художественных культур Востока и Запада. Махачкала: Эпоха, 2014. 591 с.
5. Таймазов А.И. Палеолитические памятники Усишинской долины Дагестана. Автор. дисс. канд. историч. наук. М., 2012. 29 с.
6. Анойкин А.А. Палеолит Приморского Дагестана. Автор. дисс. доктора историч. наук. Новосибирск, 2017. 42 с.
7. Карпов Г.В. Путь ученого: очерки жизни, научной и общественной деятельности Д.Н. Анучина [1843–1923]. М.: Изд-во геогр. литературы, 1958. 343 с.
8. Мунчаев Р.М. К истории археологического изучения Дагестана // Материалы по археологии Дагестана. Т. 1. Махачкала, 1959. 230 с.
9. Гаджиева С.Ш., Османов М.О., Пашаева А.Г. Материальная культура даргинцев. Махачкала, 1967. 300 с.
10. Традиционные ремесла и культура Кубачи. Материалы посемейного списка 1886 г. / Автор-составитель А. Дж. Магомедов. Махачкала: ИЯЛИ ДНЦ РАН, 2018. 176 с.
11. Левин М.Г. Дмитрий Николаевич Анучин (1843–1923) // Труды Института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. Новая серия. Т. I. Памяти Д.Н. Анучина (1843–1923). М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1947. С. 3–17.

Поступила в редакцию 28.11.2023г.
Принята в печать 06.02.2024 г.
Опубликована 15.12.2024 г.

REFERENCES

1. Anuchin DN. *About people of Russian science and culture: Articles, obituaries and notes*. M.: Geographgiz, 1950. 335 p. (In Russ)
2. Anuchin DN. *Report on a trip to Dagestan in the summer of 1882, made with the assistance of the Imperial Russian Geographical Society*. Saint-Petersburg: Printing house A.S. Suvorin, 1884. 93 p. (In Russ)
3. Shilling EM. *Kubachi people and their culture. Historical and ethnographic studies (Reprint of the book, 1949)*. Makhachkala, 2012. 224 p. (In Russ)
4. Mammaev MM. *Art of Zirikhgeran-Kubachi XIII-XV centuries. and its place in the system of artistic cultures of East and West*. Makhachkala: Epoch, 2014. 591 p. (In Russ)
5. Taymazov AI. *Paleolithic monuments of the Usishinsky valley of Dagestan. Author. diss. Ph.D. historical Sci.* M., 2012. 29 p.
6. Anoykin A.A. *Paleolithic of Primorsky Dagestan. Author. diss. Doctor of History Sci.* Novosibirsk, 2017. 42 p. (In Russ)
7. Karpov GV. *The path of a scientist: essays on the life, scientific and social activities of D.N. Anuchin. [1843–1923]*. M.: Geographic publishing house. literature, 1958. 343 p. (In Russ)
8. Munchaev RM. *On the history of archaeological study of Dagestan. Materials on the archeology of Dagestan. T. 1.* Makhachkala, 1959. 230 p. (In Russ)
9. Gadzhieva SSh., Osmanov MO., Pashaeva AG. *Material culture of the Dargins*. Makhachkala, 1967. 300 p. (In Russ)
10. *Traditional crafts and culture of Kubachi. Materials of the family list of 1886 / Author-compiler A. J. Magomedov*. Makhachkala: IYALI DSC RAS, 2018. 176 p. (In Russ)
11. Levin MG. *Dmitry Nikolaevich Anuchin (1843–1923). Proceedings of the Institute of Ethnography named after. N.N. Miklouho-Maclay. New episode. T. I. In memory of D.N. Anuchin (1843–1923)*. M.-L.: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1947: 3–17.

Received 28.11.2023
Accepted 06.02.2024
Published 15.12.2024

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH204925-933>

Исследовательская статья

Атаев Борис Махачевич
д.филол.н., главный научный сотрудник
Институт языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы
Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, Махачкала, Россия
bm_ataev@mail.ru

Ибрагимова Мариза Оглановна
д. филол.н., ведущий научный сотрудник
Институт языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы
Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, Махачкала, Россия
mariza71@mail.ru

Магомедханов Магомедхан Магомедович
д.и.н., заведующий отделом этнографии,
Институт истории, археологии и этнографии
Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, Махачкала, Россия
mkhan@yandex.ru

ПЕРСПЕКТИВЫ СОХРАНЕНИЯ ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ И ЯЗЫКА В ПОЛИМЕНТАЛЬНОЙ СРЕДЕ (НА ПРИМЕРЕ ТРАНСГРАНИЧНЫХ ДАГЕСТАНСКИХ ЯЗЫКОВ)

Аннотация. Статья посвящена проблемам сохранения этнической идентичности и языка носителями трансграничных дагестанских языков, оказавшимися в силу исторических обстоятельств в полиментальной среде. Эти проблемы квалифицируются нами в качестве предмета исследования. Объектом исследования являются носители аварского, ахвахского, бежтинского, гунзибского, лезгинского, рутульского и цахурского языков в фокусе их трансграничного статуса, влияющего на этническую идентичность. Целью статьи является исследование специфики этнолингвистического портрета носителей трансграничных дагестанских языков и научное прогнозирование путей их лингвокультурной адаптации на основе анализа современной ситуации, отражающей условия сохранения этнической идентичности и языков разделенных народов. Разница в социальном, культурном, языковом, религиозном, ментальном окружении разделенных народов обуславливает диссонансные явления в формировании этнической идентичности у представителей разделенных народов. Методологической основой исследования являются общенаучные, этнографические и социолингвистические методы и приемы, обусловленные характером работы, в том числе: метод статистического анализа, позволивший определить тенденции в изменении численности владеющих родными языками по обе стороны границы; метод сравнения сведений из переписей населения, позволивший проследить динамику изменения соотношения между количеством владеющих родными языками и идентифицирующих себя с определенной трансграничной народностью. Эти методы и приемы могут быть спроецированы и на анализ ситуации с другими разделенными народами, локализованными в мультикультурных регионах при прогнозировании сценариев сохранения их этнической идентичности. Феномены этнической идентичности представителей разделенных дагестанских народов охарактеризованы в контексте адаптации к условиям государств с различиями в культуре, языке общения, ментальности, религии и других сферах. Определены тенденции к гибридизации культур, приводящей к постепенной унификации языков, общечеловеческих ценностей при определенной их корректировке с учетом религиозных воззрений жителей граничащих государств. Прогнозируется, что рост числа носителей трансграничных дагестанских языков, владеющих русским языком в России и азербайджанским языком в Азербайджане, при общем уменьшении количества владеющих родными языками приведет к выводу о парадоксальности вопросов их национальной самоидентификации и сохранении языков. Анализ материала позволил сделать вывод, что в сложившейся ситуации витальность трансграничных языков будет определяться языковой политикой государств, в которых они представлены, и международными документами, созданными для поддержки языков меньшинств в целях противостояния лингвистическому империализму междуна-

Ключевые слова: этническая идентичность; трансграничные языки; мультиязыковые регионы; полиментальная среда; лингвокультурная адаптация

Для цитирования: Атаев Б.М., Ибрагимова М.О., Магомедханов М.М. Перспективы сохранения этнической идентичности и языка в полиментальной среде (на примере трансграничных дагестанских языков) // История, археология и этнография Кавказа. 2024. Т. 20. № 4. С. 925-933. doi.org/10.32653/CH204925-933

© Атаев Б.М., Ибрагимова М.О., Магомедханов М.М., 2024
© Сефербеков М.Р., перевод, 2024
© Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, 2024

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH204925-933>

Research paper

Boris M. Ataev
Dr. of Philology, Chief Researcher
Tsadasa Institute of Language, Literature and Art
Dagestan Federal Research Center of RAS, Makhachkala, Russia
bm_ataev@mail.ru

Mariza O. Ibragimova
Dr. of Philology, Leading Researcher
Tsadasa Institute of Language, Literature and Art
Dagestan Federal Research Center of RAS, Makhachkala, Russia
mariza71@mail.ru

Magomedkhan M. Magomedkhanov
Dr. Sci., Head of Dept. of Ethnography
Institute of History, Archaeology and Ethnography
Dagestan Federal Research Centre of RAS, Makhachkala, Russia
mkhan@yandex.ru

PRESERVING ETHNIC IDENTITY AND LANGUAGE IN A MULTICULTURAL ENVIRONMENT: THE CASE OF TRANSBORDER DAGESTANI LANGUAGES

Abstract. The article addresses the challenges associated with preserving ethnic identity and language among speakers of transborder Dagestani languages, who, as a result of historical circumstances, found themselves in a multilingual environment. These challenges are identified as the subject of the research. The research specifically focuses on speakers of the Avar, Akhvakh, Bezhtin, Gunzib, Lezgin, Rutul, and Tsakhur languages, examining how their transborder status influences their ethnic identity. The aim of the article is to examine the specific characteristics of the ethnolinguistic profile of speakers of transborder Dagestani languages and to scientifically predict their pathways of linguacultural adaptation. This analysis is based on the current situation, which reflects the conditions necessary for preserving the ethnic identity and languages of divided peoples. The variations in the social, cultural, linguistic, religious, and psychological environments of these divided groups lead to dissonant phenomena in the formation of ethnic identity among their members. The methodological foundation of the study comprises general scientific, ethnographic, and sociolinguistic methods and techniques, as dictated by the nature of the research. These include the method of statistical analysis, which enabled the identification of trends in the changes in the number of individuals speaking native languages on both sides of the border; the method of comparing data from population censuses was employed to trace the dynamics of changes in the ratio between the number of individuals speaking native languages and those identifying with a particular transborder nationality. These methods and techniques can be applied to analyze the situation of other divided peoples in multicultural regions, serving as a basis for forecasting scenarios related to preserving their ethnic identity. The ethnic identity phenomena of representatives of divided Dagestani peoples are examined within the context of their adaptation to conditions in different states, which differ in terms of culture, language of communication, mentality, religion, and various other spheres. The study identifies tendencies toward the hybridization of cultures, which lead to the gradual unification of languages and the adoption of universal values. These shifts are adjusted to account for the religious beliefs of residents in bordering states. It is anticipated that there will be an increase in the number of speakers of transborder Dagestani languages who are also fluent in Russian in Russia and Azerbaijani in Azerbaijan with a general decrease in the number of those who speak their native languages will lead to the conclusion about the paradoxical nature of the issues of their national self-identification and preservation of languages. The analysis concludes that the vitality of transborder languages will depend on the language policies of the states where these languages exist, as well as international documents designed to support minority languages. These measures are intended to counteract the influence of linguistic imperialism exerted by dominant international languages.

Keywords: ethnic identity; transborder languages; multilingual regions; polymental environment; linguacultural adaptation

For citation: Ataev B.M., Ibragimova M.O., Magomedkhanov M.M. Preserving ethnic identity and language in a multicultural environment: the case of transborder Dagestani languages. History, Archeology and Ethnography of the Caucasus. 2024. Vol. 20. N. 4. P. 925-933. doi.org/10.32653/CH204925-933

© Ataev B.M., Ibragimova M.O., Magomedkhanov M.M., 2024
© Seferbekov M.R., translation, 2024
© Daghestan Federal Research Centre of RAS, 2024

Введение

Несколько дагестанских этносов в результате распада СССР получили статус «разделенных», а их языки стали трансграничными, то есть распространенными в двух государствах, имеющих общую границу. Носители трансграничных языков – аварского, ахвахского, лезгинского, рутульского, цахурского, – проживающие в таких мультикультурных странах, как Россия и Азербайджан, сталкиваются с разными этнолингвокультурными условиями. Статус трансграничных имеют также бежтинский и гунзибский языки, часть носителей которых после развала СССР продолжает проживать в Грузии.

Случаи несовпадения границ и территорий расселения определенных этносов, если их анализировать в политическом аспекте, ведут к конфликтам, связанным с проблемами взаимодействия представителей разделенных этнических групп.

При рассмотрении проблемы разделенных народов в социолингвистическом и лингвокультурологическом аспектах на поверхность всплывают проблемы сохранения языка и этнической идентификации, которые усугубляются контекстом проживания народностей в мультикультурных пространствах.

Для социолингвистических исследований, проводимых в РФ, актуальна проблема разделенных народов, т.к. трансграничными являются, кроме характеризуемых в статье дагестанских языков, азербайджанский, осетинский, татский, тувинский и другие [1]. Опыт описания каждого из них позволяет лингвистам проецировать методы и приемы на другие языки, оказавшиеся в аналогичной языковой ситуации. Так, в статье О.А. Казакевич и А.Е. Кибрика описан трансграничный татский язык, который признается авторами «нестабильным» в рамках классификационной шкалы по следующим причинам: «в Азербайджане многие таты переходят на азербайджанский язык (более половины азербайджанских татов не говорят по-татски) ... Сегодня в Дагестане татский язык преподается в качестве предмета в школе, используется на радио и телевидении, на нем издается еженедельная газета. Однако, функционируя в этих нетрадиционных сферах, татский язык все меньше используется в качестве языка семейно-бытового общения. В рамках классификационной шкалы его следует отнести к нестабильным» [2, с. 32–33].

Культурным контактам дагестанских азербайджанцев с народами Южного Дагестана и их влиянию на традиции посвящена статья Б.М. Алимовой и Р.И. Сефербекова [3]. Ситуация с диалектами разделенного осетинского языка освещена в монографии Т.Т. Камболова [4]. В статьях М.В. Бавуу-Сюрюн [5] и Жанны М. Юша [6] и др. анализируется *языковая ситуация, характерная для тувинцев, проживающих в условиях иноэтничного окружения и многоязычия в Китае и Монголии*. Проблемы разделенных дагестанских народов в аспектах этнической идентификации, языковой ситуации, национальной политики освещены в работах Т.М. Айтберова [7], М.Р. Курбанова и Г.И. Юсуповой [8], М.М. Магомедханова [9; 10], Д.Ш. Рамазановой [11], Ж. Отье [12] и др.

Актуальность такого рода исследований обусловлена научной необходимостью: для понимания и описания общей языковой картины мира этноса необходима информация обо всех составляющих его субэтносах.

Основная часть

Описываемые в статье трансграничные языки относятся к дагестанской группе восточнокавказских языков. Аварский, лезгинский, рутульский и цахурский языки являются государственными языками Республики Дагестан, имеют письменность и литературную форму; ахвахский, бежтинский и гунзибский – бесписьменные андо-цезские языки.

Аварцы – дагестанский народ, компактно населяющий юго-западные районы Республики Дагестан. Современная территория проживания аварцев в Российской Федерации охватывает 22 района Дагестана. За пределами республики этнические аварцы проживают в 46 селениях Закатальского и Белоканского районов на северо-западе современного Азербайджана, небольшое их количество проживает также и в Кахском районе Республики Азербайджан [13, с. 4]. Исследователь Б.М. Гусейнова отмечает, что среди аварских поселений в Азербайджане есть средние по количеству (с числом жителей по несколько сотен) и многочисленные (например, поселок Кабахчел с 20 тыс. жителей) [14, с. 3–4].

Количество аварцев в РФ, согласно Всероссийской переписи населения 2010 г., составляло 912258 чел., из них аварским языком владели 715 тыс. чел. (в это число включены многие носители андо-цезских языков, пользующиеся аварским языком как вторым родным)¹. Согласно Всероссийской переписи населения 2020 г., численность аварцев в РФ составляет 1012074 чел., из них владеет аварским языком лишь 654363 чел.²

По данным переписи населения Азербайджанской Республики, проводившейся в 2019 г., общая численность аварцев составляла 46436 чел. (что на 3364 чел. меньше, чем было зафиксировано согласно переписи 2009 г.), а число считающих аварский язык родным – 45790³. Носители аварского языка здесь контактируют с носителями азербайджанского, цахурского, грузинского языков и в большинстве своем являются трилингвами или полилингвами, так как владеют аварским, русским и азербайджанским, а также грузинским (села Мазымкара, Халатала и др.). Языками межнационального общения для носителей аварского языка являются азербайджанский и русский.

Ахвахцы проживают в населенных пунктах Ахвахского (сс. Кудиябросо, Тадмагитли, Лологонитль, Кванкоро, Изани) и Шамильского (сс. Ратлуб, Цекоб и Тлянуб) районов Республики Дагестан, а также в селе Ахахдере//Охихдере Закатальского района Азербайджанской Республики. Речь ахвахцев, проживающих в Азербайджане, остается по настоящее время неизученной.

По данным Всероссийской переписи населения 2020 г., численность ахвахцев в РФ составляет 5282 чел. из них 5015 чел. владеют ахвахским языком. С 1930-х гг. обучение в ахвахской начальной школе велось на аварском языке. В последнее время языком обучения в Дагестане стал русский язык, а аварский преподается только как учебный предмет. В Азербайджане учет численности ахвахцев осложнен, т.к. они фиксируются как аварцы или азербайджанцы, а в переписях населения они включены в категорию «другие народы».

Лезгины компактно проживают в Курахском, Сулейман-Стальском, Магарамкентском, Ахтынском, Докузпаринском районах Южного Дагестана, частично – в Дербентском, Рутульском, Хивском, Хасавюртовском, Кизлярском районах и в городах республики: Махачкале, Дербенте, Каспийске.

В Азербайджанской Республике этнические лезгины компактно проживают в Кусарском, Кубинском, Хачмазском, Исмаиллинском, Куткашенском и Кунахкентском районах и в крупных городах. По данным Всероссийской переписи населения 2010 г., количество лезгин в РФ составило 473722 чел., к 2020 г. численность лезгин увеличилась до 488608 чел. Настораживает динамика утраты навыков владения родным языком лезгинами, проживающими в Республике Дагестан, за 10 лет между двумя переписями: в 2010 г. – 357185 чел.; в 2020 г. – 255783 чел.

Лезгины – вторая по численности народность в Азербайджане. Их численность, согласно переписи населения Азербайджанской Республики 2009 г., составляла 180300 чел., через десять лет численность уменьшилась до 167570 чел., из них лезгинский назвали родным языком 125776 чел.⁴

Потомки лезгин и аварцев проживают и в некоторых регионах Турции, но в рамках статьи мы не описываем подробно этот факт, т.к. в данном случае эти языки не квалифицируются как «трансграничные» по причине отсутствия общей границы между Российской Федерацией и Турецкой Республикой.

В 1928 г. был принят лезгинский алфавит на основе латиницы, через 10 лет он был заменен на кириллический алфавит. С 1930-х гг. обучение в начальной школе велось на лезгинском языке. В XXI в. языком обучения стал русский язык, лезгинский язык преподается как учебный предмет.

Рутульцы проживают в Рутульском и Ахтынском районах Республики Дагестан РФ и 6 селениях Азербайджанской Республики. Значительная часть рутульцев осела в дагестанских городах Махачкала, Дербент и в азербайджанских городах Шеки, Мингечаур и Баку.

По данным Всероссийской переписи населения 2010 г., численность рутульцев составляла 35240 чел., через 10 лет их численность в России уменьшилась до 34259 чел.⁵. Учет численности

1. Всероссийская перепись населения 2010 года. Официальные итоги по национальному и языковому составу населения и по регионам. Режим доступа: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/results2.html Дата обращения 02.02.2024.

2. Всероссийская перепись населения 2020 года. Т. 5. Национальный состав и владение языками. Режим доступа: https://rosstat.gov.ru/vpr_popul Дата обращения 02.02.2024.

3. Population census in the Republic of Azerbaijan 2019. Statistical yearbook. Volume B. Baku, 2022. с. 419.

4. Population census in the Republic of Azerbaijan 2019. Statistical yearbook. Volume B. – Baku – 2022. с. 416.

5. Всероссийская перепись населения, 2020.

рутульцев, как и других малочисленных дагестанских этносов, проживающих в Азербайджане, практически невозможен, т. к. они фиксируются как лезгины или азербайджанцы, а в переписях разных лет (1999 г., 2009 г., 2019 г.) их включают в категорию «другие народы».

Цахурцы в России проживают в 12 селениях Рутульского района Республики Дагестан. В Азербайджанской Республике цахурцы проживают в 18 селениях Закатальского и Кахского районов, из которых 6 селений имеют смешанный аварско-азербайджанско-цахурский состав населения. Кроме того, большое число представителей этого этноса проживают в дагестанских городах Махачкала, Дербент и в азербайджанских городах Закаталы, Кахи, Шеки, Мингечаур, Гянджа, Сумгаит, Баку.

Согласно данным двух последних всероссийских переписей населения, численность цахурцев в России не претерпела заметных изменений (в 2010 г. 12769 чел., в 2020 г. – 12541 чел.). Точный учет цахурцев, проживающих в Азербайджане, также затруднен, по причине фиксации некоторых из них при переписи как лезгин или азербайджанцев. Согласно переписи 2009 г., в Азербайджане проживали 12289 цахурцев. По статистическим данным 2019 г., общая численность цахурцев составила 13361 человек, из которых 12873 назвали цахурский языком национальности, к которой они принадлежат⁶.

У рутульцев и цахурцев ускоренными темпами идет процесс утраты навыков владения родными языками: согласно Всероссийской переписи населения 2010 г., рутульским языком в РФ владели 30360, цахурским – 10596 чел.; за последующие 10 лет эта цифра уменьшилась на 40% у цахурцев (6340 чел.) и больше чем вдвое у рутульцев (13591 чел.).

В 1990 г. в РФ была утверждена письменность на основе кириллицы для рутульского и цахурского языков. Через год начальное обучение в местах компактного проживания рутульцев и цахурцев в Дагестане было переведено на родные языки, но это нововведение не получило продолжения, языком обучения в начальной школе в Рутульском районе в настоящее время является русский язык.

Языком обучения в школах с рутульским и цахурским составом учащихся до 1952 г. был азербайджанский. С середины XX в. эту функцию в школах Рутульского района начал выполнять русский язык. В 1996 г. в Азербайджане была опубликована цахурская азбука на основе латинской графики, а в 2003 г. были утверждены учебные программы для 1–4 классов средней школы.

Степень владения родным, а также азербайджанским и русским языками в различных лезгиноязычных районах Азербайджана была исследована группой ученых Летнего института лингвистики [15]. По оценке М.Е. Алексеева, К.И. Казенина и М. Сулейманова, можно согласиться с Дж. Клифтоном и его коллегами, подчеркивающими «разнообразие социолингвистических ситуаций среди лезгиноязычных языковых коллективов Азербайджана» [16].

Основная часть **бежтинцев** проживает на Бежтинском участке Цунтинского района Республики Дагестан в сел. Бежта, Глядал и Хашархота. Определенное количество переселенцев проживает также в равнинных населенных пунктах Дагестана. Бежтинцы живут также в сел. Чантлискури и Сарусо Кварельского района Грузии.

По данным Всероссийской переписи населения 2010 г., численность бежтинцев в Дагестане составляла 5956 чел. (около 10 тыс. чел. в РФ); указавших владение родным языком – 6038 чел. По данным переписи населения 2020 г., бежтинцами себя назвали 6890 чел. (из них 6858 в Дагестане). Родным бежтинский язык считают 8138 чел. (из них 6497 чел. в РФ владеют бежтинским языком).

Гунзибцы проживают в селах Цунтинского района и в двух селениях Кизилюртовского района. По данным Всероссийской переписи населения 2020 г., гунзибцами себя назвали в РФ 2363 чел. Родным гунзибский язык считают 3466 чел. (из них 3046 чел. в РФ владеют своим языком).

По итогам Всесоюзной переписи населения 1989 г. на территории Грузинской ССР насчитывалось около 4320 носителей бежтинского и гунзибского языков, которые компактно проживали в четырех селениях Кварельского района: Тиви, Сарусо (бежтинцы и гунзибцы), Чантлискуре (преимущественно бежтинцы), Тхилисцкаро (преимущественно гунзибцы). После распада СССР в начале 90-х гг. XX в. большая часть населения этих селений переселилась в Кизилюртовский район Республики Дагестан, в селения Новостальск и Шушановка. Согласно переписи 2014 г., в Грузии осталось 1060 бежтинцев и гунзибцев, из которых 973 человека – в Кварельском районе.

6. Population census in the Republic of Azerbaijan 2019. Statistical yearbook. VOLUME B. – Baku – 2022. С. 421.

Бежтинцы и гунзибцы в Грузии сохраняют свою культуру и традицию, в том числе родной язык, кухню, свадебные и похоронные обряды и религиозные обычаи. Как правило, они вступают в брак только внутри своей общины. Языком преподавания в школах в настоящее время является грузинский⁷.

В Республике Дагестан аварский и лезгинский языки функционируют во многих сферах общественной и культурной жизни, на них создана богатая оригинальная и переводная литература, издаются газеты и журналы, транслируются радио- и телепередачи; функционируют национальные театры; в Дагестанском государственном университете и Дагестанском государственном педагогическом университете готовят специалистов-преподавателей по этим языкам. Немного беднее сферы функционирования рутульского и цахурского языков, имеющих статус новописьменных: на этих языках с 90-х гг. XX в. издается литература, но нет театров, издаются газеты, но нет журналов (за исключением детского журнала «Соколенок» на цахурском языке); подготовка специалистов-учителей в вузах ведется sporadически (при условии набора групп из 5 обучающихся).

Бесписьменные трансграничные языки – ахвахский, бежтинский и гунзибский – в сопредельных государствах являются языками только семейно-бытового общения. В Азербайджане трансграничные дагестанские языки функционируют как бытовые, за исключением лезгинского, аварского и цахурского языков, которые в некоторых сёлах преподаются как учебный предмет. Так, согласно материалам сайта «Азербайджанский мультикультурализм»⁸, в учебных планах на их преподавание отводится по два часа в неделю. Лезгинский язык преподается в I–IX классах в 98 школах, аварский язык – в начальных классах 22 школ, цахурский язык – в младших классах 5 школ.

В современной геополитической ситуации территориальные границы не всегда являются показателями языкового контактирования или культурного взаимодействия этносов: так, невозможен непосредственный культурно-языковой обмен между жителями сопредельных государств, разделенных государственными границами, между жителями районов, разделенных горами и не имеющими автомобильного сообщения. Кроме того, языковое контактирование осуществляется через посредство общепонятных государственных языков.

Описываемые нами разделенные народы проживают в трех государствах, имеющих религиозные отличия. Так, Россия – многоконфессиональная страна, в которой большая часть населения исповедует православие, но описываемые нами этносы проживают компактно в Республике Дагестан, преобладающей религией которой является ислам суннитского направления. В Азербайджанской Республике основная часть населения исповедует ислам шиитского направления, Грузия – страна с богатыми православными традициями. Таким образом, носители трансграничных языков в разных сообществах соприкасаются либо с «инородной» религиозной средой, либо с разными течениями одной религии. Естественно, подобная конфессиональная разнородность не способствует сохранению единой национальной идентичности.

Факт включения описываемых дагестанских трансграничных языков, кроме аварского и лезгинского, в разработанный ЮНЕСКО «Atlas of the World's Languages in Danger» [17], т. к. число их носителей не превышает 50000 человек, свидетельствует о том, что «эти языки на современном этапе истории нуждаются в сохранении и развитии, как в полиэтническом Дагестане, так и в других регионах Кавказа с компактным проживанием их носителей. Решение этих проблем требует государственного внимания и заботы со стороны руководства...» [18, с. 119].

Современные социолингвистические данные позволяют заключить, что в районах южного Дагестана, где проживают рутульцы и цахурцы, за последние полвека произошла смена языка межнационального общения: азербайджанский язык полностью вытеснен русским [19, с. 110].

Между тем в Азербайджанской Республике в местах смешанного проживания разделенных дагестанских народов после сепарирования СССР из двух равноценных языков межнационального общения – русского и азербайджанского – только последний сохранил этот статус.

Таким образом, сферы межнационального общения, образования, делопроизводства и др. у носителей трансграничных языков в Дагестане обслуживаются русским языком, в Азербайджане – азербайджанским языком. Аналогично обстоит дело с языками в Грузии, где основные сферы деятель-

7. Итоги переписи населения Грузии 2014 года (მოსახლეობის 2014 წლის სავსეკლასო აღწერის) (груз.). Национальная статистическая служба Грузии. Электронный ресурс. Доступно по ссылке: <http://census.ge/en/results/census> Дата обращения: 02.02.2024.

8. Азербайджанский мультикультурализм. Электронный ресурс. Доступно по ссылке: https://multiculturalism.preslib.az/ru_a6.html.

ности, кроме семейно-бытовой, обслуживаются грузинским языком.

Носители трансграничных дагестанских языков демонстрируют разные уровни понимания родного или государственного языка. В соответствии с владением языками можно выделить следующие категории, определяющие статус носителей языков, локализованных по две стороны границы:

1) трансграничные языковые монолингвы, владеющие только родным языком (аварским, ахвахским, лезгинским и др.) и проживающие на территории России, Азербайджана или Грузии. Процент таких монолингвов в XXI веке невелик, что объясняется глобализационными процессами, влиянием телевидения и тотальным использованием интернета;

2) билингвы, говорящие на государственном языке страны проживания и родном языке; в этой категории различают и пассивных билингвов, понимающих родную речь, но не имеющих устоявшиеся навыки общения; к группе активных билингвов относятся среднее и старшее поколения носителей трансграничных дагестанских языков, пассивными билингвами, как правило, является молодежь и представители среднего поколения, проживающие в городах;

3) группу монолингвов, владеющих только государственным языком страны проживания (русским, азербайджанским или грузинским), но не знающих родного языка, ежегодно пополняет молодежь, не видящая ценности в родном языке, имеющем ограниченное функционирование, и изолированная от исходной языковой среды.

Статус и функции трансграничных языков, как правило, устанавливаются в соответствии с законами тех государств, где они локализованы. В ситуации с дагестанскими языками важно то, что появившиеся до установления государственных границ ареалы проживания, функции, ментальность, возможность перемещаться у их носителей претерпели за последние треть века существенные модификации: некоторые дагестанские языки оказались полностью локализованными за пределами Республики Дагестан и России в целом (будухский, крызский, удинский, хиналугский), другие стали трансграничными языками и, одновременно, языками меньшинств в сопредельных государствах. «Правовой статус родных языков этнических дагестанцев в Азербайджане, равно как и в Грузии, до сих пор не определен... Это обстоятельство негативно отражается на сохранении этнокультурной идентичности дагестанской диаспоры, особенно цахуров, примерно из 20 тыс. населения которых две трети являются гражданами Азербайджана» [9, с. 126].

Динамичность природы трансграничных языков обусловлена их непрерывным обогащением на территории двух государств в окружении разных этносов, но их развитие происходит автономно, инновации в разновидности языка одной части общины зачастую неведомы представителям другой части общины, т.к. контактирование не всегда может быть тесным в силу разного рода обстоятельств: так, с 2020 г., с начала пандемии, существуют разного уровня ограничения в пересечении российско-азербайджанской границы в Дагестане; остается проблематичным перемещение в Россию граждан Грузии.

Оказавшимся в разных культурологических условиях носителям дагестанских языков непросто сохранить язык и этническое самосознание. В сложившейся ситуации витальность трансграничных языков будет определяться языковой политикой государств, в которых они представлены. Кроме того, для поддержки языков меньшинств созданы международные документы, одним из которых является «Европейская хартия региональных языков или языков меньшинств»⁹, призванная помочь в противостоянии лингвистическому империализму международных языков.

Рост числа носителей трансграничных языков, владеющих русским языком в России и азербайджанским языком в Азербайджане, и одновременно признание ими языка своей народности родным при общем уменьшении количества владеющих языками приводит к размышлениям о парадоксальности вопросов национальной самоидентификации и сохранении языков.

В мультикультурных странах ключевыми элементами толерантного сосуществования является развитие многоязычного образования и обучения на национальных языках, что значимо для поддержания языкового разнообразия и многоязычия. Трансграничные языки являются основанием для развития и укрепления тесных культурных, научных, педагогических и другого рода связей между сопредельными государствами. Этому способствует общее историческое прошлое, генетическая память и сопереживание соплеменникам, в результате чего укрепляется солидарность между соседними народами, а мир познает многослойную самобытность полиэтнических государств.

9. https://static.iea.ras.ru/neotlozhka/218-Europ_khartia.pdf. Примечание. Российская Федерация присоединилась к странам, подписавшим Хартию (распоряжение Президента РФ от 22 февраля 2001 г. N 90-рп), однако не ратифицировала её.

Заключение

Языковая ситуация на Кавказе характеризуется многонациональностью и, следовательно, многоязычием, при этом спецификой региона является несовпадение государственных и этнических границ; генетическая, функциональная и структурная и разнородность языков, в результате чего функции *lingua franca* неизбежно выполняет язык титульного народа того государства, на территории которого локализованы носители дагестанских трансграничных языков, – русский, азербайджанский или грузинский.

Сравнительное описание численности носителей трансграничных языков по обе стороны границы позволяет делать вывод об асимметричном характере представленности аварцев, ахвахцев, бежтинцев, гунзибцев, лезгин и рутульцев в сопредельных государствах. Эти народы в Азербайджанской Республике и Республике Грузия составляют относительно небольшие группы. В Российской Федерации их численность значительно больше, а сферы функционирования гораздо шире. Цахурский язык можно признать симметричным трансграничным языком, представленным относительно однородным числом носителей по обе стороны государственной границы, при этом сферы его функционирования в РФ шире.

Разделенные дагестанские народы, оказавшиеся в уязвимой для витальности языков и менталитета ситуации, в государствах, где они находятся в меньшинстве, сталкиваются с необходимостью заботиться о сохранении различных уровней идентичности: этнической, религиозной, ментальной.

В целом для сохранения сфер функционирования трансграничных дагестанских языков в сопредельных странах необходимо выстраивание государственной национальной политики в русле формирования личности толерантных граждан, уважающих национальность, ментальность, религию и культуру представителей всех этносов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Данилин Д.И., Гаджиев К.С., Смирнов А.Н. и др. Диаспоры и разделенные народы на постсоветском пространстве. М.: ИМЭМО РАН, 2006. 141 с.
2. Казакевич О.А., Кибрик А.Е. Малые языки на постсоветском пространстве // Проблемы социального развития, образования, традиционного природопользования и сохранения языков коренных народов Камчатского края: Сборник материалов международного научно-методического семинара, Петропавловск-Камчатский, 22–23 октября 2008 г. Петропавловск-Камчатский: Камчатский государственный технический университет, 2010. С. 25–42.
3. Алимova Б.М., Сефербеков Р.И. Влияние межэтнического общения на культурные традиции народов Южного Дагестана (на материалах дагестанских азербайджанцев, южных кумыков и табасаранцев) // Историко-культурные и экономические связи народов Дагестана и Азербайджана: через прошлый опыт взгляд в XXI век: материалы Международной научной конференции, посвященной 110-летию со дня рождения Азиза Алиева, Махачкала, 08 июня 2007 г. Махачкала: Институт истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН, 2007. С. 230–237.
4. Камболов Т.Т. Языковая ситуация и языковая политика в Северной Осетии: история, современность, перспективы: Монография. Владикавказ: Издательство СОГУ, 2007, 290 с. ISBN 5-8336-0287-4.
5. Бавуу-Сюрюн М.В. Социолингвистическая ситуация на территориях распространения тувинского языка за рубежом // Сохранение и развитие языков и культур коренных народов Сибири: Материалы II Всероссийской научно-практической

REFERENCES

1. Danilin DI., Gadzhiev KS., Smirnov AN., et al. *Diasporas and divided peoples in the post-Soviet space*. Moscow: IMEMO RAS, 2006. (In Russ)
2. Kazakevich OA., Kibrik AE. Minor languages in the post-Soviet space. *Problems of social development, education, traditional nature management and preservation of the languages of the indigenous peoples of Kamchatka Krai: Collection of materials from the international scientific and methodological seminar, Petropavlovsk-Kamchatsky, October 22–23, 2008*. Petropavlovsk-Kamchatsky: Kamchatka State Technical University, 2010: 25–42. (In Russ)
3. Alimova BM., Seferbekov RI. The Impact of Interethnic Communication on the Cultural Traditions of the Peoples of Southern Dagestan (Based on the Materials of Dagestani Azerbaijanis, Southern Kumyks, and Tabasarans). *Historical, Cultural, and Economic Ties of the Peoples of Dagestan and Azerbaijan: A Look into the 21st Century Through Past Experience: Proceedings of the International Scientific Conference Dedicated to the 110th Anniversary of the Birth of Aziz Aliyev, Makhachkala, June 8, 2007*. Makhachkala: IHAE DSC RAS, 2007: 230–237. (In Russ)
4. Kambolov TT. *Language Situation and Language Policy in North Ossetia: History, Modernity, Prospects: Monograph*. Vladikavkaz: SOGU Publishing House, 2007. ISBN 5-8336-0287-4. (In Russ)
5. Bavuu-Syuryun MV. Sociolinguistic situation in the territories where the Tuvan language is spread abroad. *Preservation and development of languages and cultures of indigenous peoples of Siberia: Proceedings of the II All-Russian scientific and practical*

конференции, Абакан, 24–25 мая 2018 г. Абакан: Хакассский государственный университет, 2018. С. 19–27.

6. Жанна М. Юша Проблемы сохранения родного языка китайских тувинцев // Новые исследования Тувы. 2018. № 1. С. 45–60.

7. Айтберов Т.М. Закавказские аварцы // Народы Дагестана. 2002. № 1.

8. Курбанов М.Р., Юсупова Г.И. Лезгины: проблемы разделенного народа. Махачкала: Региональный центр этнополитических исследований при ДНЦ РАН, 1996. 54 с.

9. Магомедханов М.М. Особенности этноязыковых процессов в Южном Дагестане // Вестник Института ИАЭ. Махачкала, 2006. № 1. С. 121–128.

10. Магомедханов М.М. Дагестанцы: этноязыковые и социокультурные аспекты самосознания. М.: ООО «ДИНЭМ», 2008. 278 с.

11. Рамазанова Д.Ш. Разделенные народы Дагестана (лезгины, цахуры, аварцы, ногайцы): история проблемы и политика государства. М.: Парнас, 2016. и др.

12. Authier G. The Khnov dialect of southern Rutul // Linguistic Diversity in Azerbaijan: Present State and Future Challenges. Ankara, 2023. Pp. 299–372.

13. Дибиров И.А. Некоторые особенности дагестанских языков Алазанской долины. Махачкала: ДГПУ, 2000. 120 с.

14. Гусейнова Б.М. Расселение дагестаноязычных и других народов в Восточном Закавказье в XVIII – середине XIX вв. Махачкала, 2004. 58 с.

15. Clifton J.M. a. all. The Sociolinguistic Situation of the Avar in Azerbaijan // Studies in Languages of Azerbaijan / Ed. by John M Clifton / Inst. of Intern. Rel. Acad. of Sciences of Azerbaijan / SIL International. Baku St Petersburg, 2002. Vol. 1.

16. Алексеев М.Е., Казенин К. И., Сулейманов М. Дагестанские народы Азербайджана – политика, история, культура. М.: Европа, 2006. 105 с.

17. Moseley Ch. Atlas of the World's Languages in Danger. Paris: UNESCO, 2010.

18. Атаев Б.М., Ибрагимова М.О. Перспективы развития дагестанских языков в контексте языковой ситуации на Кавказе // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2021. № 2–2. С. 116–120. DOI 10.37882/2223-2982.2021.02-2.03.

19. Атаев Б.М., Ибрагимова М.О. Специфика языковой ситуации в многоязычном ареале (на примере Рутульского района Республики Дагестан) // Новые исследования Тувы. 2022. № 4. С. 106–113. DOI 10.25178/nit.2022.4.8.

conference, Abakan, May 24–25, 2018. Abakan: Khakass State University, 2018: 19-27. (In Russ)

6. Zhanna M. Problems of preserving the native language of Chinese Tuvans. *Novye Issledovaniya Tuvy*. 2018; 1: 45-60. (In Russ)

7. Aitberov TM. Transcaucasian Avars. *Narody Dagestana*. 2002; No. 1. (In Russ)

8. Kurbanov MR., Yusupova GI. *Lezgins: problems of a divided people*. Makhachkala: Regional Center for Ethnopolitical Research at the Dagestan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, 1996. (In Russ)

9. Magomedkhanov MM. Features of Ethnolinguistic Processes in Southern Dagestan. *Bulletin of the Institute of the IAE*. Makhachkala, 2006; 1: 121-128. (In Russ)

10. Magomedkhanov MM. *Dagestanis: Ethnolinguistic and Sociocultural Aspects of Self-Consciousness*. Moscow: DINEM, 2008. (In Russ)

11. Ramazanova DSh. *Divided Peoples of Dagestan (Lezgins, Tsakhurs, Avars, Nogais): History of the Problem and State Policy*. Moscow: Parnas, 2016. (In Russ)

12. Authier G. The Khnov dialect of southern Rutul. *Linguistic Diversity in Azerbaijan: Present State and Future Challenges*. Ankara, 2023: 299-372.

13. Dibirov IA. *Some Features of the Dagestani Languages of the Alazani Valley*. Makhachkala: DSPU, 2000. (In Russ)

14. Guseynova BM. *The Settlement of Dagestani-Speaking and Other Peoples in Eastern Transcaucasia in the 18th – Mid-19th Centuries*. Makhachkala, 2004. (In Russ)

15. Clifton JM. et al. The Sociolinguistic Situation of the Avar in Azerbaijan. In: Clifton J. *Studies in Languages of Azerbaijan*. Baku-St. Petersburg: Inst. of Intern. Rel. Acad. of Sciences of Azerbaijan / SIL International., 2002.

16. Alekseev ME., Kazenin KI., Suleymanov M. *Dagestan peoples of Azerbaijan – politics, history, culture*. Moscow: Evropa, 2006. (In Russ)

17. Moseley Ch. *Atlas of the World's Languages in Danger*. Paris: UNESCO, 2010. (In Russ)

18. Atayev BM., Ibragimova MO. Prospects for the development of Dagestan languages in the context of the language situation in the Caucasus. *Modern science: current problems of theory and practice. Series: Humanities*. 2021; 2-2: 116-120. DOI 10.37882/2223-2982.2021.02-2.03. (In Russ)

19. Ataev BM., Ibragimova MO. Specifics of the language situation in a multilingual area (on the case of the Rutulsky district of the Republic of Dagestan). *Novye Issledovaniya Tuvy*. 2022; 4: 106-113. DOI 10.25178/nit.2022.4.8. (In Russ)

Поступила в редакцию 21.02.2024 г.

Принята в печать 03.04.2024 г.

Опубликована 15.12.2024 г.

Received 21.02.2024

Accepted 03.04.2024

Published 15.12.2024

Сефербеков Руслан Ибрагимович
д.и.н., главный научный сотрудник
Институт истории, археологии и этнографии
Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, Махачкала, Россия
ruslan.seferbekov@yandex.ru

ИЗ МИФОЛОГИИ РУССКИХ ДАГЕСТАНА: ДОМОВОЙ

Аннотация: В статье на основе собранного в сёлах Кизлярского и Тарумовского районов Дагестана полевого этнографического материала и литературных источников с использованием общенаучных исторических (хронологический, историко-генегический, сравнительно-исторический, структурно-диахронный, ретроспективный) и специальных методов этнологии (опрос, интервьюирование) даётся анализ (ипостаси, локусы обитания, время появления, способы и формы коммуникации с человеком, патронажные и злокозненные действия, обереги) амбивалентного мифологического персонажа русской мифологии – *домового*. Исследуются сходство и различие *домового* у русских Дагестана и у русских основного этнического массива, а также у народов Дагестана, Северного Кавказа и мира. Зарождение этого мифологического образа у славян относится ко времени распада первобытной соседской общины, установления патриархата, возникновения домохозяйств с их большими и малыми семьями. В основе мифологического персонажа *домовой* лежит почитание умерших предков и культ домашнего очага. Исходя из представленных в статье источников этот образ существовал в средневековое и новое время. Это свидетельствует о том, что представления о *домовом* сформировались в разные исторические эпохи и опосредованно отражают общественные, социально-экономические и культурные процессы, происходившие у восточных славян в различные хронологические периоды. Амбивалентность *домового* объясняется его принадлежностью к сакральным пространствам. Принадлежность *домового* к верхнему миру накладывала на него обязанности патрона дома и семьи, а отношение к преисподней – функции душасящего человека во время сна демона. Сакральные континуумы и хронотопы позволяли профанному времени и пространству быть проницаемыми для потусторонних персонажей в наш мир. Будучи частью расселенного на Северном Кавказе начиная со второй половины XVI и особенно в XIX – начале XX в. разнородного великорусского этноса, русские Дагестана воспроизводили на новой территории мифологические образы исконных мест обитания. Основные параметры и характеристики *домового* у русских Дагестана совпадают с мифологическим образом домашнего духа у русских основного этнического массива, что свидетельствует об устойчивости, преемственности и воспроизводстве через историческую память поколений главных персонажей русской мифологии. Дошедшие до нашего времени реликты этого мифологического образа у русских Дагестана вселяют определенную надежду на сохранение их этнической, религиозной и культурной идентичности в эпоху глобализации.

Ключевые слова: русские Дагестана; дохристианские верования; мифологические персонажи; *домовой*; новейшее время

Для цитирования: Сефербеков Р.И. Из мифологии русских Дагестана: домовый // История, археология и этнография Кавказа. 2024. Т. 20. № 4. С. 934-947. doi.org/10.32653/CH204934-947

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH204934-947>

Research paper

Ruslan I. Seferbekov
Dr. Sci., Chief Researcher
Institute of History, Archaeology and Ethnography
Dagestan Federal Research Center of the RAS, Makhachkala, Russia
ruslan_seferbekov@yandex.ru

DOMOVOY IN THE MYTHOLOGICAL BELIEFS OF DAGESTANI RUSSIANS

Abstract. This study analyzes the ambivalent mythological figure of the *domovoy* in Russian mythology. The analysis draws upon fieldwork and literary sources gathered in the villages of the Kizlyarsky and Tarumovsky districts of Dagestan. Methodological basis of the research employs established historical approaches (chronological, historical-genetic, comparative-historical, structural-diachronic, and retrospective) as well as standard ethnological methods, including surveys and interviews. The study compares and contrasts the *domovoy* figure as understood by Russians of Dagestan with its representation among the broader Russian population, as well as among the peoples of Dagestan, the North Caucasus, and globally. The origin of this mythological image among the Slavs is traced to the decline of the primitive neighboring community, the rise of patriarchy, and the development of households encompassing extended and nuclear families. The *domovoy*'s mythological character is rooted in ancestor veneration and hearth-centered rituals. The sources examined in this study suggest the persistence of the *domovoy* from the Middle Ages into the modern era. This persistence indicates that conceptions of the *domovoy* evolved across different historical periods, indirectly reflecting the social, socioeconomic, and cultural transformations among Eastern Slavs. The *domovoy*'s ambivalent nature stems from its association with sacred spaces. Its connection to the upper world casts it as a patron of the house and family, while its ties to the underworld manifest in its demonic aspect, capable of harming sleeping individuals. Sacred continuums and chronotopes rendered profane time and space permeable to otherworldly entities. As part of the diverse Great Russian population that settled in the North Caucasus from the latter half of the 16th century onward, and particularly during the 19th and early 20th centuries, the Russians of Dagestan perpetuated the mythological figures of their ancestral homelands. The main features of the *domovoy* as understood by Russians of Dagestan align with the broader Russian understanding of this house spirit. This consistency highlights the stability, continuity, and transmission across generations of key figures within Russian mythology. The survival of these mythological beliefs among Russians in Dagestan offers hope for the preservation of their distinct ethnic, religious, and cultural identity in the face of globalization.

Keywords: Russians of Dagestan; pre-Christian beliefs; mythological characters; *domovoy*; contemporary times

For citation: Seferbekov R.I. *Domovoy in the mythological beliefs of Dagestani Russians.* History, Archeology and Ethnography of the Caucasus. 2024. Vol. 20. N. 4. P. 934-947. doi.org/10.32653/CH204934-947

© Seferbekov R.I., 2024
© Seferbekov M.R., translation, 2024
© Daghestan Federal Research Centre of RAS, 2024

Введение

Одними из представителей русской диаспоры являются русские Дагестана [1], расселившиеся в низовьях Терека ещё во второй половине XVI в. [2, с. 259]. Наиболее интенсивное формирование русской национальной диаспоры в Дагестане относится ко второй половине XIX – началу XX в. и связывается с переселенческой политикой правительства России [3, с. 540].

Будучи частью разнородного великорусского этноса, расселенного в Дагестане и на Северном Кавказе, на новом месте жительства русские воспроизводили бытовую культуру своих исконных мест обитания. Это относится и к традиционной духовной культуре, в которой воспоминания о древних дохристианских верованиях содержались в мифологических быличках – рассказах о домовых, леших, водяных и проч. [4, с. 305].

Как отмечают в этой связи исследователи, «религиозные верования русских Дагестана представляли собой сложный синтез различных по времени представлений и мировоззрений. Наибольший интерес в народных верованиях представляли образы мифологических существ, восходящих к глубокой древности» [1, с. 159] – оборотни, *домовые*, лешие, упыри, кикиморы, русалки, черти и др. [3, с. 555].

Изучением традиционной духовной культуры дагестанских русских в разное время занимались многие российские исследователи. Затрагивали они и тему религиозных верований. Особый интерес в этой связи представляет статья Т. Рогожина [5, с. 57–67], в которой он описывает демонологию терских казаков ст. Червленной. Ныне эта станица входит в состав Чеченской Республики, но так как в этой статье описываются терские казаки, она показательна и для казаков, проживающих в настоящее время на территории Республики Дагестан.

Насколько нам известно, в советское время изучением традиционных мифологических персонажей русских Дагестана никто не занимался. В новейшее время этот пробел, благодаря опирающимся в основном на литературные источники исследованиям М.Ш. Ризахановой, С.А. Лугуева и М.Х. Мансурова, в какой-то мере был восполнен. Небольшой вклад в решение этой проблемы внесли и мы (описание мифологического персонажа терских казаков – *Лобаста*) [6, с. 47–49].

Основной целью нашего исследования является анализ образа и характеристик одного из мифологических персонажей русских Дагестана – *домового*. Реализация этой цели предполагает решение ряда задач: 1) проанализировать ипостаси, время появления, локусы обитания, добродетельные и злокозненные действия этого мифологического образа; 2) выявить сходство и различие главных черт и характеристик *домового* у расселенных в этноконтактной зоне русских Дагестана и русских основного этнического массива; 3) провести параллели в характеристиках этого мифологического образа у дагестанских русских со свойствами аналогичных персонажей у других народов Дагестана и Северного Кавказа.

Основой статьи послужил собранный нами в июле–августе 2023 г. в 9 селениях Кизлярского (сс. Александрия, Кардоновка, Некрасовка и Аверьяновка) и Тарумовского (сс. Тарумовка, Коктюбей, Таловка, Калиновка и Ново-Георгиевка) районов Дагестана полевой этнографический материал.

Выбор Кизлярского и Тарумовского районов Республики Дагестан объясняется тем, что вместе с г. Кизляром они образуют так называемую Кизлярщину – регион компактного проживания сельского русского населения Дагестана. В других регионах республики русские проживают дисперсно и по преимуществу в городах.

При рассмотрении проблемы нами были применены общенаучные исторические и специальные этнологические методы. Хронологический метод позволил нам последовательно изучить этот мифологический образ, учитывая его изменения во времени; историко-генетический метод – выявить причинно-следственные связи возникновения этого персонажа в эпоху распада первобытного общества и его дальнейших изменений в ходе исторического развития; сравнительно-исторический метод – сопоставить общее и особенное в образе *домового* у русских Дагестана с этим же мифологическим персонажем у русских основного этнического массива, а также у народов Дагестана, Северного Кавказа и мира; структурно-диахронный метод – изучить сущностно-временные изменения этого мифологического образа в процессе трансформировавшейся исторической реальности; ретроспективный метод – проанализировать этот персонаж с учетом изменений во времени, начиная от современности и заканчивая

древностью. При сборе полевого материала были применены специальные методы этнологии – опрос и интервьюирование респондентов.

Следует отметить, что в новейшее время образы традиционных мифологических персонажей русских Дагестана изучались неполно и без привлечения полевого материала. Наше небольшое исследование призвано устранить этот недостаток, чем и определяется его научная новизна. Его материалы могут быть использованы при написании обобщающих трудов по традиционной духовной культуре русских Дагестана и Северного Кавказа. Они могут быть полезны историкам, этнологам, религиоведам, культурологам и широкому кругу читателей.

Общая характеристика мифологического персонажа

Обычно в этнографической и справочной литературе *домовой* характеризуется как «сверхъестественное существо мифологии восточных славян, дух и хранитель дома» [7, с. 156; 8, с. 391], «потусторонний «хозяин» человеческого жилища» [9, с. 52], «связанный с культом предков низший дух, покровитель дома, хранитель домашнего очага и семьи» [10, с. 201–202], которого «за очевидные и доказанные услуги» величают «хозяином», а за древностью лет его жизни на Руси — «дедушкой» [11, с. 19]. Считается, «что от него зависит благополучие семейной жизни и успехи в хозяйстве» [5, с. 61]. «Вообще домовому приписываются свойства старого упрямого хозяина дома. Он сторожит дом и оберегает его» [12, с. 413].

Ф.С. Капица объясняет трансформации представлений о *домовом* таким образом: «Первоначально охранителем дома считался умерший предок – основатель рода, первый хозяин родового дома. Со временем индивидуальные черты утратились, и из предка *домовой* превратился в домашнего духа-охранителя» [13, с. 36]. Итак, налицо связь *домового* с культом предков, в котором «забота о душах умерших осознаётся как необходимая обязанность для живых родственников в связи с верой в покровительство мёртвых» [14, с. 163]. В.Я. Пропп считал, что русские весенние земледельческие обряды были посвящены усопшим. Забота о посевах сочеталась с заботой о покойниках: «находясь под землей, они могли иметь власть над урожаем, их надо было умилостивить, выразить им свою любовь и почитание» [15, с. 33].

С.А. Токарев относил происхождение образа незримого покровителя семьи, олицетворявшего ее благополучие и ассоциировавшегося в сознании людей с образом предка, «к тому времени, когда с разложением родового строя отдельная семья сделалась самостоятельной общественной единицей» [16, с. 97]. По его мнению, «настоящего своего развития культ предков достигает лишь на стадии патриархально-родового строя», «поскольку культ предков есть почитание умерших мужчин-сородичей» [17, с. 259, 285]. Продолжая высказанную С.А. Токаревым мысль, отметим, что в указанный им период с усилением значения мужского труда и монополизацией мужчинами зарождающейся частной собственности устанавливается патриархат [18, с. 131–133], возникает соседская, территориальная, или крестьянская община [19, с. 110] – низовая ячейка социального организма главным образом классового общества – с её домохозяйствами, как правило, совпадающими с большой (расширенной, сложной) или малой (элементарной, простой) семьей [20, с. 51].

Культ патрона дома продолжал сохраняться у славян и в Средневековье. Как отмечал в этой связи Б.А. Рыбаков, в русских и польских средневековых домах при раскопках находили «маленькие деревянные идолы, очевидно, изображения *домовых*. Их ставили, возможно, на угловых полочках в красном углу, где в более позднее время помещали иконы. У гуцулов эта полочка-божница называлась очень характерно – «диды», то есть «предки», «домовые» [21, с. 234–235]. По мнению Влх. Велимира, «во времена язычества для русских было свойственно поклонение малым домашним духам. Среди них главным являлся *домовой*. Для крестьянина почитание *домового* было высшим языческим культом» [22, с. 76].

Таким образом, возникновение мифологического персонажа *домовой*, вероятно, относится к эпохе распада первобытного общества, установления патриархата и формирования на базе соседской общины домохозяйств с их большими и малыми семьями. Почитание этого образа у славян сохранялось и в Средневековье.

Характеристика образа домового у русских Дагестана

Ипостаси. По существовавшим у восточных славян представлениям, домашний дух был незрим: «видеть домового нельзя: это не в силах человека» [11, с. 19], «домовой невидим, но иногда он показывается людям, чаще всего приняв облик самого хозяина дома, живого или мертвого» [12, с. 413].

Помимо того, что *домовой* был невидим, он иногда представал и в других ипостасях. Некоторым людям он являлся в аморфном виде: «Ночью у себя в кровати в ногах я увидела какую-то огромную черную бесформенную массу»; «это было существо, лица которого я не видела»; «оно сидело ко мне спиной» (с. Ново-Георгиевка); «в темноте был виден только его силуэт» (с. Калиновка); «что-то вроде дымки улетело за косяк двери» (с. Тарумовка).

Другим он являлся в зооморфном облике: «Я проснулась оттого, что почувствовала, что рядом со мной кто-то лежит, вроде медведя»; «я нащупала у него стриженную короткую шерсть»; «мои тапочки стали пахнуть кошачьей мочой, хотя котенка в доме у нас не было» (с. Ново-Георгиевка).

У русских основного этнического массива *домовой* так же «нередко появлялся в образе разных животных, чаще всего — кошки, собаки, коровы или бычка, реже — змеи, крысы или лягушки» [12, с. 413].

В мифологических представлениях дагестанских русских *домовой* чаще всего представлялся в антропоморфном облике, что видно из приписываемых ему полу, внешнему облику и возрасту: он — «мужского пола» (сс. Тарумовка, Коктубей, Таловка, Александрия), «с круглыми» (с. Калиновка) «красными глазами» (ст. Александрия); «я ощутила, что вместе со мной в моей двуспальной кровати лежит мужчина» (с. Ново-Георгиевка); «я обратила внимание на то, что мои домашние тапочки стали пахнуть мужчиной, хотя в моей семье его нет» (с. Ново-Георгиевка); «это — старичок с бородой до середины груди, с длинными седыми косматыми волосами» (с. Аверьяновка); «он волосатый» (сс. Таловка, Калиновка, Александрия); «косматый» (ст. Александрия); «лохматый» (с. Тарумовка); «шерстяной» (сс. Коктубей, Некрасовка); «меховой» (с. Тарумовка); «покрыт шерстью, ватой, пухом» (с. Некрасовка), «гладкой шерстью» (с. Тарумовка); «мягкий» (с. Коктубей); «тёплый» (с. Коктубей); «тяжелый» (с. Тарумовка).

Лохматость *домового* считалась благоприятным признаком: «обычно мохнатый, иногда появляется голым — тогда он предвещает бедность» [12, с. 413]. У терских казаков «домовой, предвещая человеку несчастье, давит его, оставаясь нагим; если же домового предвещает счастье, то бывает в шерсти» [5, с. 62].

По поверьям, *домовой* был «большого» (сс. Тарумовка, Коктубей), «небольшого» (сс. Тарумовка, Коктубей) или даже «маленького» (сс. Александрия, Калиновка) роста. Он носил «шапку (колпак) и был обут в лапти» (с. Аверьяновка); «одет в шубу» (с. Некрасовка); «на нём была стриженная короткошерстная шуба» (с. Ново-Георгиевка); «он был в мешковине» (с. Калиновка).

В большинстве быличек и сказок великорусского народа *домовой* так же представал в антропоморфном облике. Это объясняется тем, что «домовым обычно становился умерший предок семьи. Именно поэтому в образе домового преобладают антропоморфные черты» [13, с. 38]. Обычно *домового* «представляли в образе старичка небольшого роста с серебристо-белой бородой, большими руками и босыми ногами» [13, с. 37], «в виде крохотного старика с лицом, покрытым белой шерстью» [8, с. 391], «маленького седого старичка, одетого в белую или красную рубаху» [22, с. 76]; «маленького человечка в колпаке вроде сказочного гномика» [9, с. 52]; «в виде старика с длинными седыми спутанными волосами и бородой, иногда без бровей» [12, с. 413]; «в образе седого старика, одетого в белую длинную рубаху и с непокрытой головой»; «он одет в свитку желтого сукна и всегда носит большую лохматую шапку; «волосы на голове и в бороде у него длинные, свалывшиеся»; «это старичок маленький, словно обрубок или кряж, но с большой седой бородой» [11, с. 21].

Итак, как это видно, в мифологических представлениях русских Дагестана *домовой* представал в аморфной, зоо- и антропоморфной ипостасях. Чаще всего его представляли в образе старичка с бородой и длинными седыми косматыми волосами и этот облик совпадает с его обликом в фольклоре великорусского народа.

Локусы обитания. У русских Дагестана существовало представление, что «домовой обитает в каждом доме, где живёт в углу и, особенно — в старом сундуке» (с. Коктубей); «он прячется в доме везде» (с. Тарумовка); «живёт на чердаке» (с. Ново-Георгиевка), «под кроватью» (с. Коктубей); «в углу» (с. Некрасовка); «сидит под печкой» (с. Александрия), а «чаще всего — за печкой или в углу за веником

при условии, что он стоит метелкой вниз, а рукоятью – вверх (с. Аверьяновка).

Итак, можно сделать вывод, что локусами обитания домового в доме были угол, старый сундук, чердак, пространство под кроватью, за печкой, под печкой и за веником.

Следует отметить, что в мифологиях народов мира, сундук считался «вместилищем тайн, открываемых немногим избранным посвященным», «в сундуках хранились древние реликвии или предметы, олицетворявшие дух предков» [23, с. 161].

Как указывалось, одним из локусов его обитания был веник, причем стоящий рукоятью вверх, а метелкой вниз. Это обстоятельство указывает на то, что метлу «следовало использовать осторожно, так как она могла расправиться с добрыми духами дома» [23, с. 102].

У русских основного этнического массива «домовой обитал в доме или в хозяйственных постройках», «в темных углах дома», «в углу за печью», «под печью» [13, с. 37, 38]; его жильем были «чердак», «подвал дома», «печь и порог», причём «передний угол и порог» считались для него «почетными местами» [12, с. 256, 316, 403]; «он бывает в каждом доме и вечно скрывается в подпечнике и в углу под веником» [5, с. 61]; «живёт в углу за печкой, куда не следует бросать мусор» [8, с. 391]; «в каждой избе есть свой домовый», «он обитает на чердаке» [24, с. 84]; «домовой обитает в разных местах дома – под порогом, под печкой, на чердаке, в чулане, в печной трубе» [10, с. 201]; «жил в подпечье, ему так же принадлежал и печной угол дома» [22, с. 76].

Как это видно, основные локусы обитания домового у дагестанских русских и русских основного этнического массива практически совпадают.

Локализация домового в пространстве печи (под печью, за печью), на наш взгляд, не случайна и связана с культом семейного очага. Как считает Н.Л. Жуковская, «в обществах с патриархальным укладом хранителем очага как символа дома–семьи–хозяйства выступал мужчина, а дух – хранитель очага (дома) приобрёл мужской облик (домовой у русских)» [25, с. 148].

По мнению Д.К. Зеленина, «господствует мнение, что в образе восточнославянского домового сочетаются элементы культа предков и культа домашнего очага, то есть огня. Первые выражены сильнее. Уже само место обитания домового, чаще всего под печкой, говорит о его связи с очагом и с огнем. Жители северно-русских губерний обычно поселяют домового в подполе, но и там он живет в том углу, в котором находится печь. Он обитает также за печью, на печи, под печным столбом. Реже живет под дверным порогом, под углом дома, на чердаке возле печной трубы» [12, с. 412].

Как уже указывалось, часто домовый обитал в углах жилища, которые в мифопоэтическом сознании «отличаются особой семантической насыщенностью» и «осмысляются как объемно-пространственные локусы, в которых может появиться и действовать мифический «хозяин», покровительствующий/не покровительствующий живущей здесь семье» [26, с. 28, 39].

В мифологиях славян и других народов мира общеизвестна значимость такого модуса перемещения в пространстве как дымоход, который являлся «входом» из одного мира в другой» [27, с. 125], был проходом для перемещения «на небеса» (солярные ворота), от временного к вечному, от пространства к безграничности» [28, с. 83].

Одним из мест обитания и способов проникновения домового в жилище был дверной порог. Н.Л. Жуковская видит в нем отголосок когда-то семантически значимого «переходного» ритуала: «пересечение границы двух миров, один из которых снаружи, другой – внутри, первый – чужой, второй – свой. В первом заключена опасность» [29, с. 123]. Мирча Элиаде обращал внимание на то, что «порог и дверь непосредственно и конкретно указывают на разрыв в пространстве; и именно в этом их важное религиозное значение, так как вместе они являются символами и средствами перехода» [30, с. 25].

Следует отметить, что в мифологиях народов мира порог олицетворял «проход от профанного к сакральному, от внешнего профанного к внутреннему сакральному пространству, вхождение в новый мир. Как граничный символ он означал место встречи естественного и сверхъестественного» [28, с. 256].

При описании ипостасей и локусов домового у дагестанских русских с. Тарумовка отмечалась такая особенность – «что-то вроде дымки улетело за косяк двери». По мнению В.А. Дмитриева, у народов Северного Кавказа была распространена магия дверного проема: «почитанием пользовалась и притолока, именовавшаяся часто «верхний порог» [31, с. 99]. У осетин дверные проемы, ворота, проемы в изгороди, оконные проемы относились к проницаемым границам, так как посредством их осуществлялась связь внутреннего и внешнего пространства. В обрядах и обычаях основное внимание уделялось дверному проему, и особенно такой его составляющей, как порог, через который надо переступить, чтобы попасть из внешнего пространства во внутреннее и наоборот [32, с. 148].

Таким образом, локусами обитания *домового* являлось как всё пространство жилища (если учесть, что он был вездесущ), так и отдельные его зоны – подпол (чулан); за печкой, на печи, под печкой, в печной трубе; в сундуке; за веником; под дверным порогом; в углах; на чердаке.

На наш взгляд, обитание *домового* в зонах сакрального пространства и является причиной его амбивалентности (*добродетельность – злокозненность*). Именно поэтому, с одной стороны, *домовой* предстает в позитивном образе связанного с культом предков домашнего духа, охранителя дома, покровителя семьи, а с другой – его характеризовали отрицательно, подчеркивая его принадлежность к нечистой силе – «лихой», «лиходей», «не свой дух», «домовый дьявол», «нечистый» [13, с. 37].

Несмотря на то, что *домового* причисляли к нечистой силе [8, с. 392], в народе, как это ни странно, к нему относились с симпатией. Это подметил С.В. Максимов, который писал: «Большая часть крестьян так к ним привыкла, так примирилась с ними, что не согласна признавать *домовых* за чертей и считает их за особую отдельную добрую породу» [11, с. 19].

Время появления. По рассказам информаторов, *домовой* «появлялся в темное время суток» (с. Калиновка), «приходил ночью» (с. Некрасовка), точнее – «в полночь, а иногда – в полдень» (ст. Александрия), причем «он появлялся только в том случае, если в доме было темно и были закрыты оконные ставни» (с. Коктубей), а иногда он «приходил под утро» (с. Некрасовка).

Итак, несмотря на то, что *домовой* мог являться иногда в полдень, чаще всего он появлялся в тёмное время суток и боялся света, что подтверждается следующим нарративом: «Ночью ко мне часто приходил *домовой*. Я пугалась его и не знала, что мне при этом говорить и делать. Когда я включала свет, он моментально исчезал» (с. Ново-Георгиевка).

У русских основного этнического массива *домовой* так же предпочитал появляться ночью. Так, Влх. Велимир указывает на то, что «беседы с *домовым* обычно происходили во сне или ночью» [22, с. 76], а С.В. Максимов сообщал, что всякий мог увидеть его «темной ночью до вторых петухов» [11, с. 21].

Таким образом, исходя из бинарной оппозиции *свет – тьма* и деления суток на определенные временные интервалы, *домовой* функционировал в основном в темное время, что в принципе характерно для всей нечистой силы, к которой он и относился. Так повелось, что «с рассветом дня» люди соединяли «все благое, все предвещающее жизнь, урожай, прибыль, а с закатом солнца, с ночью – все недоброе: смерть, бесплодие, убыток, несчастье» [34, с. 168], «хаос, безумие, разрушение, возвращение к утробному состоянию мира» [28, с. 218, 338].

Из темного времени суток особенно большую значимость придавали полночи. Как указывает Н. Лауренкене, «двенадцать часов ночи – это переходный момент, во время которого, по представлениям об архаичном празднике, исчезали границы между мирами, поэтому начинались чудеса – явления, характерные для потустороннего мира» [35, с. 377]. На то, что полдень и полночь у славян считаются моментами таинственными и критическими, обращал внимание и Д.К. Зеленин [12, с. 418].

В мусульманской и иудейской традиции, полдень – это час откровения, позитивное, духовное значение которого «произошло от отсутствия в этот момент теней (которые символизируют зло)», а «полночь – это час духовного зенита и момента инициации (перехода из одного состояния в другое)» [23, с. 129].

Н.А. Криничная обращала внимание на тот факт, что дорога «туда» и «обратно» открывается с закатом и восходом солнца. Подобная временная соотнесенность, на ее взгляд, не случайна: «восход, полдень, закат, полночь – это те краткие моменты в суточном цикле, когда сакральное время прерывается в профанное, что создает предпосылки для коммуникации между мирами» [36, с. 88]. По ее мнению, особенно важным и таинственным являлся заход солнца – «то есть один из четырех моментов суточного цикла, когда сакральный континуум и профанный хронотоп оказываются взаимопроницаемыми и по временным, и по пространственным параметрам» [36, с. 93].

Итак, можно сделать вывод, что такие сакральные континуумы и хронотопы как углы жилища, порог и дверной косяк, печная труба; тёмное время суток, полночь и полдень позволяли профанному времени и пространству быть пронизываемыми для проникновения потусторонних персонажей в наш мир.

Способы коммуникации человека с домовым. Соприкасавшиеся с *домовым* люди описывали свою встречу с ним следующими эпитетами: «Было такое ощущение, что кто-то целый день ходит за мной по пятам (с. Коктубей); «я чувствовала, что кто-то стоит рядом передо мной (с. Кардоновка); «я общалась с ним мысленно» (с. Ново-Георгиевка); «видела что-то вроде дымки, которая улетела за косяк двери» (с. Тарумовка); «топая, он ушёл в угол комнаты» (с. Коктубей); «он положил на меня свои руки» (с. Некрасовка); «что-то тяжелое опустилось мне на ноги» (с. Тарумовка); «он сядил мне на ноги или присаживался рядом со мной» (с. Ново-Георгиевка).

Итак, общавшиеся с *домовым* люди наряду с телепатической, визуальной, аудиальной и дистанционной коммуникацией ощущали на себе и непосредственный тактильный контакт с ним.

Немота – шум. Как отмечают информаторы, при контакте с человеком *домовой* в основном «молчит» (сс. Александрия, Аверьяновка, Некрасовка, Калиновка); но иногда он «стучит» (с. Аверьяновка); «издает звуки – «хью-хью» (с. Некрасовка); «громко вздыхает» (сс. Александрия, Ново-Георгиевка); «шипит» (сс. Некрасовка, Коктюбей) и «бормочет» (с. Коктюбей). Имелась примета: «Если *домовой* молчит, то это – к худу, а, если бормочет – к добру» (с. Коктюбей). Его появление служило предостережением человеку, что с ним может случиться беда (с. Коктюбей).

Итак, наряду с молчанием («немота в фольклоре признак принадлежности к миру мертвых» [37, с. 48]) *домовой* проявлял себя шумами – стуком, вздохами, шипением, бормотанием и другими звуками. Эти шумы можно рассматривать как одну из форм иноговорения (глоссолалия), которое в мифологии тюрков Сибири являлось «способом знакового оформления ситуации типа «свой – чужой» [38, с. 150].

У русских основного этнического массива *домовой* «стучал, тяжело дышал и человеческим голосом предсказывал худо» [9, с. 54], «можно слышать голос *домового*», «его тихий плач и глухие сдержанные стоны, его мягкий и ласковый, а иногда и отрывисто-краткий и глухой голос в виде мимоходных ответов, когда умелые и догадливые хозяева успевают окликнуть и сумеют спросить его при подходящих случаях» [11, с. 20]; «обычно его не бывает видно, но можно слышать и задавать вопросы; он отвечал шелестящим голосом» [22, с. 76]. Т. Рогожин приводит произошедший якобы у терских казаков случай, «когда из-под печки высунулась голова *домового*, которая произнесла глухим человеческим голосом: «И мне дайте» [5, с. 62].

По имеющимся у нас материалам, членораздельной речи *домового* или голосовых ответов на вопросы (к худу или добру?) человека к нему у дагестанских русских не зафиксировано.

Таким образом, *домовой* у славян чаще всего молчал, а молчание наряду с невозможностью рота, перевернутостью являлось характерным признаком потустороннего мира [27, с. 119]. В мифологии тюрков Сибири «безмолвие приравнивалось к небытию» [38, с. 144].

В некоторых случаях *домовой* переставал быть немым и издавал звуки, стук, вздохи, шипел, бормотал, плакал, стонал, говорил и предсказывал судьбу.

О том, что *домовой* мог предсказать судьбу, сообщают многочисленные исследователи. «В русском фольклоре *домовой* душит во сне, предсказывает добро или зло» [39, с. 102], – отмечает Э.В. Померанцева. Об этом пишет и Н.П. Гордеев: «*Домовой* может душить ночью во сне человека, и тогда его нужно спросить: «к худу или добру» [40, с. 52]. «Кто, проснувшись, поспешит спросить его: «К худу, или добру?» – он ответит человеческим голосом, словно ветер листьями прошелестит» [11, с. 20], – указывает С.В. Максимов. «Желая узнать, зачем давит *домовой* человека, заслышав в комнате стон, спрашивают: «к худу или добру»? Если *домовой* ответит: «к худу», то в семействе будет покойник или в хозяйстве неудача и урон скота; если же *домовой* скажет: «к добру», то хозяину будет неожиданное счастье» [5, с. 62], – свидетельствует Т. Рогожин.

Интересно отметить, что у русских Севера также существовало поверье, что, если в тот момент, когда *домовой* «давит» («наваливается») на хозяйку, та успевае спросить его – «к добру» или «к худу»? тот в ответ или произносит одно из этих слов, или дает знать о предстоящем событии прикосновением своей мохнатой руки, причем холодная рука предвещает несчастье, а теплая, напротив, счастье [41, с. 72].

По мнению А. Голана, способность *домового* предсказывать судьбу также свидетельствует о его связи с потусторонним миром: «Бог преисподней считался вещим» [42, с. 32].

Таким образом, *немота домового*, как и издаваемые им шумы и звуки, а также способность предсказывать судьбу подчеркивали его принадлежность к потустороннему миру.

Патронажные и злокозненные действия. Мы уже указывали на амбивалентность *домового*. Судя по содержанию быличек, *домовой* в большинстве случаев был добродетелен к человеку, но бывал и злокозненным. Его считали «хозяином дома, который оберегает его и покровительствует семье» (сс. Александрия, Некрасовка, Тарумовка, Аверьяновка, Ново-Георгиевка). Полагали, что *домовой* «зла никому не причиняет» (с. Александрия), «он добрый и любит, чтобы хозяева были домовитые, а в доме царил порядок» (с. Аверьяновка). Помимо людей, он также «оберегает и скот» (с. Аверьяновка). Добродетельные качества *домового* проявлялись, например, в тех случаях, когда человек заболел, и появление домашнего духа облегчало состояние больного. Если человека постигало горе, то *домовой*, «поглаживая и жалея, утешал его» (с. Коктюбей).

Злокозненность *домового* проявлялась в том, что он, навалившись на спящего человека, обездвиживал, давил и душил его. Контактировавшие с ним люди описывают своё состояние следующими эпитетами: «Когда *домовой* навалился на меня, я руками отталкивала его от себя, но не смогла с ним справиться» (ст. Александрия); «он навалился на меня всей своей тяжестью, а я не могла ни слово молвить, ни пошевелиться» (сс. Таловка, Ново-Георгиевка); «он сел мне на ноги, обездвижил и долго душил меня» (с. Калиновка); «садился мне на грудь и душил» (с. Тарумовка); «каждую ночь он приходил к одной женщине и спал с ней вопреки её воли при находящемся рядом муже» (с. Кардоновка).

Наиболее ярко амбивалентность *домового* проявляется в следующем рассказе: «До этого я никогда не контактировала с *домовым*. Однажды ночью я ощутила его присутствие. Он сел всей своей тяжестью мне на ноги, обездвижил меня, больно сжимал голени и душил. Утром я обнаружила на голених своих ног оставленные им синие полосы. Через некоторое время после этого случая, у меня родился долгожданный ребенок, а до этого я 18 лет не могла иметь детей (с. Кардоновка).

Как это видно, с одной стороны, *домовой* душил и до синяков сжимал голени этой женщины, а с другой – после контакта с ним, она смогла забеременеть от мужа и родить ребенка.

Дагестанские русские так же верили в то, что, если в тот момент, когда домашний дух, взбравшись на человека и душил его, последний сможет спросить демона: «К худу или добру?», то *домовой* предсказывает судьбу (сс. Тарумовка, Коктюбей, Аверьяновка), а затем сползает и уходит (с. Калиновка). Некоторые информаторы подчёркивали, что для того, чтобы *домовой* предсказал судьбу, его надо спросить трижды: «К худу или добру?».

Бывало, что *домовой* никаким образом не реагировал на эти вопросы. Когда одна из женщин однажды спросила его об этом, «он ничего не ответил, а только громко вздохнул и исчез» (ст. Александрия). Другая столкнувшаяся с ним женщина описывает своё состояние следующим образом: «Мне было страшно. Я хотела спросить его: «К худу или добру» (?), но не смогла. Наконец, я собралась с силами и спросила его. Он дунул на меня и исчез» (с. Ново-Георгиевка).

Иногда, появление *домового* являлось знаком того, что нужно было помянуть душу умершего хозяина дома. Столкнувшаяся с такой ситуацией женщина поведала нам следующее: «Однажды ночью я проснулась оттого, что на мне кто-то сидит. Он был настолько тяжелым, что я не могла ни вдохнуть, ни выдохнуть, ни пошевелиться. Сквозь сон я увидела на краю своей кровати какую-то огромную бесформенную массу. Я догадалась, что это – *домовой* и хотела спросить его: «К худу или к добру?», но язык у меня не повернулся сказать это, так как мой сын находится в зоне СВО на Украине, и я побоялась услышать плохое о нём. Я просто стала читать молитвы и обратилась к Богу: «Господи, помоги мне!». В конце концов, *домовой* отпустил меня и исчез. Придя в себя, я вспомнила, что этот дом я купила у дедушки Мити, который давно умер. Я прожила в этом доме 23 года. Этот случай произошел со мной в ночь на Родительскую субботу, и я подумала, что дядю Митю надо помянуть. Утром я пошла в церковь с. Тарумовки, где в это время шла служба и записала его в список тех, кого надо помянуть, и батюшка помянул его. Я думаю, что таким образом (через появление *домового*) душа дяди Мити напомнила мне о себе. Больше *домовой* меня не беспокоил» (с. Ново-Георгиевка).

По свидетельству информаторов, злокозненные действия *домового* происходят в основном из-за того, что при покупке нового дома и переезде в него хозяева не всегда зовут туда своего *домового*, поэтому он сердится и мстит новым хозяевам. О подобном случае нам поведал один из наших информаторов: «У моей бабушки после переезда в новый дом все ноги были в синяках. Она не знала, откуда они появились, и обратилась за разъяснением к батюшке в церковь. Батюшка объяснил ей, что синяки на её ногах наставили *домовой* (которого бабушка пригласила к себе в новый дом из предыдущего) и *домовой* (которого предыдущие хозяева не забрали с собой в новый дом). Оба *домовых* щипали бабушку за ноги, чтобы побудить её к тому, чтобы старые хозяева забрали с собой своего *домового* в новое жилище, так как два «хозяина» в одном доме не уживаются, а дерутся меж собой» (с. Ново-Георгиевка).

Подобный случай описывает и Д.К. Зеленин: «Если он сердит на хозяев, то ночью стучит, щиплет спящих, а иногда даже выгоняет людей своими проделками из дому. Он бьет посуду, выбрасывает кочергу, кирпичи из печки и т. д. Последнее происходит обычно в тех случаях, когда в доме при старом *домовом* поселяются новые хозяева или же, когда кто-либо со зла впустит в дом чужого *домового*» [12, с. 413].

Если старые хозяева не позвали домашнего духа в новый дом, а новые – не задобрили его, то *домовой* сердится и может ночью сесть на грудь и душил хозяина дома (с. Аверьяновка).

При покупке нового дома нужно пригласить *домового* из старого дома в новый следующими слова-

ми: «Домовой, домовый, пошли со мной в новый дом!» (с. Александрия). При переходе в новый дом, его надо было позвать с собой следующим образом: «Хозяин мой, пойдём со мной!» (с. Тарумовка).

У русских основного этнического массива «переезжая на новое место, *домового* специально приглашали переехать вместе со всеми» [13, с. 39]. Существовал особый церемониал приглашения *домового* в новый дом. Его описывает Д.К. Зеленин: «В новый дом перебираются с огнем из старого очага, с хлебом или с тестом в квашне, с петухом и кошкой. Особо приглашают перебраться в новый дом *домового*. В подвал нового дома кладут для *домового* небольшой хлебец с солью и ставят чашку с водой» [12, с. 316]. С.В. Максимов так же отмечает, что при переезде в новый дом было принято «ходить в старый дом и с поклонами упрашивать *домового* духа пожаловать в новые хоромы, где в подызбице самой хозяйкой приготовлено ему угощение: присоленный небольшой хлебец и водка в чашке» [11, с. 25].

Как указывают информаторы, «*домовой* любит, когда с ним обращаются вежливо и почтительно, задобривают его угощением. Если же люди пренебрегали этими правилами, то он мстил хозяевам дома» (с. Аверьяновка). На эту черту его характера обращают внимание и другие авторы: «*Домовой* в общем не зол, но иногда он сердится на людей и тогда мстит им» [12, с. 413] – в доме пропадают вещи, достает из кухонного шкафа посуду, обливает водой кровати, гасит зажженные спички [9, с. 54].

Таким образом, двойственная природа (священное, потустороннее, хтоническое и демонические черты) *домового* и принадлежность к разным сферам сакрального пространства (верхний и нижний миры), предопределила его амбивалентность – он бывал как добродетелен человеку, так и злокозен.

Поверья, связывавшие пропажу вещей с домовым. Интересно отметить, что с *домовым* у дагестанских русских были связаны и некоторые поверья. Например, если в доме терялся нож или ложка, то считали это проделками *домового*. В таких случаях говорили: «*Домовой, домовый*, ну поиграл, отдай!» и вещь потом неожиданно находилась. На ночь нож на столе не оставляли, «чтобы *домовой* не забрал его себе и не воспользовался им» (ст. Александрия). Считалось, что *домовой* любит красть блестящие предметы, например, столовые приборы (ножи, ложки и вилки). Если в доме пропадала какая-либо вещь, то говорили: «*Домовой, домовый*, поиграй и отдай!» и она неожиданно находилась (с. Аверьяновка).

Как это видно, дагестанские русские пропажу столовых приборов связывали с *домовым*.

Задабривание и угощение. Для того чтобы *домовой* не мстил и не пакостил людям, его «задабривали» (с. Тарумовка), «подкармливали» (с. Некрасовка), «клали сладости» (с. Ново-Георгиевка), «сахар на блюдечке» (с. Таловка), «на столе оставляли сахар, соль, молоко» (с. Калиновка), «хлеб, молоко, печенье, соль, сахар» (с. Коктубей), «молоко, ржаной хлеб, сахар, конфеты, сладкую кашу со сливочным маслом» (с. Аверьяновка).

У русских основного этнического массива, «*домового* кормили по большим праздникам: на Новый год на чердак относили борщ и кашу, в заговенье перед Великим и Рождественским постами – блины, кусок мяса и чашку молока, на Пасху – крашеные яйца. Считалось, что в день Ефрема Сирина (10 февраля) у *домового* именины. В этот день ему оставляли кашу, цветные лоскутки, овечью шерсть» [13, с. 40].

Следует отметить, что в мифологиях народов мира молоко являлось «эликсиром жизни, возрождения и бессмертия», а угощение им было «метафорой доброты, заботы, сочувствия, изобилия и плодородия» [23, с. 104]. У славян в обрядах зерно, каша, блины и печеный хлеб так же символизировали плодородие [43, с. 37].

Итак, как это видно, по сложившейся у восточных славян традиции, *домового* задабривали и угощали символизировавшими плодородие сакральными продуктами – молоком, маслом, солью и сахаром, а также вареными и печеными зерновыми и мучными блюдами и изделиями.

Запугивание детей домовым и способы защиты от него. Несмотря на благодетельные и патронажные качества *домового*, его всё-таки опасались. Зимой вовремя не ложившихся спать детей пугали: «Ложись, а не то *домовой* придёт!» (с. Таловка).

То, что *домовым* детей пугали именно зимой, а не летом, не случайно, так как в соответствии с зимним периодом русского земледельческого календаря, «в январе–феврале, сочетаясь с культом «скотьего бога» Власия, совершались обряды умиловивления *домового*, которого «почесть надо». Обряды почитания *домового* приурочивались к дням Ефрема Сирина (28/1), Анны Пророчицы» (3/II) [44, с. 214]. Интересно отметить в этой связи, что у многих народов мира поминальные обряды и раздача еды беднякам совершаются «в зимние праздники, в традициях которых подчеркивается идея смерти и присутствия мертвых (в противовес весенним праздникам – дням самого яркого света, тепла, расцвета жизни)» [37, с. 48–49].

Несмотря на добродетельные и патронажные качества *домового*, тем не менее, он принадлежал к нечистой силе, и чтобы уберечься от его визитов, «читая молитвы, брызгали святой водой под кровать» (с. Коктюбей).

Как известно, окропление святой водой «означает очищение, святость, изгнание злых сил» [28, с. 224]. В славянской мифологии самыми сильными оберегами от чертей и прочих злых духов являлись нательный крест и святая вода [13, с. 108–109]. Правда, С.В. Максимов считал, что только святой крест служит «единственно верным и вполне могущественным средством против этой нечисти» [11, с. 37].

У русских Пошехонья «чтобы *домовой* не душил» не следовало «спать на спине, возле порогов или поперек пола» [24, с. 84–85]. На наш взгляд, эти запреты связаны с опасением вторжения человека в зоны обитания (порог) *домового*, что можно описать бинарными оппозициями: *зад* – *перед* (сон на спине), *вдоль* – *поперек*, *справа* – *налево* (поперёк пола).

Если же обереги не помогали, доведенные до отчаянья постоянными визитами *домового* люди давали ему отпор и наносили существенный ущерб. Контактировавшая с ним много раз женщина так описывает подобный случай: «Каждый день под утро *домовой* приходил ко мне, давил и душил меня. Мне всё это осточертело. Однажды я схватила его, вынесла во двор и изо всех сил ударила о ствол дерева. На фоне лучей встающего солнца были видны разлетающиеся брызги его крови. После этого случая, он больше ко мне не приходил. Видимо, я убила его» (с. Некрасовка).

Таким образом, оберегами от *домового* служили христианские молитвы и освещенная в церкви вода.

Домовой у других народов Северного Кавказа. Образ *домового* существовал в мифологиях и других народов Дагестана [45, с. 139–144]. Общими для восточных славян и дагестанцев являются его аморфные, зоо- и антропоморфные ипостаси, локусы обитания, время появления, амбивалентность, функция наваливаться и душить человека во сне, способность предсказывать судьбу и др. Эти аналогии можно объяснить древними ареальными контактами [46, с. 79]. Следует отметить некоторую условность отнесения к категории *домовых* мифологических персонажей народов Дагестана, приходящих в жилище для контакта с человеком извне, слабых их патронажных функциях [47, с. 131].

Домашние духи бытовали в мифологиях и других народов Северного Кавказа и мира. Например, по поверьям ингушей, «в каждом доме есть *тарам* (*домовой*) по числу женатых; *тарам* – добрый дух, но за дурные дела он наказывает смертью скот, детей и проч.» [48, с. 175]. Осетины верили в существование *Бынаты-хицау* – духа-покровителя дома, *домового*, «хозяина места». Он был невидимым хозяином жилища. В честь него существовал праздник, который отмечали в первую среду после дня зимнего солнцестояния [49, с. 72].

Заключение

Анализ ипостасей, локусов обитания, времени появления, способов и форм коммуникации *домового* с человеком, его патронажных и злокозненных действий, способов задабривания и защиты от него привёл нас к следующим выводам и обобщениям.

Возникший в эпоху распада первобытного общества, установления патриархата и формирования на базе соседской общины домохозяйств с их большими и малыми семьями мифологический персонаж *домовой* представляет собой сложный синкретический и амбивалентный образ. В его основе лежит почитание умерших предков и культ домашнего очага. Он представал в различных ипостасях (аморфный, зоо- и антропоморфный облики), но чаще всего – в образе старичка с бородой и седыми косматыми волосами. Локусами обитания *домового* являлось как всё пространство жилища, так и отдельные фиксированные его зоны. Обитание *домового* в зонах сакрального пространства является, на наш взгляд, причиной его амбивалентности (*добродетельность* – *злокозненность*).

Домовой являлся человеку в основном в тёмное время суток в фиксированных локусах. Такие сакральные континуумы и хронотопы как углы жилища, порог и дверной косяк, печная труба; тёмное время суток, полночь и полдень позволяли профанному времени и пространству быть проницаемыми для проникновения потусторонних персонажей в наш мир.

Общавшиеся с *домовым* люди наряду с телепатической, визуальной, аудиальной и дистанционной коммуникацией ощущали на себе и непосредственный тактильный контакт с ним. Чаще всего при контакте с человеком *домовой* был немой, однако наряду с молчанием он иногда проявлял себя различ-

ными шумами и звуками, что можно рассматривать как одну из форм иноговорения со сверхъестественным миром. Немота домового, издаваемые им шумы и звуки, а также способность предсказывать судьбу ещё раз подчеркивают его принадлежность к потустороннему миру.

Двойственная (сакральные и демонические черты) природа *домового* и принадлежность к разным сферам пространства (верхний и нижний миры), предопределила его амбивалентность – он бывал как добродетелен, так и злокознен. Для того чтобы *домовой* не пакостил людям, его задабривали и угощали символизировавшими плодородие сакральными продуктами. Оберегами от *домового* служили христианские молитвы и освещенная в церкви вода.

Основные параметры и характеристики *домового* у русских Дагестана совпадают с представлениями об этом персонаже у русских основного этнического массива. Это свидетельствует об устойчивости, преемственности и воспроизводстве через историческую память поколений основных образов русской мифологии.

Итак, можно сделать вывод, что представления о *домовом* сформировались у восточных славян в различные исторические эпохи и опосредованно отражают происходившие у них общественные, социально-экономические и культурные процессы. Дошедшие до нас реликты этого мифологического образа у русских Дагестана вселяют определенную надежду на сохранение их этнической, религиозной и культурной идентичности в эпоху глобализации.

Финансирование. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00208, <https://rscf.ru/project/23-28-00208/>.

Acknowledgements. The study was supported by the Russian Science Foundation, project No. 23-28-00208, <https://rscf.ru/project/23-28-00208/>.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

REFERENCES

1. Ризакханова М.Ш. Дагестанские русские. XIX – начало XX в.: Историко-этнографическое исследование. Махачкала: Институт ИАЭ ДНЦ РАН, 2001. 190 с.
2. Трут В.П. Казаки терские // Народы Юга России Энциклопедический словарь / Под ред. А.А. Озерова. Ростов-на-Дону: «Фонд науки и образования», 2016. С. 259–262.
3. Лугуев С.А., Мансуров М.Х. Русские // Народы Дагестана / Отв. ред. С.А. Арутюнов, А.И. Османов, Г.А. Сергеева. М.: Наука, 2002. С. 540–558.
4. Шмелева М.Н. Русские // Народы России: энциклопедия / Гл. ред. В.А. Тишков. М.: Науч. изд-во «Большая Российская Энциклопедия», 1994. С. 270–307.
5. Рогожин Т. Нечто из верований, поверий и обычаев жителей ст. Червленной, Кизлярского отдела, Терской области // СМОМПК. Тифлис, 1893. Вып. 16. С. 57–67.
6. Сефербеков Р.И. Из мифологии терских казаков // Из истории и культуры линейного казачества Северного Кавказа: Материалы Седьмой международной Кубанско-Терской научно-практической конференции / Под ред. Н.Н. Великой, С.Н. Лукаша. Армавир: Армавирский государственный педагогический университет, 2010. С. 47–49.
7. Энциклопедия сверхъестественных существ / Сост. К. Королев. М.: Локид–Миф, 1997. 538 с.
8. Иванов В.В., Топоров В.Н. Домовой // Мифы народов мира: Энциклопедия. В 2-х т. 2-е изд. / Гл. ред. С.А. Токарев. М.: Российская энциклопедия, 1994. Т. 1. С. 391–392.
9. Шлионская И. Энциклопедия нечистой силы. М.: Гелеос, 2005. 320 с.
10. Лосева И.Н., Капустин Н.С., Кирсанова О.Т., Тактмышев В.Г. Мифологический словарь. Ростов-на-Дону: «Феникс», 1997. 576 с.
11. Максимов С.В. Нечистая, неведомая и крестная сила. М.: ТЕРРА; «Книжная лавка – РТР», 1996. 272 с.
12. Зеленин Д.К. Восточнославянская этнография / Пер. с нем. К.Д. Цивинной. М.: Наука, 1991. 511 с.

1. Rizakhanova MSh. *Dagestani Russians. XIX – early XX centuries: Historical and ethnographic study*. Makhachkala: IIAE DSC RAS, 2001. (In Russ)
2. Trut VP. Terek Cossacks. In: A.A. Ozerov (ed). *Peoples of the South of Russia Encyclopedic Dictionary*. Rostov-on-Don: Fund for Science and Education, 2016. (In Russ)
3. Lugev SA., Mansurov MH. Russians. In: S.A. Arutyunov, A.I. Osmanov, G.A. Sergeeva (eds). *Peoples of Dagestan*. Moscow: Nauka, 2002: 540-558. (In Russ)
4. Shmeleva MN. Russians. In: VA. Tishkov (ed). *Peoples of Russia: Encyclopedia*. Moscow: Scientific Publishing House “Bolshaya Rossiyskaya Entsiklopediya”, 1994: 270-307. (In Russ)
5. Rogozhin T. Some of the Beliefs, Superstitions, and Customs of the Residents of Chervlennaya Station, Kizlyar Department, Terek Region. *SMOMPK*. Tiflis, 1893; 16: 57-67. (In Russ)
6. Seferbekov RI. From the Mythology of the Terek Cossacks. In: N.N. Velikaya, S.N. Lukash (eds). *From the History and Culture of the Linear Cossacks of the North Caucasus: Proceedings of the Seventh International Kuban-Terek Scientific and Practical Conference*. Armavir: Armavir State Pedagogical University, 2010: 47-49. (In Russ)
7. Korolev K. (comp). *Encyclopedia of supernatural beings*. Moscow: Lokid-Mif, 1997. (In Russ)
8. Ivanov VV., Toporov VN. Domovoy. In: SA. Tokarev (ed). *Myths of the peoples of the world: Encyclopedia. In 2 volumes, 2nd ed*. Moscow: Russian Encyclopedia, 1994; 1: 391-392. (In Russ)
9. Shlionskaya I. *Encyclopedia of evil spirits*. Moscow: Geleos, 2005. (In Russ)
10. Loseva IN., Kapustin NS., Kirsanova OT., Takhtmyshev VG. *Mythological dictionary*. Rostov-on-Don: Fenix, 1997. (In Russ)
11. Maksimov SV. *Unclean, unknown and godmotherly power*. Moscow: TERRA; “Book shop – RTR”, 1996. (In Russ)
12. Zelenin DK. *East Slavic ethnography*. Translated from German by K.D. Tsivina. Moscow: Nauka, 1991. (In Russ)

13. Капица Ф.С. Славянские традиционные верования, праздники и ритуалы: справочник. 8-е изд., стереотип. М.: ФЛИНТА, 2011. 296 с.
14. Басилов В.Н. Предков культ // Религиозные верования: Свод этнографических понятий и терминов / Отв. ред. В.Н. Басилов, И. Винкельман. М.: Наука, 1993. Вып. 5. С. 163–167.
15. Пропп В.Я. Русские аграрные праздники: (Опыт историко-этнографического исследования). СПб.: Terra–Азбука, 1995. 176 с.
16. Токарев С.А. Религиозные верования восточнославянских народов XIX – нач. XX в. М.: Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1957. 163 с.
17. Токарев С.А. Ранние формы религий и их развитие. М.: Наука, 1964. 400 с.
18. Першиц А.И., Трайде Д. Патриархат // Социально-экономические отношения и соционормативная культура: Свод этнографических понятий и терминов / Отв. ред. А.И. Першиц, Д. Трайде. М.: Наука, 1986. С. 131–133.
19. Першиц А.И., Трайде Д. Община // Социально-экономические отношения и соционормативная культура: Свод этнографических понятий и терминов / Отв. ред. А.И. Першиц, Д. Трайде. М.: Наука, 1986. С. 109–114.
20. Трайде Д. Домохозяйство // Социально-экономические отношения и соционормативная культура: Свод этнографических понятий и терминов / Отв. ред. А.И. Першиц, Д. Трайде. М.: Наука, 1986. С. 51.
21. Рыбаков Б.А. Язычество древней Руси. М.: Наука, 1987. 782 с.
22. Велимир Влх. Русское язычество и шаманизм. М.: Институт Общегуманитарных Исследований, 2006. 608 с.
23. Тресиддер Д. Словарь символов / Пер. с англ. С. Палько. М.: Фаир-Пресс, 2001. 448 с.
24. Балов А.В. Очерки Пошехонья // Этнографическое обозрение. 1901. № 4. С. 81–134.
25. Жуковская Н.Л. Очага культ // Религиозные верования: Свод этнографических понятий и терминов / Отв. ред. В.Н. Басилов, И. Винкельман. М.: Наука, 1993. Вып. 5. С. 147–148.
26. Криничная Н.А. Красный угол: об истоках и семантике сакрального локуса (по севернорусским материалам) // ЭО. 2009. № 2. С. 28–42.
27. Толстая С.М. Зеркало в традиционных славянских верованиях и обрядах // Славянский и балканский фольклор: Верования. Текст. Ритуал. М.: Наука, 1994. С. 111–129.
28. Кулер Дж. Энциклопедия символов. М.: «Золотой Век», 1995. 401 с.
29. Жуковская Н.Л. Пространство и время в мировоззрении монголов // Мифы, культы, обряды народов Зарубежной Азии. М.: Главная редакция восточной литературы, 1986. С. 118–135.
30. Элиаде Мирча. Священное и мирское / Пер. с фр., предисл. и коммент. Н.К. Гарбовского. М.: Изд-во МГУ, 1994. 144 с.
31. Дмитриев В.А. Концептуальное пространство традиционной культуры и пространственное поведение народов Северного Кавказа // Северный Кавказ: человек в системе социокультурных связей / Отв. ред. Ю.Ю. Карпов. СПб.: Петербургское востоковедение, 2004. С. 31–104.
32. Бесолова Е.Б. Язык и обряд: Похоронно-поминальная обрядность осетин в аспекте ее текстуально-вербального выражения. Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2008. 405 с.
33. Топоров В.Н. Древо мировое // Мифы народов мира: Энциклопедия. В 2-х т. 2-е изд. / Гл. ред. С.А. Токарев. М.: Российская энциклопедия, 1994. Т. 1. С. 398–406.
34. Афанасьев А.Н. Живая вода и вещее слово: сборник статей. М.: Советская Россия, 1988. 510 с.
35. Лауренкене Н. Представления о Месяце и интерпретация видимых на нем пятен в балтийской мифологии // Балто-славянские исследования XV: Сборник научных трудов / Пер. с литов. М.В. Завьяловой. М.: «Индрик», 2002. С. 360–385.
36. Криничная Н.А. Легенды о невидимом граде Китеже: контакты между мирами // ЭО. 2003. № 5. С. 87–99.
37. Серов С.Я. Календарный праздник и его место в европейской народной культуре // Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы: исторические корни и развитие обычаев. М.: Наука, 1983. С. 39–54.
38. Сагалаев А.М., Октябрьская И.В. Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири: Знак и ритуал. Новосибирск: Наука, Сиб. отд., 1990. 200 с.
13. Kapitsa FS. *Slavic traditional beliefs, holidays and rituals: reference book*. 8th ed., stereotype. Moscow: FLINTA, 2011. (In Russ)
14. Basilov VN. Ancestor cult. In: V.N. Basilov, I. Winkelman (eds). *Religious beliefs: A collection of ethnographic concepts and terms*. Moscow: Nauka, 1993; 5: 163–167. (In Russ)
15. Propp VYA. *Russian agrarian holidays: (An attempt at a historical and ethnographic study)*. St. Petersburg: Terra-Azbuka, 1995. (In Russ)
16. Tokarev SA. *Religious beliefs of the East Slavic peoples of the 19th – early 20th centuries*. Moscow-Leningrad: Publishing house of the USSR Academy of Sciences, 1957. (In Russ)
17. Tokarev SA. *Early forms of religions and their development*. Moscow: Nauka, 1964. (In Russ)
18. Pershits AI. Patriarchy. In: A. I. Pershits, D. Traide (eds). *Social and economic relations and socionormative culture: A collection of ethnographic concepts and terms*. Moscow: Nauka, 1986: 131–133. (In Russ)
19. Pershits AI., Traide D. Community. *Social and economic relations and socionormative culture: A collection of ethnographic concepts and terms*. Moscow: Nauka, 1986: 109–114. (In Russ)
20. Traide D. Household. *Social and economic relations and socionormative culture: A collection of ethnographic concepts and terms*. Moscow: Nauka, 1986: 51. (In Russ)
21. Rybakov BA. *Paganism of Ancient Rus*. Moscow: Nauka, 1987. (In Russ)
22. Velimir Vlkh. *Russian Paganism and Shamanism*. Moscow: Institute for General Humanitarian Research, 2006. (In Russ)
23. Tresidder D. *Dictionary of Symbols*. Translated from English by S. Palko. Moscow: Fair-Press, 2001. (In Russ)
24. Balov AV. Essays on Poshekhonye. *Ethnographic Review* (hereinafter referred to as EO). 1901; 4: 81–134. (In Russ)
25. Zhukovskaya NL. Hearth Cult. In: V.N. Basilov, I. Winkelman (eds). *Religious Beliefs: A Collection of Ethnographic Concepts and Terms*. Moscow: Nauka, 1993; 5: 147–148. (In Russ)
26. Krinichnaya NA. Red Corner: On the Origins and Semantics of the Sacred Locus (Based on Northern Russian Materials). *EO*. 2009; 2: 28–42. (In Russ)
27. Tolstaya SM. Mirror in Traditional Slavic Beliefs and Rituals. In: *Slavic and Balkan Folklore: Beliefs. Text. Ritual*. Moscow: Nauka, 1994: 111–129. (In Russ)
28. Cooper J. *Encyclopedia of Symbols*. Moscow: Zolotoi Vek, 1995. (In Russ)
29. Zhukovskaya N.L. Space and Time in the Worldview of the Mongols. In: *Myths, Cults, and Rites of the Peoples of Foreign Asia*. Moscow: Vostochnaya Literatura, 1986, pp. 118–135.
30. Mircea Eliade. *Sacred and Profane*. Translated from French, foreword and commentary by N.K. Garbovsky. Moscow: MSU Press, 1994.
31. Dmitriev V.A. Conceptual Space of Traditional Culture and Spatial Behavior of the Peoples of the North Caucasus. In: Karpov Yu. Yu. (ed). *North Caucasus: Man in the System of Sociocultural Ties*. Saint-Petersburg: Petersburg Oriental Studies, 2004: 31–104. (In Russ)
32. Besolova EB. *Language and ritual: Funeral and memorial rites of the Ossetians in the aspect of their textual and verbal expression*. Vladikavkaz: IPO SOIGSI, 2008. (In Russ)
33. Toporov VN. The world tree. In: S.A. Tokarev (ed). *Myths of the peoples of the world: Encyclopedia. In 2 volumes. 2nd ed*. Moscow: Russian Encyclopedia, 1994.; 1: 398–406. (In Russ)
34. Afanasyev AN. *Living water and prophetic word: a collection of articles*. Moscow: Sovetskaya Rossiya, 1988. (In Russ)
35. Laurenkene N. Ideas about the Moon and the interpretation of the spots visible on it in Baltic mythology. In: *Balto-Slavic studies XV: Collection of scientific works*. Translated from Lithuanian by M.V. Zavyalova. Moscow: Indrik, 2002: 360–385. (In Russ)
36. Krinichnaya NA. Legends of the Invisible City of Kitezh: Contacts between Worlds. *EO*. 2003; 5: 87–99. (In Russ)
37. Serov SYa. Calendar Holiday and Its Place in European Folk Culture. In: *Calendar Customs and Rituals in the Countries of Foreign Europe: Historical Roots and Development of Customs*. Moscow: Nauka, 1983: 39–54. (In Russ)
38. Sagalae AM., Oktyabrskaya I.V. *Traditional Worldview of the Turks of Southern Siberia: Sign and Ritual*. Novosibirsk: Nauka, Siberian Branch, 1990. (In Russ)
39. Pomerantseva EV. *Mythological characters in Russian folklore*. Moscow: Nauka, 1975. (In Russ)

39. Померанцева Э.В. Мифологические персонажи в русском фольклоре. М.: Наука, 1975. 192 с.

40. Гордеев Н.П. Змея в обрядово-религиозных системах различных народов // ЭО. 2002. № 6. С. 45–60.

41. Дмитриева С.И. Былички и бывальщины Русского Севера (в связи с этнокультурной историей края) // Мировоззрение и культура севернорусского населения / Отв. ред. И.В. Владова. М.: Наука, 2006. С. 69–87.

42. Голан А. Миф и символ. 2-е изд. М.: Руслит, 1994. 375 с.

43. Лаврентьева Л.С. Символические функции еды в обрядах // Фольклор и этнография: Проблемы реконструкции фактов традиционной культуры: сборник научных трудов. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1990. С. 37–47.

44. Чичеров В.И. Зимний период русского земледельческого календаря XVI–XIX веков: (Очерки по истории народных верований). М.: Изд-во АН СССР, 1957. 236 с.

45. Seferbekov R.I. The House-Spirit (*Domovoj*) in Dagestan // Iran and the Caucasus. Leiden-Boston: BRILL, 2015. № 19. P. 139–144.

46. Сефербеков Р.И. К характеристике мифологического персонажа «домовой» у народов Дагестана // Лавровские (среднеазиатско-кавказские) чтения 2002–2003 гг.: Тезисы докладов. СПб.: МАЭ РАН, 2003. С. 78–79.

47. Сефербеков Р.И. Персонажи низшей мифологии народов Дагестана. Махачкала: ИИАЭ ДФИЦ РАН, 2019. 360 с.

48. Далгат Б. Материалы по обычному праву ингушей // Многоликая Ингушетия / Сост. М.С.-Г. Албогачева. СПб.: Изд-во «Айю», 1999. С. 167–231.

49. Тменов В.Х., Бесолова Е.Б., Гоновоблев Е.Н. Религиозные воззрения осетин (история религии в истории народа): Хрестоматия для учителей, преподавателей и студентов средних и высших учебных заведений РСО-Алания. Владикавказ: Владикавказский научный центр РАН, 2000. 503 с.

40. Gordeev NP. The snake in the ritual and religious systems of various peoples. *EO*. 2002; 6: 45–60. (In Russ)

41. Dmitrieva S.I. Bylichki and byvalshchina of the Russian North (in connection with the ethnocultural history of the region). In: I.V. Vlasova (ed). *Worldview and culture of the Northern Russian population*. Moscow: Nauka, 2006: 69–87. (In Russ)

42. Golan A. *Myth and symbol*. 2nd ed. Moscow: Russlit, 1994. (In Russ)

43. Lavrentieva L.S. Symbolic Functions of Food in Rituals. In: *Folklore and Ethnography: Problems of Reconstruction of Facts of Traditional Culture: Collection of Scientific Papers*. Leningrad: Nauka, Leningrad Branch, 1990: 37–47. (In Russ)

44. Chicherov VI. *Winter Period of the Russian Agricultural Calendar of the 16th–19th Centuries: (Essays on the History of Folk Beliefs)*. Moscow: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1957. (In Russ)

45. Seferbekov R.I. The House-Spirit (*Domovoy*) in Dagestan. *Iran and the Caucasus*. Leiden-Boston: BRILL, 2015; 19: 139–144. (In Russ)

46. Seferbekov R.I. On the Characteristics of the Mythological Character “*Domovoy*” among the Peoples of Dagestan. In: *Lavrov (Central Asian-Caucasian) Readings 2002–2003: Abstracts of Reports*. Saint-Petersburg: MAE RAS, 2003: 78–79. (In Russ)

47. Seferbekov R.I. *Characters of the Lower Mythology of the Peoples of Dagestan*. Makhachkala: IHAЕ DFRC RAS, 2019. (In Russ)

48. Dalgat B. Materials on the Customary Law of the Ingush. In: M.S.-G. Albogachieva (ed). *The Many Faces of Ingushetia*. St. Petersburg: Aiyu Publishing House, 1999: 167–231. (In Russ)

49. Tmenov VKh., Besolova EB., Gonoboblev EN. *Religious views of the Ossetians (history of religion in the history of the people): Reader for teachers, lecturers and students of secondary and higher educational institutions of the Republic of North Ossetia-Alania*. Vladikavkaz: Vladikavkaz Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, 2000. (In Russ)

СПИСОК ИНФОРМАТОРОВ

1. Гололобова Нина Николаевна, 1959 года рождения, с. Калиновка Тарумовского района РД.
2. Горохова Лариса Павловна, 1958 года рождения, с. Тарумовка Тарумовского района РД.
3. Гурская Светлана Семеновна, 1948 года рождения, с. Александрия Кизлярского района РД.
4. Дрокина Любовь Николаевна, 1967 года рождения, с. Ново-Георгиевка Тарумовского района РД.
5. Еременко Рита Адольфовна, 1966 года рождения, с. Ново-Георгиевка Тарумовского района РД.
6. Жукова Людмила Георгиевна, 1954 года рождения, с. Кардоновка Кизлярского района РД.
7. Исаева Эмилия Алексеевна, 1966 год рождения, с. Аверьяновка Кизлярского района РД.
8. Кочеткова Ксения Мартыновна, 1946 года рождения, с. Некрасовка Кизлярского района РД.
9. Магомедалиева Кристина Юрьевна, 1986 года рождения, с. Ново-Георгиевка Тарумовского района РД.
10. Миронова Светлана Михайловна, 1973 года рождения, с. Коктыубей Тарумовского района РД.
11. Назирбекова Ольга Павловна, 1965 года рождения, с. Александрия Кизлярского района РД.
12. Техкилова Наталья Владимировна, 1959 года рождения, с. Калиновка Тарумовского района РД.
13. Трушкина (Додосова) Надежда Ивановна, 1978 года рождения, с. Ново-Георгиевка Тарумовского района РД.
14. Шабанова Любовь Николаевна, 1972 года рождения, с. Калиновка Тарумовского района РД.
15. Шпак Любовь Николаевна, 1967 года рождения, с. Ново-Георгиевка Тарумовского района РД.
16. Яковенко Татьяна Дмитриевна, 1947 года рождения, с. Таловка Тарумовского района РД.

Поступила в редакцию 11.01.2024 г.

Принята в печать 01.03.2024 г.

Опубликована 15.12.2024 г.

LIST OF INFORMANTS

1. Gololobova Nina Nikolaevna, born in 1959, village of Kalinovka, Tarumovsky district, RD.
2. Gorokhova Larisa Pavlovna, born in 1958, village of Tarumovka, Tarumovka district, RD.
3. Gurskaya Svetlana Semenovna, born in 1948, village of Aleksandriya, Kizlyarsky district, RD.
4. Drokina Lyubov Nikolaevna, born in 1967, village of Novo-Georgievka, Tarumovka district, RD.
5. Eremenko Rita Adolfova, born in 1966, village of Novo-Georgievka, Tarumovka district, RD.
6. Zhukova Lyudmila Georgievna, born in 1954, village of Kardonovka, Kizlyarsky district, RD.
7. Isaeva Emilia Alekseevna, born in 1966, village of Averyanovka, Kizlyarsky district, RD.
8. Kochetkova Ksenia Martynovna, born in 1946, village of Nekrasovka, Kizlyarsky district, RD.
9. Magomedalieva Kristina Yurievna, born in 1986, village of Novo-Georgievka, Tarumovsky district, RD.
10. Mironova Svetlana Mikhailovna, born in 1973, village of Koktyubey, Tarumovsky district, RD.
11. Nazirbekova Olga Pavlovna, born in 1965, village of Aleksandriya, Kizlyarsky district, RD.
12. Tekhkiлова Natalya Vladimirovna, born in 1959, village of Kalinovka, Tarumovsky district, RD.
13. Trushkina (Dodosova) Nadezhda Ivanovna, born in 1978, village of Novo-Georgievka, Tarumovsky district, RD.
14. Shabanova Lyubov Nikolaevna, born in 1972, village of Kalinovka, Tarumovsky district, RD.
15. Shpak Lyubov Nikolaevna, born in 1967, village Novo-Georgievka, Tarumovsky district, RD.
16. Yakovenko Tatyana Dmitrievna, born in 1947, village Talovka, Tarumovsky district, RD.

Received 11.01.2024

Accepted 01.03.2024

Published 15.12.2024

Научное издание

Литературный редактор
Л.Ш. Капанова

Переводы на английский язык
М.Р. Сефербеков

Верстка
С.Ш. Раджабова

Подписано в печать 10.12.2024. Формат 60x84 ¹/₈
Гарнитура Georgia.